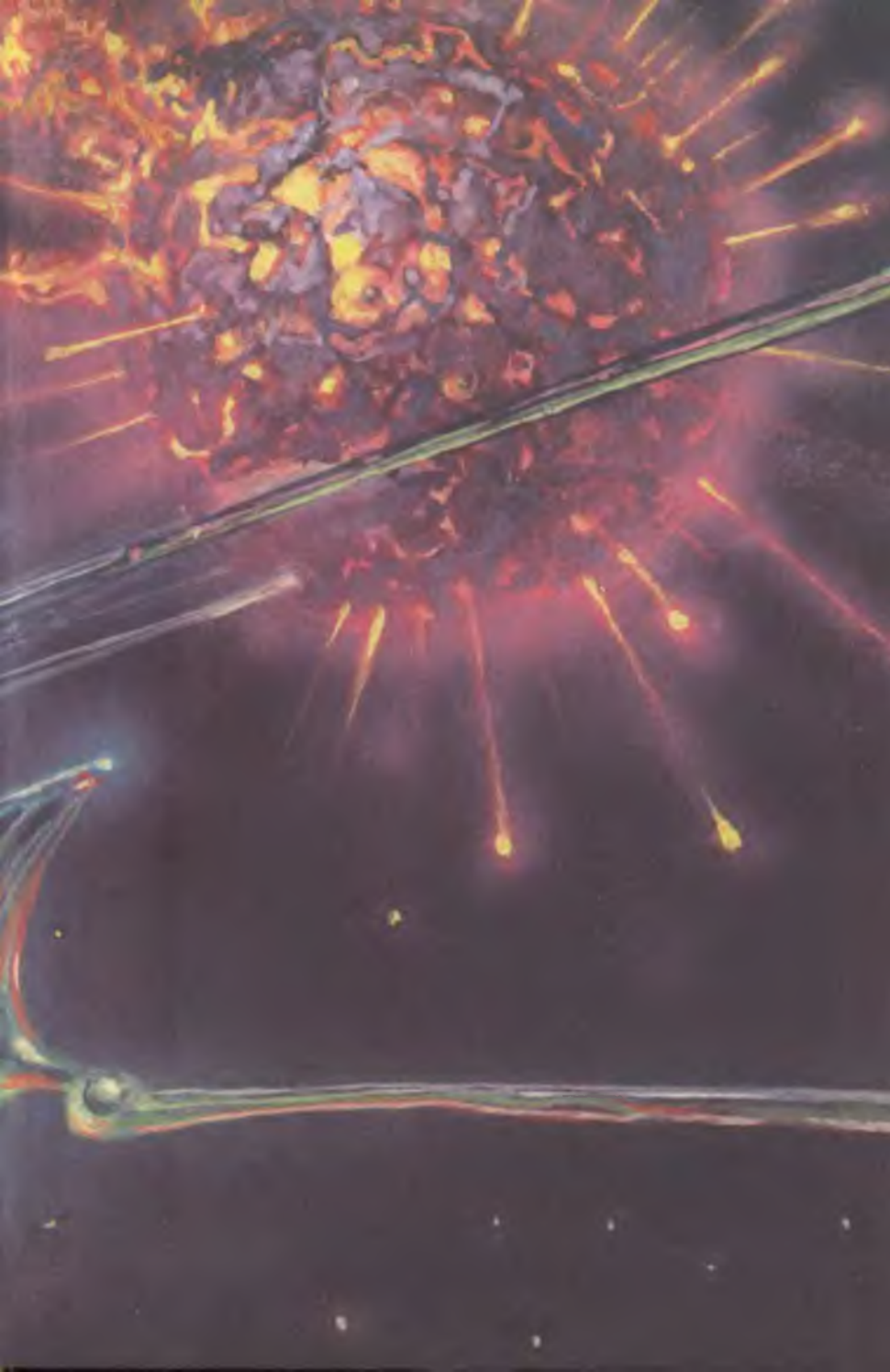

МИРЫ
ДЖОНА
УИНДЕМА

ДЖОН УИНДЕМ

Сканировал и создал книгу - vtakhankov

WORLDS OF JOHN WYNDHAM

Volume four

CHOCKY

WEB

THE SEEDS OF TIME

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Том четвертый

ЧОККИ

ПАУТИНА

СЕМЕНА ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Джона Уиндема. Т. 4 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 415 с.

В четвертом томе собрания сочинений Джона Уиндема читатель найдет короткие романы «Чокки» и «Паутина», а также сборник рассказов «Семена времени». В первом из этих романов Чокки — воображаемый товарищ детских игр сына главного героя — оказывается вовсе не игрой фантазии, а доброжелательным пришельцем, вступившим в контакт с сознанием мальчика.

«Паутина» предостерегает нас от излишнего антропоцентризма. Маленькие паучки, наделенные способностью к совместным действиям, легко изгоняют людей с острова Танакуатуа. А завершают том блистательные рассказы известного писателя.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Chocky

Copyright © 1968

by the Estate of John Wyndham

Web

Copyright © 1979

by Vivian Beynon Harris and Brian Bowcock

The Seeds of Time

Copyright © 1956

by the Estate of John Wyndham

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1995

Чокки

© Н. Трауберг, перевод

Паутина

© Л. Михайлова, перевод, 1995

ISBN 5-88132-252-5

ЧОККИ

ГЛАВА 1

Я узнал о Чокки весной того года, когда Мэтью исполнилось двенадцать. В конце апреля или в начале мая — во всяком случае весной, потому что в этот субботний день я без особого пыла смазывал косилку в сарае и вдруг услышал под окном голос Мэтью. Я удивился: я и не знал, что он тут, рядом. Он с явным раздражением отвечал кому-то, а вот кому — непонятно.

— Почему я знаю? Так уж оно есть.

Я решил, что он привел в сад приятеля и тот спросил его о чем-то по дороге. Я ждал ответа, но так и не дождался. И тут снова заговорил мой сын, сменив гнев на милость:

— Ну, время, за которое Земля оборачивается вокруг своей оси, — это сутки, и в них двадцать четыре часа, и..

Он замолчал, словно его прервали, но я ничего не услышал.

— Не знаю я почему! — снова ответил он. — И ничем тридцать два не лучше! Всем известно, что двадцать четыре часа — это сутки, а семь суток — неделя...

Его прервали опять. Он возразил:

— Нет, не глупо! Семь не глупей восьми. (Пауза.) А зачем ее делить на четвертушки? Ну зачем? В неделе семь дней — и все! А четыре недели — это месяц, только в нем тридцать дней или тридцать один... Нет, тридцать два никогда не бывает! Дались тебе эти тридцать два!.. Да, я понял, просто нам такой недели не надо... И вообще Земля делает оборот вокруг Солнца за триста шестьдесят пять дней. Все равно ты их не разделишь на твои половинки и четвертушки.

Мое любопытство было настолько возбуждено этим односторонним разговором, что я осторожно выглянул из окна. Мэтью сидел под самым окном на перевернутом ведре, привалившись к нагретой солнцем кирпичной стенке, и я увидел сверху его светловолосую макушку. Смотрел он, по-видимому, на кусты, что росли по ту сторону газона. Но в этих

кустах, да и вообще нигде вокруг никого не было. Однако Мэтью продолжал:

— В году двенадцать месяцев. — его снова прервали, и он чуть-чуть склонил голову набок, словно прислушивался. Прислушался и я, однако не услышал ни словечка, даже шепотом.

— Совсем не глупо! — возразил он. — Одинаковые месяцы в год не втиснешь, хоть ты их...

Он снова оборвал фразу, но на этот раз прервавший его голос был слышен весьма отчетливо. Это крикнул Колин, соседский мальчишка, в саду за стеной. Мэтью мгновенно преобразился — серьезность слетела с него, он вскочил, взревел и помчался по газону к дырке в нашем заборе.

Я же принялся за косилку, и все это не шло у меня из головы, но шум, поднятый мальчишками в соседнем саду, немного успокоил меня.

Я постарался не думать об этом, но позже, когда дети легли, мне снова стало не по себе.

Беспокоил меня не этот разговор — дети, в конце концов, часто говорят сами с собой; я удивился тому, на какую тему говорили, и не понимал, почему Мэтью так упорно и явно верил в присутствие невидимого собеседника. Наконец я спросил:

— Мэри, ты ничего не замечала странного... или... нет, как бы это получше выразиться?... необычного, что ли... у Мэтью?

Мэри опустила вязанье.

— А, и ты заметил! — Она взглянула на меня. — Да, «странное» — не то слово. Он слушал невидимку? Или говорил сам с собой?

— И то и другое. Это с ним давно?

Она подумала.

— В первый раз я это заметила... ну, дней двадцать назад...

Я не очень удивился, что так долго ничего не замечал: на неделе я мало вижу детей.

— Беспокоиться не стоит, — говорила Мэри. — Детская блажь... Помнишь, он был машиной, углы огибал, тормозил. Слава Богу, это скоро кончилось. Надо думать, и тут недолго протянется...

В голосе ее было больше надежды, чем уверенности.

— Ты не волнуешься за него? — спросил я.

Она улыбнулась:

— Ну что ты! Он в порядке. Я больше волнуюсь за нас.

— За нас?

— Может, нам грозит новый Пиф

Мне стало не по себе.

— Ну нет! — вскинулся я. — Только не Пиф!

Мы с Мэри встретились шестнадцать лет назад и через год поженились. Встречу нашу можно приписать и совершенной случайности, и чрезмерной предусмотрительности судьбы, смотря как взглянуть.

Во всяком случае обычной она не была, и — насколько нам обоим помнится — нас никто никогда не знакомил.

К тому времени я несколько лет работал не за страх, а за совесть в фирме «Энсли и Толбой» что на Бедфорд-сквер, и как раз тогда меня сделали младшим компаньоном. Теперь уж я не помню, почему я решил как-то особенно, по-новому провести лето — то ли хотел отпраздновать повышение, то ли просто устал, а может, тут было и то и другое.

Теоретически я мог поехать куда угодно. В действительности же не все было мне по карману, и времени могло не хватить, и за пределы Европы тогда не очень выезжали. Но, в сущности, и в Европе много хороших мест.

Поначалу я носился с мыслью о круизе по Эгейскому морю. Залитые солнцем острова манили меня, я тосковал по лазури вод, и пение сирен уже ласкало мой слух. К несчастью, оказалось, что все места, кроме недоступного мне первого класса, проданы до октября.

Потом я решил просто побродить по Европе, беззаботно шагая от деревни к деревне; но, поразмыслив, понял, что моих школьных знаний французского будет маловато.

Тогда, как и тысячи других людей, я стал помышлять о туристической поездке; в конце концов, вам покажут много интересных мест. Я снова подумал о Греции, но, сообразив, что добираться до нее очень долго, даже если и делать по сто миль в день, нехотя отложил это на будущее и сосредоточил внимание на более доступных мне красотах Рима.

Мэри Босворт в эти дни была без работы. Она только что окончила Лондонский университет и не знала, кому нужны — и нужны ли вообще — ее познания в истории. Они с подругой после экзаменов решили отправиться за границу для расширения кругозора. Правда, у них были разногласия насчет того, куда ехать. Мэри тянуло в Югославию. Подруга ее, Мелисса Кэмпли, стремилась в Рим — из принципа, а главное потому, что такую поездку она считала

паломничеством. Сомнения Мэри — может ли паломник ехать поездом — она отмела и стояла на том, что путешествие с гидом, снабжающим вас по пути ценными сведениями, ничуть не хуже поездки верхом, одобренной сомнительными историями*. Спор кончился сам собой: туристическое агентство сообщило, что набирает группу туристов для путешествия в Рим.

За два дня до отъезда Мелисса заболела свинкой. Мэри обзвонила друзей, но никто не смог собраться так быстро, и ей пришлось отправиться одной туда, куда ехать не хотелось.

Так цепочка помех и уступок привела к тому, что мы с Мэри и двадцатью пятью другими туристами сели в розовый с желтым автобус, и, сверкая золотыми буквами, он повез нас к югу Европы.

Но в Рим мы так и не попали.

Кое-как устроившись на ночь в гостинице у озера Комо, где удобства были ниже всякой критики, а еда — и того хуже, мы проснулись в одно лучезарное утро и, глядя на то, как солнце сгоняет туман с ломбардских холмов, поняли, что дело наше плохо. И гид, и шофер, и автобус исчезли.

После бурного совещания мы решили послать срочную телеграмму в агентство; ответа не было.

Время шло, настроение портилось — не только у нас, но и у хозяина. Кажется, он ждал к вечеру новых туристов. Наконец они прибыли, и наступил полный хаос.

Все начали снова совещаться, и вскоре стало ясно, что мы с Мэри — единственные одиночки — не можем рассчитывать на постели; стащив из ресторана стулья полегче, мы расположились на них. Все же лучше, чем на полу.

Наутро ответ от агентства все еще не пришел. Мы снова послали срочную телеграмму. Кое-как нам удалось раздобыть кофе и булочек.

— Так далеко не уедешь, — сказал я Мэри за завтраком.

— Как по-вашему, — спросила она, — что случилось?

Я пожал плечами:

— Может, агентство обанкротилось. Эти двое — шофер и гид — как-то узнали и поспешили смыться.

— Вы думаете, не стоит тут ждать?

— Конечно. А деньги у вас есть?

* Намек на «Кентерберийские рассказы» Чосера, где описывается паломничество к мощам святого Фомы Бекета.

— До дома доехать не хватит. Фунтов пять-шесть и лир тысячи четыре. Я думала, мне много не надо.

— И я так думал. У меня фунтов десять, а лир совсем мало. Давайте подумаем, как нам быть.

Мэри огляделась. Наши спутники раздраженно спорили или мрачно молчали.

— Ладно, — согласилась она.

Мы взяли чемоданы, вышли и сели у дороги ждать автобуса. Он привез нас в городок, где была железнодорожная станция, и оттуда мы поехали в Милан. Консул не очень нам обрадовался, но с облегчением вздохнул, когда узнал, что мы просим лишь денег для проезда домой вторым классом.

Следующей весной мы поженились. Это оказалось не так просто. У Мэри было столько родных, что на свадьбе я чуть не задохнулся.

Мои родители скончались за несколько лет до моей свадьбы; родных у меня мало, так что с моей стороны были только Алан Фрум — мой шафер, дядя с тетей, две кузины, старший партнер по фирме и несколько друзей. Все остальное пространство в церкви занимали Босворты. Там были родители Мэри; ее старшая сестра Дженет с мужем, четырьмя детьми и явными признаками пятого; другая старшая сестра — Пэшенс, с тремя детьми; братья Эдвард (Тед) и Фрэнсис (Фрэнк), с женами и неисчислимым количеством детей; дяди, тети, кузины, друзья, приятели и просто знакомые — все столь плодовитые, что церковь уподобилась яслям или школе. Выдавая замуж последнюю дочку, мой тесть решил устроить все на славу, и это ему удалось.

Мы немного пришли в себя и решили воплотить в жизнь заветную мечту — провести медовый месяц в Югославии и на греческих островах.

Потом мы купили домик в Чешанте — оттуда было легко доехать почти до всех Босвортов.

Когда мы его покупали, мне, помнится, стало чуть-чуть не по себе, словно я почувствовал, что поступаю не совсем благоразумно; однако я приписал это личному предубеждению. Я не привык к родственным связям, не знал их с детства, а то, что я видел, мне не очень понравилось, но ради Мэри я решил стать настоящим членом клана. Она-то к родным привыкла! К тому же, думал я, ей будет не так одиноко при моих отъездах в город.

Намерения мои были благими, но все вышло не так, как думалось. Я скоро понял, что из меня не сделаешь полноцен-

ного представителя клана; боюсь, это поняли и другие. И всё же, быть может, со временем я нашел бы себе место в клане, если б не особые обстоятельства.

В первый же год после нашего знакомства Дженет родила пятого и поговаривала о том, что шесть — более круглое число. Другая сестра, Пэшенс, поспешила создать квартет. Фрэнк тоже подарил Мэри племянника, и ее то и дело приглашали в крестные матери. У нас же не было надежд на появление ребенка.

Прошло два года с тех пор, как мы поженились, а ребенка все не было. Мэри сменила старого доктора на нового и, не поверив ему, отправилась к третьему. Третий тоже сказал, что беспокоиться не о чем... но Мэри беспокоилась.

Я, надо сказать, не знал, к чему такая спешка. Мы были молоды, и времени у нас хватало — все впереди! Мне даже хотелось пожить свободно еще несколько лет, и я говорил об этом Мэри.

Она соглашалась, но только для проформы. Создавалось впечатление, что она благодарна мне за притворство, но уверена, что сам я страдаю так же, как она.

Я не понимаю женщин. Никто их не понимает. А сами они понимают себя хуже всех. Например, ни я, ни они не могли бы сказать, почему им так хочется поскорее родить: биологическая ли это потребность или тут играют роль и другие факторы — желание оправдать надежды близких, доказать свою нормальность, укрепить семью, утвердить себя, убедиться, что ты совсем взрослая, не отстать от людей, выдержать соревнование. Не знаю, какой из этих факторов весомее и есть ли иные, но все вместе оказывают мощное воздействие. Стоит ли говорить, что замечательнейшие из женщин — скажем, Елизавета I или Флоренс Найтингейл* — не утвердили, а потеряли бы себя, роди они ребенка. В мире, где и так хватает детей, все еще мечтают о детях.

Я начал сильно беспокоиться.

— Она с ума сходит, — говорил я Алану. — И совершенно зря. Доктора уверяют ее, что все в порядке, и я уверяю — но тут все горе в том, что очень уж давит среда. Весь ее клан помешан на детях, они больше ни о чем не говорят. Сестры рожают и рожают, и невестки, и подружки, и

* Флоренс Найтингейл (1820—1910) — одна из первых женщин — медицинских сестер, организатор фронтовой службы милосердия.

с каждым новорожденным Мэри чувствует себя все более неполноценной. Я теперь не знаю — да и она не знает, — хочет она ребенка для себя или это что-то вроде соревнования.

Алан ответил так:

— Думаешь, ты прав? Вряд ли. Очень ли важно, в инстинкте дело или в среде? Она хочет ребенка, вот что главное, очень хочет. Мне кажется, выход тут один.

— Да, Господи, мы столько советовались...

— Я хочу сказать — надо бы найти замену. Как ты считаешь?

И мы усыновили Мэтью.

Какое-то время казалось, что все улажено. Мэри очень его полюбила, и дел у нее прибавилось. А кроме того, теперь она могла толковать о детях, как все. Как все? Нет, не совсем... Когда прошел первый восторг, Мэри поняла, что все же она не совсем полноценная мать.

— Мы переезжаем, — сказал я Алану месяцев через шесть.

— Куда? — спросил он.

— Да я нашел тут местечко в Хиндмере. Хороший дом, побольше этого, и стоит повыше. Меньше похоже на город. Воздух, говорят, лучше.

Он кивнул.

— Так, так, — сказал он и снова кивнул. — Правильно.

— Ты о чем?

— Далеко отсюда. На другом конце Лондона... А Мэри что думает?

— Она очень рада. Вообще она теперь редко радуется, — но попробовать ей хочется. — Я помолчал. — Иного выхода нет. Я очень боялся, что она вот-вот сорвется. Увезу ее от этих влияний. Пусть ее родственники услаждаются своей плодovitостью, а ей лучше пожить самостоятельно. В новом месте никто не будет знать, что Мэтью — не ее сын, если она сама не скажет. Кажется, это и до нее дошло.

— Да, лучше не придумашь, — отвечал Алан.

Так оно и было, Мэри ожила. Через несколько недель она совсем оправилась, завела друзей и нашла себе место в жизни.

А через год мы сами стали ждать ребенка.

Я сказал двухлетнему Мэтью, что у него появилась сестричка. К моему удивлению, он заплакал. Не без труда я допытался, что он ждал овечку. Но парень быстро смирился и отнесся к Полли с большой ответственностью.

Так мы стали хорошей и правильной семьей из четырех человек — правда, одно время нас было пятеро. К нам присоединился Пиф.

ГЛАВА 2

Пиф был невидимый маленький друг. Полли завела его лет в пять, и, пока он был с нами, он нам очень мешал.

Вот ты садишься на пустой стул, и вдруг тоскливый вопль удерживает тебя в самой неустойчивой позе — ты чуть не задавил Пифа. Любое твое движение могло обеспокоить неприкосновенную тварь, и Полли кидалась утешать ее, самозабвенно бормоча что-то о неосторожных злых папах. Часто в самый разгар телеспектакля или бокса из детской, сверху, раздавался зов; в большинстве случаев Пифу хотелось попить. Когда, зайдя в кафе, мы вчетвером сидели за столик, Полли отчаянно молила изумленную официантку принести пятый стул. Или в машине включишь сцепление, а дети тут же взвоят — оказывается, Пиф еще не сел, надо открыть дверцу. Как-то раз я отказался взять Пифа на прогулку и зря — моя жестокость омрачила весь день.

Для существа своей породы Пиф был не слишком долговечен. Он пробыл с нами добрую часть года, которая показалась нам длинней, чем была, а летом его обидели. Увлечшись более осязаемыми друзьями, Полли бессердечно покинула его, и в город мы вернулись вчетвером.

Я был рад его исчезновению, но пожалел беднягу, обреченного навеки бродить по пустынным пляжам Сассекса. И все-таки без него стало легче — кажется, и самой Полли. И вот теперь Мэри намекнула, что нам грозит еще один такой друг. Об этом страшно было и подумать.

— Да, — печально ответил я. — К счастью, этого быть не может. Пиф годится для маленькой девочки. Если одиннадцатилетний парень хочет кем-нибудь командовать, у него всегда найдутся мальчишки поменьше.

— Ох, надеюсь, ты прав, — неуверенно сказала Мэри. — Хватит с нас одного Пифа.

— Тут совсем другое, — продолжал я. — Если помнишь, Пифа вечно бранили, и он кротко терпел. А этот все ругает, обо всем судит...

Мэри удивилась:

— Как это? Я не понимаю...

Я повторил, как мог, все, что слышал.

Мэри нахмурилась.

— Ничего не пойму, — сказала она.

— Очень просто. В конце концов, календарь — условность...

— Нет, Дэвид! Для детей — нет! Для мальчика это закон природы, как день и ночь или зима и лето. В неделе семь дней, иначе быть не может.

— Мэтью примерно так и отвечал. Понимаешь, казалось, будто он спорит с кем-то... или с самим собой. В любом случае — дело темное.

— Наверное, он спорил с тем, что ему в школе сказали — учитель или кто еще.

— Да, наверное, — согласился я. — И все равно неясно. Кажется, теперь кое-кто хочет, чтобы в каждом месяце было по двадцать восемь дней. Но чтобы в неделе — восемь, а в месяце — тридцать два... нет, такого я не слышал. — Я подумал немного. — Ничего не выйдет. Куда-то надо деть еще девятнадцать дней. — Я покачал головой. — Во всяком случае, я не хотел бы раздувать из этого историю. Просто разговор мне показался необычным и все. А ты ничего не замечала?

Мэри снова опустила вязанье и пристально изучала узор.

— Нет... не то чтобы... Иногда он что-то бормочет, но бормочут все дети. Боюсь, я не очень прислушивалась... Понимаешь, не хотела помогать рождению нового Пифа. Но вот что важно: он теперь все время спрашивает...

— Теперь! — повторил я. — А раньше он не спрашивал?

— Сейчас — по-другому. Понимаешь, раньше он спрашивал, как все... А теперь...

— Я не заметил никаких перемен.

— Да, он и по-старому спрашивает, но еще и по-новому, иначе.

— Как же это?

— Ну, вот хотя бы: «почему у людей два пола?» Он говорит, зачем нужны два человека, чтобы сделать одного? И еще — «где Земля?» Нет, подумай — как это «где»? По отношению к чему? Он знает, что она вращается вокруг Солнца, но где само Солнце? И еще много другого — совсем не те вопросы, что прежде.

Я ее понимал. Раньше Мэтью спрашивал много и о разном, но интересы его были ближнего прицела, скажем «почему тут гайка?» или «почему лошади едят одну траву, а мы так не можем?»

— Взрослеет? — предположил я. — Кругозор расширяется?

Мэри поглядела на меня с упреком:

— Милый, я о том и твержу. Ты мне другое скажи почему он расширяется, почему так вот, сразу, изменились у Мэтью интересы?

— А что? Ты как думала? Для того и ходят в школу, чтоб интересы стали шире.

— Да, да, — сказала она и снова нахмурилась. — Но это не то, Дэвид. Он не просто развивается. Он как будто перепрыгнул на другую дорожку... Стал другим, иначе на все смотрит. — Она помолчала, все еще хмурясь, и прибавила: — Надо бы знать побольше о его родителях. В Полли я вижу и тебя, и себя. Смотришь — и чувствуешь: что-то развивается. А с Мэтью не за что ухватиться. Не знаешь, чего ждать.

Я понял ее — хотя не очень уж верю, что в ребенке видны родители. И еще я понял, куда идет наш разговор. Через два-три раунда мы уткнемся в проблему среды и наследственности. Чтобы этого избежать, я сказал:

— Надо слушать и наблюдать — так, незаметно, — пока впечатления не станут отчетливей. Зачем зря беспокоиться? Может, это скоро пройдет.

И мы решили положиться на время.

Однако следующий же день принес новые впечатления.

Для воскресной прогулки мы с Мэтью выбрали берег реки.

Я не сказал ему о подслушанном разговоре и говорить не собирался, но присматривался к нему — правда, без особых успехов. Вроде бы он был как всегда. Быть может, думал я, он стал чуть-чуть внимательней? Немножко лучше понимает нас? Иногда мне так казалось, но я не был уверен и подозревал, что это я стал внимательней к нему. Примерно с полчаса он задавал свои обычные вопросы, пока мы не добрались до фермы «У пяти вязов».

Дорога шла через луг, и штук двадцать коров тупо глядели на нас. И тут с Мэтью что-то случилось. Когда мы почти пересекли поле и подошли к перелазу через плетень, он замедлил шаг, остановился и стал смотреть на ближнюю корову. Она тоже глядела на него не без тревоги. Когда они насмотрелись друг на друга, Мэтью спросил:

— Папа, почему коровы не идут дальше?

Сперва вопрос показался мне одним из ста тысяч «почему», но Мэтью очень уж вдумчиво смотрел на свою

корову. Ей это, по-видимому, не нравилось. Она замотала головой, не сводя с него стеклянного взгляда. Я решил ответить серьезно

— Ты о чем? — спросил я. — Как это «дальше»?

— Понимаешь, она идет-идет и остановится, как будто ей дальше не пройти. А почему?

Я все еще не понял.

— Куда идет?

Корова потеряла интерес к Мэтью и ушла. Он пристально глядел ей вслед.

— Ну подумай, — снова начал он. — Когда Альберт подходит к воротам, коровы знают, что их сейчас начнут доить. Они знают, в какое стойло идти, и ждут его там. А когда он всех передоит, он снова отпирает ворота, и они знают, что надо идти обратно. Дойдут до поля и станут. А зачем? Шли бы и шли.

Я понемногу начал понимать.

— Ты думаешь, они вдруг глупеют? — спросил я.

— Да, — кивнул Мэтью. — Они ведь не хотят тут пастись — увидят дыру в плетне и сразу уходят. Так почему бы им просто не открыть ворота и не выйти? Они бы могли.

— Ну... не умеют, наверное, — предположил я.

— Вот именно, папа. А почему? Они сто раз видели, как Альберт открывал. У них хватает ума запомнить свое стойло. Почему бы им не запомнить, как он открывает ворота? Они ведь кое-что понимают, а такое простое не поймут. Что у них в голове, интересно?

Я стал говорить об ограниченных умственных способностях животных, но это совсем сбilo его с толку. Он мог понять, что у многих ума нет. Нет и нет. Но если уж он есть, почему он ограничен? Как же это могут быть границы у разума?

Мы проговорили весь остаток пути, и, входя в дом, я уже хорошо понял, что Мэри имела в виду. Раньше наш Мэтью и спрашивал, и спорил иначе. Я сказал ей об этом, и она согласилась, что пример убедительный.

Впервые мы услышали о Чокки дней через десять. Быть может, это случилось бы позже, если б Мэтью не простудился в школе. У него поднялась температура, мы его уложили, и, когда начинался сильный жар, Мэтью бредил. Иногда он не знал, с кем говорит — со мной, с Мэри или с Чокки. Этот Чокки явно тревожил его, и Мэтью несколько раз принимался с ним спорить.

На второй вечер температура сильно подскочила. Мэри позвала меня наверх. Бедняга Мэтью был совсем плох. Он пылал, лоб его покрылся потом, а голова металась по подушке, словно он хотел из нее что-то вытряхнуть. Устало и отчаянно он твердил: «Нет, Чокки, нет! Не сейчас! Я не пойму. Мне спать хочется. Ой, не надо... замолчи-и. Уйди!.. Не могу я тебе сказать». Он снова заметался и вынул руки из-под одеяла, чтобы заткнуть уши. «Чокки, перестань! Заткнись!»

Мэри подошла и положила ему руку на лоб. Он открыл глаза и узнал ее.

— Ой, мама, я так устал! Прогони ее. Она не понимает. Пристала ко мне...

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я пожал плечами. Она присела на кровать, приподняла Мэтью и поднесла к его губам стакан апельсинового сока.

— Ну вот, — сказала она, когда он выпил сок. — А теперь ложись и постарайся заснуть.

Мэтью лег.

— Я хочу заснуть, мама. А Чокки не понимает. Он говорит и говорит. Пожалуйста, скажи, чтоб он замолчал.

Мэри снова положила руку ему на лоб.

— Ну, ну, — успокаивала она, — поспи, сразу легче станет.

— Нет, ты скажи ей, мама. Она меня не слушает. Прогони ее!

Мэри нерешительно посмотрела на меня. Теперь она пожала плечами, но тут же нашлась. Глядя куда-то поверх головы Мэтью, она заговорила, и я узнал старый прием времен Пифа.

— Чокки, — ласково, но твердо сказала она, — пожалуйста, дайте ему отдохнуть. Ему нехорошо, Чокки, он должен поспать. Я вас очень прошу, не трогайте его сейчас. Если завтра ему станет лучше, вы приходите.

— Видишь? — сказал Мэтью. — Ты должен уйти, Чокки, а то мне будет хуже. — Он прислушался, а потом решительно ответил: — Да.

Кажется, игра удалась. Даже точно — удалась. Он лег и явно успокоился.

— Ушла, — сказал он.

— Вот и ладно, — сказала Мэри. — Теперь лежи тихо.

Мэтью послушался, устроился поудобней и затих. Почти сразу глаза его закрылись, и через несколько минут он

заснул. Мы с Мэри поглядели друг на друга. Мэри укрыла его лучше и приспособила поближе звонок. Мы на цыпочках пошли к двери, погасили свет и спустились вниз.

— Ну, — сказал я, — что нам со всем этим делать?

— Как странно, правда? — сказала Мэри. — Господи, милый, в нашей семье поселился еще один Пиф!

Я налил нам обоим ликеру, протянул Мэри рюмку и поднял свою.

— Будем надеяться, этот окажется полегче, — я поставил рюмку и посмотрел на нее. — Знаешь, тут что-то не то. Я тебе уже говорил, Пифов выдумывают маленькие девочки. Но чтобы парень одиннадцати лет... Так не бывает. Надо бы кого-нибудь спросить...

Мэри кивнула:

— Да. А самое странное — вот что. Он как будто сам не знает, какого Чокки рода. Дети всегда знают точно, «он» или «она». Это очень важно для них.

— Это и для взрослых важно, — ответил я, — но я тебя понимаю. Ты права. Да, очень странно... Все тут странно.

Наутро температура у Мэтью упала. Он быстро выздоровел. Очевидно, оправился и его друг и простил, что его на время выгнали.

Чокки перестал быть тайной — по-моему, тут очень помогло то, что ни я, ни Мэри не проявили недоверия; и Мэтью нам кое-что поведал.

Начнем с того, что Чокки был (или была) много лучше Пифа. Он(а) не занимал(а) пустых стульев и не чувствовал(а) себя плохо в кафе. Вообще у Чокки явно не было тела. Он(а) как бы только присутствовал(а), а слышал его (ее) один Мэтью, и то не всегда. Бывали дни, когда Мэтью совсем о нем (о ней) забывал. В отличие от Пифа Чокки не совался(лась) повсюду и не просился(лась) в уборную во время проповеди. Из двух невидимок я предпочитал Чокки.

Мэри была не столь уверена в своем выборе.

— Как ты думаешь, — спросила она однажды вечером, поглядывая искоса на петли своего вязанья, — правы ли мы, что ему подыгрываем? Ты не хочешь разрушить то, что создано его воображением и так далее, но пойми, никто ведь не знает, где тут остановиться. Получается какой-то замкнутый круг. Если каждый будет притворяться, что ве-

рит во всякую чушь, как же дети научатся отличать правду от вымысла?

— Осторожней! — сказал я. — Ты коснулась опасной темы. Это во многом зависит от того, сколько народу верит в вымысел.

Она не приняла шутливого тона и продолжала:

— Грустно будет, если мы потом обнаружим, что эту фантазию надо было не укреплять, а развенчивать. Может, спросить психиатра? Он хоть скажет, нормально это или нет.

— Я бы не стал раздувать из этого историю, — возразил я. — Лучше оставить все как есть. Пиф исчез сам по себе, и вреда от него не было.

— Я не хочу посылать Мэтью к доктору. Я думала сама пойти посоветоваться, нормально это или нет. Мне будет легче, когда я узнаю.

— Если хочешь, я займусь расспросами, — сказал я. — Но, по-моему, это несерьезно. Вроде книг, понимаешь? Мы читаем книгу, а дети ее выдумывают, живут ею. Меня другое волнует: возраст у него не тот. Наверное, скоро это кончится. А не кончится — спросим врача.

Признаюсь, я говорил не слишком искренне. Кое-какие вопросы Мэтью меня здорово озадачили — они были вроде бы «не его», а главное — теперь, когда мы признали Чокки, он и не пытался выдать их за свои. Он часто начинал так: «Чокки не знает...», «Чокки хочет знать...», «Чокки говорит, ей интересно...»

Я отвечал, хотя мне казалось, что Мэтью ведет себя очень уж по-детски. Еще больше меня беспокоило, что он упорно считает себя посредником, переводчиком.

Во всяком случае, я решил выяснить хотя бы одно.

— Вот что, — сказал я, — не могу понять, какого Чокки пола. «Он» это или «она»? А то мне очень трудно отвечать тебе.

Мэтью не спорил.

— Да, нелегко, — сказал он. — Я тоже так думал и спросил, но Чокки не знает.

— Вон оно что! — сказал я. — Странно. Обычно это знает всякий.

Мэтью не спорил и тут.

— Понимаешь, Чокки не такой, — серьезно поведал он. — Я объяснил все как есть, а он не понял. Это очень редко бывает — по-моему, он ведь очень умный. Он сказал, что у

нас все нелепо, и спросил, почему мы так устроились. А я не знаю. И никто не знает, я спрашивал. И ты не знаешь, папа?

— М-м-м... Как тебе сказать... Не совсем... — признался я. — Так уж оно есть... Природа такая...

Мэтью кивнул:

— И я то же самое сказал — ну, примерно то же самое. Наверное, я плохо объяснил, потому что он говорит — если это на самом деле так глупо, все-таки должно быть какое-то объяснение. — Он помолчал немного, и, когда начал снова, в голосе его трогательно сочетались обида и сожаление: — У него выходит, что все самое обыкновенное глупо. Мне даже немножко надоело. Например, он животных ругает. Не пойму, за что — разве они виноваты, что у них не очень много ума?

Мы поговорили еще. Я не скрывал заинтересованности, но не хотел быть навязчивым. По истории с Пифом я помнил, что лучше не слишком давить на воображение. То, что я узнал на этот раз, уменьшило мое расположение к Чокки. Он (или она) не отличался(лась) покладистостью. Кроме того, очень уж серьезны были эти разговоры. Вспоминая нашу беседу, я понял: Мэтью даже и не помышлял, что Чокки менее реален, чем мы, и тоже начал склоняться к тому, что надо побывать у психиатра...

Одно мы, во всяком случае, выяснили: в каком роде употреблять связанные с Чокки слова. Мэтью объяснил так:

— Чокки говорит совсем как мальчик, но, понимаешь, не о том, о чем мальчики разговаривают. А иногда он бывает такой вредный, как старшие сестры... Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю, и, поговорив еще немного, мы решили, что лучше все-таки отнести Чокки к мужскому роду.

Когда я рассказывал Мэри об этом разговоре, она задумчиво смотрела на меня.

— Все же как-то яснее, когда это «он», а не «оно», — объяснял я. — Легче его представить, и общаться легче, чем с каким-то бестелесным, расплывчатым существом. Мэтью кажется, что Чокки не очень похож на его приятелей...

— Вы решили, что Чокки — «он», потому что так вам легче с ним общаться, — проговорила Мэри.

— Ну знаешь, такой чепухи... — начал я, но махнул рукой. По ее отсутствующему взгляду я понял, что зря потрачу время.

Она помолчала, подумала и медленно произнесла:

— Если это у него не пройдет, мы недели через две почувствуем, что и мораль, и медицина, и общество требуют от нас каких-то действий.

— Я бы держал его подальше от психиатров, — сказал я. — Когда ребенок знает, что он — «интересный случай», возникает куча новых бед.

Она помолчала — наверное, перебирала в уме знакомых детей. Потом кивнула. И мы решили посмотреть, что будет дальше.

Однако все вышло не так, как мы думали.

ГЛАВА 3

— Тише! — заорал я. — Тише вы, оба!

Мэтью удивленно воззрился на меня, Полли — тоже. Потом и Мэтью, и Полли повернулись к матери. Мэри изо всех сил сохраняла безучастный вид. Губы ее чуть-чуть поджались, и, не говоря ни слова, она покачала головой. Мэтью молча доел пудинг, встал и вышел; от обиды он держался очень прямо. Полли прожевала последний кусок и громко всхлипнула. Я не растрогался.

— Чего ты плачешь? — спросил я. — Сама начала.

— Иди-ка сюда, — сказала Мэри, вынула платок, вытерла ей мокрые щеки и поцеловала. — Ну вот. Понимаешь, папа не хотел тебя обидеть. Он тысячу раз говорил, чтобы ты не задирала Мэтью. Особенно за столом. Говорил ведь, а?

Полли засопела. Она смотрела вниз и крутила пуговицу.

— Нет, правда, — сказала Мэри, — не ссорься ты с ним. Он же с тобой не ссорится. Когда вы ругаетесь, нам очень плохо, да и тебе не сладко. Ну, попробуй, всем лучше будет.

Полли оторвала взгляд от пуговицы.

— Я пробую, мама! — заревела она. — Ничего не выходит.

Мэри дала ей платок.

— А ты еще попробуй, хорошо?

Полли постояла тихо, кинулась к выходу и выбежала, хлопнув дверью.

Я встал и закрыл дверь.

— Мне очень жаль, — сказал я, возвращаясь. — Мне даже стыдно, но сама посуди... За две недели мы ни разу не пообедали без скандала. И всегда начинается Полли. Она его

мучает и пилит, пока не доведет. Прямо не знаю, что это с ней — они всегда так ладили...

— Да, ладили, — кивнула Мэри. — До недавних пор.

— Новый этап? — предположил я. — У детей все какие-то этапы. Пока они через это перевалят, совсем измотаешься. Каждый этап плох на свой лад.

— Может, и так, — задумчиво сказала Мэри. — Только... У детей такого не бывает.

Удивившись ее интонации, я взглянул на нее. Она спросила:

— Разве ты не видишь, что мучает девочку?

Я тупо глядел на нее. Она объяснила:

— Самая обычная ревность. Хотя... для того, кто ревнует, ревность всегда необычна.

— Ревнует? — переспросил я.

— Да, ревнует.

— К кому же? К чему? Не понимаю!

— Чего ж тут не понять? К Чокки, ясное дело.

Я воззрился на нее:

— Какой бред! Чокки просто... ну, не знаю, кто он такой... то есть — она... оно... Его нет, просто нету.

— Что с того? Для Мэтью он есть — значит, есть и для Полли. Ты сам сказал, они всегда ладили. Полли восхищается Мэтью. Он все ей говорил, она ему помогала и очень этим гордилась. А теперь у него новый друг. Она не нужна. Как тут не взревнуешь?

Я растерялся.

— Вот теперь ты говоришь так, словно Чокки на самом деле есть.

Мэри взяла сигарету.

— Что значит — «есть»? Бесы и ведьмы есть для тех, кто в них верит. И Бог тоже. Для тех, кто живет верой, неважно, что есть, чего нет. Вот я и думаю — правы ли мы? Мы ему подыгрываем, он все больше верит, Чокки все больше есть... Теперь и для Полли он есть — она ведь к нему ревнует. Это уже не игра... Знаешь, мне это не нравится. Надо бы посоветоваться...

Я понял, что на сей раз она говорит серьезно.

— Ладно, — сказал я, — может быть... — Но тут раздался звонок.

Я открыл дверь и увидел человека, которого несомненно знал, но никак не мог припомнить. Я уж было подумал, что он связан с родительским комитетом, как тот представился сам.

— Здравствуйте, мистер Гор. Вы, наверное, меня не помните. Моя фамилия Тримбл, я преподаю математику вашему Мэтью.

Когда мы вошли в гостиную, Мэри его узнала.

— Здравствуйте, мистер Тримбл. Мэтью наверху, готовит уроки. Позвать его?

— Нет, миссис Гор. Я хотел видеть именно вас. Конечно, из-за него.

Я предложил гостю сесть и вынул бутылку виски. Он не возражал.

— Вы чем-то недовольны, да? — спросил я.

— Что вы, что вы! — поспешил заверить мистер Тримбл. — Совсем нет. Надеюсь, ничего, что я зашел? Я не по делу, скорее из любопытства. — Он снова помолчал, глядя то на меня, то на Мэри. — Это вы математик, да? — спросил он меня.

Я покачал головой:

— Не пошел дальше арифметики.

— Значит, вы, миссис Гор?

Теперь головой покачала она:

— Что вы, мистер Тримбл! Я и арифметики-то не знаю.

Тримбл удивился, даже как будто огорчился.

— Странно, — сказал он, — а я думал... Может, у вас есть такой родственник или друг?..

Головой покачали мы оба. Мистер Тримбл удивился еще больше.

— Странно... — повторил он. — Кто-нибудь ему да помогал... верней, подавал мысли... как бы тут выразиться... — он заторопился. — Я всей душой за новые мысли! Но, понимаете, две системы сразу — это скорей собьет ребенка, запутает... Скажу откровенно, ваш Мэтью не из вундеркиндов. До недавних пор он учился как все — ну, чуть лучше. А теперь... Как будто его кто подталкивает, дает материал, но слишком сложный... — Он снова помолчал и прибавил смущенно: — Для математического гения это бы ничего... он бы даже удовольствие получал... а для вашего Мэтью трудновато. Он сбивается, отстает.

— Я тоже буду с вами откровенным, — отвечал я. — Ничего не понимаю. Он что, рвется вперед, перепрыгивает через ступеньки?

— Нет, нет! Тут просто столкнулись разные системы. Ну, словно думаешь на двух языках сразу. Сперва я не понимал, в чем дело, а потом нашел обрывки черновика. Вот, взгляните.

Он склонился над бумагой и писал не меньше получаса. Мы явно разочаровали его, но кое-что я понял и перестал удивляться путанице в голове у Мэтью.

Тримбл касался недоступных мне областей математики, и я простился с ним не без облегчения. Однако нас тронуло, что он ради Мэтью тратит собственное время, и мы обещали разобраться в этой истории.

— Прямо не пойму, кто бы это мог быть, — сказала Мэри, когда мы вернулись в гостиную. — Вроде бы он мало кого видит...

— Наверное, у них в школе есть вундеркинд, — предположил я. — Заинтересовал его вещами, которые ему еще не осилить. Правда, я никого такого не припомню. Ну да ладно — попробую доискаться, в чем тут дело.

Я отложил это до субботы. Когда Мэри убрала со стола и увела Полли, мы с Мэтью вышли на веранду. Я вынул карандаш и нацарапал на полях газеты:

Д Н Д Д Н Н Д Д

— Что это? — спросил я.

— Сто семьдесят девять, — сказал Мэтью.

— А почему бы просто не написать 179?

Мэтью объяснил мне двоичную систему — примерно как Тримбл.

— Что же это, легче, по-твоему? — спросил я.

— Не всегда, — сказал Мэтью, — делить трудно.

— Зачем же идти кружным путем? Разве по-обычному не проще?

— Понимаешь, так ведет счет Чокки. Он не умеет по-нашему. Он говорит, очень глупо возиться с десятью дурацкими цифрами потому, что у нас десять пальцев на руке. Тут и двух пальцев хватит.

Я смотрел на бумажку и думал, как быть. Значит, Чокки... Мог бы и сам догадаться.

— Что ж, когда Чокки считает, он так и говорит Д и Н?

— Ну, вроде того... Не совсем... Это я их зову Д и Н — вместо «да» и «нет», чтоб легче было.

Я раздумывал, как справиться с новым вторжением Чокки; надо полагать, вид у меня был растерянный — и Мэтью снова стал терпеливо объяснять.

— Понимаешь, папа, сто — это ДДННДНН. Начиная справа. 1 — нет, 2 — нет, 4 — да, 8 — нет, 16 — нет, 32 — да, 64 — да. Сложи все Д, получишь сотню. Так все числа можно написать.

Я кивнул:

— Ясно, Мэтью. А теперь вот что скажи — как ты это узнал?

— Я же говорил, папа! Так Чокки считает.

Мне снова захотелось усомниться в существовании Чокки, но я рассудительно сказал:

— Ну а он откуда взял? Вычитал где-нибудь?

— Не знаю, папа. Кто-нибудь его научил, — неуверенно отвечал Мэтью.

Я вспомнил кое-какие математические загадки, которые задал мне Тримбл, выложил Мэтью и не удивился, что для Чокки и это — дело привычное.

Вдруг Мэтью как-то встряхнулся и пристально взглянул на меня.

— Папа, ты ведь не думаешь, что я сумасшедший?

Я смутился; мне казалось, что я сумел это скрыть.

— Ну что ты! Кто тебе это сказал?

— Колин.

— Ты не говорил ему про Чокки?

— Нет! Я никому не говорил, только тебе и маме... И Полли, — печально прибавил он.

— Молодец, — похвалил я его. — Я бы тоже никому не сказал. А что же Колин?

— Я его спросил, может, он слышал — есть люди, у которых внутри кто-то разговаривает? — серьезно объяснил Мэтью. — А он говорит, не слышал, и вообще это первый признак у сумасшедших. Этих, которые слушают голоса, сажают в сумасшедший дом или жгут, как Жанну д'Арк. Ну, я и хотел узнать...

— А, вон оно что! — сказал я уверенным тоном, который не соответствовал моим чувствам. — Это совсем другое дело. — Я лихорадочно и тщетно искал мало-мальски убедительную разницу. — Он имел в виду голоса, которые пророчат или, скажем, подбивают людей на всякие глупости. Те голоса ни о чем не спрашивают и не учат бинарной системе. Наверное, он читал про такие голоса, а тебя не совсем понял. Ты не беспокойся, не стоит.

Кажется, я говорил убедительней, чем думал. Мэтью радостно кивнул.

— Я бы очень не хотел сойти с ума, — сказал он. — Понимаешь, я совсем не сумасшедший.

Мэри я рассказал только о первой части нашей беседы — я чувствовал, что вторая ничего не даст, а ее растревожит.

— Все сложнее и сложнее, — говорил я. — Считается, что дети часто делают открытия, но они им рады, они

гордятся собой. Что-то тут не то... Зачем приписывать другому свои успехи? В этом есть что-то ненормальное. А все-таки его интересы стали шире. Он теперь больше замечает. И потом, у него появилась какая-то ответственность. Тут вот что важно: может ли повредить такой кружной подход? Этот твой Тримбл вроде бы не очень доволен?

— Ах да! — перебила меня Мэри. — Я получила записку от мисс Тоуч, их географички. Я не все поняла, но в общем, кажется, она благодарит нас за то, что мы поощряем интерес к ее предмету, и тактично намекает, что слишком подталкивать его не надо.

— Опять Чокки? — спросил я.

— Не знаю. Боюсь, Мэтью задавал ей такие же странные вопросы, как мне, — где Земля и все в этом роде.

Я подумал.

— Может, изменим тактику? Перейдем в наступление?

— Нет, — сказала Мэри. — Чокки спрячется. То есть Мэтью перестанет нам доверять и замолчит, будет хуже.

Я потерял лоб.

— Трудно это все... И поощрять глупо, и мешать... что же нам делать?

ГЛАВА 4

Во вторник мы все еще думали и гадали, как нам быть.

В тот день по пути домой я забрал новую машину — автомобиль с прицепом, о котором давно мечтал. Прицеп был большой, просторный, и багажник немалый. Мы все уселись в машину и проехали немножко для пробы. Машина меня хорошо слушалась, и я понял, что привяжусь к ней. Мои были просто в восторге и, подъезжая к дому, решили держать теперь голову выше. Потом я оставил машину у гаража (мы собирались с Мэри в гости) и прошел к себе, с тем чтобы написать до ужина письмо.

Примерно через четверть часа я услышал громкий голос Мэтью. Слов я не разобрал, но понял, что он с кем-то сердито спорит. Выглянув в окно, я увидел, что прохожие останавливаются и не без удовольствия смотрят через забор. Я пошел разобраться, что к чему. Мэтью, весь красный, стоял неподалеку от машины и что-то кричал. Я направился туда.

— Что случилось, Мэтью? — спросил я.

Он обернулся. Сердитые детские слезы текли по его красным щекам. Пытаясь что-то выговорить, он схватил мою руку обеими руками. Я посмотрел на машину, подозревая,

что все дело в ней. Она была вроде бы в порядке. Тогда я увел Мэтью подальше от зрителей, сел в кресло на веранде и посадил мальчика к себе на колени. Еще никогда в жизни я не видел его в таком состоянии. Он трясся от гнева, задышался, плакал. Я обнял его.

— Ну, ну, старина! Успокойся! — говорил я.

Мало-помалу он затих и стал дышать чуть ровнее. Наконец он глубоко вздохнул. Я дал ему платок.

— Прости меня, папа, — сказал он сквозь платок, громко сопя.

— Да ладно. Не торопись.

Мэтью опустил платок и сжал его в кулаке; дышал он еще тяжело. Потом заплакал снова, но уже иначе. Снова утерся, снова вздохнул и стал приходить в себя.

— Прости меня, папа, — повторил он. — Кажется, прошло.

— Молодец, — отвечал я, — кто же тебя обидел?

Он ответил не сразу.

— Машина...

Я удивился:

— Машина? Господи помилуй! Она как будто в порядке. Что она тебе сделала?

— Ну, не сама машина, — пояснил Мэтью. — Она очень хорошая, я думал — она прямо люкс, и Чокки понравится. Я ее показал и стал объяснять, как и что.

— А ему не понравилась? — догадался я.

Что-то екнуло у Мэтью в горле, но он взял себя в руки и твердо продолжал:

— Он сказал, она дурацкая... и страшная... и нелепая. Он... над ней смеялся!

Воспоминание об этой чудовищной несправедливости снова вывело его из себя, но он победил свой гнев. Я всерьез обеспокоился. Мне совсем не понравилось, что мнимое существо вызвало такую истерику. Я пожалел, что мало знаю о симптомах шизофрении. Ясно было одно: развешивать Чокки — не время, а сказать что-то надо.

— Что ж в ней смешного? — спросил я.

Мэтью засопел, помолчал и снова засопел.

— Да все! — мрачно заявил он. — Мотор дурацкий, и устарел, и неэкономно... и вообще глупо. Что за машина, если ей нужны тормоза! Должна сама останавливаться. И почему нужны рессоры — потому что едешь по земле на колесах, а на них еще какие-то сосиски? Я говорю, машины все такие, а наша — новая и очень хорошая. А он говорит, чепуха, наша машина дурацкая, и опасная, и только дурак

может выдумать такую громыхалку, и дурак на ней поедет. А потом... я не все помню, я очень рассердился. И плевать мне на этого Чокки! Наша машина — первый класс.

Тяжелый случай... Сердился он искренне; было ясно, что мальчик перенес настоящую яростную схватку. Я больше не сомневался, что надо посоветоваться с психиатром, а то сделаешь неверный шаг. Однако я не сдался.

— Какой же должна быть машина, по его мнению? — спросил я.

— Вот и я так спросил! — сказал Мэтью. — А он говорит — там, у них, машины без колес. Они едут немножко над землей и совсем бесшумно. Он сказал, для наших машин нужны дороги, и скоро все они друг друга передавят. А хорошие машины просто не могут врезаться друг в друга.

— Да, это было бы неплохо, если удастся сделать, — согласился я. — Только где — «у них»?

Мэтью нахмурился:

— Мы никак не разберемся. Понимаешь, когда неизвестно, где все остальное, не поймешь, где ты сам.

— Ты хочешь сказать, у вас нет точки отсчета? — предположил я.

— Да, наверное, так, — неуверенно отвечал Мэтью. — Я думаю, он живет очень далеко. Там все другое.

Я хмыкнул и пошел другим путем.

— А сколько ему лет?

— Да хватает, — сказал Мэтью. — У них там другое время. Мы подсчитали, что по-нашему ему лет двадцать. Только он говорит, что проживет века два, так что двадцать — это еще немного. Он считает, что очень глупо жить лет до семидесяти.

— Он многое считает глупым, — заметил я.

Мэтью пылко закивал.

— Ой, много! — согласился он. — Чуть не все.

— Прискорбно... — сказал я.

— Иногда надоедает, — признал он.

Тут Мэри позвала нас ужинать.

Я совершенно не знал, что делать. По-видимому, у Мэтью хватило осторожности, и он не рассказал приятелям про Чокки. Наверное, он решил поделиться с Полли новым другом — и зря. Но говорить ему с кем-то надо, а после

истории с машиной надо было и выплакаться, для чего я очень подходил.

Когда я рассказал Мэри про машину, она предложила спросить нашего домашнего врача, к кому же лучше обратиться. Я был против. Эйкот — приличный лекарь, но мне казалось, что для этого дела у него кишка тонка. И потом, Мэтью его не любил и ему бы не доверился. Скорей он обиделся бы, что мы его выдали, и замкнулся бы в себе.

Мэри подумала и согласилась со мной.

— А все-таки, — сказала она, — дело зашло так далеко, что пускать на самотек уже нельзя. Надо что-то делать. К случайному психиатру не будешь обращаться. Нужен хороший, подходящий, чтоб кто-нибудь его знал...

— Кажется, есть, — сказал я. — Алан недавно вспоминал одного нашего парня из Кембриджа, некоего Лендиса. Рой Лендис. Алан с ним дружил, и сейчас они видятся. Этот Лендис как раз занялся психиатрией. Он бы нам подсказал, с кем посоветоваться. А может, это по его специальности. Попробуем, а?

— Хорошо, — согласилась Мэри. — Замани его сюда. Все лучше, чем сидеть сложа руки.

Время и профессиональный навык творят чудеса. В элегантном человеке с бородкой, который пришел в клуб, чтобы с нами пообедать, я с трудом узнал неряху-студента и подумал, что его внешний вид внушает доверие и немножко пугает. Мне стало чуть-чуть не по себе.

Тем не менее я прыгнул в воду. Я подчеркнул, что нам срочно нужен совет, и рассказал про Мэтью. Слушая меня, Лендис становился все проще и внимательней. История с машиной очень заинтересовала его. Он задал несколько вопросов; я ответил, как мог, и во мне родилась надежда. Потом он согласился приехать к нам через неделю и объяснил, как подготовить почву. И я со спокойной совестью доложил Мэри, что дело наконец сдвинулось с места.

Назавтра я сказал Мэтью:

— Знаешь, вчера я обедал с моим старым другом. Наверное, он тебе понравится.

— У-гу, — промычал Мэтью, не слишком интересовавшийся моими старыми друзьями.

— Мы говорили о машинах, — продолжал я, — и он думает примерно как твой Чокки. Он говорит, что теперешние машины — очень топорные.

— У-гу, — повторил Мэтью и прямо взглянул на меня. — А ты ему сказал?

— Ну, кое-что. Понимаешь, не мог же я соврать, что это твои мысли. Он и не удивился — не то что я. Вероятно, он такое слышал.

Мэтью чуть-чуть оживился, но был еще настороже.

— С ним тоже говорят? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — не с ним. Наверное, с его знакомым. В общем он не очень удивился. Боюсь, мы не слишком глубоко обсудили вопрос, но я думал, тебе будет интересно.

Начало вышло хорошее. Мэтью возвращался к этой теме раза два. Ему понравилось, что кто-то не удивился его Чокки.

В субботу мы на новой машине отправились к морю. Выкупались, поели, а потом взрослые легли позагорать, а дети гуляли.

В половине шестого мы собрались домой. Полли быстро нашли и оторвали от новых подружек, а Мэтью нигде не было. Не было его и в шесть. Я решил проехать по берегу, а женщины остались на случай, если он вернется.

Нашел я его в порту, где он вел серьезную беседу с полисменом. Я подъехал ближе, и он увидел меня.

— Ой, папа! — крикнул Мэтью, поднял глаза на собеседника и пошел ко мне. Полисмен последовал за ним и поднес руку к шлему.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Я тут толкую вашему пареньку, что это не дело. — Он покачал головой. — Разве можно в лодки лазать? Все равно что в чужой дом.

— Конечно, нельзя, констебль, — согласился я. — Ты лазал в лодки, Мэтью?

— Я просто смотрел. Я думал, можно. Я ничего не делал.

— Но в лодку ты лез?

— Да, папа.

Тут я покачал головой:

— Нехорошо! Констебль совершенно прав. Ты попросил прощения? — Я взглянул на полисмена и увидел, что тот чуть заметно подмигнул мне. Мэтью тоже взглянул на него снизу вверх.

— Простите, сэр, — сказал он. — Я не думал, что лодка — как дом. Теперь буду знать, — и протянул руку.

Полисмен серьезно пожал ее.

— Ну, поехали, и так опаздываем, — сказал я. — Спасибо, констебль.

Полисмен улыбнулся и снова козырнул мне.

— Что ты такое натворил? — спросил я.

— Я же сказал! Смотрел и все.

— Ну, тебе повезло. Хороший полисмен попался.

— Да, — сказал Мэтью.

Мы помолчали.

— Папа, — начал он снова, — прости, что я опоздал. Понимаешь, Чокки никогда не видел лодки, то есть вблизи не видел. Я ему показывал. А там один заметил, рассердился и потащил меня к полисмену.

— Ясно. Значит, Чокки виноват?

— Не совсем, — признался честный Мэтью, — я думал, ему понравится.

— Гм, — усмехнулся я, — по-моему, это вполне в его духе: заявить, что лодки — дурацкие.

— Он так и сказал. Он говорит, надо очень много сил, чтоб разрезать всю эту воду. Разве не умней скользить над водой и разрезать воздух?

— Ну, здесь он опоздал. Передай, что это у нас есть, — отвечал я, и тут мы подъехали к тому месту, где нас ждали женщины.

Неделя шла к концу, и я все больше радовался, что скоро придет Лендис. Начнем с того, что Мэтью принес дневник, и, хотя все, казалось, было в порядке, кое-что поставило меня в тупик.

Мистер Тримбл, признавая успехи Мэтью, считал, что они возросли бы, если бы он ограничился традиционной школьной программой.

Мисс Тоуч с удовольствием отмечала внезапный интерес к ее предмету, но советовала отложить астрономию и ограничиться пока географией.

Мистер Кефер, учитель физики, был не совсем доволен. «Рекомендую, — писал он, — задавать меньше вопросов и прочнее усваивать материал».

— Что у тебя там с мистером Кефером? — спросил я.

— Он сердится, — ответил Мэтью. — Как-то я спросил про световое давление, в другой раз я сказал, что понимаю, что такое тяготение, только не понимаю, почему оно такое. Кажется, он и сам не знает, да и про многое

другое тоже. Он хотел узнать, кто меня научил так спрашивать. Не могу ж я ему сказать про Чокки! А он сердится. Но сейчас все в порядке. Я вижу, что спрашивать не стоит, и сижу тихо,

— Мисс Блейд тоже как будто недовольна.

— А, это я спросил, как размножаться, если у тебя один пол. Она говорит — «конечно, у каждого один пол», а я говорю — «нет, если у всех один пол, все одинаковые». Она стала объяснять, что так бывает у растений, а я сказал — «нет, не только у них», а она сказала — «чепуха!» Ну, я и ответил, что это не чепуха, потому что я сам такого знаю. А она спросила особенным голосом, что я имею в виду. Тут я увидел, что не надо было лезть — не говорить же ей про Чокки! Я и заткнулся, а она не отстает. Теперь все время на меня вот так смотрит. А больше ничего не было.

Удивлялась не одна мисс Блейд. Я сам недавно спросил:

— А дом у него есть? Ну, мама, папа, семья — он тебе не говорил?

— Да не очень, — сказал Мэтью. — Я никак не разберусь. Понимаешь, он говорит много слов, которые ничего не значат.

Я признался, что не совсем понял. Мэтью нахмурился.

— Вот если б я был глухой, — начал он наконец, — а ты бы мне говорил про музыку, я бы не понял, верно? Так и тут, вроде этого. Он говорит про кого-то... папу или маму.. но у него это все вместе, как-то одно выходит.

Я заметил только, что все это очень странно. Мэтью не спорил.

— И ему нас трудно понять, — поведал он. — Он говорит, очень неудобно, когда у тебя двое родителей. Легко любить одного, но как же можно любить двоих одинаково?

Изложение этих идей загадочного Чокки расположило меня к биологичке. Кроме того, я порадовался, что приедет Лендис, хотя и боялся приговора.

Вскоре позвонила Дженет и сообщила — как всегда, кратко, — что собирается к нам на уик-энд. Мэри, не вдаваясь в подробности, сказала, что мы будем заняты.

— Жаль, — ответила Дженет. — Ну, ничего. Мы погостим у вас в пятницу и субботу.

— А, черт! — сказала Мэри, вешая трубку. — Надо было позвать ее на то воскресенье. Ладно уж, теперь поздно.

В пятницу вечером приехала Дженет с мужем и двумя младшими детьми. Верные себе, они опоздали на полтора часа, а потом целые сутки вели привычные беседы. Мэри и Дженет говорили о детях Дженет, о детях третьей сестры, Пэшенс, и брата Теда, и брата Фрэнка, и многих общих друзей. Я и Кеннет придерживались более безопасной темы и говорили о машинах. Все шло прилично, пока к субботнему вечеру Дженет не заметила, что в беседах еще не коснулась наших детей.

— Конечно, это не мое дело, — начала она, — но, по моему, свежим глазом иногда увидишь больше. Ты согласна?

Я посмотрел на Мэри. Она усердно разглядывала вязанье.

— Может быть, да... А может, и нет, — ответила она.

Но Дженет задала чисто риторический вопрос и не собиралась пускаться в обобщения.

— Мэтью как-то осунулся, — продолжала она, — он вроде бы бледноват.

— Да? — сказала Мэри.

— Ты не замечала? Вот это я и имела в виду! Наверное, устал... В этом возрасте им часто не по силам нагрузка...

— Правда? — спросила Мэри.

— А может, он просто хилый, — продолжала Дженет.

Мэри кончила ряд, положила работу на колени и разгладила ее рукой.

— Да нет, он крепкий, — сказала она. — Верно, Дэвид?

— Еще бы! — сказал я. — Ничем не болел, кроме насморка, а уж от этого не убережешь.

— Как я рада! — сказала Дженет. — А все-таки надо бы присмотреться. В конце концов, мы не так много знаем о его наследственности. Вы не обращали внимания? Он иногда как-то отсутствует... погружен в себя.

— Не обращали, — ответила Мэри.

— Потому я и сказала о свежем глазе. А я заметила. И еще, Тим говорит, что Мэтью разговаривает сам с собой.

— Дети часто думают вслух.

— Да, но Тим слышал кое-что странное. Понимаешь, у некоторых детей слишком развита фантазия.

Мэри оставила вязанье.

— Что же именно слышал Тим? — спросила она.

— Он точно не помнит, но что-то странное.

Я почувствовал, что время вмешаться.

— Понятно, — сказал я. — Мэтью чересчур чувствителен. Твой Тим настолько не умеет погружаться в себя...

Дженет услышала только то, что хотела.

— Вот именно! — вскричала она. — Сразу видно, что они совсем разные.

— Твой Тим на удивление нормален, — согласился я. — Трудно представить, чтобы он сказал что-нибудь странное. Правда, иногда мне жаль, что идеальную нормальность приобретаешь только за счет индивидуальности. Что ж, ничего не поделаешь. Нормальность — это посредственность.

— Я бы не сказала, что Тим посредственный, — возмутилась Дженет и принялась объяснять, чем он хорош. Во всяком случае, о Мэтью она забыла.

— Хорошо, что ты перевел разговор, — сказала Мэри, когда мы ушли к себе. — А вообще ты зря так про Тима. Он совсем не дурак.

— Конечно, не дурак, а вот твоя сестра — особа настырная и, боюсь, не слишком умная. Как все родители, она хочет, чтоб ее ребенок был и нормален, и гениален. Она намекнула, что Мэтью не совсем нормален, и пошла в атаку. Мне пришлось обороняться, и я намекнул, что Тим не гениален. Тут обороняться пришлось ей. Дело простое.

Конечно, Дженет со всей оравой уехала позже, чем думала, но все же мы выставили их минут за двадцать до прибытия Лендиса. Прибыл он, как и положено преуспевающему врачу, в большом сверкающем «ягуаре».

Я познакомил его со своими. Мэри была немного сдержанна, а Мэтью, к счастью, очень приветлив. После завтрака мы посидели на веранде, а потом Мэри увела Полли, я сослался на какое-то дело, и Мэтью с Лендисом остались одни.

Когда пришло время пить чай, я увидел, что Мэтью еще говорит. Лендис взглядом попросил меня уйти.

Мы с женщинами решили пить чай без них и были правы — беседа кончилась часам к шести. Мэтью и Лендис вышли к нам. Они вроде бы очень подружились. Мэтью был много веселее, чем обычно, Лендис о чем-то думал.

Дети поели первыми и легли. Теперь можно было поговорить. Мы сели к столу; беседу начала Мэри.

— Надеюсь, Мэтью вас не слишком замучил, — сказала она.

Лендис покачал головой.

— Замучил! — повторил он. — Куда там... — Он обернулся ко мне. — Вы мне и половины не рассказали, — прибавил он не без упрёка.

— А я и не знаю половины, — отвечал я. — Не хотел на него давить. Я еще не забыл, как трудно, когда родители на тебя давят. Потому и вас позвал. Конечно, вы — врач, но я надеялся, что с чужим ему легче. Кажется, так и есть.

— Да, — кивнул Лендис. — Я и не думал, что ему так нужен советчик. Ну, сейчас он облегчил душу, и ему, наверное, станет легче.

Он помолчал, потом обратился к Мэри:

— Скажите, миссис Гор, а раньше, до этого Чокки, он много фантазировал?

Мэри подумала.

— Да нет, — сказала она. — В раннем детстве он был очень впечатлительным. Его приходилось уводить раньше, чем включить радио. Но это ведь другое, правда? А фантазером... нет, не был.

Лендис кивнул:

— Признаюсь, после разговора с вашим мужем я было решил, что Мэтью начитался фантастики. Я пошел по ложному пути.

— Вообще-то он много читал, — вставил я. — Как они все. Но он больше любит старые приключенческие книги.

— Да, я это быстро выяснил. И передумал... а потом передумал снова.

Он долго молчал, и Мэри не выдержала:

— Что же вы думаете теперь?

Лендис ответил не сразу. Отвечая, он почему-то глядел в стену странным, отсутствующим взглядом.

— В конце концов, вы не мои пациенты. Пациентам я бы сказал, что случай сложный и сразу не разберешься. Я бы уклонился от ответа. Но у вас я неофициально, и вот я признаюсь: это мне не по силам.

Он замолчал. Мэри посмотрела мне в глаза. Мы ничего не сказали.

— Просто не понимаю, — продолжал Лендис. — Вижу, на что это похоже, но получается какая-то чушь...

Он снова замолчал.

— На что же это похоже? — немного резко спросил я.

Он подумал, потом вздохнул:

— Больше всего это похоже на то, что наши темные предки называли одержимостью. Они бы сказали, что некий дух, быть может злой, вселился в Мэтью.

Мы помолчали. Я заговорил первым:

— Вы сами сказали, что это чушь...

— Не знаю... Нам нельзя превращаться в таких же догматиков, как наши предки. Легко все упростить — сам Мэтью именно упрощает, когда рассказывает нам, что Чокки с ним говорит, а он его слушает. Предки сказали бы, что он «слышит голоса», но это все — слова, способ выражения. У Мэтью нет иного слова, кроме «говорить». На самом деле он не слушает Чокки, он ничего не слышит. И, отвечая, не нуждается в словах — иногда, правда, он их произносит, по привычке. И «слушать» здесь — в переносном смысле. Но беседы эти — не выдумка. Они реальны.

Мэри хмурилась.

— Объясните лучше, — попросила она.

— Несомненно одно: тут вмешалось еще чье-то сознание, — сказал Лендис. — Вспомните, что он спрашивал и что рассказывал вам обоим. Все мы согласны, что ему такого не придумать, и потому я здесь. Но не удивляло ли вас, что все это выражено очень просто, по-детски?

— Ему еще нет двенадцати, — заметила Мэри.

— Вот именно. И для его лет у него на редкость богатый словарь. Но для этих тем у него слов не хватает. Мэтью знает, что хочет спросить или сказать, но подобрать подходящие слова ему трудно.

Так вот, если б он повторял то, что слышал, он бы не столкнулся с этой трудностью, он бы просто повторил те же самые слова, даже если бы их не понял. Если б он прочел все это в книге, он бы запомнил. В общем он бы не мучился муками слова. Значит, он не слышал и не читал. Однако он понимает то, о чем спрашивает. Как же эти мысли попали в его голову? Вот что неясно...

— Так ли уж неясно? — спросила Мэри. — Слова — это воплощение мыслей. Мысли есть у всех. Они могут прийти в голову раньше слов.

Этот ее тон был мне знаком. Что-то рассердило ее — быть может, словечко «одержимость».

— Возьмем бинарную систему, — продолжал Лендис. — Если б ему объяснили ее или если б он о ней прочитал, он бы знал о нуле и единице, или о плюсе и минусе, или хотя бы об иксе и игреке. Он же знает только отрицание и утверждение и сам называл их Д и Н.

— Ну хорошо, — вмешалась Мэри. — Слов он не слышит, но что же тогда происходит? Откуда он взял, что с ним говорит этот Чокки?

— Чокки на самом деле есть. Конечно, я сперва подумал, что Мэтью подсознательно создал его, и быстро убедился, что не прав. А вот где он и кто он, я не знаю, как и Мэтью.

Мэри ждала не этого.

— Я понимаю, что Чокки существует для Мэтью, — сказала она. — Он реален для Мэтью, потому мы и подыгрываем, но...

Лендис прервал ее:

— Нет, он куда реальней! Кто бы он ни был, он — не плод воображения.

— Сознательного воображения, — уточнил я. — Быть может, он плод комплекса?

Лендис покачал головой:

— Не думаю. Возьмем этот случай с машиной. Ни один мальчик его лет не назовет последнюю модель нелепой. Она для него — чудо. Мэтью гордился ей, хотел ею похвастаться. А вышло то самое, что вышло бы, если бы другой мальчик или другой взрослый над ней посмеялся. Только ни мальчик, ни взрослый не смогли бы объяснить, какой же ей следует быть на самом деле.

А сегодня Мэтью рассказал мне еще одно. По его словам, он объяснял Чокки, что такое многоступенчатые ракеты. И Чокки снова посмеялся. Он считает их дурацкими и устарелыми, в общем — примитивными. Он сказал, что тяготение — это сила, то есть вид энергии, а очень глупо и накладно перешибать одну энергию другой. Надо сперва изучить природу препятствующей силы. Когда ее изучишь как следует, то поймешь, как ее преодолеть и даже заставить ее работать на нас, а не против нас. Чтобы запустить космический корабль, надо не выстреливать им в небо, преодолевая тяготение, а научиться защите от тяготения, создать преграду. Тогда, уравнивая силу притяжения и центробежную силу, можно добиться плавного старта и ровного ускорения. При разумной степени ускорения лишь в два или три g вскоре совершенно спокойно достигается скорость, которой нашим ракетам не развить. Управляя антигравитационными экранами, вы установите направление, а скорость сможете уменьшать или увеличивать.

Наши ракеты, сказал Чокки, просты (он имел в виду, примитивны), как автомобиль на часовом механизме или на бензиновой горелке. Искерпаете горючее, и вам конец... Тут мы застряли. Мэтью не понял. Какая-то сила — и все.

Вроде бы она похожа на электричество, но он знает, что она совсем другая. Во всяком случае, берут ее из космической радиации, и она может двигать машины и защищать от тяготения, и она никогда не кончится. Предел скорости для нас — скорость света. Нашему космоплаванию мешают два обстоятельства. Во-первых, на ускорение и замедление уходит много времени; мы боремся с этим, увеличивая g , но эффект невелик, — а какой ценой дается! Во-вторых, — и это важнее — скорость света мала, и так не достигнешь звезд. Как-то надо все это преодолеть, а пока что... Тут Мэтью снова ничего не понял. Он сказал мне: «Чокки еще говорил, но это ничего не значило. Это не влезает в слова»

Лендис помолчал.

— Такие мысли — тоже не из книг. Он мог читать об этом, но не читал. Тогда бы он хоть что-то понял и не искал бы слов.

— А я не поняла ничего, — сказала Мэри. — При чем тут вообще космические полеты?

— Просто пример. Ему каким-то образом дали понять, что наши ракеты плохи, как и наши машины.

— И вам кажется, что все это верно, то есть мало-мальски связно?

— То, что он говорит, не выходит за пределы логики. Уж лучше бы выходило!

— Почему?

— Можно было бы решить, что он сам пытается что-то склеить из прочитанного. А тут он честно признается, что многого не понимает, и очень старается верно передать все, что понял. И еще одно: по мнению этого Чокки, нашу цивилизацию тормозит упование на колесо. Мы когда-то набрали на вращательное движение и всюду его суем. Только совсем недавно мы начали немного от него освобождаться. Откуда мальчику взять такую мысль?

— Ну что ж, — сказал я, — предположим, мы решили, что дело тут не в подсознании. Как же нам быть?

Лендис снова покачал головой:

— Честно говоря, сейчас я не знаю. Без всякой науки, просто так, я могу только повторить в самом буквальном смысле слова: «Не знаю, что с ним». Я не знаю, что или кто с ним беседует. Хотел бы я знать!

Мэри быстро и решительно встала. Мы сложили тарелки на столик, и она покатила его к дверям. Через несколько минут она принесла кофе, разлила его и сказала Лендису:

— Значит, вы не можете ему помочь, да? Больше вам сказать нечего?

Лендис нахмурился.

— Помочь... — повторил он. — Не знаю. Я вообще не уверен, что ему нужна помощь. Сейчас ему надо с кем-нибудь говорить о Чокки. Он не особенно привязан к Чокки, часто на него сердится, но узнает от него много интересного. В сущности, его беспокоит не столько сам Чокки — есть он или нет; его беспокоит, как бы сохранить тайну, и тут он прав. Пока что он доверил ее только вам. Мог доверить и сестре, но она, кажется, его подвела.

Мэри помешивала кофе, растерянно глядя на крошечную воронку в чашке, потом сказала:

— Теперь вы говорите так, будто Чокки существует. Не надо путать. Чокки — выдумка Мэтью, друг для игры, вроде Пифа. Я понимаю, это бывает, и беспокоиться нечего — до какой-то грани, а когда он переступит эту грань, беспокоиться нужно, это уже ненормально. Какое-то время нам казалось, что Мэтью переступил эту грань и с ним творится что-то неладное. Потому Дэвид и обратился к вам.

Лендис пристально взглянул на нее и ответил:

— Боюсь, я неточно выразился. Чокки совсем не похож на Пифа. Я хотел бы думать, как вы — да меня и учили этому. Я рад бы счесть это выдумкой. Ребячья выдумка, вроде Пифа, вышла из-под власти Мэтью — и все. Но я не могу спорить с очевидностью. Я не фанатик и не стану искажать факты в угоду университетским догмам. Чокки объективно существует — сам не пойму, что это значит. Он не внутри, а снаружи. Однако и я не так прост, чтоб вновь поднять на щит старую идею одержимости.

Он помолчал, покачал головой и продолжил:

— Нет. Разгадка не в этом. «Одержимость» означала «владычество», «власть»... А здесь скорей сотрудничество.

— Господи, о чем это вы? — спросила Мэри.

Голос ее был резок, и я понял, что она потеряла последнее доверие к Лендису. Сам он, кажется, этого не заметил и отвечал ей спокойно:

— Помните, когда Мэтью болел, он просил Чокки замолчать и прогнал его с вашей помощью. Кажется, Чокки исчез и после истории с машиной. Мэтью прогнал Чокки. Чокки не властвует над ним. Я его об этом спрашивал. Он сказал, что вначале Чокки говорил с ним, когда хотел — и в классе, и за обедом, и за письменным столом, и даже ночью, во сне. Мэтью не нравилось, что ему мешают, когда

он работает в одиночку или на людях — на него тогда странно поглядывают, потому что он не может слушать сразу и Чокки, и других. А еще больше он не любит, чтоб его будили ночью. И вот он мне рассказал, что просто отказывался отвечать, если Чокки являлся не вовремя. Приспособиться было нелегко, у Чокки время другое. Мэтью пришлось завести у вас на кухне хронометр и продемонстрировать ему, что же такое час. Тогда они составили расписание, и Чокки стал приходить в удобное время — удобное для Мэтью, а не для него. И заметьте, как все это разумно. Никаких фантазий. Просто мальчик велит приятелю приходить в такое-то время, и приятель соглашается.

На Мэри все это не произвело никакого впечатления. Я даже не знаю, слушала она или нет.

— Не понимаю, — нетерпеливо сказала она. — Когда это началось, мы с Дэвидом думали, что вмешиваться глупо. Мы решили, что это ненадолго, — и ошиблись. Мне стало не по себе. Не надо быть психологом, чтобы знать, к чему приводит смешение выдумки и яви. Я думала, вы осторожно поможете Мэтью освободиться от этой блажи. А вы, кажется, укрепляли ее весь день и сами в нее поверили. Я не могу согласиться, что это полезно ему или кому бы то ни было.

Лендис взглянул на нее так, словно с языка у него была готова сорваться резкость, но сдержался.

— Прежде всего, — сказал он, — надо все понять. А для этого необходимо завоевать доверие.

— Тут спорить не о чем, — сказала Мэри. — Я прекрасно понимаю, что с Мэтью вы должны были верить в Чокки — мы и сами так делали. А вот почему вы верите без Мэтью, я не пойму.

Лендис терпеливо ответил:

— Прошу вас, миссис Гор, вспомните, что он спрашивал. Вопросы ведь странные, верно? Умные, странные и совсем не в его духе.

— Конечно, — сердито сказала она. — Но мальчики много читают. Начитаются — и спрашивают. Мы беспокоимся потому, что вся его естественная пытливость преобразуется в фантазии, связанные с Чокки. Это какое-то наваждение, неужели вы не видите? Я хочу знать одно: как это лучше всего пресечь?

Лендис снова пустился в объяснения, но Мэри уперлась и не принимала ни одного из его доводов. Я очень жалел, что он употребил это несчастное слово — «одержимость». Такой ошибки я не ждал от психиатра, а поправить ее

теперь было уже нельзя. Мне оставалось сидеть и смотреть, как укрепляется их враждебное отношение друг к другу. Всем стало легче, когда Лендис уехал.

ГЛАВА 6

Положение казалось мне сложным. Я понимал ход мыслей Лендиса, хотя и представить себе не мог, куда он его заведет; понимал я и Мэри. Что ни говори, а Лендис допустил грубую профессиональную ошибку. На мой взгляд, ему бы лучше не касаться старых верований. Мы все честно считаем, что переросли суеверные страхи, но они притаились в нас, и порою их очень легко разбудить неосторожным словом. Теперь Мэри тревожилась еще больше — вот к чему привел визит психиатра. К тому же ее рассердил его аналитический, неторопливый подход к делу. К Лендису она обратилась за советом, а вместо совета выслушала рассуждение об интересном случае, особенно неутешительное потому, что врач сам признал себя побежденным. В конце концов она пришла к заключению, что Лендис чуть ли не шарлатан, а это очень плохо для начала.

Когда на следующий вечер я пришел с работы домой, у нее был какой-то отсутствующий вид. Когда мы убрали со стола и отправили детей наверх, я уже понял: Мэри что-то собирается сказать мне и не знает, как я это приму. Она села немножко прямей обычного и не без вызова обратилась скорее к камину, чем ко мне:

— Я ходила к Эйкоту.

— Да? — сказал я. — А в чем дело?

— Насчет Мэтью, — прибавила она.

Я посмотрел на нее:

— А Мэтью не взяла?

— Нет, — Мэри покачала головой. — Хотела взять, а потом раздумала.

— И то хорошо, — сказал я. — Мэтью решил бы, что мы его предали. Лучше ему не знать.

— Да, — довольно уверенно согласилась она.

— Я уже говорил, — продолжал я, — для чирьев или там кори Эйкот годится, но это не по его части.

— Верно, — сказала Мэри. — Не думай, я ничего и не ждала. Я постаралась рассказать как можно лучше. Он терпеливо слушал и, кажется, немного обиделся, что я не привела Мэтью. Я все пыталась втолковать ему, дураку, что мне нужно не его мнение, а рекомендация — к кому обратиться.

— Надо полагать, он все-таки высказал свое мнение?

— Вот именно. Побольше ходить, холодные обтирания по утрам, простая пища, салаты всякие, открывать на ночь окно...

— И никаких психиатров?

— Да. Созревание сложнее, чем мы думаем, но природа — великий целитель, и здоровый режим устранил временные расстройства.

— М-да, — сказал я.

Мы помолчали. Потом Мэри воскликнула:

— Дэвид, надо ему помочь!

— Мэри, милая, — ответил я, — тебе не понравился Лендис, но он хороший психиатр, признанный. Он бы не сказал так, зря, что Мэтью вряд ли нужна помощь. Мы с тобой тревожимся, потому что ничего не понимаем. Это нечто необычное, но у нас нет оснований считать, что это опасно. Будь у нас причины для тревоги, Лендис так бы и сказал.

— Ему-то тревожиться нечего! Мэтью ему чужой. Трудный случай; сейчас интересно, а вылечится — и не нужен.

— Милая, не приписывай ему таких помыслов. И потом, Мэтью не больной. Он совершенно нормален, но в нем есть еще что-то. Это совсем другое дело.

Мэри выразительно взглянула на меня — так она глядит, когда хочет придаться.

— А мне что с того? Я хочу, чтоб он был просто нормальный, без всяких «что-то». Я хочу, чтоб ему было хорошо.

Я решил не спорить. У Мэтью бывали срывы — у какого ребенка их нет? — но мне совсем не казалось, что ему плохо. Однако скажи я это Мэри, мы бы втянулись в спор о том, что такое счастье, а мне его не вытянуть.

Так мы и не решили, что делать. Я не хотел терять контакта с Лендисом: Мэтью явно доверял ему, он явно интересовался Мэтью. Но пойти против Мэри можно было только в крайнем случае. А срочности пока не было, до кризиса дело не дошло...

И вот мы снова утешились воспоминаниями о том, что кончилась же история с Пифом. Однако я наметнул Мэтью, что мама не очень любит Чокки и лучше пока о нем помалкивать.

Недели две мы слышали о нем совсем немного. Я надеялся было, что он нас покидает — не то чтоб его

уволители, а скорей он сам понемногу расплывается и блекнет. Увы, надежды мои скоро рухнули.

Как-то вечером, когда я собрался включить телевизор, Мэри меня остановила. «Постой минутку», — сказала она, пошла к своему бюро, принесла несколько листов бумаги (самый большой — дюймов шестнадцать на двенадцать), молча вручила их мне и села на место.

Я посмотрел на листы. Те, что поменьше, оказались карандашными рисунками; те, что побольше, — акварелями. Все они были странные. Сначала шли два пейзажа. Места я смутно узнал, хотя не мог понять, откуда же смотрел художник. Поразили меня фигуры: и коровы, и овцы были какие-то узкие, прямоугольные, люди — не то живые, не то деревянные, тощие, угловатые, словно куклы из палочек. Но движение он схватил хорошо.

Рисунок был уверенный, точный, краски — немного мрачные; по-видимому, художник слишком увлекся тончайшими оттенками зеленого. Я ничего не понимаю в живописи, но мне показалось, что уверенная линия и скупость изобразительных средств говорят о немалом мастерстве.

Были и два натюрморта — ваза с цветами, в которых нетрудно было узнать розы, хотя ботаник увидел бы их иначе; и миска с красными ягодами — несомненно, клубникой, только уж очень пупырчатой.

Еще там был вид из окна — кусок школьной площадки, по которой бегают очень живые, хотя и слишком голенастые фигурки.

И наконец два портрета. На первом был изображен мужчина с длинным, резко очерченным лицом. Не скажу, чтоб я его узнал, но что-то в линии волос подсказало мне, что это я — хотя глаза у меня, по-моему, ничуть не похожи на фонари. Другой портрет был женский, и этого лица я никогда не видел. Я рассмотрел рисунки, положил их себе на колени и взглянул на Мэри. Она кивнула.

— Ты в этом лучше разбираешься, — сказал я. — Это и вправду хорошо?

— Да. Они странные, но какие-то живые, простые, точные... Я их случайно нашла. Упали за комод.

Я посмотрел на верхний рисунок — на тощих коров, на овец и на бестелесного мужчину с вилами в руках.

— Может, кто-нибудь из его класса? — предположил я. — Или учительница...

Мэри покачала головой:

— Нет, ее рисунки я видела. Они выписаны очень уж тщательно. Вот последний — ее, а ты на него посмотри!

— Можно положить их обратно и ничего ему не говорить, — сказал я.

— Можно... только мне от них не по себе. Лучше б он нам объяснил...

Я посмотрел на второй рисунок и вдруг узнал это место, злучину реки.

— Мэри, милая, — сказал я. — Боюсь, ты сама была бы не рада.

— С чего мне радоваться? Я не радовалась даже тогда, когда твой Лендис еще не болтал про одержимых. Но я хочу знать, а не гадать. В конце концов, ему могли их подарить...

Я понял по ее лицу, что она и впрямь так думает, и не стал откладывать, хотя и понимал, что таким образом мы ступим в новую фазу. Я взял Мэри за руку.

— Ладно, — сказал я. — Вряд ли он уже спит.

И, выглянув в холл, позвал Мэтью, а тем временем аэложил рисунки на полу.

Мэтью явился прямо из ванной — розовый, лохматый, в ижеме. Увидев рисунки, он замер и тревожно посмотрел а Мэри.

— Понимаешь, Мэтью, — сказал я как можно беспечей. — Мама тут убирала и нашла их. Они упали за комод.

— А! — сказал он. — Вот они где.

— Они очень интересные. Нам они понравились. Это вои?

Мэтью подумал.

— Да, — не без вызова ответил он.

— Я спрашиваю, — уточнил я, — это ты нарисовал?

На сей раз его «да» звучало немного иначе — словно он щипался.

— Гм... Раньше ты рисовал по-другому. Наверное, за них тебе поставили хорошие отметки.

Мэтью попытался схитрить.

— Это не в школе, — сказал он. — Это я так.

— Ты стал по-другому видеть, — заметил я.

Мэтью согласился.

— Наверное, — с надеждой предположил он, — я прос- расту.

Он умоляюще смотрел на меня. В конце концов, я сам оветовал ему молчать.

— Ладно, Мэтью. Нам только хочется узнать, кто же го все нарисовал.

Мэтью бросил страдальческий взгляд на Мэри, посмотрел на ковер и стал водить ногой по узору.

— Я, — сказал он, и тут его решимость ослабла. — То есть, — уточнил он, — ну... я рисовал...

У него был такой несчастный и растерянный вид, что я не решался давить на него. Мэри пришла к нему на помощь.

— Бог с ними! — сказала она и обняла его. — Нам они очень понравились, вот мы и спросили.

Она наклонилась и подняла один рисунок.

— Например, этот пейзаж. Он очень умный, хороший, но какой-то странный. Ты правда так видишь?

Мэтью не сразу смог ответить, потом выпалил:

— Честное слово, мама, это я сам! Они такие смешные, потому что Чокки так видит.

Он испуганно покосился на нее, но увидел только внимание, облегченно вздохнул и стал объяснять.

— Это было после урока. У меня с рисованием не особенно, — печально признался он. — Вот мисс Сомс и сказала, что мое дело плохо. И Чокки тоже не понравилось. Я ему говорю — я стараюсь, а ничего не выходит. А Чокки говорит, я просто не умею смотреть. Я говорю — при чем тут «умею»? Или ты смотришь, или нет. А он говорит, можно смотреть и не видеть, и мы немножко поспорили. А потом он сказал: «Давай поставим опыт — ты рисуй, а смотреть буду я».

Сперва ничего не получалось, я не мог. Ужасно трудно совсем не думать. Ты думаешь, что не надо думать, а это не то, не годится. А Чокки сказал: «Сиди себе, держи карандаш и ни о чем не думай». Мне уже надоело, а он не отстает. Ну, на четвертый раз кое-что вышло, а потом пошло легче и легче. Теперь я сажусь, беру краски, что-то у меня, ну, как будто включается, и пожалуйста — картинка. Только это Чокки так видит, не я.

Я заметил, что Мэри барабанит по столу, но лицо ее не менялось.

— Кажется, я понял, — сказал я. — Это чудно, а?

— Первый раз было чудно! Тогда было как... ну, как будто тормоза убрали. А теперь дело идет скорей... — Мэтью нахмурился в поисках сравнения, потом улыбнулся, — вроде как едешь без рук на велосипеде. — Он нахмурился снова. — Нет, не совсем... Чокки держит руль... трудно объяснить, — виновато кончил он.

Не для себя, а для Мэри я спросил:

— Это не бывает насильно, против твоей воли?

Мэтью быстро закачал головой:

— Что ты! Если я хочу рисовать, я ни о чем не думаю, и все выходит. А теперь даже и того не нужно. Последние раза три я видел свою руку, и, знаешь, — я совсем сам рисовал. Он только смотрел за меня.

— Да, милый, — сказала Мэри, — мы понимаем, но... — она заколебалась, пытаясь найти слова помягче, — как потвоему, хорошо так делать?

Мэтью посмотрел на рисунки.

— Наверное, хорошо, мама. Они куда лучше тех, моих... хотя немножко чудные... — честно признал он.

— Я не совсем о том... — начала Мэри, но передумала и взглянула на часы. — Поздно уже, — сказала она мне.

— Да, поздно, — поддержал я. — Только вот что скажи, Мэтью: ты никому их не показывал?

— Показывать не показывал... — ответил он. — Правда, мисс Сомс один раз ко мне подошла, когда я вот этот сделал. — Он показал на вид из школьного окна. — Она спросила, чей это, а я не мог сказать, что чужой, и сказал «мой», а она стала на меня смотреть, как будто я вру. «Ладно, — говорит, — нарисуй... ну, как машина мчится». А я говорю, я не могу рисовать, чего не вижу. Я хотел сказать, «чего он не видит», но ведь ей так не ответишь. Она опять посмотрела на меня пристально-пристально и говорит: «Ладно. Нарисуй-ка мне вид из другого окна». Я повернул мольберт к другому окну и нарисовал. Она взяла мою картинку, смотрела на нее, смотрела, долго-долго, потом на меня и спрашивает — можно ее забрать? Не мог же я сказать, что нельзя, и говорю — берите, а можно мне идти? Она кивает, а сама все смотрит на картинку.

— Странно, что она не сделала запись в дневнике, — заметил я.

— Это было в самом конце, — объяснил Мэтью, — все уже было записано.

Мне стало не по себе, но я ничего не мог поделать. А кроме того, и впрямь было поздно.

— Тебе давно пора спать, — заметил я. — Спасибо, что рассказал про рисунки. Можно, мы их оставим тут, еще посмотрим?

— Ладно, только не потеряйте, — сказал он. Взгляд его упал на портрет изможденного мужчины. — Это совсем не ты, папа. Правда, не ты, — заверил он, кивнул нам и побежал наверх.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Глаза у Мэри медленно наполнялись слезами.

— Дэвид, Дэвид! Он был такой хороший!..

Позже, немного успокоившись, она сказала:

— Я боюсь за него, Дэвид. Этот... как его там... все реальней для него. Мэтью начинает плясать под его дудку. Я боюсь...

Я покачал головой:

— Ты не поняла. Он очень настаивал на том, что сам решает, когда рисовать и рисовать ли вообще.

— Конечно, он так думает, — возразила она.

Я старался успокоить ее, как мог. Я напомнил, что это не приносит Мэтью несчастья. У него хватило ума не рассказывать ничего приятелям, так что никто его не дразнит. Полли ему просто не верит и предпочитает видеть в Чокки нового Пифа. Мэтью действительно самый нормальный мальчик — плюс что-то еще, какой-то Чокки, который, по всей видимости, ни капли ему не вредит... Но все было впустую.

На пути в спальню я заглянул к Мэтью. Он спал, не потушив света. У него на груди обложкой кверху лежала книга. Я глянул на заглавие и наклонился ближе, убедиться, что правильно прочитал. Это была «Жизнь в городах» Льюиса Мэмфорда. Я взял ее; Мэтью проснулся.

— Не удивляюсь, что ты заснул! — сказал я. — Скучно, а?

— Ужас какая тоска, — согласился он. — А Чокки думает, она интересная — то есть те куски, которые я для него понимаю.

— А! — сказал я. — Ну что ж, пора спать. Спокойной ночи, старик.

— Спокойной ночи, папа.

ГЛАВА 7

На лето мы с Аланом Фрумом и его женой Фил сняли домик в Северном Уэльсе. Они поженились года на два позже нас, и дети их, Эмма и Пол, были примерно такие же, как наши. Выбрали мы Бонтгоч — деревушку в широком устье реки, где я не раз отдыхал в детстве. Тогда она была маленькая, серенькая, только на краю ее стояло несколько домов побольше. Летом туда приезжали большей частью дети и внуки местных жителей и было довольно тихо. Но потом ее открыли, и с тех пор модные бунгало усеяли берег и подножие склонов. Живут в них люди приезжие, времен-

ные, и теплую часть года почти все они возятся с лодками. Бонтгоч для лодок не подходит — в устье мощные приливы, плавать опасно; но там, где плавать полегче, лодочники так расплодились, что места у причала приходится ждать годами. Однако теперь и Бонтгоч стал хорош; тут даже построили яркий навес и назвали его яхт-клубом.

Может, и было странно, что мы умудрялись обойтись без лодки, но нам это нравилось. Песку тут хватало — дети могли плескаться у берега и ловить креветок. К тому же с обеих сторон устье сжимают некрутые холмы; можно лазать по ним и исследовать заброшенные россыпи, где, по преданию, когда-то добывали золото. Нам нравилось уезжать на денек-другой, оставив детей под присмотром Фрумов, и нравилось оставаться, когда уезжали Алан с Фил. Все шло прекрасно целую неделю, до понедельника...

В тот день свободны были мы с Мэри. Мы прочесали чуть не все тропки, а потом, оставив машину, погуляли по холму и поели у ручья, глядя с холма на море. Позже, под вечер, мы закусили в придорожной гостинице и часам к десяти не спеша вернулись в деревню. У ворот мы остановились полюбоваться на закат и пошли по дорожке к дому.

Переступив порог, мы поняли: что-то произошло. Мэри сразу почувствовала это и впиалась глазами в Фил.

— В чем дело? — спросила она. — Что случилось?

— Все в порядке, Мэри. Все хорошо, — сказала Фил. — Оба спят. Ты не волнуйся.

— Что случилось? — повторила Мэри.

— Они в реку упали. Но все обошлось.

Женщины поспешили наверх. Алан налил нам виски. Я посмотрел на него и на бутылку. Утром она была полна, сейчас — пуста на три четверти.

— Что тут у вас произошло? — спросил я.

Он поставил стакан и тряхнул головой.

— Случайность, старик. Они играли вчетвером на причале. Знаешь, какой он шаткий. Прилив уже начался, и вода прибывала быстро. Эта дурацкая моторка Билла Уэстона стояла ярдов на пятьдесят выше. Старый Ивенс говорит — он все видел, — что там, наверное, канат оборвался. По его словам, она понеслась так быстро, что остановить было нельзя. Во всяком случае, она врезалась в мостки и снесла у них, черт ее дери, конец. Мои стояли чуть подальше, их только стукнуло, а твоих потащило прямо в воду...

Он остановился и снова отхлебнул из стакана.

— Ну, ты же знаешь, какая быстрая здесь вода... Их сразу отнесло на несколько ярдов. Ивенс подумал — все, конец, и вдруг видит: Мэтью пробивается к Полли. Больше он ничего не видел, потому что поднял тревогу, побежал в яхт-клуб. За ним кинулся полковник Саммерс, но даже на моторке они догнали ребят только в миле от берега. Мэтью все еще держал Полли. Полковник очень растрогался. Говорит: «Кто-кто, а Мэтью заслужил медали!» Он будет о ней хлопотать. Мы были дома. Мои двое ничего не сказали, пока не увидели, что моторка отчалила. Мы и сделать ничего не могли! О Господи, как мы извелись, пока ждали!.. Не хотел бы я провести еще такой час. Ну, обошлось, слава Богу, — и слава Мэтью, конечно. Если б не он, Полли погибла бы, это уж точно. Молодец! Если полковника нужно поддержать насчет медали, я готов. Мэтью ее заслужил.

Алан залпом прикончил виски и снова потянулся к бутылке.

Я тоже приложился. Мне это было очень нужно. Последние два года я часто думал: как жаль, что на воде Мэтью не может продержаться и минуты...

Меня выгнали из комнаты, где жили Полли с Эммой.

— Она спит, — сказала Мэри. — Знаешь, она сильно расшибла правое плечо. Наверное, об лодку. А так все в порядке, только очень устала. Дэвид, Дэвид!..

— Все обошлось, Мэри. Все прошло.

— Да, слава Богу. Фил мне рассказала. Дэвид, как же он ее спас?

Я зашел к Мэтью. Свет у него еще горел. Мэтью лежал на спине и смотрел на лампу. Я успел уловить его озабоченный взгляд, прежде чем он меня заметил.

— Привет, папа, — сказал он.

На секунду ему как будто стало легче, потом он опять погрузился в мрачное раздумье.

— Привет, — сказал я. — Ну как ты?

— Ничего. Озябли мы здорово. Тетя Фил сделала нам горячую ванну.

Я кивнул. С виду он и правда был ничего.

— Слышал про твои подвиги, Мэтью.

Взгляд его стал еще озабоченней. Он опустил глаза и стал вертеть в пальцах простыню. Потом снова взглянул на меня.

— Это все неправда, — сказал он очень серьезно.

— Я и то удивился, — вставил я. — Еще на днях ты и плавать не умел.

— Да, папа... только... — Мэтью снова принялся закатывать уголок простыни, — только... Чокки умеет, — закончил он, неуверенно глядя на меня.

Я постарался изобразить на своем лице только внимание.

— Расскажи-ка мне все.

Мэтью стало как будто полегче.

— Это случилось очень быстро. Я увидел, что лодка сейчас врежется, и сразу же оказался в воде. Попробовал плыть и очень испугался — я же знал, что не выйдет и я все равно утону. Тут Чокки сказал: «Не дури! Без паники». Знаешь, он рассердился. У него был голос, как у мистера Кефера, когда он орет в классе, даже еще хуже. Я никогда его такого не слышал, удивился, и страх прошел. Тогда он сказал: «Теперь ни о чем не думай, как тогда с рисованием». Я попробовал и вижу — плыву! — Мэтью нахмурился. — Не знаю уж, как я плыл — Чокки показывал, что делать ногами и руками... ну, вроде наших рисунков. Так что, видишь, это правда он, а не я. Понимаешь, папа?

— Да, — сказал я не совсем честно.

— И ты меня плавать учил, и другие, и я сам пробовал, а до Чокки ничего не выходило.

— Да... — я снова притворился, что понял. — Значит, ты увидел, что плывешь, и повернул к берегу?

Внимательный взгляд Мэтью стал настороженным.

— Как же я мог? А Полли? Она ведь тоже в воду упала.

Я кивнул.

— Да, — в третий раз сказал я, — Полли тоже упала... в том-то и дело...

Мэтью подумал минутку и вздрогнул — наверное, вспомнил первые, страшные секунды. Потом лицо его стало твердым.

— Ее Чокки спас, — упрямо повторил он.

Наутро Алан смотрел на меня смущенно.

— Наверное, это от волнения... Ждал чертову лодку... Не знал, спасли их или нет — и помочь не мог... Сорвался, понимаешь...

— Ладно, — сказал я, — оставь. Мне было не лучше.

Мы присели на солнышке, пока не позовут завтракать.

— Нет, — сказал Алан, — не пойму, как это он. Полковник говорит, когда они подплыли, он ее еще держал.

Больше мили продержал, а течение быстрое. Устал, говорит, но не сдавался. Два дня назад Мэтью мне сам жаловался, как ему стыдно — все плавают, а он нет. Я пробовал его учить, но дело не пошло.

— Да, он никак не мог научиться, — сказал я и — поскольку он знал про Чокки, сам привел Лендиса — поведал ему версию Мэтью. Он недоверчиво смотрел на меня.

— А, черт... Не хочу обидеть Мэтью, но ты-то ему веришь?

— Я верю, что он в это верит. Как же объяснить иначе? И потом... — я рассказал про рисунки. — После этого мне не так трудно поверить хоть наполовину.

Алан задумался. Он закурил и молчал, глядя на реку. Наконец он промолвил:

— Если это то, что нам кажется... а иначе никак не объяснить, если это так, на вашего Чокки надо смотреть по-новому...

— И я так думал, — согласился я, — Мэри, бедняга, совсем не рада. Она боится за Мэтью.

Алан покачал головой:

— И зря. Существует Чокки или нет — а Лендис вроде бы думает, что он в каком-то смысле существует, — дети живы только потому, что Мэтью в него верит. Разве Мэри не понимает? Это бы ей помогло.

— Помогло бы, — согласился я. — Только — ох, не знаю! Почему это в злых духов верят чаще, чем в добрых?

— Из осторожности? — предположил Алан. — Как-то верней считать неизвестное враждебным, пока его получше не узнаешь. Может, Чокки только начал проявлять себя. Что ж, начало неплохое.

Я кивнул:

— Хотел бы я, чтоб Мэри посмотрела на это так... но ей очень не по себе...

К завтраку Мэтью опоздал. Я отправился искать его и нашел на развалинах старой дамбы. Он разговаривал с неизвестным мне, приятным на вид блондином. Завидев меня, Мэтью поднял голову.

— Здравствуй, папа, — сказал он. — Неужели завтрак пора?

— Да, — ответил я.

Молодой человек вежливо встал.

— Простите, сэр. Это я виноват. Я расспрашивал вашего сына о его подвиге. Он ведь наш герой со вчерашнего дня.

— Возможно, — сказал я, — но ему пора завтракать. Пошли, Мэтью.

— До свиданья, — сказал Мэтью блондину, и мы зашагали домой.

— Кто это? — спросил я.

— Так, один, — отвечал Мэтью. — Хотел узнать, как Полли. Говорит, у него такая же дочка, вот он и волнуется.

Мне показалось, что незнакомец для этого слишком молод; но теперь всякое бывает, и к концу завтрака я о нем забыл.

Следующие дни Мэтью плавал так много, что его едва удавалось оттащить от воды.

Но вот отпуск мой кончился. На прощание полковник Саммерс зашел к нам выпить и заверил нас, что он уже написал в Королевское общество насчет медали.

— Хороший у вас парень. Есть чем гордиться. И подумать — говорит, что плавать не умел! Не поймешь их, мальчишек. Ну ладно. Да, здорово он это, дай ему Бог!

В понедельник я пришел поздно. Работы было много, я устал и не придавал особого значения тому, что Мэри несколько рассеянна. Пока я ужинал, она тактично молчала, а потом вынула газету и протянула мне.

— Сегодняшняя, — сказала она. — На первой странице. Ниже.

Я посмотрел на подвал первой полосы и увидел Мэтью. Фото было вполне приличное. Я поискал шапку. Она глядела:

«Юный герой говорит, что ему помог ангел-хранитель».

Сердце у меня екнуло. Я стал читать:

«Двенадцатилетний Мэтью Гор из Хиндмера, Суррей, получил медаль за отвагу. Он спас свою сестру, десятилетнюю Полли, когда она тонула в устье реки у деревни Бонтгоч.

Мэтью и Полли играли на деревянных мостках неподалеку от местного яхт-клуба, когда течением оторвало от причала моторную лодку мистера Уильяма Уэстона. Лодка врезалась в мостки, снесла десять футов досок, и дети оказались в стремительном потоке.

Мэтью немедленно сориентировался, схватил сестру и, пока поток относил их от берега, держал ее голову над водой. Тревогу поднял мистер Ивен Ивенс, хорошо известный в Бонтгоче, а полковник Саммерс, тоже почтенный местный житель, поспешил отправиться на помощь на своей моторной лодке.

Полковник Саммерс почти две мили гнался за детьми по предательским водам устья и наконец сумел подплыть к ним и взять их на борт.

Полковник сказал: "Мэтью спас сестру, рискуя жизнью. Побольше бы нам, англичанам, таких мальчиков!"

Самое удивительное: Мэтью не знал, что умеет плавать.

Беседуя с нашим репортером, он скромно отрицал, что совершил подвиг. "Полли не плавает, — сказал он, — а я понял, что плыву, и, конечно, стал ее спасать". На вопрос репортера он ответил, что учился плаванию, но научиться не мог. "Когда я упал в воду, я очень испугался, — признает он, — но тут я услышал голос. Он мне говорил, чтоб я не трусил, и учил, что делать руками и ногами. Я послушался и поплыл". Без сомнения, Мэтью говорит правду. Прежде никто не видел, чтоб он плавал, и все считали, что плавать он не умеет.

Когда репортер спросил, не удивился ли мальчик голосу, он ответил, что часто его слышит, так что не очень удивился.

Когда репортер предположил, что это — ангел-хранитель, он отвечал, что все может быть.

Как ни удивительно, что человек внезапно поплыл, повинаясь невидимому наставнику, несомненно одно: Мэтью совершил подвиг — рискуя жизнью, спас сестру, и мы надеемся, что его отвага будет вознаграждена.

Я взглянул на Мэри. Она медленно покачала головой.

— Он давно заснул. Да и к чему? Дело сделано.

— Это местная газетка, — сказал я. — Господи, как же?.. — и вспомнил молодого человека, который беседовал с Мэтью на берегу.

— Газета пришла на здешний адрес, — напомнила Мэри. — Наверное, они нашли в телефонной книжке...

Я решил не сдавать своих позиций.

— На что им это нужно? Сразу видно: дешевая местная сенсация, выдумка репортера.

Ни я, ни Мэри не знали, должно быть, как следует, кого мы имеем в виду, когда говорим «они». Но вскоре я убедился, что недооценил прыти современной информации.

У меня появилась дурная привычка: бреясь, я крутил радио — наверное, чтобы не думать, и вообще теперь так многие делают. И вот на следующее утро я терпеливо слушал новости. Профессор из какого-то свежее испеченного университета рассказывал, что его раскопки доказали принадлежность местечка Монтгомери к древнему королевству Мерсия. Когда он кончил, диктор сказал: «Сейчас ровно двадцать пять с половиной минут девятого... тьфу, восьмого! Ну, перейдем от древних англов к современным ангелам. Юный Мэтью Гор из Хиндмера, отдыхая летом в деревне, как истинный рыцарь спас свою тонущую сестру, не умея — как это ни странно — плавать. Деннис Клаттербак сообщает...»

Передача стала глуше. Чей-то голос произнес:

— Мне сказали, что, когда вас унесло течением, ты тутчас поплыл к сестре и держал ее, пока вас не подобрала. Это верно?

— Да, — сказал Мэтью. Его голос звучал не совсем уверенно.

— И еще мне сказали, что раньше ты не плавал.

— Да... ну, то есть да, не плавал, — сказал Мэтью довольно растерянно.

— Никогда не плавал?

— Да, — твердо ответил Мэтью. — У меня не получилось... — прибавил он.

— А сейчас получилось?

— Да.

— Говорят, ты слышал голос?

Мэтью помолчал.

— Ну... вроде того... — ответил он.

— Ты думаешь, это твой ангел?

— Нет! — сердито заявил Мэтью. — Еще чего!

— Ты же сам говорил репортеру...

Мэтью не дал закончить фразу:

— Ничего я не говорил! Это он говорил. И вообще я не знал, что он репортер.

— Но голос ты слышал?

Мэтью снова помолчал и не нашел ничего лучше, чем сказать: «Вроде того...»

— А когда ты его услышал, ты понял, что умеешь плавать?

Мэтью хрюкнул.

— И ты не думаешь, что тебе помог твой ангел-хранитель?

— Я не говорил ни про каких ангелов! — возопил Мэтью. — Это он говорил. Просто я влип, а Чо. — он внезапно остановился, и я почти услышал, как он прикусил язык. — Ну, понял, что умею, — неловко закончил он.

Репортер что-то начал говорить, но его оборвали на первом слове.

Диктор сказал:

— Мэтью научился плавать за один раз. Замешан тут ангел или не замешан, а Мэтью умело воспользовался преподанным ему уроком, и мы за него рады.

Мэтью спустился к столу, когда я кончал завтракать.

— Сейчас слушал тебя по радио, — сказал я ему.

— А! — сказал Мэтью и, не вдаваясь в объяснения, занялся корнфлексом.

— Когда это ты успел? — спросил я.

— Тут один звонил, когда мама ушла. Спрашивает: «Ты не Мэтью?», а я говорю: «Мэтью», а он говорит: «Я из Би-Би-Си. Можно к вам зайти?» Я говорю: «Можно», а то ведь невежливо отказать, если он оттуда. Ну, он пришел и показал мне газету. А потом включил запись и стал меня спрашивать. А потом ушел.

— И ты не сказал про него маме?

Мэтью возил ложкой по тарелке.

— Понимаешь, я думал, она испугается, что я ему говорил про Чокки. А я не говорил. Наверное, им это неинтересно.

Слабый довод, подумал я. Кажется, он чувствует себя виноватым, что пустил этого типа.

— М-да... Что ж, теперь поздно, — сказал я. — Только если еще заявятся, не говори с ними, а отсылай их к маме или ко мне. Ладно?

— Ладно, папа, — ответил он, помолчал и прибавил хмуро: — Да нет, это трудно. Понимаешь, я ведь не знал, что там, на берегу, был репортер. И этот тоже... Я не думал, что это интересно...

— А ты подозревай каждого незнакомца, — посоветовал я. — Мы ведь не хотим, чтоб они узнали про Чокки?

Мэтью зевал и ответить не мог, но кивнул очень решительно.

Под вечер зашел молодой человек, отрекомендовавшийся местным репортером. Мэри говорила с ним сухо. Да, эту чушь про ангелов она читала и удивилась, почему такое печатают. Мэтью учился плавать, но ему не хватало уверенности. Он знал, что надо делать, а в миг опасности сделал то, чему его учили, и поплыл. Да, это очень смело и очень хорошо, но чуда тут нет. К сожалению, видеть его нельзя — он ушел на весь день. И вообще лучше его не трогать.

Она билась долго, и в конце концов расстроенный репортер ушел.

В тот же день мне на работу позвонил Лендис. Он сказал, что думал о Мэтью и хочет о многом меня попросить. Я было решил, что он снова собрался к нам — а Мэри бы это не понравилось; к счастью, вместо этого он предложил мне как-нибудь пообедать с ним. Я чуть не спросил, слышал ли он Мэтью в новостях, но дел было много и мне не хотелось пускаться в объяснения. Мы условились встретиться в его клубе в четверг.

Когда я пришел домой, Мэри стряпала с мрачной решимостью, как всегда, когда ей не по себе. Я спросил, что случилось.

— Он опять говорил с репортерами, — сказала она, безжалостно двигая кастрюльку.

— Я ж его просил...

— Знаю, — горько сказала она. — Он, бедняга, не виноват... Я прямо взбесилась.

Оказалось, что множественное число она употребила для выразительности. Репортер был один. Мэтью встретил его, когда возвращался домой. Тот спросил, не Мэтью ли Гор ему повстречался, и назвал себя местным репортером. Мэтью посоветовал ему сперва поговорить с мамой. Репортер ответил, что был у нее и просил разрешения. Он надеялся побеседовать с Мэтью, но того не было дома. До чего же удачно, что они встретились! Однако не беседовать же тут, на углу. Как насчет чая с пирожными? И они пошли в кафе.

— Немедленно напиши редактору, — сказала Мэри. — Это черт знает что!

Я написал с должным негодованием и без малейшей надежды, но хоть немного успокоил Мэри. Чтобы не заводить ее снова, я не сказал о Лендисе.

Среда прошла тихо — правда, утром принесли письмо для Мэтью, и в левом углу конверта виднелась надпись

«Общество телепатических явлений». Я прочитал его в вагоне. Автор слышал по радио о необычных подвигах Мэтью и решил, что все это будет интересно членам его кружка. Если Мэтью не возражает, и т. п.

Да, в среду было тихо, но четверг возместил это с лихвой.

Я пытался читать «Таймс» — что непросто в переполненном вагоне, — когда случайно увидел фотографию в «Дейли телеграф», которую держал пассажир напротив, и она сразу чем-то привлекла мое внимание. Я подался вперед, чтоб лучше видеть. У тех, кто ежедневно ездит в поезде, вырабатывается особый рефлекс на такую нескромность. Мой визави опустил газету, взглянул на меня так, словно я браконьер или убийца, и развернул ее на другой странице.

Все же то, что я успел заметить, взволновало меня, и на вокзале Ватерлоо я стал искать этот номер, чтобы посмотреть как следует. Однако «Дейли телеграф» распродали. Утвердившись еще сильнее в своих подозрениях, я добрался до Блумсбери-сквер и тут же послал искать по всему учреждению свежий «Телеграф». К счастью, один нашли и принесли мне. Я развернул его, исполненный предчувствий, — и не зря...

Полстраницы занимали фотографии рисунков с выставки школьников. Тот, который привлек мое внимание еще в вагоне, снова встревожил меня и затмил все другие. Это был вид из окна; внизу, на улице, несколько мальчиков с ранцами толкались у каких-то ворот. Мальчики были угловатые, длинные, и многих бы это удивило — но не меня. Мне не нужна была подпись, и все же я прочитал: «Рисунок “Домой” двенадцатилетнего Мэтью Гора из Хинтона, в Хинд-мере, говорит о таланте и наблюдательности, редких для таких лет».

Я все еще смотрел на рисунок, когда вошел Томми Перселл и заглянул через мое плечо.

— А! — сказал он. — Видел, видел. Поздравляю. Так и думал, что это ваш. А я и не знал, что у него такие таланты. Очень тонко... хотя довольно странно, а?

— Да, — ответил я, и мне показалось, что газета скользит у меня из рук, — довольно странно.

Лендис залпом выпил полрюмки шерри.

— Видели газеты? — спросил он.

Я не стал притворяться, что не понимаю.

— Видел сегодняшний «Телеграф», — ответил я.

— А «Стандард»? Они тоже напечатали и дали целый абзац о даровитом ребенке. Вы мне об этом не говорили, — с упреком прибавил он.

— Я сам тогда не знал.

— И про плавание тоже?

— Это все потом случилось.

— Конечно, и там, и тут — Чокки?

— Кто ж еще! — сказал я.

Он подумал немного.

— Довольно опрометчиво, а? Не надо было выставлять эту картинку.

— Мы ее не выставляли.

— Вот досада! — бросил Лендис и заказал еще два шерри. — Да, картинка, — снова начал он. — Фигуры какие-то странные, вытянутые... тощие, что ли. Они у него всегда такие?

Я кивнул.

— Как он их рисует?

Я рассказал ему все, о чем Мэтью поведал нам. Он не удивился, только задумался. Потом начал так:

— И не одни фигуры. Все вертикальные линии длинней, чем надо. Как будто их видит существо, привыкшее к другим пропорциям... как будто там у них все шире, приземистей. — Лендис оборвал фразу, бессмысленно глядя на рюмку. Потом лицо его осветилось. — Нет, не то! Как будто смотришь сквозь особые очки и рисуешь, что видишь, без поправки. Наденьте другие стекла, сокращающие вертикальные линии, — и все станет на место. Должно быть, зрение Чокки не совсем совпадает со зрением Мэтью...

— Нет, не пойму, — сказал я. — Ведь глаз, который видит натуру, видит и картинку.

— Это просто аналогия... — уступил он, — я говорил приблизительно... а может, упростил. Но что-то в этих линиях есть. Пойдемте-ка пообедаем.

За обедом Лендис подробно спрашивал о происшествии в Бонтгоче. Я рассказал, как мог, и он решил, что это чуть ли не важнее рисунков. И тогда, и потом, дома, меня поражало, что он совсем не удивился. Мне даже порой казалось, что он разыгрывает меня — хочет проверить, как далеко я зайду. Но нет, в его речах не было и намека на недоверие; он принимал самые поразительные вещи.

Я все больше ощущал, что он зашел дальше меня — я волей-неволей соглашаюсь принять Чокки как гипотезу, а он просто верит в него. Словно, думал я, он следует правилу

Шерлока Холмса: «Когда все невозможное исключено, считайте правдой то, что остается — как бы невероятно оно ни было». Почему-то мое беспокойство от этого усиливалось.

После обеда, за кофе и бренди, Лендис сказал:

— Надеюсь, вы заметили, что я много думал о вашем деле, и теперь, мне кажется, вам нужен Торби. Сэр Уильям Торби. Он очень умен, и опытен, и гибок — а это у нас нечасто бывает. Я хочу сказать, что он не фанатик психоанализа. К каждому случаю он подходит особо: решит, что нужен анализ, — применит, а решит, что нужны лекарства, — даст лекарства. На его счету много поразительных исцелений. Да, если кто-то вам поможет, то именно Торби.

Я не стал обращать внимание на «если» и сказал:

— Вроде бы в тот раз вы говорили, что помощь не нужна.

— Я и сейчас скажу! Это вашей жене нужна помощь. Да и вам не помешает.

Он был прав. Мы с Мэри куда больше тревожились за Мэтью, чем он сам. И я согласился, чтобы Лендис свел нас с сэром Уильямом Торби.

— Хорошо, — сказал Лендис, — я с ним поговорю и через несколько дней дам вам знать.

Дома я застал kloкочущую от гнева Мэри и понял, что она видела «Ивнинг стандарт».

— Какой-то кошмар! — взорвалась она. — Как она смела посылать рисунок без спроса? Прямо... ну, как это называют?... прямо присвоение чужой собственности!.. Даже у Мэтью не спросила. Послала и никому не сказала. Нет, она бы не посмела — хоть с кем-то она да советовалась. Не знаю, до чего дойдут учителя! Им кажется — у них все права, а у нас никаких. Хоть бы из вежливости спросили родителей... Какое хамство! Ну, чему научится ребенок, если его учат невежи? Завтра же напиши им, пусть она хоть прощения попросит... Нет, сейчас пиши. Утром тебе будет некогда.

Я очень устал за день.

— Не станет она просить прощения. С какой стати?

Мэри прямо взглянула на меня, набрала воздуха и начала снова. Я прервал ее:

— Такая у нее работа. Ее ученик нарисовал картинку, и ей показалось, что ее можно выставить. Она хотела, чтоб ему воздали должное. Конечно, она думала, что мы будем в восторге. Да мы и были бы, если б не этот Чокки.

— Хоть бы спросила...

— А ты бы ей сказала про Чокки? И потом, это было еред самыми каникулами, она еле успела послать. Держу ари, сейчас она ждет благодарности.

Мэри сердито фыркнула.

— Ладно, — сказал я, — пиши сама. Извинений ты не ождешься. Что ж тогда? Поднимешь скандал? Местные азеты любят перепалку родителей и учителей. Можешь рогреметь на всю страну. И картинке сделаешь рекламу. А то-нибудь догадается, что Мэтью Гор с картинкой и Мэтью ор с ангелом — один и тот же мальчик. Вообще-то и так огадаются, не стоит самим звонить на всю Англию.

Мэри так испуганно взглянула на меня, что я пожалел о воем тоне, и смотрела долго-долго, а потом лицо ее скриви- ось... Я помог ей встать и почти отнес в кресло.

Наконец она вынула платок у меня из кармана и стала онемного затихать. Рука ее нашла мою руку.

— Прости, что я такая глупая, — сказала она.

Я обнял ее:

— Ничего! Ты не глупая, ты просто боишься, что ж тут гранного.

Мэри помолчала, комкая платок.

— Я так за него тревожусь, — нетвердо произнесла на, привстала и взглянула на меня. — Дэвид, скажи мне естно!.. Они... они не решат, что он сумасшедший? А?

— Конечно, не решат. С чего бы? Ты ведь знаешь, он овсем нормальный.

— А если пронюхают про Чокки? Что он слышит голос ... и... — договорить она не смогла.

— Ты не того боишься, — начал я. — Посмотри на зло иначе. С Мэтью, с самим Мэтью — все в порядке. едко встретишь такого разумного, здорового мальчика. рошу тебя, очень тебя прошу, пойми: этот Чокки — не адумка. Не Мэтью его создает, а он приходит к Мэтью, го б он ни был. Трудно поверить, я знаю, и невозможно знять. Но я убежден в этом, и Лендис тоже. Он психиатр, и он оволен Мэтью, не считает его больным. Прошу тебя, поверь!

— Я стараюсь... но я не понимаю! Кто такой Чокки? лавание... картинки... все эти вопросы...

— Этого-то мы и не знаем... пока. Мне кажется, Мэтью йчас и впрямь похож на одержимого. Да, слово неудач- е, оно связано с безумием, страхом, злой волей, но я его ютребил не в том смысле. Другого слова не найдешь! Как /дто кто-то в него вселился... Очевидно, Чокки ему не

вредит. Мы пугаемся его, потому что не понимаем. Я хочу судить объективно, и, знаешь, мне кажется, мы неблагодарны. Вспомни, ведь Мэтью считает, что Чокки их обоих спас... А если не он — то кто же? Нет, он не опасен. Он надоедлив, навязчив, но расположен к Мэтью как... скажем, как добрый дух.

— Ах вон что! — всплеснула руками Мэри. — Ты хочешь сказать, что он и есть ангел-хранитель.

— Ну, нет... не то... я хотел сказать... а вообще-то в некотором роде — да.

ГЛАВА 9

На следующее утро в станционном киоске я купил нашу местную газету. Как я и ожидал, там было про Мэтью — на четвертой колонке первой полосы под шапкой «“Ангел-хранитель” спасает детей». Мне не понравились кавычки — видимо, редактор хотел подстраховаться, — но я стал читать и немного успокоился. Пришлось признать, что статья неплохая и объективная, хотя автор явно не договаривал, и даже какая-то растерянная, словно он решил судить непредвзято и вдруг перестал понимать, что же все это означает. Ангел-хранитель присутствовал чуть ли не только в заголовке; по статье же скорее выходило, что когда Мэтью упал в воду, с ним случилось что-то странное, но никто не знает, что же именно. Сомнений не было в одном: Мэтью спас Полли.

Как ни печально, люди прежде всего замечают заголовки; в конце концов, для того они и покупают газеты.

Алан в то утро позвонил, пригласил позавтракать, и я согласился.

— Видел вчера в газете его рисунок, — сказал Алан. — После твоих рассказов я решил сходить на выставку. Она чуть не рядом с нами. Почти все — ерунда, как обычно. Не удивляюсь, что им так понравился Мэтью. Все-таки чудной у него ракурс, все какое-то длинное — а что-то есть, есть... — Он помолчал, с интересом глядя на меня. — Странно, что вы их послали. Ведь вы так говорили про Чокки...

— Мы не посылали, — ответил я и рассказал ему о последних событиях.

— Ах вон оно что! Да, неудачно, все так совпало. Кстати, в среду ко мне заходили из Общества любителей плавания. Насчет медали. Они там прослышали, что Мэтью раньше не умел плавать, и, конечно, усомнились во всей

этой истории. Ну, я им рассказал, что мог. Подтвердил, что он не плавал. Черт, я же сам его учил дня за два до того! Кажется, поверили, но я их еще больше сбил с толку. — Он снова помолчал. — Знаешь, Дэвид, теперь твой Чокки — именинник. Что ты будешь с ним делать?

— Что ж мне с ним делать? А вот насчет Мэтью — Лендис кое-что посоветовал.

И я пересказал ему нашу беседу.

— Торби... Торби... да еще сэр?.. — пробормотал Алан. — Что-то недавно слышал... Ах да! Его пригласили консультантом в какую-то фирму. Не помню, куда именно — во всяком случае дело там большое. Тот, кто мне рассказывал, интересовался, вошел ли он в долю. И практики там — хоть отбавляй.

— И денег тоже? — спросил я.

Алан покачал головой:

— Не скажу, не знаю. Да уж платят, наверное! Я бы поговорил сперва с Лендисом...

— Спасибо, я поговорю. Не так уж приятно платить кучу денег, если лечение затянется.

— Не думаю, что оно затянется. В конце концов, никто не считает, что Мэтью нездоров... что его надо лечить. Ты просто хочешь понять... и посоветоваться, правда?

— Не знаю, — ответил я. — Конечно, Чокки не принес ему никакого вреда...

— И спас их обоих, не забудь.

— Да. Я, собственно, за Мэри волнуюсь. Она не успокоится, пока Чокки не изгонят... не уничтожат, не развеют — ну, словом, не покончат с ним.

— Покоя хочет... Нормальность — прежде всего... Инстинкт побеждает логику... Что ж, все мы думаем по-разному, особенно мужчины и женщины. Постарайся, чтоб она дала Торби возможность высказаться. Что-то мне кажется, хуже будет, если она сама начнет выкуривать Чокки.

— Этого не бойся. Она знает, что Мэтью тогда рассердится. Она ведь вроде Полли — им обоим кажется, что Мэтью им изменил.

Когда я пришел домой, там было невесело, но меня никто не ругал, и я приободрился. Я решил, что Мэри читала газету и отнеслась к ней, как я, и спросил ее, как прошел день.

— Я думала, в город лучше не ездить, — отвечала она, — и заказала все по телефону. Часов в одиннадцать пришел очень милый, немножко чокнутый священник. Он огорчился, что Мэтью нет, хотел, понимаешь, растолковать ему, что он ошибается, и растолковал мне. Видишь ли, он с огорчением прочитал, что Мэтью принял версию об ангелехранителе. Дело в том, что это не христианское понятие. Ранняя церковь просто заимствовала его вместе с другими языческими верованиями. С тех пор много неверных идей вытеснено истинным учением, а эта все держится. Говорит, христиане должны бороться с ересью, так что вот, не соглашусь ли я передать Мэтью, что Творец не передоверяет своих дел секретарям. Он сам, и только Он, мог поддержать тогда Мэтью и дать ему смелость и силу. Священник же считает своим долгом разъяснить недоразумение. Ну, я сказала, что передам, а сразу после него позвонила Дженет...

— О Господи!

— Да, позвонила. Она потрясена успехами Мэтью в рисовании.

— И приедет завтра их обсудить?

— Нет, в воскресенье. Завтра приедет Пэшенс, она тоже звонила.

— Надеюсь, — сказал я без особой надежды, — ты им бесповоротно отказала?

Она ответила не сразу.

— Ты же знаешь, Дженет такая настырная...

— А... — сказал я и снял трубку.

— Подожди минутку! — попросила Мэри.

— Что ж, мне сидеть и смотреть, как твои сестрицы потрошат Мэтью? Сама знаешь, будут тарыхтеть, ломаться, выпытывать и жалеть тебя, бедняжку, которой попался такой необычный ребенок. К черту! — Я коснулся диска.

— Нет, — сказала Мэри, — лучше я.

— Ладно, — согласился я. — Скажи, чтоб не приходили. Скажи, что я обещал друзьям приехать на уик-энд... и на следующей неделе тоже, а то им дай только волю!

Она все сделала как надо и, кладя трубку, взглянула на меня. Ей явно полегчало, и я очень обрадовался.

— Спасибо, Дэвид... — начала она. Тут раздался звонок; я взял трубку.

— Нет, — сказал я. — Он спит... Нет, завтра не будет целый день.

— Кто? — спросила Мэри.

— «Санди Даун». Хочет взять у него интервью. Знаешь, кажется, они поняли, что Мэтью-герой и Мэтью-художник — одно и то же лицо. Скоро многие поймут.

Я не ошибся. Позвонили из «Рипорт», потом — из «Санди Войс».

— Ну, решено, — сказал я. — Завтра придется уйти на целый день. И пораньше, пока они еще не расположились в саду. Да, и на ночь останемся. Пойдем собирать вещи.

Мы пошли наверх, и телефон затрезвонил снова. Я колебался.

— Да ну его, — сказала Мэри.

И мы не подошли к телефону ни в этот, ни в следующий раз.

Нам удалось уехать в семь, опередив репортеров. Мы направились к берегу.

— Надеюсь, они без нас не вломятся, — сказала Мэри. — Мне кажется, что я — беженка.

Всем нам так казалось часа два, пока мы ехали до берега. Машин на шоссе было полно, и мы еле ползли. То и дело что-то случалось и образовывалась пробка на целые мили. Дети стали скучать.

— Это все он, — плакалась Полли.

— Нет, не я, — возражал Мэтью. — Я ничего такого не хотел. Само случилось.

— Значит, это Чокки.

— Тебе бы его благодарить, — напомнил Мэтью.

— Сама знаю, а не могу. Он все портит, — ответила Полли.

— Последний раз, когда мы тут ехали, с нами был Пиф, — заметил я. — Он немножко мешал.

— Пиф был глупый, он мне ничего не говорил, это я ему говорила. А этот Чокки вечно болтает или спрашивает всякую ерунду.

— Нет, — сказал Мэтью, — сейчас он уже не спрашивает. Его не было со вторника. Я думаю, он отправился домой.

— А где его дом? — спросила Полли.

— Не знаю. Он был какой-то расстроенный. Наверное, отправился к себе, спросить, как и что.

— Что спросить? — настаивала Полли.

Я заметил, что Мэри в беседу не вступает.

— Если его нет, — предложил я, — давайте про него забудем.

Полли высунула голову и стала разглядывать неподвижные вереницы машин.

— Мы, наверно, скоро поедem, — заявила она. — Я лучше почитаю. — Она выудила книгу откуда-то сзади и открыла ее. Мэтью посмотрел на картинку.

— Это что, цирк? — поинтересовался он.

— Скажешь тоже! — презрительно воскликнула Полли. — Это очень интересная книжка про одного пони. Его звали Золотое Копытце. Раньше он выступал в цирке, а сейчас учится в балете.

— Вон что! — сказал Мэтью с достойной уважения сдержанностью.

Мы доехали до большой стоянки, где брали по пять шиллингов с машины, взяли вещи и отправились искать море. Каменистый берег у самой стоянки заполнили люди с транзисторами. Мы пошли дальше по камушкам и добрались до места, где от сверкающей воды нас отделяла только широкая лента нефти и мусора да кромка пены.

— О Господи! — сказала Мэри. — Надеюсь, ты не будешь тут купаться?

Присмотревшись получше, Мэтью заколебался, но все же возроптал:

— А я хочу плавать, раз я умею.

— Не здесь, — сказала Мэри. — Какой был хороший пляж несколько лет назад! А сейчас это... это...

— Самый краешек британской клоаки? — подсказал я. — Ну, пойдem еще куда-нибудь. Иди сюда, мы уходим! — крикнул я Мэтью, который все еще, словно во сне, смотрел на грязную пену. Полли и Мэри зашагали по берегу, а я подождал его.

— Что, Чокки вернулся? — спросил я.

— Как ты узнал? — удивился Мэтью.

— Да уж узнал. Вот что, окажи-ка мне услугу. Молчи про него, если можешь. Не надо портить маме поездку. И так ей здесь не понравилось.

— Ладно, — согласился он.

Мы отошли от берега и обнаружили деревню в ущелье, у подножия холмов. Там было тихо, а в кабачке мы очень прилично позавтракали. Я спросил, можно ли остаться на ночь, и, на наше счастье, у них оказалась комната. Мы с Мэри расположились в садике, в шезлонгах; Мэтью исчез, туманно намекнув, что идет побродить; Полли улеглась под

деревом, и ей почудилось, что она — Золотое Копытце. Примерно через час я предложил прогуляться перед чаем.

Мы лениво побрели по тропинке, опоясывающей холм, и через полмили, по ту сторону, увидели, что кто-то стоит на коленях и рисует в большом альбоме.

— Это Мэтью, — сказала Мэри.

— Да, — ответил я и повернул обратно.

— Нет, пошли, — сказала она. — Я хочу посмотреть.

Я без особой охоты отправился за ней. Мэтью нас не заметил, даже когда мы подошли вплотную. Он выбирал карандаш решительно и точно, а линию вел уверенно — ничего похожего на прежнюю неопределенность. Потом и твердо, и нежно он растирал ее, растушевывал рукой, или большим пальцем, или углом платка, а после, вытерев платком руки, наносил новую линию и опять растушевывал ее.

Я всегда дивлюсь художникам как чуду, но сейчас сассекский ландшафт так явственно оживал на бумаге, материал был так прост, а техника — так необычна, что я стоял, словно зачарованный, и Мэри тоже. Так мы простояли больше получаса; наконец Мэтью распрямился, тяжело вздохнул и поднял готовый рисунок, чтобы его рассмотреть. Тут он заметил, что мы стоим сзади, и обернулся.

— Ох, это вы! — сказал он, не совсем уверенно глядя на Мэри.

— Мэтью, какая красота! — воскликнула она.

Мэтью явно стало легче. Он снова воззрился на рисунок.

— Наверное, сейчас он видит правильней... — серьезно, как судья, сказал он, — хотя еще немного чудно.

Мэри спросила:

— Ты мне дашь этот рисунок? Я буду его очень беречь.

Мэтью с улыбкой посмотрел на нее. Он понял, что наступил мир.

— Хорошо, мама, если хочешь, — сказал он и попросил на всякий случай: — Только ты с ним поосторожней.

— Я буду очень осторожна, он такой красивый, — заверила она.

— Да, ничего, — согласился Мэтью. — Чокки считает, что это красивая планета, если б мы ее не портили.

Домой мы вернулись в воскресенье вечером. В эти дни нам стало легче, но Мэри все же боялась думать о понедельнике.

— Эти газетчики такие наглые. Гонишь их, гонишь, а они все лезут, — жаловалась она.

— Не думаю, что они тебя будут сильно мучить. Во всяком случае, не в воскресенье. А к концу недели все уляжется. Знаешь, лучше всего убрать Мэтью куда-нибудь. На один день, конечно, — в школу ему со вторника. Сделай ему побольше бутербродов и скажи, чтоб не возвращался до вечера. И денег дай: соскучится — пойдет в кино.

— Как-то жестоко его выгонять...

— Да. Только вряд ли он предпочтет репортеров с ангелами.

Наутро Мэри выставила его — и не зря. За день навелись шестеро: наш собственный викарий; еще какой-то священник; дама средних лет, отрекомендовавшаяся духовидицей; дама из местного кружка художников, в который, по ее мнению, будет счастлив вступить и Мэтью; дама, полагавшая, что грезы детей мало изучены; и, наконец, инструктор плавания, надевавшийся, что Мэтью выступит на следующем водном празднестве.

Когда я вернулся, Мэри еле дышала.

— Если я когда-нибудь сомневалась в могуществе печати, беру свои слова обратно. Жаль только, что его тратят на такую чепуху.

Вообще же понедельник прошел неплохо. Мэтью вроде бы хорошо провел день. Он нарисовал два раза один и тот же ландшафт. Первый рисунок был явно в манере Чокки; второй — похуже, но Мэтью гордился им.

— Это я сам, — поведал он. — Чокки много мне говорил, как надо смотреть, и я начинаю понимать, чего он хочет.

Во вторник, с утра, Мэтью ушел в школу. Домой он вернулся с подбитым глазом.

— Мэтью! — вскрикнула Мэри. — Ты дрался!

— Нет, — гневно ответил Мэтью. — Меня побили.

По его словам, он стоял на переменке во дворе, а мальчик постарше, Саймон Леддер, подошел к нему с тремя приспешниками и стал острить насчет ангелов. Саймон заявил, что, если ангел спасет Мэтью от его кулака, он в ангелов поверит, а не спасет — значит, Мэтью трепло. Затем он претворил свое заявление в жизнь, ударив Мэтью так, что тот упал. Может быть, минуты на две он даже потерял сознание. Во всяком случае, он помнит только, что, встав, увидел не Саймона, а мистера Слетсона, директора школы.

Мистер Слетсон был так мил, что зашел к нам попозже справиться о здоровье Мэтью. Я сказал, что Мэтью лучше, хоть вид у него и неважный.

— Мне так жаль, — сказал мистер Слетсон. — Виноват только Леддер. Надеюсь, это больше не повторится. Странное происшествие! Я был далеко, помочь не мог, но все видел. Он ударил Мэтью и ждал, пока тот встанет — явно хотел ударить снова. Но когда Мэтью встал, они все вдруг отступили, уставились на него, а потом бросились бежать. Я спросил зачинщика, Леддера, что случилось. Он отвечал, что «Мэтью был очень уж злой». Странно... но это значит, что больше они не пристанут. Кстати... — и, понизив голос, мистер Слетсон принялся немного растерянно поздравлять нас с успехами сына в плавании и рисовании.

Полли очень заинтересовалась подбитым глазом.

— А ты им видишь? — спросила она.

— Да, — сухо отвечал Мэтью.

— Он смешной, — сообщила она и прибавила, подумав: — А Копытцу тоже чуть не выбили глаз.

— Балерина заехала ногой? — предположил Мэтью.

— Нет, еще в той книжке, где про охоту, — объяснила Полли и, помолчав немного, невинно спросила: — Это Чокки?

— Ну хватит! — сказал я. — Мэтью, а твоей учительнице понравилось, что «Домой» напечатали в газетах?

Мэтью покачал головой:

— Я ее еще не видел. Сегодня рисования не было.

— Наша мисс Пинксер видела, — вмешалась Полли. — Она считает, что это просто дрянь.

— Господи, Полли! — взволновалась Мэри. — Не может быть, чтобы она так выразилась.

— Она не выразилась. Она подумала. Сразу видно... Она сказала; у Мэтью стиг... стигматы, что ли, и наверняка он носит очки. А я ей сказала, на что ему очки, ведь это не он рисовал.

Мы с Мэри переглянулись.

— Ой, что ты натворила! — охнула Мэри.

— Так это ж правда, — возроптала Полли.

— Нет, — сказал Мэтью. — Это я рисовал. Учительница сама видела.

Полли фыркнула.

Когда они наконец ушли, я рассказал Мэри свои новости. Утром звонил Лендис. Он видел сэра Уильяма. Тот заинтересовался Мэтью. Время у него распределено по минутам, но все же он велел мне договориться с его секретаршей.

Я позвонил, и секретарша тоже упомянула о времени, но обещала посмотреть, зашуршала бумагой и наконец любезно сообщила, что мне повезло — в пятницу в два есть просвет, можно прийти, иначе придется ждать неделями.

Мэри колебалась. Кажется, за последние дни ее любовь к Чокки ослабела; и еще, я думаю, ей не хотелось делить с кем-то Мэтью — как прежде, когда он пошел в школу. Однако присущий ей здравый смысл победил, и мы решили, что в пятницу я повезу Мэтью на Харли-стрит.

В среду было тихо. Мэри отказала только двоим посетителям и еще двоим — по телефону, а в школе прогнали предполагаемого репортера. Правда, сам Мэтью не поладил с Кефером.

Началось, по-видимому, с того, что Кефер на уроке физики сказал, что скорость света — предел, и ничто не может двигаться быстрее света.

Мэтью поднял руку. Кефер посмотрел на него.

— О, — сказал он. — Так я и думал. Ну, молодой человек, что вы знаете такого, чего не знал Эйнштейн?

Мэтью уже жалел, что выскочил, и буркнул:

— Это я так... Неважно.

— Нет, важно, — настаивал учитель. — Всякое возражение Эйнштейну чрезвычайно важно. Возражайте!

— Простите, сэр, скорость света — предел только физической скорости.

— Конечно. А что, по-вашему, движется быстрее?

— Мысль, — сказал Мэтью.

Кефер снова посмотрел на него.

— Мысль, милый мой Гор, тоже физический процесс. В нем участвуют нейроны, в клетках происходят химические изменения. Все это занимает время. Его можно измерить в микросекундах. Поверьте, скорость мысли окажется много меньше скорости света. Иначе мы могли бы предотвратить немало несчастных случаев.

— Простите...

— Что такое, Гор?

— Понимаете, сэр... Я, наверное, хотел сказать не «мысль», а «разум».

— Ах вон что? Психология — не моя область. Не объясните ли нам?

— Если вы, сэр, как-нибудь... ну, метнете ваш ум...
— Метну? Быть может, pošлю сообщение?
— Да, сэр. Если вы его pošлете, пространство и время. ну, исчезнут.
— Так, так. Чрезвычайно занятная гипотеза. Вероятно, вы можете это продемонстрировать?
— Нет, сэр, я не могу... — и Мэтью остановился.
— Однако знаете того, кто может? Я уверен, что будет чрезвычайно поучительно, если вы его нам покажете. — Он печально взглянул на Мэтью и покачал головой. Мэтью устался в парту.
— Итак, — обратился учитель к классу, — ничто в мире (за исключением ума Мэтью Гора) не превышает скорости света. Продолжим урок...

В пятницу я встретил Мэтью на вокзале Ватерлоо. Мы позавтракали и пришли к сэру Уильяму без пяти два.

Сэр Уильям оказался высоким, чисто выбритым, горбоносым, полуседым человеком с темными, зоркими глазами и густыми бровями. На улице я бы принял его за юриста, а не за врача. Сначала мне показалось, что я его где-то видел — быть может, потому, что он был похож на герцога Веллингтона.

Я представил ему Мэтью, мы поговорили немного, и он попросил меня подождать.

— Сколько мне ждать? — спросил я у секретарши.

— Не меньше двух часов: пациент новый, — ответила она. — Приходите после четырех. Мы присмотрим за мальчиком, если он выйдет раньше.

Я пошел к себе на службу, а в пятом часу вернулся. Мэтью вышел в шестом и взглянул на часы.

— Ой! — удивился он. — А я-то думал, что пробыл там всего полчаса.

Тут вмешалась секретарша.

— Сэр Уильям просит прощения, что не может повидаться с вами, у него срочная консультация. Он вам напишет дня через два, — сказала она, и мы ушли.

— Ну как? — спросил я Мэтью в вагоне.

— Он очень много спрашивал. Насчет Чокки он совсем не удивился. И еще мы слушали пластинки, — прибавил он.

— Доктор собирает пластинки? — спросил я.

— Нет, не такие. Это спокойная музыка... добрая... ну, музыкальная. Он спрашивал, а она играла. А когда одна

пластинка кончилась, он вынул из шкафа другую и спросил, видел я такую или нет. Я сказал — «нет», потому что она была странная, в черных и белых узорах. Он подвинул стул и говорит: «Сиди здесь, увидишь», — и поставил ее. Она зажужжала, а музыки не было. Потом зажужжала громче. То тише, то громче, то тише, то громче, жужжит и жужжит. Я смотрел, как она крутится, а узоры так завихряются, как вода, когда из ванны уходит, только не вниз — просто уходят сами в себя, исчезают. Мне понравилось — как будто вся комната кружится, а я падаю со стула. А потом вдруг все остановилось, и смотрю — играет обыкновенная пластинка. Сэр Уильям дал мне оранжаду, еще поспрашивал и говорит — на сегодня хватит, я и вышел.

Я передал все это Мэри.

— А, гипноз! — сказала она. — Мне это не очень нравится.

— Да, — согласился я. — Но ему видней, что тут нужно.

Мэтью мог заартачиться. Лендису он легко все рассказал, но то случай особый. Чтобы не биться за каждый ответ, сэр Уильям, наверное, решил облегчить им обоим дело.

— М-м... — сказала Мэри. — Что ж, будем ждать его письма.

На следующее утро Мэтью вышел к завтраку усталый, вялый и рассеянный. Попытки Полли завязать беседу он отверг так решительно, что Мэри велела ей замолчать.

— Тебе нехорошо? — спросила она Мэтью, ковырявшегося в корнфлексе.

— Нет, — Мэтью покачал головой. — Мне хорошо, — и он демонстративно набросился на корнфлекс. Ел он так, словно хлопья душили его.

Я пристально смотрел на него и видел, что он вот-вот расплачется.

— Эй, Мэтью! Мне сегодня надо в Чичестер. Хочешь со мной?

Он снова покачал головой:

— Нет, папа, спасибо... Я бы лучше... Мама, можно мне взять бутербродов?

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я кивнул.

— Можно. Я после завтрака тебе сделаю.

Мэтью поел еще и ушел наверх.

— Золотое Копытце тоже не ел, когда погиб его друг Глазастик. Очень печально было, — заметила Полли.

— Иди-ка причешись, — сказала Мэри. — Смотреть противно.

Когда она ушла, Мэри сказала:

— Честное слово, это из-за вчерашнего типа.

— Может быть, — согласился я. — А скорее — нет. Он вчера был веселый. И вообще, если он хочет куда-то идти, мы не должны его удерживать.

Когда я вышел, то увидел, что Мэтью кладет альбом, краски и бутерброды в багажник велосипеда. Я понадеялся, что бутерброды выдержат путешествие.

— Ты поосторожней. Помни, что сегодня суббота, — сказал я.

— Помню, — ответил он и уехал.

Вернулся Мэтью в шесть и ушел к себе. К обеду он не спустился. Я спросил Мэри, в чем дело.

— Говорит, что есть не хочется, — сказала она. — Лежит и глядит в потолок. Его что-то мучает.

Я пошел к нему. Он и впрямь лежал, вид у него был измученный.

— Устал, старик? — спросил я. — Ложись совсем. Я тебе принесу поесть.

Он покачал головой:

— Спасибо, папа. Не хочу.

Я оглядел комнату и увидел четыре новые картинки. Все ландшафты. Два стояли на камине, два на комод.

— Это сегодня? — спросил я. — Можно посмотреть?

Я подошел поближе. На одном я сразу узнал докшемский пруд, на другом был угол пруда, на третьем — вид на деревню и холмы с более высокой точки, а на четвертом — что-то мне незнакомое.

Я увидел равнину. На заднем плане, на фоне ярко-синего неба, тянулась цепь древних на вид холмов, прерывавшаяся какими-то приземистыми, округленными башнями. Посередине, чуть вправо, высилась пирамида — огромная и не совсем правильная, потому что камни (если это вообще были камни) не были пригнаны друг к другу, а, если верить рисунку, громоздились кучей. Я не назвал бы ее сооружением, но и не сказал бы, что это природная формация. За ней извилистой линией располагались какие-то сгустки материи, иначе я их не назову, потому что таких не видел; быть может, это мясистые растения, быть может, — стога, быть может, — хижины, и дело осложнялось тем, что каждый из них отбрасывал по две тени. От левого края рисунка к пирамиде шла ровная, как по линейке, полоска и резко сворачивала к дымке у подножия холмов. Вид был

мрачный и цвета невеселые, кроме яркой лазури неба: охряный, тускло-красный, серый. Сразу чувствовалось, что «там» сухо и ужасно жарко.

Я все еще смотрел и дивился, когда услышал сзади всхлипывания. Мэтью с трудом произнес:

— Это последние. Больше не будет.

Я обернулся. Он шурился, но слезы все же текли. Я присел на кровать и взял его руку.

— Мэтью, милый, скажи! Ну, скажи, что с тобой такое?!

Мэтью втянул носом воздух, откашлялся и выговорил:

— Это из-за Чокки, папа. Он уходит. Навсегда.

Я услышал шаги на лестнице, быстро вышел и плотно закрыл дверь.

— Что с ним? — спросила Мэри. — Болен?

Я взял ее за руку и увел подальше.

— Нет, — сказал я. — Все будет хорошо. — Я повел ее по лестнице вниз.

— Да в чем же дело? — настаивала она.

Здесь, в холле, Мэтью не мог нас услышать.

— Понимаешь, Чокки уходит... освобождает нас, — сказал я.

— Ох, как я рада, — сказала Мэри.

— Радуйся, только смотри, чтоб он не заметил.

Мэри подумала.

— Я отнесу ему поесть.

— Нет. Не трогай его.

— Что ж ему, голодать, бедняге?

— Он... Я думаю, они там прощаются... а это нелегко.

Она, недоверчиво хмурясь, глядела на меня.

— Что ты, Дэвид! Ты говоришь так, как будто Чокки и вправду есть.

— Для Мэтью он есть, и прощаться с ним трудно.

— Все равно голодать нельзя.

Я всегда удивлялся, почему это самые милые женщины не могут понять, как серьезны и тяжелы детские огорчения.

— Позже поест, — сказал я. — Не сейчас.

За столом Полли безудержно и невыносимо болтала о своих пони. Когда она ушла, Мэри спросила:

— Я думала... Как по-твоему, это тот тип подстроил?

— Какой?

— Твой сэр Уильям. Он ведь Мэтью загипнотизировал.

А под гипнозом можно внушить что угодно. Предположим, он ему сказал: «Завтра твой друг уйдет навсегда. Тебе будет

нелегко с ним прощаться, но ты простишься, а он уйдет, и ты его со временем забудешь». Я в этом плохо разбираюсь, но ведь внушение может вылечить, правда?

— Вылечить? — переспросил я.

— Я хотела сказать...

— Ты хотела сказать, что, как прежде, считаешь Чокки выдумкой.

— Не то чтоб выдумкой...

— А плавание? И потом — ты же видела, как он рисовал на днях. Неужели ты еще считаешь...

— Я еще надеюсь. Все же это лучше, чем одержимость, о которой толковал твой Лендис. А сейчас как будто про нее и речи быть не может. Смотри: он идет к этому сэру, а на следующий день говорит тебе, что Чокки уходит...

Мне пришлось признать, что кое в чем она права; и я пожалел, что мало знаю о гипнозе вообще, а о вчерашнем — в частности. Кроме того, я пожалел, что, изгоняя Чокки, сэр Уильям не сумел провести это как можно менее болезненно.

Вообще я сердился на Торби. Я повел к нему Мэтью для диагноза, которого не услышал, а мне подсунили лечение, о котором я не просил. Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что он действовал не так как надо, а, точнее говоря, своевольно.

Перед сном мы зашли к Мэтью — вдруг ему захотелось есть? У него было тихо, он мерно дышал, и, осторожно прикрыв дверь, мы ушли.

Наутро, в воскресенье, мы не стали его будить. Мэтью выполз очень заспанный часам к десяти, глаза у него порозовели, вид стал совсем рассеянный, но аппетит к нему вернулся.

Примерно в половине двенадцатого к дому подъехала большая американская машина, похожая спереди на пианолу. Мэтью, грохоча, скатился по ступенькам.

— Папа, это тетя Дженет! Я бегу, — задыхаясь крикнул он и ринулся к черному ходу.

День выдался трудный. Это было похоже на прием без почетного гостя или на выставку курьезов без главного экспоната. Мэтью знал, что делает. Весь день шла болтовня об ангелах-хранителях (с примерами «за» и «против»), а также о том, что все знакомые художники были весьма неприятными, если не опасными людьми.

Не знаю, когда Мэтью вернулся. Должно быть, он пробрался в дом (и, кстати, в кладовую), а после пролез к себе, пока мы болтали. Когда все ушли, я поднялся к нему. Он сидел у открытого окна и смотрел на заходящее солнце.

— Рано или поздно придется ее увидеть, — сказал я, — но сегодня и впрямь не стоило. Они ужасно расстроились, что тебя нет.

Мэтью с трудом улыбнулся.

Я оглядел комнату и опять увидел те четыре рисунка. Пруд я похвалил, но не знал, говорить или нет о четвертой картинке.

— Это что, по-твоему? — все же спросил я.

Мэтью обернулся.

— Это где Чокки живет, — сказал он и немного помолчал. — Жуткое место, а? Потому ему у нас и нравится.

— Да, место не из приятных, — согласился я. — И жарко там, наверное.

— Днем — жарко. Видишь, сзади что-то вроде пуха? Это озеро испаряется.

— А это что за пирамида? — спросил я.

— Сам не знаю, — признался он. — То мне кажется это — здание, то — город. Трудно немножко, когда нет подходящих слов — ведь у нас такого не бывает.

— А это? — я имел в виду симметричные ряды холмов.

— Это там растет.

— Где «там»? — спросил я.

Мэтью покачал головой:

— Мы так и не выяснили, где — мы, где — они.

Я заметил, что он употребил прошедшее время, снова взглянул на рисунок, и меня опять поразила его сухая одноцветность и ощущение жары.

— Знаешь что, — сказал я, — прячь его, когда уходишь. Маме он не очень понравится.

Мэтью кивнул:

— Я и сам так думал. Сегодня спрячу.

Он замолчал. Мы смотрели из окна на алый полукруг солнца, перерезанный темными стволами. Наконец я спросил:

— Он ушел, Мэтью?

— Да, папа.

Мы молчали, пока не исчез последний луч. Потом Мэтью всхлипнул, на глазах его выступили слезы.

— Папа, от меня как будто кусок оторвали...

На следующее утро он был невесел и немножко бледен, но в школу пошел твердо. Вернулся усталый; однако неделя шла, и он как будто приходил в себя. К субботе Мэтью совсем оправился. Мы вздохнули с облегчением, хотя каждый имел в виду свое.

— Ну, слава Богу, прошло, — вздохнула Мэри в пятницу вечером. — Наверное, этот твой сэр все-таки был прав.

— Торби, — сказал я.

— Ладно, Торби. Он ведь тебе объяснил, что это — «переходная фаза». Мэтью создал целый фантастический сюжет — так бывает в его годы, и нам беспокоиться незачем, если это не затянется. По-видимому, все пройдет само собой, и довольно скоро. Видишь, прошло.

— Да, — согласился я, чтоб не спорить. В конце концов, если Чокки ушел, важно ли, ошибся Торби или нет? Честно скажу, во вторник мне было очень трудно читать его письмо. Он писал, что плавать Мэтью умел, но ему мешал безотчетный страх перед водой. Шок снял запреты; однако сознание приписало это постороннему вмешательству. С рисунка́ми — примерно то же самое. Несомненно, у Мэтью в подсознании таилась сильная тяга к рисованию. Она была подавлена — скорее всего из-за каких-нибудь страшных картинок, которые он видел в детстве. Когда его теперешняя выдумка достаточно окрепла, чтобы затронуть и сознание и подсознание и создать между ними мост, тяга эта высвободилась и претворилась в действие.

Объяснял сэр Торби и историю с машиной, и многое другое — в том же духе. И хотя он разобрал не все случаи, которые казались мне важными, я не сомневался, что он мог бы найти объяснение и тут. Я был разочарован, более того — письмо оскорбило меня нарочитой мягкостью и покровительственным тоном. Меня бесило, что Мэри приняла его всерьез; еще больше бесило меня, что события подтверждают его правоту. Теперь я видел, что многого ждал от Торби, а дождался пустой отписки.

А все же — он прав... Чокки действительно исчез, как он предсказывал. Боль действительно утихает, хотя в этом я меньше уверен...

И вот я сказал «да» и терпеливо слушал рассуждения Мэри. Она говорила как можно мягче, что я напрасно усматриваю столько сложностей в новом варианте Пифа. Сама она при этом успокаивалась; и я ей не мешал.

Я всегда верил газетам, убеждавшим нас, что всякие общества (тем более Королевские) долго заседают, совещаются, выслушивают свидетелей и взвешивают все и вся, прежде чем присудить ту или иную награду. Я прикинул,

что пройдет с полгода до того, как представленному к награде вручат ее в торжественной обстановке. Но в Королевском обществе плавания все было не так.

Медаль прибыла тихо, по почте, в понедельник утром на имя мистера Мэтью Гора. К сожалению, я не смог ее перехватить. Мэри расписалась за Мэтью, и, когда мы, мужчины, вошли в столовую, пакетик лежал у его тарелки.

Мэтью взглянул на него, окаменел и долго не отрывал взгляда. Потом принялся за корнфлекс. Я тщетно пытался переглянуться с Мэри. Она наклонилась к сыну через стол.

— Что ты не откроешь? — подбодрила его она.

Он посмотрел снова, взгляд его заматался по столу и встретился с выжидательным взглядом Мэри. Медленно, неохотно Мэтью взял нож и взрезал пакет. На стол выпала красная кожаная коробочка. Мэтью снова заколебался, нехотя открыл ее и застыл, глядя на золотой диск, сверкающий на синем бархате.

— Не надо мне... — буркнул он.

На сей раз я поймал взгляд Мэри и едва заметно покачал головой. Нижняя губа Мэтью чуть-чуть отвисла и задрожала.

— Это нечестно!.. — начал он. — Нас Чокки спас... Это неправда, папа...

Он все глядел на медаль, опустив голову. Меня пронзило воспоминание об ударах, которые не забываешь и взрослым. Открыть, что в этом мире воздают почести не тем, кому надо, — как раз такой удар. Ценности сместились, надежное пошатнулось, золото стало медью, правда — неправдой.

Мэтью вскочил и, ничего не видя, выбежал из комнаты. Медаль поблескивала золотом в коробочке, на столе.

Я взял ее. По краю, кругом, красовалось полное название Общества, потом шли всякие завитушки в довольно современном стиле, а в центре мальчик и девочка, держась за руки, смотрели на восходящее солнце, которое сияло вовсю.

Я перевернул медаль. Та сторона была проще. Надпись, окаймленная лаврами, — и больше ничего.

Наверху:

ПРИСУЖДАЕТСЯ

ниже, другим шрифтом:

МЭТЬЮ ГОРУ

и еще ниже:

ЗА ПОДВИГ

Я протянул ее Мэри. Она внимательно все рассмотрела и положила медаль на место.

— Какой стыд, что он ее так принял!

Я сунул коробочку в карман.

— Жаль, что она пришла сейчас, — сказал я. — Подержу ее, отдам позже.

Мэри, кажется, хотела возразить, но тут явилась Полли, которая очень боялась опоздать в школу. Перед уходом я зашел к Мэтью, но его уже не было, а учебники лежали на столе.

Вернулся он в седьмом часу, сразу после меня.

— Где ж ты был? — спросил я.

— Гулял.

Я покачал головой.

— Знаю, — кивнул он.

Больше мы не говорили. Мы оба все поняли и так.

ГЛАВА 10

Несколько дней — до пятницы — событий не было. В пятницу я заработался, пообедал в городе и домой вернулся часам к десяти. Мэри кому-то звонила. Как раз, когда я вошел, она нажимала на рычаг, не кладя трубки.

— Его нет, — сказала она. — Обзваниваю больницы.

Мэри позвонила еще два-три раза; список ее кончился, и она положила трубку. Я достал виски.

— Выпей, — сказал я. — Лучше будет.

Она с благодарностью выпила.

— В полицию сообщила?

— Да. Сначала я позвонила в школу. Он ушел оттуда вовремя. Ну, я позвонила в участок, сказала приметы. Обещали сообщить, если будут новости, — она выпила еще. — Дэвид, Дэвид! Спасибо хоть ты пришел. Я себе такое воображала... Знаешь, раньше мне казалось: только бы кончился Чокки! А теперь вот он замкнулся. Ничего не говорит, даже мне... И ушел куда-то в понедельник... Ты не думаешь...

Я сел к ней и взял ее руку.

— Конечно, нет. И ты не думай.

— Он так замкнулся...

— Это ведь все-таки удар. Он привык к своему Чокки. Теперь надо как-то приспособливаться — но он старается...

— Ты правда так считаешь? Ты не утешаешь меня?

— Ну что ты! Если б мы сморозили какую-нибудь глупость, он бы ушел недели две назад, а он и не собирался. Он мучился, бедняга, но уходить не хотел. Это точно.

Мэри вздохнула:

— Дай Бог... да, надеюсь, ты прав. Но тогда я совсем ничего не понимаю. Он же знал, что с нами будет. Он же не злой

— Да, — согласился я. — Это меня и беспокоит.

Утром мы позвонили в полицию; они посочувствовали нам, но ничего нового не сказали.

— Его, наверное, похитили, — предположила Полли. — Подсунут записку, потребуют огромный выкуп.

— Вряд ли, — отвечал я, — да и не можем мы дать огромный выкуп.

Молчание мучило ее, она ерзала и наконец сказала снова:

— Когда похитили Копытце, его хотели сделать боевым пони ..

— Помолчи, — сказал я. — А не можешь — иди к себе.

Полли укоризненно взглянула на меня и сердито вышла из комнаты.

— А может, напишем в газеты? — предложила Мэри. — Они так хотели взять у него интервью.

— Сама знаешь, что будет. «Юный художник исчез», «Где ангел?» и прочее.

— Бог с ними, только б его найти.

— Ладно, попробую, — сказал я.

В воскресенье утром зазвонил телефон. Я схватил трубку.

— Мистер Гор?

— Да.

— Моя фамилия Боллот. Вы меня не знаете, но наши дети вместе учатся. Сейчас прочитал в газете. Какой ужас! Как там, ничего нового?

— Ничего.

— Вот что, мой Лоуренс говорит, что видел вашего Мэтью в ту пятницу. Он разговаривал недалеко от школы с каким-то типом в машине — кажется, «мерседес». Лоуренсу показалось, что они спорили. Потом ваш Мэтью сел в машину, и они поехали.

— Спасибо вам, мистер Боллот. Большое спасибо. Я сейчас позвоню в полицию.

— Вы думаете, это... Да, наверное. Ну, они его быстро найдут.

Но они его не нашли. В понедельник газеты писали о нем, радио говорило, телефон звонил все время, а новостей не было.

Никто не подтвердил истории, рассказанной Боллотом, но сам он твердо стоял на своем. Расспросы в школе ничего не дали — в тот день никого из мальчиков не подвозили на машине. Значит, это был Мэтью.

Зачем его красть? Для чего? Если бы нам грозили, требовали выкупа, и то было бы лучше. А так — он исчез неизвестно куда, и мы могли думать что угодно. Я видел, что Мэри все хуже и хуже с каждым днем, и с ужасом ждал, что она вот-вот сорвется.

Неделя тянулась без конца. Особенно долгим было воскресенье, а потом.

В девятом часу, во вторник, на перекрестке в Бирмингеме остановился мальчик, воззрился на полисмена и терпеливо ждал, пока тот его заметит. Управившись с потоком машин, полисмен склонился к нему:

— Привет, сынок! Что случилось?

— Простите, сэр, — сказал мальчик. — Я, кажется, заблудился. А это очень жаль, потому что мне не на что вернуться домой.

Полисмен покачал головой.

— Плохо дело, — посочувствовал он. — А где ты живешь?

— В Хиндмере, — ответил мальчик.

Полисмен посмотрел на него с внезапным интересом.

— А как тебя зовут? — осторожно справился он.

— Мэтью, — ответил мальчик. — Мэтью Гор.

— Ах ты черт! — сказал полисмен. — Стой, где стоишь, Мэтью! Стой и не двигайся!

Он вынул микрофон из нагрудного кармана, нажал кнопку и что-то сказал. Минуты через две рядом с ним остановилась полицейская машина.

— Это тебе подали, — сказал полисмен. — Отвезут домой.

— Спасибо вам большое, сэр, — сказал Мэтью, уважавший полицию.

Они привезли его часов в шесть. Мэри позвонила мне, и я поспешил домой. Вызвали мы и Эйкота.

Мэтью, явно подружившийся с полицейскими, пригласил их зайти, но они сослались на служебные обязанности. Тогда Мэтью поблагодарил их, мы их поблагодарили, и они

уехали, чуть не столкнувшись со следующей машиной. Водитель откомендовался полицейским хирургом, и мы вошли в дом.

Мы выпили; минут через десять доктор Прост что-то мягко сказал Мэри, и она увела Мэтью, несмотря на его заявление, что его уже кормили в полиции.

— Прежде всего, — сказал Прост, когда дверь за ними закрылась, — вы можете наконец успокоиться. Он в полном порядке, мы ничего не нашли. Он даже не напуган. В жизни не слышал о таком безвредном похищении. Вам нечего опасаться, что это подействует на его здоровье или психику. Однако кое-что я должен отметить. Потому я и хотел вас видеть, доктор Эйкот. Первое — ему делали инъекции. Больше десяти, в оба предплечья. Что ему вводили, абсолютно неясно. Повторяю, это не оказало никакого воздействия, состояние — превосходное. И все же надо за ним последить. Беспокоиться нет оснований, тем не менее, доктор, примите это к сведению.

Эйкот кивнул.

— Второе особенно странно. Мэтью убежден, что попал в катастрофу и сломал ногу. Правую. Он говорит, что она была «в гипсе» и там, «в лечебнице», его вылечили новым, ускоренным способом. На ноге действительно есть слабое раздражение — от гипса. Мы сделали рентген ноги, но не нашли и следов перелома.

Он помолчал, хмуро глядя на стакан, потом залпом выпил виски.

— Обращались с ним, по-видимому, прекрасно. «В лечебнице», по его словам, все его любили и успокаивали. По-видимому, они все продумали и всячески старались не напугать мальчика. Ему и в голову не пришло, что его похитили. Он только удивлялся, почему вы с миссис Гор не приходите и не отвечаете на его письма. И еще он удивился, что его высадили в Бирмингеме. Впечатление такое, что кто-то хотел убрать его на десять дней, — он пристально взглянул на меня. — Если вы знаете или подозреваете кого-нибудь, советую вам сообщить полиции.

Я покачал головой:

— Совершенно не понимаю, зачем его похищали. Чепуха какая-то.

Прост пожал плечами:

— Что ж, другого объяснения придумать не могу, — и больше об этом не говорил, хоть явно со мной не согласился.

Потом врачи посоветовались и ушли вместе. Эйкот обещал утром зайти.

Мэтью, Мэри и Полли были на кухне. Видимо, в полиции кормили не очень сытно.

Я сел и закурил.

— Расскажи-ка нам все, Мэтью, — попросил я.

— Еще раз? — испугался он.

— Нам ты не рассказывал, — напомнил я.

Мэтью набрал воздуха.

— Ну, шел я из школы, а этот «мерседес» меня обогнал и остановился впереди. Вышел какой-то дядя и смотрит туда-сюда, как будто что-то ищет, — начал он.

Мужчина увидел Мэтью и вроде бы хотел заговорить с ним, но стеснялся. Однако когда Мэтью проходил мимо, он спросил:

— Простите, не могли бы вы нам помочь? Мы ищем Дэншем-роуд, а здесь нет табличек.

— Пожалуйста, — ответил Мэтью. — Сверните направо, а потом еще через два квартала — налево. Это Олд-лейн, а за перекрестком она называется Дэншем-роуд.

— Спасибо, — сказал мужчина, пошел на место и вдруг обернулся. — А не могли бы вы нам сказать, где тут живет мистер Гор?

Конечно, Мэтью сказал и согласился, чтоб его подвезли. Дальше он помнит только, что проснулся в больнице.

— Почему ты решил, что это больница? — спросила Мэри.

— Ну, очень похоже, — сказал Мэтью. — Я думаю, они как раз такие. Белая кровать и вокруг все белое, пусто и очень чисто. И сестра сидит, тоже очень чистая.

Он понял, что не может пошевелить ногой, а сестра сказала, чтоб он не шевелил, потому что нога сломана, и спросила, не больно ли ему. Он сказал, что не больно. Она сказала «хорошо» и объяснила, что ему кололи какое-то обезболивающее и лечат его новым способом, от которого очень быстро срастаются кости, особенно детские.

Доктора там тоже были, штуки три — в белых халатах, как по телевизору — очень хорошие, веселые. Кололи его все время. Сперва ему не нравилось, а потом ничего, привык. Что подделаешь, ведь ноге-то становилось лучше!

Иногда он скучал, но ему давали книги. Радио у них не было, они так и сказали, зато пластинок было много. Кормили просто здорово.

Одно плохо: что мы к нему не ходили.

— Мы бы сразу пришли! — сказала Мэри. — Мы же не знали, где ты.

— Они сказали, вы знаете, — возразил Мэтью. — А я вам два раза писал.

— Никто нам не сообщал, и писем мы никаких не получали, — сказал я. — А какой их адрес?

— Эпфорд Хауз, Уонерш, под Гилдфордом, — быстро сказал Мэтью.

— Ты в полиции его назвал?

— Да.

Видел он только свою палату. За окном был луг, а дальше — изгородь и высокие деревья. Позавчера сняли гипс и сказали, что все в порядке, завтра он поедет домой.

Выехали они затемно — он не знает, в котором часу, потому что часов там не было. Он попрощался с сестрой. Один доктор, на этот раз без халата, повел его вниз, к машине. Они в нее сели, и доктор сказал, что свет лучше зажечь, а шторку опустить, чтоб шоферу не мешало. Когда машина тронулась, он вынул колоду карт и стал показывать фокусы. Потом достал два термоса: кофе — для себя и какао — для Мэтью. А потом Мэтью заснул.

Проснулся он от холода. Машина стояла, было светло. Он приподнялся и увидел, что никого с ним нет, а машина — не та, другая, и стоит она неизвестно где. Он вышел. По улице шли люди и не замечали его.

Дойдя до угла, он увидел табличку; улицы не запомнил, но очень удивился, что сверху написано: «Город Бирмингем». Перед ним была улица побольше, а прямо напротив — кафе. Он понял, что хочет есть, пошарил в карманах и ничего не нашел. Оставалось одно — посоветоваться с полисменом.

— Правильно, — одобрил я.

— Да... — неуверенно сказал Мэтью. — Правда, они потом очень много спрашивали.

— Домой везли в полицейской машине? — спросила Полли. — Без наручников?

— В трех машинах, — ответил Мэтью. — Сперва в свой участок и там спрашивали. Потом — сюда, в наш, и тоже спрашивали и покормили. А потом — домой.

— Везет тебе! — позавидовала Полли. — Когда украли Копытце, пришлось нанять вагон для лошадей. Это очень дорого.

— Украли... — повторил Мэтью. — А разве... — он замолчал и глубоко задумался. — Разве меня украли, папа?

— Похоже на то, — сказал я.

— Так ведь они... они... они были очень хорошие. Они меня вылечили. Они совсем не похожи на воров! — Мэтью снова задумался, потом спросил: — По-твоему, все это липа? Я ногу не ломал?

Я кивнул.

— Нет, не может быть, — сказал он. — Гипс правда был... и вообще... — он подумал снова. — Чего меня-то красть? — он помолчал. — Ты много выложил, папа?

Я опять покачал головой:

— Ничего я не платил.

— Значит, это не похищение, — заключил он.

— Ты устал, — вмешалась Мэри, — поцелуй меня, и бегите оба наверх. Мы к вам зайдем.

Дверь за ними закрылась. Мэри посмотрела на меня. Потом опустила голову на стол и заплакала в первый раз с тех пор, как Мэтью пропал.

ГЛАВА 11

Это было во вторник.

В среду доктор Эйкот зашел к нам, как обещал. Он очень внимательно осмотрел Мэтью и сказал, что все в полном порядке и нет никаких оснований пропускать завтра школу.

В этот же день Мэри позвонила своей сестре и сообщила ей, что Мэтью не совсем здоров. Ей пришлось довольно долго объяснять, что ему еще не под силу семейное нашествие.

В четверг Мэтью отправился в школу и вернулся очень гордый — ведь вся страна волновалась о нем; правда, он жалел, что не может рассказать ничего интересного.

Еще в пятницу все было в порядке.

К вечеру Мэри устала и ушла наверх в начале одиннадцатого. Я остался внизу — хотел поработать, чтобы освободить субботу и воскресенье.

В двенадцатом часу я услышал стук в дверь. Мэтью просунул голову в щелку и осторожно огляделся.

— Мама легла? — спросил он.

Я кивнул:

— Уже давно, Да и тебе пора.

— Вот и хорошо, — сказал он и тщательно прикрыл за собой дверь. Он был в халате и шлепанцах, волосы его стояли дыбом, и я подумал, что ему приснился страшный сон.

— Что с тобой?

Он оглянулся, словно хотел проверить, закрыта ли дверь.

— Там Чокки.

Я приуныл.

— А я-то надеялся, что он ушел! — сказал я.

Теперь кивнул Мэтью.

— Он и ушел. А сейчас вернулся. Он хочет тебе что-то рассказать.

Я вздохнул. Так хорошо было думать, что с этим покончено! Однако Мэтью был очень серьезен и немного расстроен. Я закурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Так, — сказал я. — Что же именно?

Мэтью как будто и не слышал. Он глядел в пространство. Но он заметил, что я помрачнел.

— Прости, папа. Я сейчас. — Он снова уставился в пустоту. Лицо его менялось, он кивал, но молчал — словно я смотрел телевизор с выключенным звуком. Наконец он кивнул последний раз и произнес не совсем уверенно:

— Хорошо. Попробую.

Потом взглянул на меня и объяснил:

— Он говорит, это будет очень долго, если он скажет мне, а я — тебе. Понимаешь, я не всегда могу подыскать слова. Ты понимаешь?

— Кажется, да, — отвечал я. — Многие люди бились над этим. У тебя это вроде перевода. Трудное дело!

— Да, — решительно кивнул Мэтью. — Вот Чокки и считает, что лучше ему прямо говорить с тобой.

— А! — сказала я. — Что ж, пусть попробует. А мне что делать?

— Нет, не как со мной, по-другому. Не знаю почему — наверное, так не со всеми выходит. С тобой не выйдет, и он попробует по-другому.

— Как же? — поинтересовался я.

— Ну, это я буду говорить, то есть — он через меня... Как с рисованием... — не очень связно объяснил Мэтью.

— А... — сказал я, на сей раз неуверенно. Я растерялся, не все понимал, не знал, соглашаться ли. — Не знаю... Ты-то сам что думаешь?..

— Я тоже не знаю, — перебил он. — А вот Чокки знает, что все выйдет, и я ему верю. Он всегда оказывается прав в таких делах.

Мне было не по себе, словно меня втягивали в какое-то сомнительное дело, вроде медиумического сеанса.

— Вот что, — решил я. — Если это долго, ты лучше ложись. Теплее будет.

— Ладно, — сказал Мэтью.

И мы пошли наверх. Он лег, я сел рядом в кресле. Мне было не по себе; я чувствовал, что не надо бы все это допускать и, будь Мэри здесь, она бы воспротивилась. Оставалось одно: надеяться, что в кровати Мэтью сразу заснет.

Он положил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ни о чем не буду думать, — сказал он.

— Послушай, Мэтью, — не сразу ответил я, — разве ты сам?.. — но я не кончил: глаза его открылись снова. Они глядели не на меня, они никуда не глядели. Губы его дрогнули, зашевелились беззвучно, и голос его сказал:

— Говорит Чокки.

Это не было похоже на сеанс. Мэтью не бледнел и дышал ровно, только смотрел в одну точку.

Голос продолжал:

— Я хочу вам кое-что объяснить. Это нелегко, ведь Мэтью не все понимает, а его... — он помедлил, — словарный запас очень простой, небольшой, да и не все слова, что он употребляет, ему понятны. — Голос был его, Мэтью, манера говорить — чужая. Казалось, рекордсмена по бегу заставили бежать в мешке. Зачарованный, помимо воли, я ответил:

— Говорите. Я постараюсь понять.

— Я хочу поговорить с вами, потому что я больше не вернусь. Вам будет приятно это слышать, а другой половине его родителя... то есть маме... будет еще приятнее. Она меня боится. Она считает, что я порчу Мэтью, и это она зря. Вы понимаете?

— Кажется, да, — осторожно ответил я. — А может, вы лучше скажете мне, кто вы и что и почему вы здесь?

— Я — исследователь, то есть разведчик... миссионер... нет, я учитель. Я здесь, чтобы учить.

— Вот оно что! Чему же именно?

Он помолчал.

— У Мэтью нет для этого слов... он их не понимает.

— Не все вам удастся?

— Да, не все. Мэтью слишком молод. Его слова просты для сложных идей. Когда я думаю о математике или о физике, он не понимает. Даже с числами плохо.

Я передаю как можно подробнее нашу беседу, но передать ее дословно нельзя. Простые слова шли легко, на словах посложнее голос нередко запинался. Кроме того, он часто искал слово, находил приблизительно, уточнял, а иногда совсем не мог найти, и мы оставались ни с чем. Наконец, мне приходилось пробиваться сквозь любимые словечки Мэтью, не совсем подходящие к теме: «так», «вроде», «вот», «ну»; и сейчас я передам не точно все, а скорее главное, суть — то, что Чокки хотел рассказать мне и что я понял.

Я догадался сразу, что разговор мне предстоит нелегкий. Мэтью лежал передо мной, говорил, а лицо его не двигалось, глаза глядели в пустоту, он был безжизненней, чем кукла чревоушателя, и смотреть на него было так тяжело, что я не всегда как следует вникал в слова. Чтобы сосредоточиться, я выключил свет. Кроме того, я трусливо надеялся, что в темноте он заснет.

— Слушаю, — сказал я во мрак. — Вы — миссионер, учитель, разведчик. Откуда же вы?

— Издалека.

— Какое же расстояние до тех мест?

— Не знаю. Много, много парсеков.

— О-го! — сказал я.

— Меня послали узнать, что у вас за планета.

— Так, так... А зачем это знать?

— Во-первых, мы хотели выяснить, можно ли извлечь из нее пользу. Понимаете, мы — очень старый народ, наш мир куда старше вашего. Мы давно поняли: чтобы выжить, нам нужны новые планеты. На путешествие со скоростью света уходит слишком много времени. Наугад лететь не стоит. Планет — миллионы, и случайно найти подходящую — бесконечно малый шанс.

И вот мы посылаем разведчика... исследователя... У разума нет массы, и на такое путешествие не нужно время. Разведчик сообщает, что и как. Если он говорит, что планета подходящая, посылают других — проверить. Если и они ее похвалят, астрономы начинают искать, где она. Если до нее не так уж далеко, добраться можно, посылают космический корабль. Это редко бывает. Четыре раза за вашу тысячу лет. И мы нашли всего две планеты.

— Понимаю. А когда же нам ждать вас?

— Ваша планета не подходит. Другой такой нет, здесь очень красиво, но для нас холодно и воды слишком много. И еще есть причины, почему она — не для нас. Я сразу это понял.

— Зачем же вы тут оставались? Почему не искали другой планеты, получше?

Чокки терпеливо ответил:

— Мы — исследователи. Насколько я знаю, мы — единственные исследователи во Вселенной. Мы долго считали, что жизнь может быть только у нас. Потом нашли несколько других таких планет. Еще дольше мы думали, что разум есть только у нас, что мы — крохотный, немислимый островок разума в пустом, огромном мире... И снова узнали, что ошиблись. Разумная жизнь встречается редко... очень редко... реже всего. Но это самая большая ценность. Только она дает миру смысл. Она — священна, ее надо беречь. Без нее нет начала, нет конца, ничего нет, кроме бессмысленного хаоса.

Вот мы и должны поддерживать все формы разумной жизни. Мы должны раздувать в пламя любую искру разума. Если разум в оковах — надо сломать их. Если разуму трудно — надо ему помочь. Если разум высок — надо самим поучиться. Потому я и остался.

Все это показалось мне возвышенным, хотя и слегка высокопарным.

— К какой же из этих разновидностей, — спросил я, — вы относите нас?

Голос Чокки, то есть голос Мэтью, ответил сразу:

— У вас разум сдавлен, ему тесно. За последнее время вы сами сломали несколько стенок, и это уже неплохо для вашего возраста. Сейчас вы застряли в колее примитивной техники.

— А мы думаем, что она очень быстро развивается.

— Да. Вы за сто лет неплохо разобрались в электричестве. Но все у вас такое громоздкое, отдача так мала... А ваши двигатели внутреннего сгорания — просто ужас: грязные, вредные, и машины какие-то варварские, опасные...

Я прервал его:

— Вы уже говорили это Мэтью. Но ведь у нас есть атомная энергия.

— В самом элементарном виде. Вы медленно учитесь. А главное — вы еще слишком зависите от Солнца.

— От Солнца?

— Да. Все, что у вас есть, идет от его излучений. Прямое излучение сохраняет вам жизнь, и растит вам пищу, и дает воду; оно могло бы поддерживать вас миллионы лет. Но разуму мало просто выжить. Чтоб развиваться и расти, ему нужна энергия.

Недавно вы научились использовать накопленную энергию вашего Солнца — так называемое горючее — и зовете это прогрессом. Это не прогресс. Прогресс — движение к цели. А какую цель вы поставили?

Вы не знаете. Может быть, вы идете по кругу? Вы и правда по нему идете, истощая свои запасы. Истощите — и очутитесь там, где были до их открытия. Это не прогресс, а мотовство. Конечно, горючее использовать надо. Клад под спудом пользы не приносит. Но использовать — не расточать. С его помощью надо производить другой, лучший вид энергии.

Да, вы имеете некоторое представление об атомной энергии, и вы ее, конечно, изучите глубже. Но кроме нее у вас почти ничего нет на будущее. Вы тратите чуть ли не все, чтобы строить машины, пожирающие энергию все быстрее; а источники ее у вас ограничены. Конец один, и он вполне ясен.

— Не спорю, — согласился я. — Так что же нам делать?

— Пока не поздно, используйте ваши ресурсы, чтобы овладеть неисчерпаемым источником энергии. Только тогда вы выйдете из порочного круга. Кончится ваше одиночество, увеличатся возможности для творчества — ведь источник бесконечной энергии и возможности дает бесконечные.

— Так... — сказал я. — Более или менее понятно. А что ж это за источник?

— Космическая радиация. Ее можно использовать.

Я подумал и сказал:

— Странно, что в мире, где кишат ученые, никто ею не занимается.

— Странно, что двести лет никто не подозревал о возможностях электричества; так и тут, с иксом.

— С чем?

— У Мэтью нет таких слов. Он не может это понять.

Я опять помолчал, потом спросил:

— Значит, вы — здесь, чтоб подарить нам новый вид энергии. Зачем это вам?

— Я уже сказал. Разумная жизнь редка. Каждая ее форма должна поддерживать другую. Более того: некоторые формы должны дополнять друг друга. Кто знает, какие возможности кроются в них? Сегодня мы поможем вам с чем-нибудь справиться, а позже вы так разовьетесь, что поможете нам или еще кому-нибудь. Использование икса —

только начало, мы многому можем вас научить. Но и это освободит ваш мир от многих тягот, расчистит путь.

— Значит, вкладываете капитал в рискованное предприятие?

— Можно сказать иначе: если учитель не хочет, чтоб ученик его догнал, все будет стоять на месте.

Он говорил еще, и тут мне стало скучно. Мне никак не удавалось увести его от общего к частному, очень уж он увлекся своей миссией. А я хотел узнать, почему из миллионов людей он выбрал Мэтью и «вселился» в него. Наконец мне удалось добиться ответа.

Он объяснил, что «миллионы» — сильное преувеличение. Надо было, чтобы в одном человеке совместились несколько свойств. Во-первых, его ум должен принимать сообщения Чокки — а на это способны далеко не все. Во-вторых, он должен быть молод. Дети узнают много необъяснимого из мифов, легенд, сказок и легко примут что-нибудь еще, если оно их не страшит. Люди постарше твердо усвоили, что может быть, а что — не может, и очень пугаются контакта — им кажется, что они сходят с ума. В-третьих, это должен быть разум, способный к развитию — а, как ни странно, и это встречается нечасто. В-четвертых, обладатель разума должен жить в технически развитой стране, где хорошо учат в школах.

Я сказал, что все же не понимаю, чего он добивался. Он ответил, все так же сухо, но в тоне его мне почудилась печаль.

— Я хотел, чтобы Мэтью заинтересовался физикой. С моей помощью он сделал бы огромные успехи. Когда он узнал бы больше, мы нашли бы с ним общий язык. Он понял бы кое-что из того, что я хочу передать ему. Общение шло бы все лучше. Я убедил бы его в существовании икса, он бы начал искать. Конечно, я мог бы давать объяснения только в понятной ему форме. Ну, — он помолчал, — все равно, что специалиста по паровым машинам, который не знает электричества, учить собирать транзистор. Трудно, но возможно, при должном уме и терпении. Если б он доказал существование икса — назовем это космической энергией, — он стал бы величайшим из всех ваших людей. Выше Ньютона и Эйнштейна.

Он подождал, пока я все это переварю. Я переварил и сказал:

— Знаете, Мэтью это не очень подходит. Он не хотел, чтоб его хвалили за спасение Полли. Он бы не принял незаслуженной славы.

— Она бы нелегко ему далась. Он бы много трудился.

— Наверное, но все равно. Да что там, теперь — неважно. Почему вы это бросили? Почему вы уходите?

— Потому что я наделал ошибок. Я провалился у вас. Это — первое мое задание. Меня предупреждали об опасности. Я не слушался. Сам виноват.

Исследователь, разведчик должен быть свободным. Его предупреждали, чтоб он не привязывался, не полюбил того, с кем он в контакте, а главное — сохранял сдержанность. Чокки понимал это в теории, но когда он связался с Мэтью, оказалось, что сдержанность не входит в число его достоинств. То одно, то другое выводило его из себя. Например, ему многое у нас не понравилось; и он дал волю гневу. Это плохо; а еще хуже, что он этот гнев проявил. Нельзя было вступать в споры с Мэтью и отпускать замечания о здешних машинах, домах или жителях. Следовало просто запомнить, что Мэтью рисовать не умеет, а он помог ему. Нельзя было так давить на Мэтью. И главное — нельзя было привязываться. Как ни жаль, надо было дать ему утонуть...

— Слава Богу, — сказал я, — что у вас не хватило сдержанности. А вообще — неужели все это так важно? Конечно, вы привлекли к нему ненужное внимание, и нам пришлось помучиться, но особой беды не случилось.

Чокки со мной не согласился. Впервые он почувствовал, что ничего не выйдет, когда Мэтью говорил с Лендисом.

— Он ему слишком много сказал. Только тогда я понял, как много я сам сказал Мэтью, и понадеялся, что Лендис достаточно глуп, чтобы счесть это ребячьей фантазией.

Но Лендис был неглуп. Он очень заинтересовался, рассказал все Торби, и тот заинтересовался тоже.

— Сэр Уильям загипнотизировал Мэтью, — продолжал Чокки, — но не меня. Я слышал все ушами Мэтью и видел его глазами. Сперва сэра Уильяма просто занимали ответы. Потом он насторожился. Он стал спрашивать с подвохом. Он делал вид, что Мэтью говорил ему то, чего тот не говорил. Пытался сбить его, чтоб Мэтью солгал. Когда ловушки не сработали, он остановил пластинку и несколько минут внимательно смотрел на Мэтью. Он волновался все больше, ему становилось все труднее. Когда он наливал себе что-то из бутылки, рука у него дрожала. Он выпивал и снова смотрел на Мэтью недоверчиво и удивленно. Потом

решиительно поставил стакан, подтянулся и стал действовать холодно и методично. Взял новую пластинку, блокнот, карандаш, закрыл глаза, чтоб сосредоточиться. И тут-то начался настоящий допрос.

Голос на минуту прервался.

— Тогда я понял, что плохи мои дела: работать с Мэтью дальше бесполезно и опасно. Я понял, что должен его бросить, а ему это будет тяжело. Я жалел его, но я знал, что он должен поверить в мой уход. Поверить, что мне надо уйти и я не вернусь.

— Я не совсем понял.

— Мне стало ясно, что сэр Уильям воспользуется своим открытием, сам или с помощью других, — а потом уж пойдет и пойдет... Так и вышло. Мэтью украли. Ему делали разные уколы. И он говорил...

Они его высосали. Каждая моя фраза, каждое мое слово попало на их пленку. И его печаль, и мой уход. Это было достаточно трогательно, чтоб убедить их в моем существовании. Да и не мог он лгать после их уколов...

Они были ничего, неплохие. Не хотели ему зла. Наоборот — он был для них сокровищем, пока им не стало известно, что я ухожу. Они хотели через него узнавать то, чему я буду учить его, — узнавать об энергии, способной изменить мир.

Когда они поняли, что я ухожу, то решили отпустить его — и за ним следить. Они могут схватить его сразу, если я объявлюсь, и будут ждать моего возвращения. Я не знаю, есть ли аппарат в этой комнате; если нет — будет. Но это теперь неважно, я действительно ухожу.

Я прервал его:

— И все-таки я многого не понял. «Они» — кто бы они ни были — держали Мэтью в плену. Они узнали, что он преуспеет в физике, математике и во всем, что вам нужно. Вы ведь этого и хотели — вам нужен канал связи. Вы говорили, что вам надо научить нас использовать эту силу. Что ж, вот вам случай! Они хотят знать, вы — сообщить. А вы бежите... Ерунда какая-то.

Мы помолчали.

— Мне кажется, — ответил Мэтью-Чокки, — что вы не знаете как следует собственной планеты. Повторяю: один скажет другому — и пойдет... У вас есть промышленный шпионаж... есть королевства нефти, газа, электричества, угля, атомной энергии. У каждого свои интересы. Сколько заплатят они за информацию о том, что им угрожает?

Миллион... два... три... больше? Кто-нибудь соблазнится... Какое им дело до мальчика? Что значит его жизнь? Что значит, если нужна сотня жизней? Много есть способов...

Об этом я не думал.

— Я говорю вам это потому, что за ним будут следить. Теперь это неважно, но не говорите ему без особой надобности. Неприятно знать, что за тобой следят. Я бы на вашем месте отвалил его от физики, вообще от науки, чтоб им нечего было ждать. Он учится видеть мир... становится художником. Художника они не тронут.

Помните, он не знает, о чем я говорю.

Пора прощаться.

— Вы уходите к себе?

— Нет. У меня еще есть работа здесь. Только теперь мне будет труднее. И времени уйдет больше. Придется действовать тоньше — они и за мной следят.

— Вы думаете, это все же удастся?

— Конечно. Я ведь должен. Придется работать иначе: то там, то сям, идею — одному, миг вдохновения — другому, по крупице, пока они не соберутся все вместе. Это будет нескоро. Может, не при вашей жизни. Но будет... будет.

— Пока вы не ушли, — попросил я, — скажите мне: какой вы, Чокки? Я бы лучше вас понял. Если я дам Мэтью карандаш и бумагу, можно ему нарисовать вас?

Он помолчал и решительно ответил:

— Нет.

— Нет, — повторил голос Мэтью-Чокки: — Даже мне бывает трудно поверить, что у таких, как вы, есть разум. Вы бы удивились еще больше, что разум есть у таких, как я. Нет, лучше не рисовать, — он помолчал снова. — Прощаемся.

Я встал. Смутный утренний свет струился сквозь шторы, и я видел, что Мэтью все еще смотрит в пустоту. Я подошел было к нему. Губы его зашевелились.

— Нет, — сказал Чокки его голосом, — оставьте его. Мне нужно попрощаться и с ним.

Я ответил не сразу.

— Ладно, — сказал я наконец. — Прощайте, Чокки.

ГЛАВА 12

Мы не будили его все утро. Спустился он к ленчу совсем разбитый, но, к моей радости, спокойный. Позавтракав, он

уехал куда-то на велосипеде и вернулся только к ужину — усталый и голодный. Поел и сразу поднялся к себе.

Назавтра, в воскресенье, Мэтью был почти как всегда. Мэри успокаивалась, глядя, как жадно он ест за завтраком. Полли успокоилась тоже, но что-то ее терзало. Наконец она не выдержала:

— Разве мы ничего не будем делать?

— Что именно? — спросила Мэри.

— Ну, сейчас ведь воскресенье. Можно что-нибудь делать. Вот когда Копытце украли, а он потом вернулся, в его честь устроили состязания, — с надеждой подсказала она.

— И он всех победил, да? — выговорил Мэтью, прожевывая булку с мармеладом.

— Конечно! Это ж в его честь, — радостно сообщила Полли.

— Никаких состязаний, — сказал я. — И празднеств тоже не будет. Мы с Мэтью тихо погуляем, а?

— Ладно, — сказал Мэтью.

Мы пошли по берегу реки.

— Он сказал, что уходит, — начал я.

— Да, — ответил Мэтью и вздохнул. — Теперь хоть он все объяснил как следует, а раньше было просто жутко.

Я не стал допытываться, как же он все объяснил. Мэтью снова вздохнул.

— Скучновато будет, — сказал он. — С ним я стал лучше замечать, как и что.

— А ты сам замечай. Мир у нас интересный, есть что заметить.

— Да я замечаю! То есть я теперь больше замечаю. Только скучно одному...

— А ты рисуй, тогда и другие увидят, — предложил я.

— Да, — согласился он. — Не совсем то же, а все-таки...

Я остановился и сунул руку в карман.

— Мэтью, у меня для тебя кое-что есть.

И я протянул ему красную коробочку.

Мэтью помрачнел и не взял ее.

— Возьми, — сказал я.

Тогда он взял и невесело на нее уставился.

— Открой, — сказал я.

Медленно, нехотя, он нажал на кнопку, и крышка поднялась.

Медаль сверкала на солнце решкой кверху. Мэтью взглянул на нее равнодушно или даже с отвращением. Вдруг он застыл, потом нагнулся и не двигался несколько секунд. А затем поднял голову и улыбнулся, хотя глаза его блестели слишком сильно.

— Спасибо, — сказал он. — Ой, папа, спасибо! — и снова наклонился, чтоб рассмотреть получше.

Надпись сделали на славу — как будто всегда так было:

ПАУТИНА

из Джона Уиндсма, т. 4

Труднее всего мне бывает ответить на вопрос, который рано или поздно всегда задают, когда о том заходит речь, и который звучит примерно так: «А как вас-то угораздило впутаться в такое безумное предприятие?»

Я не обижаюсь. Отчасти, наверно, потому, что сам вопрос подразумевает отношение ко мне, как к человеку здраво-мыслящему. Тем не менее дать на него достаточно здравый ответ я затрудняюсь.

Правдоподобнее всего получается, когда я объясняю, что когда-то был несколько выведен из равновесия. Возможно, сказалось запоздалое воздействие шока, едва заметное даже для меня самого, но достаточно глубокое, чтобы сбить меня с толку, притупить восприятие и способность правильно оценивать происходящее.

Я действительно думаю, что причина могла быть именно в этом. Почти за год до нашей встречи с Тирри, после чего я оказался «впутанным», произошел несчастный случай. Мы ехали (точнее, за рулем была моя дочь Мэри, я сидел рядом с ней, а жена сзади) по шоссе А-272 недалеко от Этчингема. Думаю, наша скорость не превышала тридцати пяти миль в час, когда нас обогнал грузовик, несущийся на всех пятидесяти. Я едва успел заметить, как занесло его задний мост и как потом над нами нависла оползающая тяжесть груза...

Очнулся я через неделю, в постели. Прошли еще две недели, прежде чем мне сказали, что ни жены, ни Мэри больше нет в живых.

В больнице я пролежал два месяца. Вышел излеченным, как мне казалось, но оцепеневшим, потерявшим вкус к жизни, утратив всякую цель. Я оставил работу. Теперь-то я понимаю, что именно этого и не следовало делать — работа скорее, чем все остальное, помогла бы мне прийти в себя, но тогда работа казалась мне напрасной и требовала больше сил, чем я мог найти их в себе. Поэтому я все бросил, жил

в доме сестры неподалеку от Тонбриджа, бесцельно и почти бездумно влача там свои дни.

Я не привык к бесцельному существованию. Похоже, если цели нет, образовавшийся вакуум рано или поздно чем-то надо заполнить, безразлично чем, что подвернется под руку. Только так я могу объяснить свой безраздельный энтузиазм, поглотивший здравый смысл, тот подъем безрассудного идеализма, который отмел прочь трудности практической жизни и, казалось, открыл наконец истинную цель и оправдал мое существование, как только я впервые услышал о проекте лорда Фоксфилда.

Жаль, что я ошибся. Хотелось бы передать во всей яркости сияние надежд, открывшихся мне тогда. Именно из этой ткани скроены мечты. Но передать это я не в состоянии, все исчезло, потускнело под пеленой цинизма. Себя я вижу бредущим в полусне... И все же... и все же порой я ощущаю отблеск мысли, рожденной идеалом, который мог бы возжечь пламя — если бы судьба оказалась к нам благосклонной хоть однажды.

Первоначальная идея или зародыш идеи, выросшей в Проект Фоксфилда, похоже, одновременно пришла в две головы — его светлости и Уолтера Тирри. Первый публично заявил о своем приоритете, но известно, что второй в неофициальной обстановке признавался, что именно он дал воодушевляющий импульс. Возможно также, что искру мысли высекла их совместная беседа, и оба загорелись идеей, которую принялись неустанно разжигать.

По профессии Уолтер был архитектором, но, вероятно, больше его знали как страстного и неутомимого борца за справедливость, часто выступавшего на страницах нескольких еженедельников. И сложилось так, что он стал довольно известным лицом, высказывающим свое мнение по самым различным поводам. Поэтому, вполне возможно, в его утверждении, что именно он подбросил лорду Фоксфилду ту идею, есть доля истины, и если кто возьмет на себя труд посмотреть его «Письма в редакцию» за несколько лет, то ему, вероятно, удастся обнаружить не только туманные наброски будущего плана, но и ощутить, что Тирри считал себя человеком, призванным его осуществить, исполнителем «милостью Божией», хотя может показаться, что только после встреч с его светлостью несвязные обрывки мыслей приобрели форму.

А так случилось, может быть, потому, что его светлость мог даровать плану больше, чем форму, — мог дать ему

возможность осуществиться, подкрепить деньгами, своим положением в обществе, пустить в дело связи.

Почему он был готов пойти на все это? Причина была совсем незамысловата: он попросту искал способа оставить о себе память.

В среде богатых людей, достигших преклонных лет, подобное желание возникает не так уж редко. Поистине, для многих из них наступает такой день прозрения, когда при взгляде на длинные ряды цифр в своих банковских счетах они вдруг до боли ясно осознают, что не смогут унести их все с собой, и тогда ими овладевает нестерпимое желание обратить множество пустых полей в осязаемый и по возможности помеченный их именами символ успеха.

Во все века к богачам приходило такое желание, но теперь его стало гораздо труднее осуществить — вернее, претворить в жизнь с требуемым оттенком благотельности; даже во времена первых миллионеров было легче. Государство, ныне ставшее столь вездесущим, жаждет узурпировать и место благодетеля. Область просвещения — и та уже не годится как сфера благодеяний: образование общедоступно. Жилье прежних неимущих (ныне — «лиц с низким уровнем доходов») худо-бедно оплачивает муниципалитет. Стадионы строят на деньги налогоплательщиков. Публичные, и даже передвижные, библиотеки содержатся за счет комитетов графств. Рабочий (называемый теперь «человеком физического труда») клубам и институтам предпочитает сверхурочные и телевизор.

Верно, можно еще субсидировать факультет-другой в каком-нибудь университете, но не каждому потенциальному благодетелю придется по душе такое приложение капитала: с одной стороны, если в факультете такого профиля есть нужда, его уже обязательно кто-то будет финансировать, а с другой — в наши дни, когда государство во все вмешивается, ни одно благородное начинание нельзя считать застрахованным. По решению министерства предполагаемое сосредоточие высшей учености может в мгновение ока превратиться еще в один трамплин для технологов чьих-то фирм. Сегодня поле деятельности для желающего увековечить себя, к прискорбию, так сузилось, что лорд Фоксфилд, восплавав подобным желанием, целых два года не мог отыскать достойный приложения сил и средств благотворительный проект, который не нашел бы уже поддержки ни со стороны министерства, ни со стороны корпорации, за который

бы не взялись никакие комитеты, организации или общества.

Для его секретаря то были трудные дни. Распространилась весть, как это часто бывает, что его светлость готов поддаться умелому нажиму, и поэтому требовалась продуманная система защиты. Чтобы преодолеть все барьеры и добиться аудиенции, претендент должен был предложить нечто весьма достойное и убедительное либо заручиться рекомендацией очень влиятельного общества.

— Я поражался, что в наш век сохранились такие запа-сы желания сотворить добро, — передают его слова, — но слишком большая часть этих предложений была беспомощной и расплывчатой. Оказывается, у людей чрезвычайно развито чувство долга по отношению к своим предкам — более девяноста процентов предложений, с которыми ко мне обращаются, порождены желанием сохранить что-либо, причем сбережение и сохранение сами по себе почитаются достойным делом, и ощущение долга по отношению к будущему, похоже, заключается для них просто в сохранении прошлого.

Вызывает беспокойство и равнодушие к животным. Я бы нисколько не удивился, если бы кто-нибудь завтра обратился ко мне с проникнутым искренней заботой о ближнем проектом реконструкции по всей стране придорожных колод, из которых поят лошадей.

Однако может показаться, что его светлость сам себе воздвиг серьезное препятствие на пути к осуществлению мечты из собственного тщеславия. Ибо лорд Фоксфилд был индивидуалистом. Он достиг всего в жизни, следуя исключительно собственному разумению, и ему сопутствовал такой успех, что все его существо восставало против гипотетической возможности ассоциировать свое имя с неким благотворительным обществом. Действительно, порой он любил повторять, что, не будь у некоторых общественных начинаний единоличных покровителей, таких, как Карнеги, Пибоди, Форд, Наффилд, Нобель, Галбенкян, они не имели бы своего лица и того веса, который имеют теперь. И совершенно ясна была непреодолимая притягательность для лорда Фоксфилда таких примеров — в поступках этих известных личностей он видел вызов себе, который не мог не принять, поэтому искал средства — обязательно заметного средства — для выражения своего желания облагодетельствовать человечество.

Никаких сведений о том, как он познакомился с Уолтером Тирри, не сохранилось. Возможно, лорд Фоксфилд сам его отыскал. Уолтер постоянно вел чернильную вендетту с остальными авторами писем в редакцию по поводу различных социальных недостатков, и, вполне вероятно, что, когда на глаза его светлости попался один из таких обменов ударами, он захотел повидать автора. Во всяком случае, определенно можно сказать, что Уолтера в очереди претендентов на финансовую помощь для своих уже готовых проектов не было. Скорее, как я уже говорил, идея, рожденная в их беседе, постепенно росла, развивалась в их умах, пока не превратилась в Проект.

А с этого момента все шансы на осуществление остальных планов и предложений упали до нуля — поживиться за счет лорда Фоксфилда уже не было дано ни организациям, ни отдельным лицам. Его светлость полностью потерял склонность спускать свои деньги в чужие дренажные системы: он изобрел свою, вполне оригинальную.

Само намерение, хотя и честолюбивое, было по существу простым и даже не новым. Отличало его то, что оно было твердым, а твердость ему обеспечивала способность его осуществить, претворить в жизнь.

Это было намерение основать свободную, политически независимую общину, наделенную силами и средствами, чтобы создать новый образ жизни, новый жизненный климат.

— Для начала — и это будет идеальным началом — на чистой доске надо начертить два слова: «Знание» и «Разум», — так, говорят, провозгласил лорд Ф. — Но, к сожалению, для дела в этом пользы будет мало. Лучшее, что можно сделать, — это дать новой общине место, где люди будут свободно подвергать сомнению все аксиомы, предрассудки, традиции, верность привычкам, словом, все, заложенное в нас еще до рождения, усвоенное прежде, чем в голове зашевелилась первая мысль, и что превращает нас в обитателей того мира, какой он есть, вместо того, каким он мог стать. Наша цель — порвать цепь, которую мы вынуждены влечь за собой всю жизнь, цепь, сковывающую нас с бесконечными поколениями наших предков, вплоть до первобытных людей, скинуть груз унаследованных представлений.

Большая часть противоречий на свете отражает противоречие, возникающее в нашем сознании, когда мы пытаемся продвинуться вперед, а тормоза ложных доктрин, предрас-

судков, устаревших норм и стремлений к неверным целям постоянно нас сдерживают. Они прочно заделаны в глубине нашей психики, и самим от них нам не освободиться. Зато мы можем немного отпустить тормоза для других. Если создать правильные условия и оградиться по мере возможности от риска повторного заражения предрассудками, то есть надежда, что через одно-два поколения они совсем ослабнут.

Так говорил он, рисуя картину растущей и развивающейся общины, которую все большее число одаренных людей всего мира будет почитать спокойной гаванью, где можно думать и работать, прибежищем от финансового, политического и прочего давления в рамках закона. Тогда возникнет новая культура, освещенная светом современного ей знания, в которой не останется темных углов с затаившимися цепкими призраками иррационального прошлого, державшими разум в узде. В свежей атмосфере новых «альпийских лугов» просвещения разум сможет беспрепятственно развиваться в самом подходящем для него климате и расцвести в полную силу.

Скромное поселение вырастет в город, затем, в свой черед, в Просвещенное Государство. Те мужчины и женщины, которые осознали пагубность для мира движения вперед наобум, без должного плана и поняли, что с прежним образом мыслей необходимо порвать, пока не поздно, обратятся с надеждой к новому государству. И чтобы использовать свободу думать и работать, туда со всех сторон станут съезжаться будущие Эйнштейны, Ньютоны, Кюри, Флеминги, Розерфорды и Оппенгеймеры. И, кто знает, может, и станет оно мозговым центром всего мира.

А на его фундаменте будет, конечно же, высечено имя Фредерика, первого барона Фоксфилда...

Тем не менее на ранних стадиях подготовки по многим причинам Проект с именем лорда Фоксфилда открыто не связывался. Его светлость предпочитал использовать в качестве вывески имя Уолтера Тирри. Поэтому я открыл для себя Проект через Уолтера.

Нас познакомили мои друзья, думаю, из добрых побуждений. Они знали, что я ничем не занят и ничем не интересуюсь, и, встревоженные моим состоянием, зазвали меня к себе на обед, одновременно пригласив Уолтера.

Тогда Уолтер уже непосредственно приступил к делам по претворению плана в жизнь. Не меньшей его заботой было завербовать подходящих людей — правду сказать, вообще каких-нибудь людей — для будущей общины. Поместив в своих обычных колонках переписки изложение общих принципов плана и адресовав тех, кто заинтересуется, к авторам Проекта, он был разочарован отсутствием откликов. Теперь, оглядываясь назад, я не удивляюсь этому. Предложения должны были неминуемо казаться нереалистичными, и, без сомнения, попадись они мне на глаза в газете обычным образом, я и не глянул бы на них во второй раз, посчитав предложение сумасшедшим. Но когда я слышал, как Уолтер, проникнутый уверенностью в осуществимости дела, говорит о своем детище, то испытал совсем иное чувство. Как я объяснял, меня тогда нетрудно было убедить, и очень скоро его энтузиазм разжег во мне искру интереса. Ночью этот интерес разгорелся еще сильнее. И под утро мне уже являлись видения будущего Просвещенного Государства. К сожалению, сейчас я не могу припомнить деталей. Все, что осталось, — образ залитого золотистым сиянием места, где все живут дружно, проникнутые духом надежды и товарищества. (Знаю, эта картина напоминает русские плакаты о будущем осваиваемых земель, но, может быть, русские как раз и испытывают те чувства, которые захлестнули меня тогда.) Мне как будто явилось откровение, будто прежде я брел в полумраке и вдруг узрел простирающийся предо мной путь, залитый ярким светом. Не верилось, что я был так слеп прежде, и я поражался слепоте остальных. Путь был так прям и очевиден. Немедленно стряхнуть с себя все липкие предрассудки, старые привычки и на чистом новом месте начать строить основание чистого нового мира. Есть ли более достойный способ потратить свою жизнь?..

На следующий день я позвонил Уолтеру, и мы договорились о новой встрече. С этого момента для меня все было решено.

В скором времени я поднялся из рядовых участников Проекта до некоторого привилегированного положения. Я знал, что за Проектом стоит лорд Фоксфилд, и Уолтер устроил мне встречу с ним.

Особого впечатления он не производил... Нет, так сказать нельзя. У него была черта, надеваемая, как деловой костюм, дабы произвести впечатление: уверенная, немного высокомерная, слегка нетерпеливая манера разговаривать с людьми, но только в официальной обстановке. В свободное,

так сказать, от работы время он не боялся показать или, может быть, неосознанно выказывал странную наивность. К этой перемене «костюмов» я так и не привык.

Приветствуя меня, он облачился в официальную манеру. С фасада лорд Ф. показался человеком, на лету хватающим мысли собеседника и моментально несколько свысока оценивающим сказанное. Как только мы заговорили о Проекте, он отбросил манеру «для приемов» и дал волю искренним чувствам.

— Уолтер, должно быть, познакомил вас с нашими планами в общих чертах, мистер Делгранж, — сказал он, указывая на Тирри, — поэтому вы представляете, что мы думаем начать с группы первопоселенцев, к которым потом смогут присоединиться остальные добровольцы. Я считаю в высшей степени важным правильно начать, чтобы наша первая группа заложила верное направление мыслей. Если сразу закрепятся ошибочные наблюдения, неверные отношения между людьми и представления о будущем, это значительно осложнит наше намерение создать то общество, о котором мы мечтаем, ибо выкорчевать их будет уже не просто. И потому я дал себе труд разузнать поподробнее о вас, мистер Делгранж. Я представляю себе круг ваших взглядов. Знаю, что вы довольно известны и занимаетесь историей обществ, с интересом прочитал две ваши книги. Вы хорошо схватываете намечающиеся социальные тенденции, и я пришел к выводу, как и Уолтер, что ваш опыт профессионала оказался бы для нас неоценимым, по крайней мере на первом этапе нашего предприятия, в определении наилучших форм будущего общественного устройства и в отыскании кратчайших путей к их достижению.

Он еще долго развивал эту тему, а я, придя домой после беседы, в некоторой растерянности осознал, что мне поручили набросать и представить на утверждение его светлости основы конституции Просвещенного Государства — а потом и претворить их в жизнь.

Несколько месяцев я только этим и занимался. Сейчас не стоит вдаваться в детали подготовки первой группы поселенцев. Да я и не знаю подробностей. Чувствовалось, что Уолтера огорчала вялая реакция на его призыв, но мне его надежды и тогда казались чересчур стремительными. Его, похоже, удивляло, что откликнулось так мало интеллектуалов и претенденты не завалили его горами писем.

Со своей стороны, я предпринимал все усилия, чтобы убедить хоть кого-нибудь из своих друзей присоединиться к

нам, но каждый раз убеждался в тщетности своих попыток. Тогда я был слишком поглощен самим Проектом, чтобы понять, что их гораздо больше беспокоило мое состояние, чем судьба Проекта; даже их попытки разубедить меня не открыли мне глаза. Так или иначе, вербовкой занимался Уолтер, а он не особенно посвящал нас в свои дела.

Какое-то время спустя после нашей встречи с лордом Фоксфилдом Уолтер исчез на два месяца, отправившись на поиски подходящего для осуществления Проекта места. По возвращении Уолтер был не очень разговорчив, но дал мне понять, что причины тому сугубо политические. Ничего он не говорил и о координатах найденного им места, только с удовольствием отметил, что оно идеально подходит по всем параметрам. Предстояли деликатные переговоры о покупке земли, и поэтому для пользы дела не стоило посвящать в это лишних людей. Сим мне и пришлось довольствоваться.

И все же сомнений не было, что дело движется. Уолтер уже набрал себе штат помощников, которые, когда ни позвони, непрестанно были чем-то заняты, и приобрел манеры уверенного делового человека.

За девять месяцев я несколько раз встречался с лордом Фоксфилдом. Общаться с ним оказалось проще, чем я предполагал, он не настаивал на непогрешимости своих предложений. Приятно было убедиться, что его представление об осуществимой и действенной модели демократического общества не противоречило моему. Вызывал он к себе в основном для уточнения отдельных положений, и разногласий почти не возникало, а если мы в чем-то и расходились, то не по существу, поэтому постепенно я уверился, что его светлость хотел скорее быть в курсе всех дел, чем по-настоящему ими руководить. Он желал еще и еще раз убедиться, что развитие проекта пойдет в правильном направлении. А когда мы все-таки в чем-то с ним расходились, то он заканчивал спор словами: «Ну хорошо. Попытайтесь сделать так. Но не теряйте при этом гибкости. Гибкость необходима. Мы живем в меняющемся мире. Не желательно отягощать Проект застывшими догмами, подобными записанным в американской конституции. Требуется разработать конституцию гуманистическую, способную работать без специально издаваемых по разным поводам законов». Полный энтузиазма, я соглашался с ним: все казалось таким простым и разумным.

И в один прекрасный день он сказал мне:

— Переговоры завершены. Теперь у нас есть место под солнцем. Сегодня сделка заключена.

Подняв бокалы, мы выпили за долгую и успешную жизнь нашего Проекта.

— Ну, теперь-то наконец могу я узнать, где это место? — спросил я.

— Это остров Танакуатуа, — ответил лорд Фоксфилд.

Тогда я впервые услышал это название.

— Да? — довольно невыразительно откликнулся я. — А где это?

— К юго-востоку от Полуденных островов, — пояснил он.

Это мне почти ни о чем не говорило, я только понял, что это где-то в другом полушарии.

С того дня план обрел большую весомость. Подготовка ускорилась. Мне пришлось помогать Уолтеру, даже присутствовать на собеседованиях с некоторыми из кандидатов в поселенцы.

Не скажу, что я был в восторге от являвшихся претендентов, но я утешал себя мыслью, что они составят только первую группу. Когда все устроится и Проект станет видимой миру реальностью, желающих принять в нем участие станет не в пример больше.

Без сомнения, Уолтер, как и все мы, недооценивал трудности формирования человеческого ядра для такого предприятия. Ведь как ни крути, подходящие люди уже устроены. Вполне понятно, что нелегко отыскать одаренного человека, который согласится оставить завоеванное им благодаря своим способностям место в обществе ради идеалистической причуды. Поэтому большинство претендентов вполне подходили под определение «неудачник», и даже слишком. Для решения пионерских задач они не подходили, да и для совместной жизни в будущей общине тоже мало годились.

Прежде почти со всеми претендентами беседовавший сам, теперь, слишком погруженный в иные вопросы, Уолтер особенно не задумывался над прискорбным положением с вербовкой. Он планировал набрать пятьдесят человек, но был готов довольствоваться и сорока пятью.

Тем временем, после окончательной покупки Танакуатуа, лорд Фоксфилд открыто объявил о своей поддержке Проекта.

В какой-то мере признание покровительства было вынужденным — с целью возбудить общественное мнение.

У парламентской оппозиции есть один избитый прием, который, тем не менее, она неустанно применяет. Выбирается верный повод для общественного негодования, и делу придается нужный оппозиционной партии уклон. Во время относительного затишья кто-нибудь привлекает к избранной теме внимание крупной газеты. Если материал представляется небезынтересным, а другой, более броский, его не перебивает, редакция принимает его как в качестве очередной сенсации и с шумом выпускает на свои страницы. Тогда оппозиционная партия дает санкции одному из своих депутатов внести парламентский вопрос и привести газетные публикации в качестве свидетельства обоснованности избирателей последним правительственным предприятием. Таким образом газета доказывает свою верность сторожевой собаки общественных интересов; партия, предпринявшая свой традиционный ход, поддерживает репутацию активного защитника этих интересов, и, если все сложится так, как задумано, правительство в очередной раз окажется посрамленным.

В случае с покупкой Танакуатуа, избранном для маневра оппозицией, имелась одна зацепка. Подходящим поводом взбаламутить общественное мнение послужил лозунг: «Тайная продажа британской территории частным лицам», а газету «Дейли тайдингз» долго упрашивать не пришлось. Редактор уже обдумывал, в какой форме лучше подать материал, когда ему стало известно, что, во-первых, Тирри, купивший Танакуатуа, действовал от лица Фоксфилда, во-вторых, между лордом Ф. и владельцем «Тайдингз», сэром Н., были давние дружеские отношения, и, в-третьих, что сам сэр Н. в прошлом при сходных обстоятельствах приобрел остров в Карибском море. И по вполне понятным причинам интерес «Тайдингз» к вопросу Танакуатуа угас. Более того, до сведения остальных издателей было доведено, что сэр Н. будет рассматривать любую вариацию на эту тему как враждебную акцию по отношению к нему лично. Поэтому оппозиция занялась более свежими поводами для скандалов, и переход Танакуатуа в руки новых владельцев остался почти незамеченным.

Однако заинтересованность лорда Фоксфилда в этом деле открылась, и он публично признал, что стоял у истоков всего предприятия.

Но пресса все же по обыкновению отыгралась, поместив информацию о Проекте в стиле «что бы это значило?» Писали о нем как о причуде выжившего из ума старика, а об участниках экспедиции — как о безответственных людях,

которых не устраивает жизнь в приличном обществе. Мы пережили трудные дни, пятеро добровольцев отказались ехать, и осталось только сорок желающих, но вскоре тема потеряла новизну, газеты утратили к нам интерес, слегка оживившийся, лишь когда настало время отправки.

Перед самым отъездом мы собрались в одном из отелей Блумсбери. Большинство из нас никогда не видели друг друга, и теперь все присматривались к будущим сотоварищам с опаской, а то и с недоверием. Даже я со своим энтузиазмом испытал некоторые сомнения. Представляя кандидатов друг другу, мы с Уолтером всячески пытались вселить в них дух товарищества, но это было нелегко. Собравшиеся больше походили на стадо сбитых с толку овец, чем на группу отважных пионеров, готовых ринуться на освоение новой территории. Все же мы пытались успокоить себя мыслью о равной неуместности веселья — ведь нам предстояло выполнить серьезную миссию...

А мною владели, насколько я помню, двойственные чувства. Периоды депрессии сменялись минутами крайнего возбуждения. Возвращаясь в памяти к тем дням, я даже вижу во взгляде некоторых своих тогдашних собеседников удивление — мой энтузиазм явно вызывал тревогу у них.

Напитки и отменная еда несколько сняли напряжение, так что к концу обеда, когда лорд Фоксфилд поднялся с места и приготовился напутствовать нас, уже начали проявляться признаки формирующегося духа общности.

Думаю, стоит привести речь лорда Ф. дословно. Может быть, так лучше, чем в моем пересказе, удастся передать тот образ будущего, который вставал перед его умственным взором.

— Господь Бог, — начал лорд Фоксфилд, что для него было несколько необычно, — Господь Бог, как нас уверяют, создал человека по образу и подобию своему. Давайте поразмыслим, что значит «по образу». — Он некоторое время развивал возможные линии толкования этой библейской фразы и в результате пришел к выводу, что это означало «по истинному образу». И продолжил: — И не во власти человека использовать или отвергнуть по своей воле ту или иную сторону этого образа. Ибо если человек волен в выборе, это значит, что либо Бог наделил этими способностями его по ошибке, либо человек лучше Господа Бога знает, какую из них стоит ему развивать, — а такая линия рассуждений выводит нас на очень скользкий путь. Потому что, без сомнения, если Бог не хотел, чтобы та или иная способность использовалась, то наделить ею человека он

мог только по ошибке или для искушения — полагаю, последнее не многие хотят принять. И тогда нам следует заключить, что, заложив в человека определенные способности, Бог, конечно же, предписал ему не обсуждать целесообразность обладания такими дарами, а по мере сил применять их все. Отсюда следует, что если образ человека — это образ Бога, то, должно быть, Бог желал, чтобы человек стал подобен Богу.

Для чего же еще было создавать человека по образу своему? Ведь он использовал множество иных образов для своих менее способных творений: следовательно, избрав в качестве модели собственный образ, он, по-видимому (если только не хотел намеренно подделывать сей образ), возложил на человека обязанность стремиться так же походить на него по существу, как и внешне.

Такие соображения, конечно, не новы. Многие правители с древнейших времен до наших дней угадывали это, а затем осознали свою божественную сущность и публично провозглашали о своем обожествлении и священных правах. Но так как они были неприкрытыми индивидуалистами, то уподобление Богу отождествляли с отрывом от других людей и воцарением над ними. К сожалению, они также имели склонность брать для себя за образец придирчивого Бога из Ветхого Завета, что несло горе их братьям.

Ошибки тут не было. Их неведение или невидение, если так можно выразиться, заключалось в неспособности понять логику происходящего: уж если род людской был создан по образу Божию, то предназначение и долг походить на Бога не могут касаться только избранных, а касаются непременно всех, кто носит в себе образ Бога, то есть всего человечества.

Мы давно убедились, что человек — самый могучий из созданных на земле видов, а несколько последних веков, особенно в новейшее время, стали свидетелями того, как сильно возросли возможности человека. Уже сейчас он повелевает большей частью своего окружения, возможности же будущего развития трудно предугадать.

Может, он в чем-то даже превзошел божественные предначертания, ибо если о способностях Бога к самоуничтожению теологи спорят до сих пор, то человек, вне всякого сомнения, уже вполне способен уничтожить себя, а заодно и весь мир.

Одной этой способности должно быть достаточно, чтобы уяснить, что пришло наконец время, когда больше нельзя вести себя подобно безответственным сорванцам, пуска-

ющим фейерверк в переполненном зале. Это всегда было неумно, а теперь стало слишком опасно.

Мы обладаем уже знаниями и средствами, чтобы создать общество, не зараженное безумием, с продуманным общественным устройством. Мы можем приспособливать большую часть природы к нашим нуждам, а если это потребуется, и сами способны органично вписаться в окружающую среду. Теперь мы умеем, если того захотим, жить, не разрушая природу, не вступая с ней в конфликт, не пожирая ее, подобно паразиту, а находясь в созвучии с ней, вступая в симбиоз с ее могучими силами: управлять ими, причем не только отбирая часть этих сил, но и наделяя их долей своих. Настало время, когда мы можем — должны, если надеемся выжить, — отказаться от существования с беспечностью животных и взять свою судьбу в собственные руки. Если же мы убоимся стать подобными богам, то погибнем...

Вот в чем заключается цель нашей экспедиции. Мы не собираемся бежать от действительности, как пыталась повернуть дело пресса. Мы отправляемся в путь не для того, чтобы найти страну забвения, обрести рай на земле или отыскать свою Утопию. Наша экспедиция — крохотное семя великого начинания. И вам выпало на долю высадить его в почву прекрасного нового мира. А потом возделывать землю, защищая всходы от сорняков, чтобы урожай вырос сильным, незараженным, чтобы им можно было прокормить общество новое, освобожденное от предрассудков, очищенное от слепой веры и невежества, избавленное наконец от жестокости и нищеты, от века сводивших на нет все лучшие начинания человечества...

Было сказано еще много, лорд Фоксфилд использовал не одну метафору, и не всегда ему хватало умения закруглить проступающие по ходу развития речи углы, но суть была ясна: для постройки здорового общества есть знания и средства; в наших силах воспользоваться ими; а теперь — вперед, и да сопутствует вам удача!

Но так или иначе, это был великий день для его светлости. Ему пришлось изрядно раскошелиться, чтобы этот день наступил, и предвиделись еще немалые расходы, поэтому его выслушали со вниманием.

Осталась цветная фотография нашего отряда на палубе «Сюзанны Дингли», где мы все собрались на следующий день перед самым отплытием. Нас — тридцать восемь че-

ловец (еще двое отказались ехать, якобы неожиданно заболели).

Сторонний наблюдатель не распознал бы в запечатленных на этом снимке Отцов (и Матерей) Основателей новой эры. Но что подделаешь? Очень многим удаётся выглядеть неприметно, пока они не создадут о себе особого впечатления.

И нам, если бы судьба позволила, удалось бы заявить о себе, по крайней мере некоторым из нас...

Доминирует на снимке, конечно же, миссис Бринкли. Может быть, ее фигуру дополнительно выделяет из общего ряда набитая дорожная сумка из шотландки японского производства, зажата в руках, но даже и без этого полная добродушная фигура женщины в окружении детей мал мала меньше привлекла бы внимание. И если в отношении намерений и мотивов действий остальных можно еще сомневаться, то тут все было ясно: Дебора Бринкли хочет иметь еще детей и с радостью будет приумножать население острова Танакуатуа или любого другого места на земле, куда ее прибудут волны будущей жизни. Именно эта уверенность в цели, подкрепленная решительной фигурой мужа, стоящего подле, — выносливого и умелого фермера, — делает запечатленный на снимке образ самым привлекательным и внушающим доверия.

Выделяется и Алисия Харди, которая серьезно беседует о чем-то с одним из детей Бринкли.

Но, вне сомнения, Мэрилин Слейт (миссис Слейт) думает, что именно она — центр всеобщего внимания. Одета в совершенно неподходящее случаю выходное платье, изогнувшись, как манекенщица из журнала мод, сияя улыбкой во весь рот, она сама избрала себя царицей на время плавания «Сюзанны Дингли» к месту назначения. Подле нее стоит Хорас Тапл, чье пухлое лицо херувима сияет над кричаще-яркой пляжной майкой, которую он уже успел натянуть. Трудно отыскать более подходящего из завсегдаев пирушек и вечеринок человека, каким был Тапл. И по сей день я недоумеваю, как эта парочка попала под крыло Уолтера. Сам Хорас тоже, по всей видимости, задумался об этом вскоре после отплытия, так как в Панаме решил покинуть корабль и отправиться обратно домой. Поразительно, как мудро может вести себя глупец.

Невысокий мужчина в первом ряду, который нахмурившись глядит в камеру из-под козырька кепки, — это Джо Шатлшо, обладатель полезной профессии столяра. Но с

первого взгляда видно, что он прирожденный забияка; а рядом с ним стоит Диана, жена-терпеливица, что тоже сразу заметно. По другую руку от нее — медсестра Дженнифер Феллинг, тонкостью своих черт контрастирующая с окружающими, как полотно Дерена среди множества Матиссов.

Вторая Дженнифер, Дидз, погружена в спокойное раздумье. Конечно, есть на снимке и Уолтер Тирри. Он держится несколько особняком от всех нас. Может быть, благодаря усилиям ретушера или из-за падающего под особым углом света его лицо обрело точеные черты, чего я прежде не замечал. Еще он как-то неуловимо излучает дух лидерства, глядя в камеру с вызовом и решительностью.

На губах инженера Джейми Макингоу, стоящего с правого края, играет легкая усмешка, но трудно сказать, что ее вызвало — вид ли Уолтера, сама ли съемка в памятный момент или одному ему ведомые мысли.

Рядом с ним — Камилла Коуджент. Она размышляет о чем-то своем, не обращая внимания ни на камеру, ни на особые обстоятельства съемки: среди нас, но не с нами.

Я, Арнольд Делгранж, — с противоположного края от нее, повернулся в профиль. С затуманенным взором и восхищенным выражением лица я выгляжу немного не от мира сего. Надо признаться, тогда я действительно витал в облаках. Даже теперь я порой ощущаю отблески бывшего восторга. Если ноги остальных членов нашего отряда твердо стоят на стальной обшивке палубы «Сюзанны Дингли», то мои явно попирают эпические доски нового «Арго». Вокруг неприветливо плещутся воды Темзы в нефтяных разводах, но перед моим взором золотятся под солнцем лазоревые волны Эгейского моря. Я отправляюсь в путь, чтобы наполнить плотью свои видения, чтобы увидеть новое начало великих времен, чтобы внести посильный вклад в осуществление завета:

Грядущим дням завещан,
Как небу свет зари,
Афин великих светоч.
Его сиянья вечность
Ты в силах возродить.

В тот момент я видел и больше — новый далекий архипелаг, где воспламеняются все несбывшиеся надежды, це-

лый утерянный мир, чтобы, подобно Фениксу, возродиться вновь...

Увы, как песни сирен были сладки!

Так мы все стоим. Том Коннинг, Джереми Брэндон, Дэвид Кэмп и остальные. Самые разные по складу характера и по роду занятий.

На этот снимок грустно смотреть. Может быть, мы и не похожи на созвездие талантов, но все полны больших ожиданий. А собравшая нас вместе идея была гораздо значительнее нас всех вместе взятых. Что ж, думаю, к ней еще вернутся. Люди тысячелетиями отправляются в путь в надежде обрести свободу. Да, новая попытка будет предпринята, и от души надеюсь, что нашим преемникам будет сопутствовать удача, а рок отстанет и не будет преследовать их.

ГЛАВА 2

Итак, мы плыли к Танакуатуа. Тут, по-видимому, уместно подробнее рассказать о месте нашего предназначения.

Когда «Сюзанна Дингли» подняла якорь и взяла курс на Танакуатуа, я, да и любой из нас, за исключением отыскавшего это место Уолтера, мог сказать о нем только, что это необитаемый островок, который в самом подробном атласе едва отыщется как черная точка на широком голубом просторе Тихого океана в районе 9° с. ш. и 170° з. д.

Существовало несколько фотографий острова, снятых в разные годы; самая старая — более полувековой давности. Но их можно рассматривать практически как единый снимок, потому что фотографа привлекал один и тот же вид: панорама северо-восточного побережья острова, что открывается с борта корабля, стоящего на якоре в лагуне. Белую изогнутую линию пляжа окаймляет густой кустарник, над которым палисадом природной крепости высятся пальмы, а за ними встает непроходимый тропический лес. Только по заднему плану фотографии Танакуатуа можно отличить от бесчисленных видов других островов: там поднимаются две конические вершины с высокой седловиной между ними.

Ни на той, ни на другой вершине нет признаков активной вулканической деятельности, хотя на обеих есть кратеры. Северная (на фотографиях слева) — Рара, давно бездействует и поросла лесом, а вторая — Мону, там есть озеро кипящей грязи, и на южном склоне, на полпути к кратеру, пробивается чистый горячий ключ. Кратеры, вероятно, уже

давно приняли свой теперешний облик. Никаких преданий об извержениях на острове не сохранилось.

Видимо, каких-либо других преданий об этом острове тоже очень немного. Как будто он не вступал ни в какие связи с миром и жил без своей истории, которая началась лишь немногим более полутора столетий назад. Сведения, касающиеся этого последнего периода, тоже фрагментарны, но по возвращении домой я предпринял настойчивые попытки раздобыть всю существующую информацию из самых разнообразных источников, и, думаю, теперь лучше всего изложить результаты моих изысканий. Они хотя бы отчасти приоткрывают причину одной странности: почему такой плодородный остров казался необитаем и, более того, почему его можно было купить?

В тех атласах, где помечен Танакуатуа, он обычно относится к архипелагу Полуденных островов. Это с самого начала сбивало с толку, а потом стало и совсем неверно. Во-первых, Танакуатуа лежит в пятистах милях от своего ближайшего соседа — острова Оахому. Можно предположить, что оба эти острова попали в зону Полуденных островов, прибранные туда из стремления к аккуратности теми, кто наносит на карты Тихого океана эти всеохватывающие пунктирные линии владений, потому что от всех других архипелагов до Танакуатуа и Оахому еще дальше. Более того, вполне вероятно, что именно из-за того, что кто-то обнес их такой линией, они и попали под власть администрации Полуденных островов. И не такое случалось в колониальной истории.

От внимания первых европейских исследователей острова ускользнули. Их не заметил даже капитан Кук. Хотя в 1774 году, во время второй экспедиции, он посетил (и окрестил по времени их открытия) Полуденные острова.

Только двадцать лет спустя был описан остров, в котором без труда можно узнать Танакуатуа.

В 1791 году капитан судна «Шерпос» Слизон сделал запись: «Как только рассвело, примерно в трех лигах от нас к востоко-северо-востоку мы увидели землю. Подойдя ближе, мы поняли, что это небольшой остров, в центре его вздымалась невысокая гора, похожая на два горба с седловиной между ними. Растительность обильна: пальмы и другие деревья, а густой кустарник покрывает весь остров, его нет только на верхней части горы.

При нашем приближении поднялось множество морских птиц, прямо к носу судна подплыла стая дельфинов, но никаких признаков человеческого жилья мы не заметили.

С запада остров окружен сплошным рифом, только между отдельными рифовыми островками есть судоходные проливы. Один из них мы промерили и успешно прошли. Став в лагуне на якорь, я отправил на берег катер с бочками для пресной воды. Отряженные с катером матросы обнаружили, что остров все же обитаем. Найдя ручей и поднявшись выше по течению, чтобы набрать более чистой воды, они вышли на поляну, по краю которой ютились семь или восемь хижин, весьма убогих и примитивных, в основном из коры. Все было в таком загаженном состоянии, что вокруг стояла густая вонь. В центре поляны находилось кострище, где лежало несколько больших плоских камней, на которых туземцы готовят пищу: один из матросов, посчитавших это место давно покинутым, обжегши о камень ногу, убедился, что это не так. Подоспевший боцман рассудил, что туземцы ушли не более двух часов назад.

В некоторых хижинах нашли примитивные деревянные орудия труда и грубые сети, которые сочли рыболовными. В одной из хижин обнаружили украшенную резьбой кость от человеческой ноги. Там же был человеческий череп, и по одному ему ведомым приметам боцман решил, что голова человека, которому принадлежал череп, была отрублена не больше недели назад.

После нескольких рейдов за водой, когда наши запасы пополнились, матросы вернулись на борт, так и не заметив ни одного туземца».

Описание острова не оставляет сомнений, что это был Танакуатуа. Однако второе посещение, открытие острова вновь и точное определение его координат произошло только в 1820 году, когда к Танакуатуа подошел корабль королевского флота «Пертинакс». За двадцать шесть лет со времени записи, внесенной капитаном Слизоном в свой корабельный журнал, положение на острове, по всей видимости, не изменилось.

«Пертинакс» вначале обогнул остров. На его восточном и западном побережье поднимались негостеприимные скалы, где нельзя было ни пристать, ни высадиться, а вдоль южной оконечности протянулся почти сплошной риф, окаймляющий лагуну, которая мягко вдавалась в берег с запада. Не пытаясь преодолеть риф, корабль бросил якорь неподалеку от

него в море, откуда виден был берег лагуны, где на песке лежало несколько вытасненных из воды каноэ.

Там собралось около полусотни туземцев с копьями, которые что-то оживленно обсуждали. Потом они спустили на воду шесть каноэ и направились через лагуну к «Пертинаксу». Но перед самым проходом через риф они подняли весла и остановились. Посовещались снова. Головы их то и дело поворачивались в сторону корабля. Видно, передумав подходить к нему близко, они стали энергично грести к берегу, вытащили каноэ из воды и исчезли среди деревьев.

Высадившись на остров, моряки нашли деревню совершенно пустой. Среди таких неожиданных предметов, как выстроившиеся над входом в самую большую хижину черепа, разбросанные костяные украшения и наконечники для стрел, там были найдены ржавый пистолет, несколько матросских ножей, четыре медные пряжки от поясных ремней и разрозненные металлические пуговицы.

Двинувшись дальше, отряд заметил на небольшом выдававшемся в море мысе деревянный крест. Он явно был сколочен из обломков корабельных досок. Матросы стали копать землю перед крестом в надежде найти что-то, что позволило бы определить, кто тут захоронен, и вскоре наткнулись на бутылку со сложенным в ней клочком бумаги. На нем коричневыми буквами, как посчитали — кровью, было начертано:

В ПАМЯТЬ

*Джеймза Бэара из Лондона,
Эдварда Тимсона из Шелтона
Генри Дейвиса из Льюиза,*

*попавших сюда после кораблекрушения с «Фортитьюд»
10 дня мая 1812 года от Рождества Христова. Всех
съели дикари-каннибалы в мае-июле 1812 года от
Рождества Христова.*

ДА СМИЛОСТИВИТСЯ НАД НИМИ БОГ

Писано рукой Сэма Ходжса

По дороге обратно на корабль отряд попал в засаду. Одного матроса серьезно ранили копьем, в ответ троих туземцев сразили мушкетным огнем, а остальные бежали, оставив двоих пленными. От этих пленных матросы и узнали, что остров называется Танакуатуа, по крайней мере так они расслышали и так могли выговорить это название (если это

было именно название, а не заклинание или проклятие на их головы). С тех пор так оно за островом и закрепилось.

По документам Архива действительно значится, что судно «Фортитюд» отплыло из Дептфорда 2 августа 1811 года в Ботнический залив со 142 осужденными. К месту назначения оно не прибыло, и его сочли пропавшим. В списке осужденных, которых везли на каторгу, были Джеймз Бэар из Лондона (за подделку почтовой марки ценой в шесть пенсов); Эдвард Тимсон из Шептона, графство Сомерсет (за фальсификацию денежных документов); Генри Дейвис из Льюиза, графство Сассекс (за кражу птицы ценой в семь пенсов), а среди матросов судовой команды значилось имя Сэмюэла Ходжза из Рая, графство Сассекс.

И тогда Танакуатуа был уже официально нанесен на карты Адмиралтейства. Его посещали не часто, да и то лишь сбившиеся с курса корабли либо команды провизионеров, посланные за водой и свежей зеленью. Временами заезжали туда и торговцы, но так как остров считался заселенным коварными туземцами, склонными к каннибализму, то эти визиты носили характер рейдов. Потому остров оставался неисследованным, известно о нем было немногим больше, чем можно разглядеть с моря, вплоть до 1848 года, когда на его берег ступила группа топографов с корабля флота Ее Величества «Файндер». В их докладе туземцы описаны так:

«Раскрашенные странными узорами, обвешанные украшениями из ракушек, они носят небольшие кусочки грубой материи больше для красоты, чем для прикрытия плоти. У большинства мужчин в мочки ушей продеты кусочки кости и нередко носовую перегородку протыкают костяные иглы. Сами лица покрыты уродливой татуировкой, которая придает им вид редкой свирепости».

Когда эта свирепая внешность вкупе с громкими криками, угрожающими жестами и потрясанием копий не утратила топографов и их конвой, туземцы, казалось, сначала удивились, а потом пали духом. А когда солдаты морской пехоты из конвоя подняли ружья, чтобы дать предупредительный залп поверх голов, то и вовсе разбежались, спрятавшись среди деревьев, откуда их с большим трудом удалось выманить видом подарков.

Подавив таким образом открытое сопротивление, топографы нашли, что туземцы — существа робкие и подозрительные, но все же прибывшим ходить в одиночку было строго запрещено.

На Танакуатуа произвели картографическую съемку. Остров имеет в длину семь миль, в ширину — немногим больше пяти. В плане он грушевидной формы. Примерно в миле от его южной оконечности находится небольшой островок Хинуати, площадью около ста пятидесяти акров. Вдоль рифа разбросана дюжина крошечных островков размером от половины акра до двенадцати акров. Почва на острове вулканическая, богатая минеральными солями, дающая обильные урожаи таро, плодов хлебного дерева, кокосов и овощей. В число культивируемых овощей, к удивлению исследователей, входил картофель, вероятнее всего высаженный впервые моряками с потерпевшего кораблекрушение судна.

Взрослое население на момент описания острова составляло немногим более полутораста человек, но по числу покинутых деревень можно было заключить, что совсем недавно туземцев было больше. Обычаи и повадки их, говорилось в донесении Адмиралтейству, убогие, грубые, отталкивающие до отвращения. Командир группы топографов счел танакуатуан самыми примитивными из всех виденных им дикарей, судовой врач усмотрел здесь признаки вырождения от браков между близкими родственниками.

В заключение высказывалась уверенность, что остров при условии продуманной системы земледелия мог бы прокормить значительное число поселенцев, а также поставлять на рынок копру и другое сырье, однако удаленность Танакуатуа от проторенных торговых путей делает успех любых попыток воспользоваться богатыми возможностями острова весьма сомнительным.

Но если Танакуатуа не представлял для остального мира никакого интереса и никак на него не повлиял, то нельзя сказать, что то же самое относится к острову. Очень медленно на Танакуатуа происходили перемены, и за следующие шестьдесят лет там все изменилось сильнее, чем за предыдущие тысячелетия.

В середине XIX века случилось нашествие на остров. Подробностей этого почти не сохранилось, но известно, что пришельцев было около трехсот и они прибыли с целым флотом каноэ. Так и остается тайной, кто они были и откуда явились (по их словам, их родной остров лежал в стороне заходящего солнца), но приплыли они с семьями и домашней живностью в подвязанных к каноэ плавучих хлебах, — значит, двигались с намерением переселиться.

Противоборство не длилось и дня, после чего коренные жители острова, деморализованные умением сражаться и уверенностью пришельцев, сдались и больше никогда не оказывали сопротивления.

Пришельцы привезли с собой более высокую культуру. Вместо грязных лачуг из коры они строили деревни из крытых пальмовыми листьями хижин. Они расчищали участки под таро, высаживали рощи кокосовых пальм, разводили овощи.

Кровь аборигенов и пришельцев смешалась. И уже через три десятилетия население острова мало походило на описанное топографами. Теперь это были уверенные в себе люди с осознанным стремлением к независимости. Из заходов к ним иноземных судов и собственных вылазок за пределы острова танакуатуане кое-что узнали о внешнем мире, но отдавали решительное предпочтение своим обычаям. Теперь они не относились враждебно к заплывавшим в их края пришельцам. Они рады были выменять себе что-нибудь полезное. В то же время те англичане, французы или немцы, которые, оценивающим взглядом окинув остров, предлагали туземцам верить свою судьбу — столь неверную в этом изменчивом мире — заботам сильной державы, встречали весьма прохладный прием — вежливый, но не более того. Здесь взгляды сменяющих друг друга вождей и их соплеменников полностью совпадали.

Несколько раз островитяне чуть было не попали под «протекторат», но в каждом случае дело обошлось — по тем же причинам, что приводились и в докладе «Файндера». Даже с появлением пароходов остров считали слишком отдаленным и слишком маленьким. Так Танакуатуа, хотя и частенько был на грани потери независимости, все же сохранил ее.

Но мир переживал перемены. На противоположной от Танакуатуа стороне земного шара умерла старая королева. Она жила под полуденным солнцем империи, наблюдая, как ее подданные закрашивают на карте мира пунцовым имперским цветом все новые и новые участки — сначала на материках, потом разбрасывая пунцовые капли по далеким морям и океанам. Но когда королеве настало время умирать, это солнце тоже садилось. Тени истории готовились поглотить и этот длинный день. Налетали уже первые порывы набирающего силу ветра, которому суждено было в клочки изорвать последние остатки Века Виктории. А когда налете-

ла буря, она коснулась даже Танакуатуа, лежащего за двенадцать тысяч миль от ее центра.

В 1916 году кому-то в Адмиралтействе пришла в голову мысль, что Танакуатуа и Оахому вполне могут привлечь внимание немцев, чтобы расположить там базы и укрытия для их рейдеров, угрожающих перевозкам и движению судов в западной части Тихого океана. Это соображение было направлено в Британское министерство по делам колоний и заключало в себе намек, что хорошо бы предупредить любое подобное поползновение.

В результате губернатор Полуденных островов получил предписание принять со своей стороны необходимые меры. Во исполнение этого приказа он отправил туда недавно перекрашенное в защитный цвет и оснащенное по случаю военного времени скорострельной пушкой торговое каботажное судно «Фрэнсис Уильямс», чтобы установить на Танакуатуа свой флаг. После разведочного захода на Оахому судно 15 сентября прибыло на Танакуатуа. Когда, преодолев рифы, оно вошло в лагуну, капитан, опустив бинокль, протянул его помощнику.

— Знаете, что я вам скажу, Джо, — проговорил он, — там что-то неладно. Пару раз я уже здесь бывал, и обычно туземцы выбегали на берег, скакали как сумасшедшие и вопили во всю глотку. А теперь — гляньте-ка.

Помощник капитана вооружился биноклем и обвел взглядом береговую линию. Нигде не было заметно никакого движения. Если бы не ряд каноэ на песке, можно было бы подумать, что остров необитаем.

«Фрэнсис Уильямс» сбавил ход, загремела якорная цепь. Звук гулко разнесся над лагуной, но на берегу все оставалось по-прежнему. Через некоторое время помощник капитана сказал:

— Ага, вот и появились двое местных, кэп. Укрываются за деревьями и, похоже, машут нам.

Пока капитан брал из рук помощника свой бинокль и отыскивал место, где тот заметил движение, из-под прикрытия деревьев выскочили четыре фигуры и стремглав бросились к воде, прихватив по дороге каноэ. Уже через несколько секунд они лихорадочно гребли к кораблю. Но не успели они проплыть и двадцати ярдов, как прогремел ружейный выстрел. Пуля, не долетев до каноэ, взметнула фонтанчик воды. Гребцы на секунду остановились, потом принялись гребсти с удвоенной силой. Хлопнул второй выстрел. Один из гребцов вскочил на ноги. Когда его крик долетел до

«Фрэнсиса Уильямса», каное уже перевернулось, а все находившиеся в нем плыли к берегу.

Капитан приказал команде занять боевые посты. С берега открыли ружейный огонь, но расстояние было слишком велико, чтобы он мог нанести сколь-нибудь значительный ущерб. Несколько пуль ткнулось в обшивку, а остальные не долетели до корабля. После двух пристрелочных залпов небольшой пушки, не видной с моря, третий снаряд угодил прямо в трубу. Тогда в ответ заговорила скорострелка с «Фрэнсиса Уильямса».

Битва при Танакуатуа была недолгой. Так как корабельный канонир стрелял только тройку раз на учениях и ни разу в бою, ему, видно, как новичку сопутствовала удача: после третьего выстрела снаряд накрыл береговую пушку, а через некоторое время на судне увидели, что над кустами недалеко от места ее расположения появился белый флаг.

Огонь прекратился. Капитан приказал спустить лодку. Мичман со своим отрядом направился к острову. Но их лодка не преодолела и половины пути, как ружейный огонь на берегу возобновился. Так как пули ложились далеко от лодки, можно было подумать, что танакуатуане, презирая и не признавая белый флаг, предприняли вылазку со своей стороны. И, как выяснилось позднее, не без успеха, потому что десант с корабля застал в живых только сбившихся в кучку четверых людей в немецкой форме, которые еще пытались защищаться. Весь взвод оккупационных сил, высадившийся на остров две недели назад, был уничтожен.

Танакуатуане испытывали воодушевление. Потеряв всего пятерых или шестерых воинов, островитяне были опьянены чувством победы, достойной самых знаменитых предков.

Кроме того, они сильно невзлюбили немецких солдат. Взвод их высадился непрошеным, презрев все принятые церемонии и вообще всякую вежливость. Затем немцы поставили палатки на поляне, где островитяне хоронили своих умерших. А когда группа старейшин попыталась заявить протест против такого кощунства, то солдаты даже не дали им приблизиться, стреляя поверх голов. Потом они потребовали, чтобы жители острова снабжали их фруктами и овощами, не заикнувшись об оплате; реквизировали несколько молодых женщин, не обращая внимания на то, замужем они или нет, и тоже не предложив никакого выкупа; замучили на глазах у остальных островитян юношу, попытавшегося украсть у них ружье; и во всем остальном проявили себя как дурно воспитанные и заносчивые люди.

Победа над немцами вернула танакуатуанам уважение к себе, уверенность в собственных силах. Только радость того памятного дня им нарушил мичман с английского судна, который приказал своим людям убрать тела убитых немецких солдат. Здесь с незапамятных времен считалось, что с побежденным врагом можно поступить достойно, только съев его. Но никакие протесты жителей острова не помогли.

Затем было официально провозглашено, что Танакуатуа присоединяется к Полуденным островам и тем самым попадает под опеку Его Величества короля Георга I.

Нельзя сказать, что танакуатуане выказывали какие-нибудь признаки радости в связи с изменившимся статусом их родного острова или вообще как-то реагировали на свое присоединение к великой семье наций, в которую они теперь, как их уверяли, вошли полноправными членами. С новым гарнизоном острова они, правда, были в лучших отношениях, нежели с прежним, немецким. Но они не стали скрывать своей радости, когда через два года после урегулирования всех конфликтов и беспорядков, состоявшегося где-то по другую сторону земного шара, в месте, о котором островитяне никогда и не слышали, гарнизон отозвали.

После этого на острове снова могла продолжаться нормальная жизнь. От полного возвращения к довоенному статусу ее отличали только редкие наезды инспектора, который, когда и появлялся, мало его беспокоил, да торжественные визиты самого губернатора.

Так без особых помех выросло и состарилось еще одно поколение островитян.

А потом на Танакуатуа прибыл новый гарнизон. На этот раз более многочисленный, лучше вооруженный, и оставался он на острове дольше. Но вели себя солдаты пристойнее и снабжались регулярнее.

Командир гарнизона майор Кэтерман с самого начала приказал своим подчиненным относиться к танакуатуанам как к подлинным хозяевам острова. Он потрудился немного научиться говорить на их языке, пытался понять их обычаи и всячески старался уважать их образ жизни. Категорически запретил своим людям мародерство. За все таро, кокосы, плоды хлебного дерева, девушек, картофель и т. п. следовало платить, поэтому островитяне пристрастились к печеным бобам, говядине и шоколаду. Майор даже провел среди аборигенов несколько занятий по программе начальной

школы, чтобы познакомить их с кое-какими сведениями о странах за океаном. Если же он в этом и не преуспел, как и в претворении в жизнь некоторых своих других задумок, то все же оставался за все время командования гарнизоном в прекрасных отношениях с островитянами.

Сам он был в высшей степени доволен своим назначением. Лишь очень немногим в военное время выпадает счастье оказаться вынесенным бурным течением в спокойные воды, и он был рад попасть в их число. Постепенно майор начал думать, что в его лице, вероятно, колониальная служба потеряла ценного работника.

Но даже запутанный клубок войны в конце концов разматывается в нить. Пушки замолчали, японцы убрались восвояси, Танакуатуа больше не требовалось защищать.

Был дан прощальный пир. Командир гарнизона, наполовину задушенный гирляндами красного жасмина, и лучащийся счастьем от доброго рома и гордости за свой народ вождь Татаке сидели, обняв друг друга за плечи, и клялись в братстве навек.

На следующую ночь аборигены снова стали полными владельцами своего острова.

За три последующих года не произошло ничего примечательного, если не считать визита нового губернатора. Как всегда, состоялась обычная церемония, а губернатор обратился к островитянам с речью, в которой уверял их не думать, что они заброшены здесь, в просторах океана. Король всегда заботится об их интересах и очень любит их.

После окончания ставшей привычной церемонии губернатор отплыл к себе обратно. Все думали, что его, как и его предшественника, не стоит ждать раньше чем через два или три года.

Но, ко всеобщему удивлению, он вернулся через несколько недель. И на этот раз с вестью весьма необычной.

Он сообщил островитянам, что совсем в скором времени должно произойти нечто катастрофическое. В открытом океане к востоку от Танакуатуа разразится катаклизм. Там над океаном встанет огромный огненный шар, он будет ярче ста солнц и такой раскаленный, что на деревьях, растущих за много миль от него, сгорит кора, у людей и животных загорится кожа, а у всех, кто поглядит на него, высохнут глаза.

Маловероятно, что на самом Танакуатуа произойдет что-либо подобное, потому что шар будет от него очень далеко, но после того как он вспыхнет и погаснет, в небе останется

отравленная пыль. Эта пыль принесет мучительную смерть всем, кого коснется.

Бряд ли пыль вообще долетит до Танакуатуа. Если во время огненного взрыва ветер будет дуть с запада и не перестанет несколько дней, то острову ничто не повредит..

Но никто не может управлять ветрами. Можно только предполагать, в каком направлении они будут дуть в тот или иной сезон. Еще с меньшей уверенностью можно утверждать, что они будут дуть в этом направлении постоянно. К тому же все знают, что облака в небе часто движутся как бы против ветра, — признак того, что верховой ветер дует в противоположную сторону. В природе нет ничего перенчивее ветра...

Поэтому король, как всегда беспокоясь о судьбах своих верных подданных, издал указ, согласно которому жителям Танакуатуа и Оахому следует ради их собственной безопасности оставить на время эти острова и переселиться туда, где не будет никакого риска, что смертельная пыль упадет на них. Король также повелел заплатить им, возместив все убытки, нанесенные посевам или собственности. Поэтому ровно через месяц всем мужчинам, и женщинам, и детям до единого следует эвакуироваться с Танакуатуа.

К облегчению губернатора, который ждал долгих препирательств, его заявление восприняли спокойно. Но ему и не пришлось в голову, что островитяне так повели себя только потому, что были до глубины души поражены услышанным и не могли никак поверить, что слышали именно то, что было сказано.

Ошеломление еще не прошло, когда губернатор, пожелав им как можно лучше использовать время, отведенное на подготовку к отъезду, поднялся на свой корабль и отправился на Оахому, чтобы и туда отвезти свою весть.

Вечером Татаке созвал совет старейшин. Почти никто из старейшин дельного совета дать не мог. Более старые и умудренные опытом испытывали смутное беспокойство, но были еще слишком поражены известием, чтобы осознать реальность грядущего. Оттого спор разгорелся в основном между вождем и Нокики, главным лекарем, причем позиция обоих основывалась на слишком поспешно возведенных фундаментах, которые они по мере развития спора укрепляли.

Но сами позиции были ясны с самого начала:

— Такое вмешательство в наши дела недопустимо, — заявил Нокики. — Мы должны призвать наших молодых мужчин к оружию.

— Они не будут драться, — коротко ответил Татаке.

— Молодые мужчины — воины и потомки воинов. Они не боятся смерти, — с вызовом сказал Нокики. — Они захотят драться, чтобы одержать великую победу, как и их отцы.

Тут Нокики в подтверждение своих слов изложил краткую (хотя и несколько тенденциозную) историю о славной битве 1916 года.

Татаке объяснил, что никто и не сомневается в доблести юношей, а все дело в выборе наиболее разумного пути. Могут ли устоять наидоблестнейшие воины против винтовок и пулеметов? Их всех перестреляют, род танакуатуан ослабнет, ибо разве есть будущее у народа, лишившегося молодежи? А у слабых нет прав. Чем сильнее и многочисленнее будут танакуатуане, тем лучше им придется на чужбине и тем весомее смогут они настаивать на скорейшем возвращении на родину, когда этот таинственный катаклизм прекратится.

Нокики источал презрение. Он не верил ни в какой катаклизм. Это явная уловка, чтобы выманить их с острова. Губернатор просто хочет захватить их остров себе. И им предлагают передать свою землю, свои дома, кости своих предков, завоевавших эту землю для них, — все, в виде подарка губернатору! Лучше уж всем до единого полечь в землю Танакуатуа, чем влачить жалкое существование трусов на чужбине.

Татаке стал говорить о возмещении убытков...

Нокики презрительно плюнул.

Татаке заявил, что берет на себя ответственность за жизнь соплеменников. Он позаботится, чтобы их не бросали понапрасну в бесполезную битву и не приносили в жертву, безрассудно отвергая существование смертельной пыли.

Нокики снова плюнул. Эта смертельная пыль — выдумка. Сказка, придуманная, чтобы выкурить их из родного гнезда. Ни в одной легенде ничего не говорится о ней. Вождь Татаке может смиренно заботиться о жизни своих подданных, но для него, Нокики, гораздо ценнее их честь, завещанная им отцами их отцов, и отцами тех отцов, которые жили прежде них.

— Татаке, — продолжал он, — говорил о жизни, но что это за жизнь, которую придется владеть им, презируемыми духами предков? И в сознании того, что, когда им придет время умереть, Накаа преградит им путь в Страну Теней и сбросит их недостойные души в Яму, где им будут суждены вечные корчи. Лучше, намного лучше будет умереть теперь и, не утратив чести, присоединиться к предкам в стране, что лежит на западе, за морем.

Остальные старейшины почти не подавали голосов, выступая в роли молчаливого хора, поворачивая головы то к одной, то к другой спорящей стороне, вдумчиво кивая в знак согласия то с тем, то с другим оратором.

Темнело. Кроваво-красное солнце село в море. Уже луна послала впереди себя угольно-черные тени. Но великий спор все продолжался...

Гражданская война на Танакуатуа не разразилась только потому, что Нокики осознал пагубность потери воинов.

Месяц прошел в состоянии ненадежного перемирия. Три четверти островитян шли за своим вождем, остальные — сплотились вокруг Нокики. Равновесие в значительной мере удерживалось тем, что на стороне Нокики были практически все молодые мужчины — самая напористая часть островитян.

Так и шли дела до самого возвращения губернатора, который на сей раз прибыл на гораздо большем, чем обычно, судне, чтобы возглавить исход. Он с удовлетворением отметил, что танакуатуане подготовились к отъезду. Два десантных судна подошли к берегу вблизи того места, где Татаке и его соплеменники со всеми пожитками и каноэ, по самый верх заваленными сетями, с последним урожаем собранных плодов, с привязанными за заднюю ногу визжащими свиньями стояли, сумрачно ожидая посадки.

Губернатор сошел на берег и любезно приветствовал вождя. Он был приятно удивлен послушанием обитателей этого отдаленного острова, за которыми давно ходила слава «непокорных». Губернатор не знал, да и никогда не узнает, что, не будь тех попыток командира английского гарнизона военного времени установить взаимопонимание с этими людьми и не дай он им кое-какие знания о внешнем мире, ему почти наверняка пришлось бы столкнуться со всеобщим неповиновением. Но теперь он с удовлетворением кивнул:

— Хорошая работа, вождь Татаке. Прекрасно организовано. Почему бы нам сразу не начать погрузку?

Островитяне стояли неподвижно, глядя на десантные боты. Долго-долго никто не находил в себе силы перебороть нерешительность. Татаке негромко сказал им что-то на местном диалекте, и люди неохотно стали подбирать свои пожитки и переносить их на боты.

Татаке молча, почти не двигаясь, наблюдал за тем, как ботики снуют между берегом и судном. Когда все было почти закончено, к нему подошел губернатор.

— Все движется очень гладко. А вы, вождь, сделали перекличку? Убедились, что все здесь?

— Нокики не здесь, — сказал ему Татаке.

— Где же он? Пошлите кого-нибудь за ним.

— Нокики не идет. Он так поклялся, — сказал Татаке и потом, перейдя на свой родной язык, добавил: — С ним восемьдесят моих людей. Они останутся на Танакуатуа. Они так поклялись.

— Восемьдесят! — воскликнул губернатор. — Почему же вы раньше мне об этом не сказали? Они должны покинуть остров! Все до единого. Я думал, вы это поняли.

Татаке молча пожал своими могучими плечами:

— Нокики драться. Мужчины драться. — И было похоже, что он начинает жалеть, что не присоединился к этим мужчинам.

— Совершеннейшая чепуха! — Губернатор нетерпеливо цокнул языком. — Почему вы не сказали об этом с самого начала? Эти люди что, не подчиняются вашему приказу?

Татаке глядел, не понимая. Губернатор все более выказывал нетерпение:

— Приказ ясен. Не хотят по своей воле, придется вести силой.

Конечно, хотелось как можно реже прибегать к силе, но было предусмотрено и подобное развитие событий. Губернатор посоветовался со своими офицерами, и вскоре от группы отделился один из его молодых помощников и направился в глубь острова к деревне. Вблизи первой хижины он остановился и оглядел покинутую деревню. Потом поднял рупор и принялся на диалекте, близком танакуатанскому, убеждать деревья и кусты вокруг в необходимости оставить остров. После двухминутного обращения он опустил рупор и стал ждать ответа.

И дождался — в виде пущенного неизвестно откуда копья, которое воткнулось в землю в ярде слева от него. Копье все еще подрагивало, когда молодой человек, неодобрительно посмотрев на него, повернулся и пошел обратно, стараясь

не ускорять шага. Второе копьё вонзилось в каком-то футе позади.

Губернатор черкнул записку и с десантным ботом отправил ее на корабль. Через десять минут бот вернулся со взводом полицейских в касках и с автоматами. Сержант поговорил с губернатором и вождем, а потом повел своих людей с оружием на изготовку в лес, и скоро они скрылись в кустах.

Минут через десять раздались призывы, усиленные рупором. А за ними — звуки выстрелов: винтовочная стрельба и автоматные очереди прозвучали весьма внушительно. Через некоторое время показался полицейский отряд, конвоирующий около сорока разоруженных и перепуганных островитян. Близкая стрельба из ручного оружия и пули, ломающие ветви над самой головой, совсем не походили на то, чего они ожидали, наслушавшись преданий о славной победе 1916 года.

Доведя до места своих присмиривших пленников, отряд перестроился и отправился снова в лес искать остальных. Из-за деревьев к разочарованным воинам по двое-трое начали выходить молодые женщины.

Татаке пересчитал людей. У Нокики теперь оставалось не больше двадцати человек.

На этот раз, огибая деревню по тропе, отряд напоролся на засаду. Трех полицейских, шедших впереди с шашками со слезоточивым газом в руках, пронзили копья, но остальные успели бросить свои шашки — и так окончилось сопротивление танакатуан. Отряд полицейских снова возвратился на берег, ведя на этот раз еще пятнадцать плачущих и удрученных пленников. Нокики среди захваченных не было.

— Теперь их там осталось не больше полудюжины, вождь? — резко спросил разгневанный губернатор

Татаке кивнул.

— Очень хорошо, — тоже кивнул губернатор. — Их предупреждали. Я не намерен дальше подвергать риску жизнь своих людей. Глупым упрямам придется надеяться на удачу. — Он повернулся и поднялся на бот.

Через полчаса, благополучно миновав рифы, его корабль с толпящимися вдоль перил танакатуанами, грустно провожавшими взглядом удаляющийся берег, дал полный ход...

Укрывшись в тени рощи, последние островитяне следили за тем, как корабль, описав большую дугу вокруг острова,

направился на северо-запад. И только когда он превратился в маленькую точку, трое мужчин и женщина один за другим тихо разошлись. Нокики, казалось, и не заметил этого.

А вскоре и точка корабля растворилась в безграничной пустоте океана.

Замолкли птицы. Как только солнце окунулось в океан, сразу стало темно. Взошла луна, на воде засверкала рябь серебристая дорожка.

Нокики сидел все так же неподвижно. Теперь взгляд его черных глаз застыл там, где на горизонте кончалась лунная дорожка, но и ее он не видел. Перед его внутренним взором проносились картины из древних преданий. Он видел величественный флот каноэ, плавучих поселений, переносивших его предков через океанские просторы. Он вспоминал названия островов, где они оставались по нескольку лет, где вырастало одно, а то и два или три поколения, пока молодежь снова не начинала проявлять беспокойство и не пускалась вновь в вечные поиски рая. Он видел их большие военные каноэ. Они стрелой вылетали на берег после единого удара пятидесяти весел и выплескивали воинов, преодолевавших все преграды. Вырастая в мужчин, все мальчики его племени узнавали из песен о славных победах и именах героев. Теперь эти песни звучали в голове Нокики.

Так жили его соплеменники. С тех самых времен, когда Накаа изгнал мужчин и женщин из Страны Счастья: странствуя по океану, сражаясь, снова отправляясь в путь, они вечно искали утерянный рай.

Даже приход белых вначале не очень сказался на привычном образе жизни, но потом со все возрастающей стремительностью белые стали менять мир. Силой своего оружия они захватили понравившиеся им земли. Начали утаивать на этих землях свои законы, ломая традиции населявших их людей, и объявили своего высокомерного бога выше всех местных богов.

К стыду своему, люди подчинялись. Протестовали редко и нерешительно. Большинство внимало речам белых, которые сбивали с толку. Они не смогли защитить от поругания свои обычаи, сами перестали выполнять свои обряды, потеряли уважение к тотемам. Удивительно ли, что оскорбленные духи предков с отвращением и презрением отринули их?

Таяла доблесть, умалялось достоинство, пока люди не превратились в малодушных смиренных существ, которые наконец, как сегодня, с покорностью стада поднялись вслед за белыми на корабль. Угасла последняя искра гордости. Вся

доблесть предков была растрчена впустую, их знаменитые победы ничего не значили, голоса их духов никто не услышал. Это был конец.

Слезы стыда и бессильного гнева блестели на щеках Ноики, слезы по напрасно погибшим героям, по угасающему народу, по заброшенной чести, по исчезнувшему навсегда миру.

На рассвете возвратились остальные четверо. Мужчины молча сели на почтительном расстоянии. Женщина протянула Ноики еду на циновке и воду в украшенной резьбой скорлупе кокосового ореха.

После захода солнца они все вместе направились в опустевшую деревню. У Ноики в уши и ноздри были уже продеты его лучшие костяные украшения. Теперь он, подобно статуе, неподвижно стоял посреди хижины, пока женщина разрисовывала его тело красной и белой краской, нанося племенные узоры. Последним она нарисовала у него на груди красного паука — тотем его клана. Когда раскраска была закончена, Ноики надел ожерелье из акульих зубов, черепаховую цепь, бусы из раковин и воткнул в волосы резной гребень. В довершение он застегнул свой шитый бисером пояс и заткнул за него длинный кинжал в ножнах. Затем вышел из хижины и направился к двойной вершине.

Посреди седловины он выбрал место и обозначил его белым камнем.

— Здесь мы воздвигнем жертвенник, — обратился Ноики к мужчинам. А женщине приказал: — Женщина, ступай к Дереву Смерти и сплети мне циновку из его листьев.

Она несколько мгновений пристально вглядывалась в его лицо, затем слегка поклонилась и ушла. Мужчины принялись собирать камни.

Жертвенник был готов к полудню. Затем Ноики очертил землю перед алтарем прямоугольником размером с могилу. И начал копать. Остальным он не позволил помогать себе.

Когда вернулась женщина, Ноики уже закончил свою работу. Она посмотрела на яму, потом на него. Он ничего не сказал. Женщина раскатала сплетенную из листьев пандануса циновку и положила ее рядом с зияющей могилой.

Вскоре после захода солнца все, кроме Ноики, уснули. Он, как и в предыдущую ночь, сидел, глядя поверх океана в даль памяти.

Еще не совсем рассвело, когда Ноики поднялся, подошел к жертвеннику и возложил на него свое подношение.

Потом сел на корточки, глядя поверх жертвенника и могильной ямы на восток, в ожидании Ау, бога Восходящего Солнца.

Когда первые лучи тронули облака, Ноики запел. Его голос разбудил остальных.

Отзвучал гимн. Ноики встал, простер руки к поднявшейся из моря верхушке солнца, громко прося благословения у Ау, а через него и у младших богов на то, что он, их слуга, собирался совершить. На минуту он замер, как бы вслушиваясь в ответ, потом дважды кивнул и приступил к работе.

Именем Ау и всех младших богов Ноики проклял остров Танакуатуа за то, что он погубил его народ. Он наложил заклятие на весь остров целиком — с севера на юг и с запада на восток, с вершины двойной горы до места, куда отступает вода во время самого большого отлива. Он проклял его почву и скалы, его горячие ключи и холодные родники, его плоды и его деревья, все, что бегало и ползало по нему, что прыгало или летало над ним, корни, скрытые в земле, все живое, оставшееся в лужах после отлива. И проклятие должно оставаться и днем и ночью, в сухой сезон и в сезон дождей, в бурю и в штиль.

Его слушатели никогда не были свидетелями такого всеобъемлющего проклятия, и оно потрясло их и устрало до глубины души.

Но Ноики еще не закончил. Теперь он воззвал к самому Накаа — всевышнему судье, перед которым на пути из этого мира в Страну Теней должны пройти каждый мужчина и каждая женщина.

Он просил Накаа сделать остров Танакуатуа навечно табу для всех людей. Пусть всякий, кто попытается поселиться на нем, заболит и умрет, высохнет до полного исчезновения, так что даже его прах развеет ветром; а когда души этих людей предстанут перед его судом, пусть он отправит их по дороге не в Страну Блаженства, а на вечные муки, чтобы они, как и все нарушители табу, корчились на кольях в Ямах.

Высказав свою гневную просьбу, Ноики застыл с опущенными руками. Почти минуту он не отрываясь глядел на вставшее солнце, потом вдруг молниеносным движением выхватил свой нож и вонзил его себе глубоко в грудь. Он пошатнулся, его колени подогнулись, и тело рухнуло на жертвенник.

Соплеменники завернули Нокики в циновку из листьев пандануса, и, пока мужчины хоронили его в могиле, вырытой им для себя, женщина искала остроконечный камень. Найдя, она нарисовала на нем паука — тотем рода — и воткнула его в утопанную землю над местом, где покоился теперь Нокики.

Потом все четверо поспешили в деревню, чтобы собрать немного клубней таро, кокосовых орехов, взять сушеной рыбы и наполнить несколько тыкв свежей водой, и тут же направились к берегу и спустили на воду каноэ.

Пересекая лагуну, они то и дело со страхом оглядывались на остров. Никто из них не сомневался, что просьба Нокики, подкреплённая его жертвой, будет принята, однако никому не ведомо было, сколько времени понадобится Накаа, чтобы вынести приговор и когда табу станет законом.

За линией рифов страх поутих и постепенно отступал по мере того, как удалялся оставшийся за кормой остров. Но только когда двойная вершина скрылась за линией горизонта, люди в лодке смогли вздохнуть полной грудью...

Через шесть месяцев группа экспертов, отбиравшая пробы на Танакуатуа, составила заключение:

«Приведенный выше отчет свидетельствует, что перемещение направления ветра на высоте 2000 футов, происшедшая через два часа после испытания “Зироу”, вызвала перемещение некоторого количества радиоактивных веществ в юго-западном направлении. В процессе осаждения большая часть радиоактивных частиц была отнесена к востоку противоположным потоком на меньшей высоте. Вследствие чего остров все же подвергся радиоактивному заражению, как и предполагалось, хотя осадки там были весьма незначительными.

Согласно измерениям, радиоактивность несколько повышена в восточной части острова, но на остальной территории пренебрежимо мала и нигде не достигает уровня, определяемого как опасный.

И все же нельзя исключить, что питание продуктами, выращенными на такой даже в малой степени зараженной почве, не приведет к аккумуляции радиоактивных веществ, опасных для растущего детского организма. Принимая во внимание все вышеизложенное и возможную реакцию общественного мнения на все, что даже отдаленно связано с радиоактивными осадками от настоящего испытания, в дан-

ный момент неразумно было бы официально объявить остров "чистым".

На наш взгляд, не следовало бы немедленно переселять аборигенов обратно на остров. Предлагаем через пять лет провести на нем повторные пробы и замеры, только при сопутствующих показаниях приборов можно будет оценить остров как абсолютно "чистый"».

Прошло не пять, а около десяти лет, когда танакуатуа-нам, живущим в резервации, было объявлено, что скоро их отвезут обратно домой. Новость приняли нерадостно. Более того, предложение вызвало столь громкую отрицательную реакцию, что начальник округа даже нанес им визит.

Татаке поведал ему о том, что рассказали четверо беглецов, и хотя начальник округа впервые услышал, что остров стал табу, он понял всю серьезность ситуации.

— Мне кажется, — сказал он после короткого раздумья, — что, судя по людской природе, Накаа должен получать очень много просьб о наложении табу. И он, конечно же, не может выполнить их все. И как можно знать наверняка, удовлетворил ли он просьбу Нокики? Есть ли уверенность, что она не была отвергнута?

— Никто так просто о табу не просит, — укоризненно покачал головой Татаке. — Табу — это очень серьезно. К тому же Нокики не был обычным человеком. Благочестивый и почтенный, он был великим знатоком магии. И отдал свою жизнь Накаа ради того, чтобы его желание исполнилось. Поэтому нам ясно, что остров сейчас табу.

— Вы действительно верите, что дело обстоит именно так, уважаемый вождь? — спросил начальник округа.

Татаке кивнул.

— И ваши люди все такого же мнения?

— Есть несколько юношей, кто не верит в это, — признался Татаке и объяснил: — С тех пор как мы попали сюда, их прибрали к рукам христианские проповедники. Теперь они ни во что не верят.

— Тогда хотя бы они согласятся вернуться на Танакуатуа?

— Может быть, — засомневался вождь, — но даже если бы не было табу, что стали бы делать там десятка два юношей сами по себе? Ведь никто из женщин не поедет. Нет, — продолжал он, — теперь они говорят так: если табу нельзя снять, чтобы вернуться всем, то надо поступить

так, как делали предки: отыскать для себя новый остров и завоевать его.

— Времена теперь не те, Татаке, — покачал головой начальник округа.

Татаке грустно кивнул

— Но нам так было бы лучше, — сказал он. — Здесь мой народ медленно гниет

Начальник округа не мог этого отрицать.

— Тогда что же вы, вождь Татаке, думаете можно было бы предпринять?

— Я думаю, в том, что приключилось с нашим островом, вина правительства. Потому правительство должно нам дать другой остров — хороший остров — и помочь нам туда перебраться. Мы это обсуждали на советах и решили, что если правительство не согласится сделать это для нас, то мы должны послать человека к королеве и рассказать ей, как ее слуги выманили нас с нашего острова Танакуатуа и бросили здесь гнить.

Это безвыходное положение могло длиться гораздо больше, если бы не случайный визит одного путешествующего члена парламента, который оказался к тому же задиристым оппозиционером. За время своей недолгой остановки на Полу-денных островах он каким-то образом прослышал о жалобе танакуатуан и проявил к ней живейший интерес, едва не потирая радостно руки.

Ага, сказал он себе, миленькое дельце! Этих несчастных, которых насильно вывезли с острова из-за испытаний атомной бомбы, все еще держат в резервации, что им совсем не по душе, а министерство по делам колоний в качестве выхода из создавшейся ситуации предлагает им просто вернуться на свой остров, хотя известно, что он пострадал от радиоактивных осадков. Они, вполне естественно, отказываются туда ехать, и можно ли их в этом винить? Я бы на их месте поступил так же. И так же рассудят миллионы людей, узнай они об этом... Добротный материал для парламентского вопроса. Безупречный со всех сторон.

Однако в парламенте этого вопроса так и не услышали. Министерство по делам колоний, спешно согласовав сделку с Министерством финансов, купило Танакуатуа у его прежних обитателей, уплатив (на бумаге) весьма значительную сумму. Располагая этим кредитом, оно от имени танакуатуан приобрело остров Айму. Жителям Айму не досталось на руки больших денег, зато их вместе с имуществом бесплатно перевезли с этого отдаленного острова в щедрую

резервацию на большем по размеру и более цветущем острове архипелага (говоря по правде, том самом, где танакуатуане жили последние десять лет).

Решение проблемы оказалось довольно удачным. Правда, несколько самых беспокойных молодых мужчин из племени Татаке продолжали говорить, что если бы правительство не отобрало хитростью и силой их остров, то он бы и не стал табу, но большинство относилось к своему положению как к неотвратимости судьбы. Танакуатуане согласились устроиться на Айму, где, как уж ни повернутся дела, они будут хозяевами, а не изгоями в резервации среди чужих. Да и Министерство по делам колоний осталось не внакладе. Неловкого парламентского вопроса удалось избежать, и теперь в качестве владельца этого неудобно расположенного острова (к проклятому острову был под шумок подкуплен и Оахому) министерство могло воспрепятствовать новому расселению на нем людей. А так как приобретенные острова попадали тогда в категорию необитаемых, их можно было официально вывести из состава Полуденных островов, администрация которых всегда считала Танакуатуа и Оахому обузой.

За прошедшие с тех пор двенадцать лет Танакуатуа вновь превратился в точку на карте, практически не посещаемую и почти забытую.

Однако дела вполне могли обернуться и иначе. Для непредсказуемо многосторонних целей науки, особенно той, которая состоит на службе у военных и идет почти на все — от строительства целого городка в вечных льдах до запуска человека на Луну и от выкармливания нового вируса до создания пастбищ для электронов — потребовался новый остров. Но и это относительно дешевое по сравнению с некоторыми другими проектами предприятие осуществить оказалось не так-то просто и вовсе не из финансовых соображений, а из-за совокупности требований. Только форма Оахому, береговую линию которого легче было патрулировать, перевесила чашу весов в его пользу, благодаря чему остров оплели колючей проволокой, обставили запрещающими объявлениями и официально назвали станцией слежения, а Танакуатуа позволили спокойно дремать под покровом все густеющих джунглей.

Так могло продолжаться еще много лет, если бы Уолтер Тирри, подыскивающий подходящее место для осуществления Проекта Просвещенного Государства лорда Фокс-

филда, не услышал случайно о Танакуатуа и не полетел туда сам.

Остров ему сразу понравился своей компактностью, месторасположением и климатом.

У него не было снаряжения для настоящей разведки, но он отобрал пробы грунта на берегу лагуны и сфотографировал в качестве доказательства плодородия пышную растительность. К сожалению, большая часть фотоматериала, отснятого с воздуха, оказалась некачественной, но иначе и быть не могло, так как, согласно докладу Уолтера, почти все восточное побережье острова покрывал туман. Кроме горячего ключа, на острове было несколько ручьев, что снимало заботы о питьевой воде.

Словом, остров показался Уолтеру идеально подходящим. В перенаправленном в Англию докладе в качестве достоинств он даже отметил существование табу и его отпугивающее воздействие на местных жителей, что поможет избежать визитов непрошенных гостей.

В установленном порядке Уолтер предложил за Танакуатуа двадцать тысяч фунтов стерлингов, поставив условием предъявление акта, удостоверяющего, что все следы повышенной радиации исчезли.

Акт был представлен, и сделка состоялась. Через определенное законом время представители короны, находясь тогда в неведении относительно роли в деле лорда Фоксфилда, не без облегчения передали Уолтеру Тирри, эсквайру, право на владение этим не приносящим никаких доходов беспокойным участком земельной собственности за тридцать тысяч фунтов.

ГЛАВА 3

Рассказ о нашем переезде на Танакуатуа был бы утомителен, хотя бы потому, что путешествие проходило очень спокойно, практически без происшествий. Единственным непредвиденным событием было, как я уже упоминал, бегство Хораса Тапла в Панаме.

Я, со своей стороны, стал усиленно знакомиться со своими спутниками. Это было наилучшим выходом в тогдашнем моем состоянии. Впервые со времени автокатастрофы я осознал присутствие других людей не просто как статистических единиц человеческого материала для Проекта, а как живых и неповторимых личностей. Я как будто медленно пробуждался ото сна, похожего на смерть, — и, сознаюсь,

сам поражался, до какой степени успел заразиться духом нашего предприятия.

В то же время во мне, как после долгой зимней спячки, просыпалась способность к суждению. Одним из следствий этого была все растущая уверенность, что некоторые наши намерения носили слишком общий характер. Чем больше я думал о наших надеждах на всеобщее безграничное терпение и взаимопомощь, надеждах, не подкрепленных никакими соображениями для урегулирования возможных конфликтов, тем сильнее ощущал беспокойство. Я осознал необходимость авторитета, на который всегда можно было бы сослаться, авторитета, установленного по всеобщему согласию и способного быть третейским судьей, для того чтобы наше маленькое общество обрело большую стабильность, чем это свойственно обычно поселениям, обязанным своим возникновением конкретной задаче.

Но все мои попытки вовлечь Уолтера в обсуждение этих тревожных мыслей оказались безуспешными. Он отметал мое стремление заговорить на волнующую меня тему, заявляя, что слишком жесткий и сухой формальный подход погубит дело, лишит возможности приспособляться к меняющимся обстоятельствам. А именно из живых жизненных обстоятельств и ситуаций и должны вырасти наши государственные учреждения.

Такое твердое нежелание обсуждать наше будущее в этом любителе строить планы приводило меня в сильное замешательство. Не только эта черта удивила меня в Уолтере. Он вообще стал более замкнут, чем на стадии подготовительных работ. Изменилась его манера держаться, все больше времени он проводил в своей каюте. У меня даже сложилось впечатление, что он намеренно отдалается от нас, постепенно строит вокруг себя барьер неприступности, заключая в него отчасти и Алисию Харди, которая, похоже, начинала входить в роль его личного секретаря.

Наше плавание тянулось долго, и я решил побольше узнать о своих спутниках. Это не требовало особых усилий. На корабле заняться было нечем, и обычно собеседник оказывался не прочь рассказать о себе.

Так я узнал мнение Чарлза об ограничениях и предписаниях, которые стискивают предприимчивых фермеров в Англии, что и побудило его продать хорошую ферму, дабы попытаться счастья на девственной земле. Узнал я и о разногласиях Джо Шатлшо со своими боссами, с профсоюзом, со всей классовой системой и о том, что он хочет вырастить

своих детей там, где ничего этого не будет. Узнал о разочарованиях, погнавших прочь от привычного мира Тома Коннинга и Джереми Брэндона; о чувстве горечи и безысходности, которое двигало Дженнифер Дидз; о романтических побуждениях второй Дженнифер; о наполняющем душу Дэвида Кампа идеализме. И вскоре я уже мог привести почти для каждой причину, стронувшую его с привычного места — подлинную или показную.

Когда я подошел к Камилле Коуджент, одиноко стоявшей у перил, она не проявила желания рассказывать о том, что толкнуло ее присоединиться к нам. Казалось, мысли Камиллы блуждали где-то очень далеко. Что-то в ее облике, неуловимо напоминающее мою дочь Мэри, заставило меня повторить свой вопрос. Камилла повернулась ко мне, и все еще с отсутствующим видом сказала без интонаций:

— Я думала, что могу оказаться полезной. Кроме того, возможность увидеть остров, на котором двадцать лет никто не жил, привлекает меня как биолога.

Таким ответом некоторое время мне предстояло довольствоваться. Но он лишь заставил меня решить, что истинной причиной была очередная неудача, нечто, заставившее ее бежать. Мне пришлось в голову, что у всех у нас было на удивление мало положительных побудительных мотивов, и тут я вспомнил свое прежнее соображение, что в обществе свободны только неудачники.

Так получилось, что до одного прекрасного вечера, когда мы плыли где-то посреди Тихого океана, я почти не разговаривал с Камиллой, если не считать обмена вежливыми репликами при встрече. А в тот вечер все разошлись по каютам, оставив нас под тентом на носу судна каждого за своим одиноким занятием.

Я читал книгу, а Камилла в раздумье смотрела на океан. По крайней мере некоторое время она была погружена в его созерцание, но когда я поднял голову, переворачивая страницу, то обнаружил, что Камилла перенесла свое внимание на мою особу. Выражение ее лица было уже вполне посторонним по сравнению с ее обычным отсутствующим видом, поэтому я осведомился:

— Чем могу быть полезен?

Она покачала головой, затем передумала.

— Да, вы можете мне помочь. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? — И не дожидаясь утвердительного ответа, продолжила: — Знаете, я все удивля-

юсь, как такой человек, как вы, оказался замешанным во все это дело?

— На это нетрудно ответить, — сказал я. — В основном из-за того, что я считал все это дело достойным осуществления.

Камилла неторопливо наклонила голову, не спуская глаз с моего лица.

— Вы считали так прежде или и теперь так считаете? — проницательно спросила она.

— Я не собираюсь дезертировать до начала битвы, — ответил я. — А вы?

На этот вопрос она не ответила, а вместо этого спросила:

— Чего я не понимаю, это, как бы деликатнее выразиться... дилетантства нашего предприятия. Похоже, за всем этим стоят немалые деньги.

— Было несколько путей потратить деньги, — объяснил я. — Одно время лорд Ф. серьезно обдумывал план строительства нового города — своего рода Бразилия в миниатюре, — который смог бы принять избранных. Но расходы были весьма значительны, и даже если он мог пойти на них, то ничего не осталось бы для основания фонда, а без фонда внушительных размеров город было бы некому заселять. Он мог бы подрядить какую-нибудь фирму для строительства на Танакуатуа под руководством первопоселенцев. Это было более выполнимо, хотя и дорого, но такой вариант не прошел из-за необходимости ввоза рабочей силы, что породило бы нежелательные жизненные нормы и привычки, от которых потом нелегко избавиться. Поэтому, чтобы не сделать неверного первого шага, он решил начать с небольшой группы поселенцев-пионеров, чтобы не только создать на острове условия для жизни, но и заложить основы общества с высокими ее нормами.

Так и делали прежде. Первые поселенцы прибывали в Америку на судах много меньше нашего, и они добились успеха — по крайней мере материального. Беды им принесли огромные размеры нового континента, потребовавшие для освоения много рабочей силы, и тогда никому не было дела до убеждений людей, представляющих собой такую силу. Нам не надо начинать с топора, ручной пилы и лопаты — поэтому нам должно повезти больше...

Кроме того, — продолжал я, — построение общества самой общиной поселенцев ценно в психологическом отношении. Такое общество будет лучше спаяно, станет жить по собственным законам и порядкам, гордиться достигнутым и

обретет то чувство истинной общности и монолитности, которое даст ему силы противостоять внешним влияниям.

Камилла немного поразмыслила над сказанным.

— Да, я вижу, это теоретически обоснованно, но вряд ли учитывает — ну, нас, не так ли?

— Не знаю. Большинство из нас действительно не того калибра, который лорд Ф. имел в виду, — признал я, — но нелегко убедить самых подходящих и способных людей, даже если они с симпатией относятся к идее как таковой, оставить свои дела, продать дом и наудачу пуститься в туманное предприятие на другой конец света. Когда наш Проект встанет на ноги и его можно будет смело показать всему миру, вполне возможно, он начнет притягивать к себе многих.

— Когда я объявила отцу, что еду, он отпустил этому проекту три года, — заметила Камилла.

— Если вы согласны с ним, то зачем поехали?

— Потому что хотела уехать и считаю, что смогу там найти кое-что интересное для себя. А почему поехали вы?

Я рассказал ей. Она задумчиво поглядела на меня.

— Вы все еще романтик, — сказала она с удивлением в голосе. — Вы все еще можете мечтать.

— А вы, в ваши-то двадцать шесть лет, уже стары и разочарованы?

— Да, — сказала она. И помолчав, добавила: — Я не хочу снова верить. Меня уже достаточно за это наказали. Но надеяться не обязательно всей душой. Можно надеяться только кожей. Тем более радостно будет, если надежда осуществится — и менее больно, если пропадет.

— Значит, вы просто доброжелатель? — высказал я предположение.

— И хороший работник, надеюсь. Но верить... Нет, я не собираюсь снова класть свою веру на наковальню. «Люди как боги» — слишком заманчивая цель для оппозиции.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если подумать, работу можно исполнять и без веры, хотя в этом случае она мало вознаграждает за труд.

Из наших последующих бесед я узнал о ней больше. Она была доктором биологии. После защиты работала в лаборатории, занималась паразитологией. Позже переключилась на полевые работы. Побывала в Западной Африке, на острове Чагос в Индийском океане, затем провела год на родине, дома, но о последнем периоде она ничего не сказала. А теперь, как я догадывался, она с нетерпением ждала

высадки на необитаемый остров, где надеялась обнаружить новых интересных паразитов, развившихся за двадцать лет без помех со стороны человека.

Когда Камилла говорила о своем любимом предмете, в ее познаниях и способностях сомневаться не приходилось.

Последним портом захода был Уияньи — столица и единственный порт Полуденных островов. Мы стояли там два дня и, взяв на борт около двадцати островитян для выгрузки нашего оборудования и припасов, отплыли на Танакуатуа.

Камилла была удивлена, что эти люди пожелали ехать с нами. Пока мы стояли в Уияньи, она сходила на берег и попыталась побольше разузнать о Танакуатуа. Это ей дало богатую пищу для размышлений.

— Судя по тому, что я слышала, на нашем острове лежит поистине всеобъемлющее проклятие, — рассказала она мне. — Всякий туземец, пожелавший подвергнуть себя риску высадиться на остров, должен быть либо слишком хитроумен, либо абсолютно уверен в надежном способе защиты.

— Или не верить ни во что? — предположил я.

— Я включила такую возможность в определение «хитроумный». Интересно будет посмотреть, до какой степени они преодолели первобытные предрассудки.

Через два дня мы были на месте.

С первого взгляда Танакуатуа показался мне материализованной картинкой рекламного туристского буклета. По фотографиям я представлял себе очертания острова, но не ощущал цвета. Цвета слепили. Голубизна неба, подчеркнутая разбросанными тут и там белыми облачками, отражалась в текучей синеве и бирюзе моря. Остров рассекал эту голубизну пополам. Белая линия пляжа, яркая полоса зелени над ним, а выше — полузнакомая линия двуглавой вершины, зеленой на две трети и на треть синевато-коричневой.

Моим первым чувством было недоумение — как такая драгоценность могла быть кем-то брошена? А вторым — предчувствие неладного: все выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мы прошли рифы без приключений и медленно заскользили по лагуне. Затем дали задний ход. И наконец якорная цепь пошла по клюзу, разрушив тишину, осколки которой гулким эхом разлетелись по лагуне. Несколько птиц подня-

лись с маленьких островков рифового кольца, с громкими криками они закружили над судном.

Камилла, стоявшая у перил возле меня, посмотрела на них, а потом снова перевела взгляд на берег. Нахмурившись, она пробормотала, скорее про себя, чем обращаясь ко мне:

— Странно, так мало птиц... Я думала, тут их тысячи..

Началась выгрузка. Вскоре после выхода из Уияньи краном начали поднимать из трюма на палубу соединенные по нескольку штук контейнеры. Теперь надо было разъединить их, укрепить на каждом водонепроницаемую крышку и сбросить за борт. Там островитяне ловко, будто всю жизнь провели в воде, подгоняли контейнеры друг к другу и соединяли зажимами, видневшимися по бокам. В результате на удивление быстро получился большой составной вполне плавучий плот.

Идея такой выгрузки целиком принадлежит Уолтеру; в противном случае бесчисленные ящики, коробки, тюки, мешки, узлы, сплошным потоком выталкиваемые трюмами, пришлось бы целую вечность перевозить на берег маленькими партиями на лодках, а несколько самых больших ящиков вообще невозможно было бы так переправить.

Часа через два нагруженный плот, который буксировала легкая фибerglassовая лодка с мощным подвесным мотором, начал медленно отходить от борта корабля. Те из нас, кто остался пока на судне, нестройно закричали «ура!» и замахали руками отплывавшим на плоту.

Около получаса плот величаво продвигался к берегу, однако, как только коснулся дна на мелководье, случилось непредвиденное. Все туземцы, сгрудившиеся на «носу» плота, прыгнули в воду, выскочили на берег и помчались к зарослям. Мы различали, как Уолтер и Чарлз, оставшиеся в одиночестве, махали им вслед, чтобы те вернулись, но беглецы не обращали на эти знаки никакого внимания. Они все бежали, пока не достигли линии деревьев, где один из вырвавшихся вперед остановился и поднял руку. Остальные полукругом встали возле него.

Предводитель заговорил, потом сделал рукой какой-то жест. Все опустились на колени и воздели руки кверху, а по следующему знаку простерлись ниц и застыли в такой позе покорности, уткнувшись лицами в песок. Затем предводитель встал, поднял руки вверх и так замер. Он стоял лицом к зарослям; мы видели только его спину, и нельзя было

сказать, обращается ли он снова к своим соплеменникам или молчит.

В бинокль было видно, что Уолтер и Чарлз, все еще находясь на плоту, о чем-то спорят. Уолтер явно хотел пуститься вдогонку за беглецами, а Чарлз удерживал его за руку. Уолтер пожал плечами и перестал рваться на берег.

Сын Чарлза Питер, стоявший неподалеку от меня, спросил Дженнифер Дидз:

— Зачем они это делают?

— Не знаю, — призналась она. — Везде свои обычаи. Может, считают, что так следует поступать каждому вежливому человеку по прибытии на остров. — Помолчав немного, она добавила: — Скорее это напоминает какую-то церемонию умилоствления.

— Как это — умилость?.. — спросил Питер.

— Ах да. Понимаешь, необразованные люди думают, что мир населен еще и множеством духов. И возможно, они боятся, что здешним духам не понравится, что мы прибыли на их остров непрошеными.

Несколько раз вся компания на берегу поднималась на колени и снова падала ниц. Церемония, каков бы ни был ее смысл, длилась около двадцати минут. Затем беглецы медленно подошли к воде и как ни в чем не бывало начали разгружать плот.

Чарлз Бринкли командовал выгрузкой, как заправский комендант, наблюдая за сооружением и планировкой складов. Миссис Бринкли тоже показала себя способным организатором и уверенно руководила устройством полевой кухни. Джейми Макингоу заведовал разбивкой склада техники и строительных материалов. Он вывел из контейнера, освободив от упаковки, трактор, чтобы использовать его при передвижке крупных ящиков. Мы все работали не покладая рук до самой темноты. Потом на плоту вернулись ночевать на «Сюзанну Дингли».

После ужина я вышел на палубу, где встретил Камиллу, которая в свете восходящей луны разглядывала темный массив острова.

— Ну, как он вам? — спросила она, указав кивком на остров. — Похоже на то, что вы ожидали увидеть?

— Он прекрасен, — сказал я. — Но и пугающ. Столько зелени, такая мощь. Все эти растения сражаются за место под солнцем, а нам придется сражаться с ними.

— Природа оказалась более дикой, чем вы предполагали ее найти?

— Да, наверно, — если я вообще думал о том, как это может выглядеть. По правде говоря, я больше представлял себе, как остров преобразится.

Она взглянула на меня:

— Ну конечно. Своего рода Аркадия. Открытый холмистый пейзаж с деревьями там и сям и стадами мирно пасущихся на изумрудной травке овец, за которыми присматривают играющие на свирелях пастушки, а среди холмов прячутся безупречных линий белоснежные городки.

— Зачем же так, — упрекнул я, — мой романтизм все же образца нашего столетия.

— Я в этом не очень уверена, — отозвалась Камилла. — А если говорить о нашем столетии, то тревожит склонность людей смотреть на Природу свысока. Может, такой взгляд и лучше, чем благостная сказка минувшего века, но, увы, так же далек от жизни. Временами и полезно сталкиваться с неприкрытой природой — это по меньшей мере помогает не забывать о борьбе за существование и позволяет понять, что для сотворения «богов» из людей недостаточно просто помахать толстой чековой книжкой.

Я не намерен был вступать в спор на тему «люди как боги».

— А как он вам показался? — спросил я. — Соответствует ли вашим ожиданиям?

— Думаю, да. Но позвольте напомнить, что я пока не отходила дальше нескольких метров от места высадки. Подлесок, может быть, против ожиданий немного гуще, но в целом все так, как я и предполагала. Только вот птицы... Здесь должны были быть миллионы птиц... — Подумав, она добавила: — И цветов здесь вроде бы меньше, хотя на то могут быть свои причины. Скажем, местная особенность.

— А если абстрагироваться от этих деталей, то вы считаете, что все здесь обстоит так, как и должно быть в этом уголке мира, где человек не нарушает естественный баланс? — предположил я.

Камилла помедлила с ответом, а потом сказала:

— Если бы я прибегала к подобным выражениям, то ни на что не годилась бы в своей области.

На секунду я удивился, но потом понял, что она скорее всего имела в виду.

— «Естественный баланс»? Но ведь это достаточно общепринятое выражение. Разве нет?

— Да, вполне общепринятое, как вы сказали, но и вредное.

— Не понимаю почему. Мы же столько раз нарушали этот баланс, что за последние двадцать—сорок лет изменилась половина мира.

Она стала терпеливо объяснять:

— Это выражение вредно потому, что непродуманно и вводит в заблуждение. Прежде всего, представление, что человек в состоянии нарушить то, что вы называете «естественным балансом», свидетельствует о человеческой самонадежности. Оно подразумевает, что сам человек стоит над природными процессами — снова все те же «люди как боги». Человек — продукт природы, может, наиболее совершенный и активный, тем не менее развивался он благодаря ее эволюции. Он — часть этого эволюционного процесса. Что бы он ни делал — это заложено в его природе, иначе он оказался бы неспособен это исполнить. Неестественным он не является и не может быть. Он со всеми его способностями такой же продукт природы, как и динозавры с их способностями. Он — орудие естественных процессов.

Во-вторых, «естественного баланса» как такового не существует. И никогда не было. Это фикция, миф. Попытка свести весь мир к аккуратной статичной картинке, которая вполне понятна и предсказуема. Это часть концепции священного порядка вещей, где всему предписано свое место и назначение, — а каждому человеку предназначено определенное от рождения место и цель в обществе. Представление о естественном балансе восходит прямо к магическим первоосновам: левое балансирует правое, черное — белое, добро — зло, силы небесные — воинство Сатаны. Попытки привести видимый хаос мира в некий порядок с помощью понятия сбалансированных начал возникали с незапамятных времен и не прекращаются по сей день. Наш ум ищет разумных объяснений, потому что рациональность и сбалансированность создают у нас иллюзию стабильности, а мысль о лежащем в основе постоянно успокаивает. Поиски постоянства самые непреходящие — и самые бесплодные из всех.

Я был ошеломлен. Ясно, что мне удалось наступить на любимую мозоль или, по крайней мере, подвести к Камилле любимого конька. Я не возражал против ее поучающей манеры говорить, хотя и годился ей в отцы, но она еще не закончила:

— Природа — это процесс, а не состояние, непрерывное движение. Стремление остаться в живых. Ни у одного

вида нет права на существование; просто есть способности для выживания, либо, если таких способностей нет, вид исчезает. Происходит непрерывное соревнование между плодovitостью вида и силами, угрожающими ему исчезновением. Может показаться, что на какое-то время вид стабилизировался, достиг динамического равновесия, но это не так. Все время происходят перемены: меняются конкуренты, окружающая среда, происходят эволюционные изменения, — и все виды раньше или позже перестают занимать главенствующее положение, их превосходят другие.

После миллионов лет господства рептилий в роли хозяев мира их сменили млекопитающие. А млекопитающих сравнительно недавно превзошло супермлекопитающее — человек. И все же люди продолжают болтать о «сохранении естественного баланса». Он невозможен.

— Да, но, — воспользовался я возможностью вставить хоть слово, — ведь теперь обращение к этому вопросу вызвано усовершенствованием разрушительного вмешательства в природу — применением инсектицидов и подобных им веществ — и неспособностью определить возможные побочные эффекты от использования новых препаратов. Разве дело тут не в сногшибательной скорости нашего времени, когда за какие-то год-два можно уничтожить целый вид и осознать опасность побочных эффектов? Я думаю, так скорее всего можно создать пустыню.

— Вполне вероятно, — согласилась она. — Но осторожность в применении новых средств должна быть вызвана разумными причинами, а не сантиментами. За всеми этими разговорами о «балансе» я различаю старую песню: «матушка природа лучше знает, как все должно быть. Оставьте все как есть, не вмешивайтесь, и она сама позаботится о нас». Что, разумеется, абсолютная ерунда. Такое представление могло возникнуть лишь в благополучном обществе сытых людей, позабывших о борьбе за существование. Природа не питает ни к кому материнских чувств, ее зубы и когти окровавлены, она голодна и не имеет любимчиков. Пока мы не испытываем особой нужды ни в чем, но так будет продолжаться недолго. Те же законы, которые довлеют над остальными видами, переросшими свои запасы пищи, остаются в силе и для человека. Когда станет ощутимой их неумолимая сила, прекратятся все эти разговоры о Матери Природе. Если бы мы не знали, как ею управлять, то все население земного шара уже теперь начинало бы испытывать голод, а то и вообще сильно сократилось бы. Мы

отличаемся от остальных видов только лучшими способами охоты и средствами принудить Природу выполнить что-либо ради нашей выгоды. В остальном мы подчинены тем же законам. Нет совершенно никакого основания считать, что человек может «сохранить естественный баланс», удобно устроиться посередине между двумя чашами весов — а именно в этом суть данного оборота речи.

Мы посмотрели через лагуну на темный силуэт острова.

— Знаете, — промолвил я, — если вдаваться в такие детали, то существование, вполне возможно, вообще покажется напрасным. Планета рождается сама, охлаждается, порождает жизнь и умирает. Ну и что?

— Действительно, ну и что? — сказала Камилла в ответ. — Существует только жизненная сила, патриотизм вида. Эта сила слепа. Ею наделены и высшие организмы и самые низшие... но никто ее не понимает...

— А каким вы как биолог видите будущее человека?

— Мне не дано видеть сквозь стену. Жизнь наша полна самых невероятных неожиданностей. Казалось бы, с эволюционной точки зрения человек достиг своего предела. Но его силы отнюдь не иссякли. Как знать? Он в состоянии породить новый тип и даже позволить ему выжить. Может почти без следа уничтожить себя самого, причем не однажды, и, возрождаясь, каждый раз меняться, перерождаться. Или его могут превзойти... просто выкинуть на свалку как продукт еще одного неудачного эксперимента Природы. Если же принять во внимание и теперешнее поведение человека, то остается мало надежды на будущее для него.

— Да, никакого уподобления богам. И перспектив на удачу этого Проекта.

— Ну, я не знаю. Вы говорили, все теперь несется с такой скоростью, так быстро меняется, а я говорила, что всегда есть непредугадываемые повороты — поэтому в ближайшие две-три тысячи лет останется достаточно времени, чтобы сделать несколько неожиданных открытий. Хотелось только подчеркнуть, что при современном положении вещей и состоянии науки, скорее всего, человека не ожидает ничего особенно хорошего. Но даже одно новое открытие — скажем, в области управления наследственностью — может изменить весь прогноз.

— Хорошо, — сказал я, — будем надеяться. Более того, давайте надеяться, что Проект лорда Ф. станет развер-

тываться успешно и что именно здесь когда-нибудь и будет сделано это открытие.

— Ведь вы сами верите в это, не так ли? — заметила она.

— Я верю в возможность этого. Все начинается с малого. Национальные рамки становятся слишком узкими, слишком давящими. Передовые люди начинают ощущать необходимость найти такое место, где без помех и ограничений можно будет жить, работать и обмениваться мыслями. Когда-нибудь им придется создать для себя такое место — своего рода электростанцию мысли, выражаясь словами лорда Ф. И если обустроиться здесь, то через некоторое время таким местом может стать наш остров. Почему бы нет?

Несколько секунд Камилла смотрела на очертания острова, а затем промолвила:

— Признаю — это прекрасное видение, но оно преждевременно. Не могу себе представить, как современный мир вытерпит существование где-то на планете подобного места.

— Может, вы и правы. Но я все же считаю, что стоит попытаться. Своего рода мировой университет, мекка для всех одаренных. А если на этот раз неудача, то на нашем провале можно будет по крайней мере кое-чему научиться и добиться успеха в следующий раз или через раз. Допускаю, что его светлость — человек тщеславный, даже и не очень умный, но его замысел более величествен, чем он предполагает. А если удастся его осуществить и здесь когда-нибудь сосредоточится цвет науки, то замысел наберет реальную силу, с которой будут считаться. Объединяя людей, он может оказаться действенным там, где потерпела неудачу Лига Наций и не очень успешно работает Организация Объединенных Наций.

— Вы поистине романтик, — сказала она.

— Пусть так, — согласился я, — но человечество должно стать единым, в противном случае оно канет в небытие. Буржуазная демократия не работает; теперь не ООН удерживает мир на грани разрушения, а равновесие сил. Может быть, автократия — автократия знания — окажется более действенной...

Так мы беседовали еще около часа. Растущая луна поднялась выше, посеребрила океан и придала силуэту острова мерцающий ореол, так что он, казалось, куда-то плывет. Я позабыл, что он незаселен, заброшен и зарос непроходимыми джунглями. Перед моим внутренним взором остров был уже

преображенным: широкие дороги рассекали поля и сады, тут и там стояли прекрасные здания, где совершались невиданные открытия. Жаль, что это было лишь чудное видение...

ГЛАВА 4

Количество расположенных на берегу припасов, оборудования и материалов не могло не впечатлять. Все мы работали пять дней с восхода до заката, чтобы это туда доставить, но наконец перевозка закончилась. Попрощавшись с капитаном и командой «Сюзанны Дингли», мы провожали судно взглядом, пока оно осторожно миновало риф и, дав два прощальных гудка, повернуло на северо-запад. Вскоре, постепенно уменьшаясь, корабль исчез вдаль, чтобы вернуться — мы на это надеялись — только через полгода с новыми припасами. А до той поры мы были полными хозяевами острова.

Удивительно, насколько ощутимо стало чувство ответственности за собственную судьбу. Пока судно стояло на якоре в лагуне, у нас сохранялась связь с внешним миром, но как только оно скрылось за горизонтом, возникло чувство одиночества и изолированности. Все, даже дети, чувствовали это. Мы ловили себя на том, что внимательно, как бы заново, приглядываемся друг к другу, лишь теперь осознав полностью наше новое положение.

А у меня еще появилось ощущение, что остров начал источать упорство, даже враждебность. Я поймал себя на мысли, что всерьез пытаюсь понять — не является ли тому причиной мое знание его истории, которое теперь воздействовало на подсознание, пробуждая там страх перед его проклятием... Это было, конечно, смешно. Чтобы проклятие действовало, надо верить в его силу, а в это я безусловно не верил. И все же сохранялось ощущение, что остров смотрит недобро, выжидаяще...

Кто знает, может быть, и у других возникало сходное чувство, но после отплытия корабля настроение у всех было подавленное, и Чарлз решил поднять его.

Они с Уолтером уже выбрали место для поселка, начертили планы и начали размечать колышками места будущих домиков. Теперь Чарлз собрал нас всех вместе, повел туда и рассказал подробно о будущем устройстве поселка. Его уверенность заразила всех. Прошло немного времени, и каждый уже видел свой будущий дом выстроенным, поселок —

готовым, и все принялись задавать вопросы. Уже через полчаса тяжелые мысли забылись, настроение заметно улучшилось. Мы вернулись в наш временный лагерь в кухне миссис Бринкли, чувствуя, что способны на многое.

Пока мы обедали, Уолтер составил два сообщения, чтобы передать их по радио в Уияньи — промежуточную станцию нашей связи с большим миром. Первое было адресовано лорду Фоксфилду. Там говорилось об успешном завершении выгрузки. Второе сообщение предназначалось для публикации и передачи родственникам и друзьям — что все мы в добром здравии и в бодром расположении духа.

Прочитав вслух и получив одобрение, он передал тексты Генри Слейту, который отправился с ними к передатчику. Через пару минут Генри вернулся озабоченным. Он склонился к Уолтеру и что-то прошептал ему на ухо, после чего Уолтер поднялся и пошел с ним. Выскользнув из-за стола, я последовал за ними туда, где среди штабелей ящиков временно расположилась наша радиостанция.

Я нагнал их уже на месте, они стояли спиной ко мне, что-то рассматривая в свете фонарика. Из-за плеча я мог разглядеть, что на месте, где раньше на складном столике стоял передатчик, теперь находился большой деревянный контейнер. Он раздавил своим весом и столик, и передатчик.

Нам вдвоем с трудом удалось передвинуть этот контейнер. Беглого взгляда на аппаратуру было достаточно, чтобы понять, что она уже никогда не заработает. Мы все перевели взгляд наверх, на зияющий в штабеле прогал прямо над нами. Ясно было, что контейнер упал именно оттуда.

— Сам он упасть не мог, — сказал Уолтер и рукой проверил, крепко ли стоит штабель — тот не шелохнулся. — Никак не мог, — повторил он с растущим беспокойством в голосе.

Мы поглядели друг на друга. Уолтер недоуменно покачал головой:

— Кто же?... Чтобы столкнуть контейнер, потребовались бы усилия двух, а то и трех взрослых мужчин... — Он снова покачал головой. — Лучше пока ничего не будем говорить остальным. Пусть думают, что мы отправили сообщение. Я скажу о происшедшем позже.

На следующий день работа пошла полным ходом. Чарлз распаковал и отрегулировал бульдозер, на котором отправился расчищать место для будущего поселка. Том Коннинг

на тракторе с прицепом начал перевозить туда строительные материалы. Генри Слейт протянул световую проводку, развесил лампочки по всему лагерю и расконсервировал движок. Миссис Бринкли отобрала себе людей на кухню и задала всем работу. Джейми Макингоу отправился на разведку трассы будущего водопровода. Джо Шатлшо с группой помощников принялся сортировать части сборных домиков и готовить их к перевозке. Джереми Брэндон собрал и подготовил к работе бетономешалку. Все, включая детей, нашли себе занятие по силам.

Так продолжалось шесть дней, за которые мы зверски вымотались. Но зато нам было уже чем похвалиться. Все были в общем довольны тем, как идут дела, и чувствовали, что заслужили день отдыха, объявленный Уолтером.

Встал вопрос, как его провести. У Тома Коннинга не было на этот счет сомнений.

— Пора наконец посмотреть как следует, куда мы попали. Предлагаю забраться на гору, оттуда, думаю, удастся рассмотреть весь остров. Есть желающие присоединиться ко мне?

Алисия Харди и четверо самых молодых колонистов сразу же приняли приглашение. Сын Джо Шатлшо Эндрю тоже поднял руку, но отец опустил ее за него. Мальчик бурно запротестовал.

— Отпусти его, Джо. Он нам не мешает, — сказал Том.

Я посмотрел на Камиллу.

— А вы? Я думал, вам давно не терпится разглядеть остров поближе.

— После недели таких трудов я не собираюсь тратить свой день отдыха на сомнительное удовольствие прорубаться сквозь заросли по заброшенным тропинкам. Я их видела. Сомневаюсь, что за весь день удастся одолеть больше половины пути. Кроме того, невозможно ничего разглядеть, когда все внимание отнимает бесконечная рубка сплетенных воедино лиан, кустов и прочего подлеска. Предлагаю провести это время с большим комфортом. Если Уолтер даст мне лодку, можно обогнуть остров и кое-где высадиться по пути.

Лодку ей дали. Уолтер тоже склонялся к тому, чтобы присоединиться к нам, но Чарлз убедил его остаться и вместе поработать над корректировкой планов.

На следующее утро, проводив в путь ошестинившуюся мате группу разведчиков, мы спустили лодку на воду и тоже отправились в путешествие.

Нас было пятеро: Камилла, Дженнифер Дидз, Дэвид Кэмп, Джейми Макингоу и я. Так как западное побережье нам отчасти было уже знакомо по наблюдениям с палубы «Сюзанны Дингли» — она подходила к острову как раз с запада, — то мы решили двигаться в южном направлении, обогнуть южную оконечность и проплыть немного вдоль восточного побережья.

В пути случилась непредвиденная задержка. Оказалось, что рифовый барьер не шел кольцом вокруг острова, а смыкался с его южной оконечностью. Поэтому мы очутились в тупике, и пришлось более полумили плыть обратно вдоль рифа, прежде чем удалось отыскать удобный проход в открытое море. К счастью, погода была спокойная.

Мы снова повернули к востоку, держась на приличном расстоянии от рифа.

Сразу за гребнем южного мыса береговая линия совершенно изменилась. Ослепительно белые пляжи сменились низкими базальтовыми скалами, местами поднимающимися прямо из воды, иногда отделенными от нее узкими полосками сероватого песка, а порой рассеченные длинными осыпями крупных камней, вдающимися в океан. Неровной стеной скалы тянулись в северном направлении, то вздымаясь на шестьдесят футов, то не превышая двадцати пяти, но, насколько мы могли видеть, — без перерыва. Их мрачный, недобрый вид усугубляло полное отсутствие движения — только волны бились об их подножия.

— Все-таки почему здесь так мало птиц?.. — недоумевала Камилла.

— Не дай Бог потерпеть кораблекрушение у такого берега, — заметил Дэвид.

Лодка потихоньку двигалась дальше, а мы примолкли и присмирели.

Потом я заметил кое-что еще. На вершине скалистого плато растительность подступала к самому обрыву. Кусты и верхушки ближних деревьев можно было ясно различить, но контуры растущих сразу за ними расплывались, а вдали вся верхняя линия обрыва была окаймлена призрачно-белой полосой.

— Что бы это могло быть? — спросил я.

Камилла недоуменно пожала плечами.

— Может, какая-то болезнь? — предположила она.

В разговор вступила Дженнифер Дидз:

— Кажется, Уолтер упоминал о тумане, замеченном им с воздуха в восточной части острова.

— Может, сверху эта штука действительно походит на туман, — добавил Джейми Макингоу. — Но это не туман.

Ему никто не возразил. Легкий бриз развеял бы туман, а белесая пелена выглядела слишком неподвижной. Камилла достала полевой бинокль и некоторое время пристально изучала вершины скал, стараясь, насколько было возможно с покачивающейся лодки, разобраться в природе странного явления. Наконец она опустила бинокль:

— Не знаю. По-моему, пелена совсем не движется. Скорее всего это какая-то болезнь. Можно ли подплыть ближе к берегу?

Джейми осторожно направил лодку в сторону скал, но и с более близкого расстояния яснее стало только, что пелена сделалась плотнее, чем вначале. Теперь в бинокль можно было разглядеть в ее гуще вспыхивающие тут и там радужные искорки.

— Я должна раздобыть образец этой штуки и исследовать его, — заявила Камилла.

— Тут надо быть альпинистом, — заметил Дэвид, глядя на проплывающие мимо скалы.

— Должны же эти скалы где-нибудь прерываться. Джейми, когда мы увидим какую-нибудь расщелину, я попрошу вас пристать к берегу, — обратилась Камилла к Макингоу.

Мы продолжали двигаться дальше и примерно через полмили увидели заливчик ярдов шестидесяти в ширину. Скалы здесь были не выше тридцати пяти футов. Посреди залива их пересекала расщелина, по дну которой протекал небольшой ручей. По отвесным стенам расщелины забраться наверх было бы не легче, чем по скалам, обрывающимся в воду, но ручей нанес с собой песка и почвы, образовав в бухте узкую полосу пляжа, не затопляемого во время прилива. Там сбились вместе несколько кустов и невысокие деревца. Их вершины скрывала пелена таинственно застывшего тумана.

— Тут нам удастся добыть образец, — сказала Камилла. — Джейми, здесь можно высадиться?

Джейми оглядел серую песчаную полосу, окаймляющую берег заливчика, неодобрительно что-то проворчал, но повернул лодку, сбавил ход и осторожно стал подходить к берегу. Дэвид лег на нос, свесился над водой и стал при-

стально вглядываться в прозрачную толщу, загородив глаза козырьком ладони.

— Дно песчаное, — сообщил он. — Выглядит ровным.

Джейми еще сбавил ход и, держась за рукоятку мотора, был готов в любую секунду дать задний ход. Но этого не понадобилось. Дэвид продолжал сообщать, что дно ровное и песчаное до самого берега. Здесь оно полого поднималось. Мотор под рукой Джейми взревел в последний раз и замолк, когда нос лодки заскрипел по песку.

Тишина накрыла нас толстым одеялом. Она была настолько зловещей и неестественной, что все мы несколько мгновений даже не смели пошелохнуться. Мы сидели, глядя на мрачные скалы и серый песок пляжа, расстилающийся без единой отметины, если не считать полудюжины коричневых пятен, напоминающих кучки выброшенных на берег водорослей.

— Неприветливое место, — пробормотал Дэвид.

— Как последний тупик на краю света, — сказала Дженнифер и удивленно воскликнула, указывая на ближайшую кучку водорослей: — Смотрите! Она движется!

Мы все повернулись в ту сторону. Коричневое пятно имело расплывчатые очертания, будто что-то разлили на песке. В самой широкой части оно достигало двух футов, а в длину — трех. Пятно определенно перемещалось. Медленно скользило вдоль берега по направлению к нам. С такого расстояния нельзя было различить никаких деталей. Пятно напоминало увеличенную стеклом микроскопа амёбу, перетекающую с одного песчаного бугорка на другой.

— Что это такое? Мне это совсем не нравится, — встревожилась Дженнифер.

Дэвид рассмеялся. Он выпрыгнул из лодки и зашлепал по мелководью к берегу. И сразу же коричневое пятно задвигалось скорее, торопясь к нему навстречу почти со скоростью пешехода, вытягиваясь в длину при движении.

Дэвид приостановился, наблюдая за ним и немного наклонясь. Потом он снова рассмеялся, подбежал прямо к пятну и, перепрыгнув через него, устремился к кустам.

Коричневое пятно остановилось и, изменив направление движения, начало нагонять Дэвида.

— Посмотрите, — крикнула Дженнифер, — другие тоже. Осторожнее, Дэвид!

Теперь и остальные пять или шесть пятен двигались по песку, быстро приближаясь к Дэvidу. Он оглянулся и увидел их. На секунду приостановился, чтобы ободряюще по-

махать нам рукой, потом побежал дальше, перепрыгнул еще через одно зашедшее спереди и уже поравнявшееся с ним пятно. Оно тоже переменило направление, чтобы следовать за Дэвидом.

Мы видели, как он добежал до кустов и подпрыгнул, чтобы ухватить немного окутывающего их «тумана».

Невозможно точно сказать, что произошло дальше. То он был виден целиком, а в следующее мгновение что-то будто упало на него сверху, наполовину скрыв всю его фигуру.

Раздался крик. Его эхо еще не стихло над спокойной водой залива, а Дэвид уже повернулся и ринулся назад к нам. Его голову и плечи облепила коричневая масса, свалившаяся на него с куста. Он изо всех сил мчался к воде, вбежал в нее, потом споткнулся и с громким всплеском упал в воду в нескольких футах от нас.

Мы с Джейми выпрыгнули из лодки и бросились к нему на помощь. Пока мы преодолели разделяющие нас футы, коричневая масса сползла с него, рассыпалась на множество шариков, которые смыло набегающей волной.

Мы перевернули Дэвида на спину. А пока тащили обратно в лодку, я успел заметить, как страшно побагровело его лицо. Потом мы сами перелезли через борт, стараясь отдышаться, а Дженнифер тем временем осматривала неподвижно лежащего на дне лодки Дэвида.

Наконец она подняла голову. Потрясенно, как бы не веря самой себе, она сказала:

— Он умер. Дэвид умер.

Мы не заметили, когда Камилла вылезла из лодки. Вернулась она, держа в руке что-то, завернутое в носовой платок, как раз когда Дженнифер констатировала смерть Дэвида. Камилла аккуратно положила платок в уголок одной из скамеек, потом забралась в лодку и наклонилась к Дэvidу.

— Да. Он мертв, — подтвердила она, продолжая пристально вглядываться в его побагровевшее лицо.

Дженнифер отвернулась.

— Если бы вам так не понадобилось узнать, что это за пелена... — начала она, но ее голос прервался.

— Если бы Дэвид не отправился это выяснить, мы теперь могли бы все вот так лежать здесь, — ответила Камилла.

Она обвела взглядом берег. Большинство коричневых пятен теперь застыли на месте, только одно или два еще едва заметно двигались, отползая от кромки воды.

Джейми занялся мотором.

— Лучше отвезем его обратно, — сказал он и нажал на стартер.

На лице Камиллы можно было прочесть мрачную сосредоточенность, когда она провожала взглядом удаляющиеся скалы и выступающие из-за их края деревья, вершины которых покрывала белесая пелена. И когда мы вышли в открытое море и направились в обратный путь, она оставалась все такой же сосредоточенной на своих мыслях.

Я предложил ей сигарету. Камилла взяла и машинально закурила. Только выкурив ее до конца и бросив окурочек за борт, она решила заговорить. И сказала лишь:

— Я не понимаю — просто ничего не понимаю.

— Мы должны были любым способом раздобыть образец, — произнес я.

Она непонимающе посмотрела на меня.

— Образец этой туманной пелены, — пояснил я.

— А, это, — сказала она.

— Но, по крайней мере, я думал, что вам именно этого хотелось.

— Что это такое... я знаю.

— Так что же это?

— Это паутина — просто сплетенная пауками паутина.

Я повернулся и посмотрел на берег. На белесую пелену, покрывающую деревья сверху. И ужаснулся от одной мысли.

— Но это же невозможно! Столько паутины. Потребовались бы миллиарды, биллионы пауков. Нет, не могу поверить... Немыслимо...

— И тем не менее это так, — сказала Камилла. Опустив руку, она подняла со своей скамьи маленький узелок и осторожно развернула сложенные углы носового платка. — Вот они. Вот кто причина всему.

Я посмотрел на содержимое платка. Шесть пауков с плотно подтянутыми к телу в смертельной судороге лапами. Камилла перевернула пальцем одного из них, чтобы я мог рассмотреть его спину.

Это был совсем небольшой паук — особенно по тропическим меркам. Не больше дюйма в длину. На спине его на ржаво-коричневом фоне виднелся темно-коричневый узор. Паук казался очень безобидным.

Я снова поднял глаза к вершине скалистого обрыва, покачал головой и повторил:

— Не могу в это поверить.

— Это они, — если только здесь не водится еще один вид, — уверила меня Камилла. — Во всяком случае именно они погубили Дэвида.

Я уставился на дохлого паука. Я слышал, что пауки бывают ядовиты, но считал, что тогда они должны быть огромными, с длинными волосатыми ногами, гораздо больше этого. Я никак не мог поверить.

— А что это за паук? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Тут надо быть специалистом. Это взрослая особь, самка. Класс: паукообразные. Отряд: пауки. Подотряд: двулечочные пауки. Словом, настоящий паук.

— Это и мне понятно, — сказал я.

— Большого я не могу сказать, — ответила Камилла. — Скорее всего у него есть название. Но если учесть, что только на территории Англии обитает шестьсот видов пауков и Бог знает, сколько их водится в здешних краях, то требовать точного определения вида — немного слишком. Поэтому здесь нужен специалист. Я могу только добавить, что, судя по его строению, это совершенно обычный паук. Когда доберемся до лагеря, рассмотрю его под микроскопом.

— Но он ядовит? В этом вы уверены? — настаивал я.

— Все пауки ядовиты, — сказала она. — А опасны ли они для человека — зависит от того, достаточно ли у них силы, чтобы прокусить нашу кожу, от состава их яда и его количества.

К нам присоединилась Дженнифер, которая с выражением ужаса на лице завороченно смотрела на пауков, лежащих на платке Камиллы.

— Эти, наверно, очень ядовиты. Как черная вдова или тарантул, — сказала она, содрогнувшись.

— Не думаю, в противном случае они были бы столь же печально знамениты, хотя насчет тарантула все сильно преувеличено, — возразила Камилла.

— Судя по тому, что вы нам рассказали, я считала, что насекомые и паразиты как раз по вашей части, — сказала Дженнифер.

— Это верно, — спокойно согласилась Камилла. — Но пауки не насекомые, хотя некоторые из них и могут быть паразитами. А все остальные, как я уже говорила, за пределами круга моих занятий. — Она снова посмотрела на мертвых пауков. — Тем не менее могу утверждать, что укус одного из них, так как они могут прокусывать кожу, скорее

всего вызовет жжение, место укуса воспалится, но вряд ли серьезно.

— Если не считать, что от этого погиб Дэвид, — с горечью бросила Дженнифер.

— Вот именно. Если двести или триста ядовитых укусов будут нанесены одновременно, то, конечно, это все изменит. И как раз этого я и не понимаю, — повторила Камилла, тряхнув головой.

Она открыла от бинокля увеличительную линзу и стала внимательно разглядывать через нее одного из пауков. Спустя некоторое время она сказала:

— Не нахожу ничего особенного. Восемь глаз, хельцеры, как и можно было ожидать, достаточно сильные, чтобы прокусить кожу человека, шесть паутинных бородавок. На вид — совершенно обычный паук. — Она продолжала задумчиво смотреть на него. — О пауках я знаю так мало потому, что этот отряд не относится к паразитам. А то их изучали бы гораздо лучше. Они редко представляют опасность для человека, применения им пока никакого не нашли, и поэтому занимаются ими только считанные специалисты. В обычных условиях интересы человека и пауков редко сталкиваются. К нашей выгоде они уничтожают массу насекомых, которые иначе стали бы вредить посевам и посадкам, но в остальном мы почти не соприкасаемся, как бы живем в разных измерениях. Они идут своей дорогой, мы — своей, и только случайно иногда наталкиваемся на них. Почти безупречное сосуществование — вот почему я и удивляюсь...

— Насекомые, — вдруг вспомнив, сказал я. — Ведь их тут немного. Я думал, острова в этих краях кишат ими.

— А я ожидала увидеть больше цветов, — вставила Дженнифер.

— Но если нет насекомых, чтобы их опылять...

— А я начинаю понимать, что случилось с птицами, — сказала Камилла.

ГЛАВА 5

Я надеялся, что удастся пристать незаметно и посоветоваться с Уолтером или Чарлзом, как поступить с телом Дэвида, но вышло совсем иначе. Несколько человек в лагере не были ничем заняты и прогуливались по берегу, а когда увидели нашу лодку, то подошли поприветствовать прибывших — и тут уже ничего нельзя было скрыть.

Одного из встречавших мы послали за одеялом, чтобы прикрыть тело, а пока отнесли его к штабелям ящиков и обернули мешком. Потом мы с Джейми пошли искать Уолтера. Нашли его в палатке-штабе вместе с Чарлзом. Нам они не поверили и отправились с нами, чтобы увидеть все своими глазами.

— Пауки! — воскликнул Уолтер. — Совершенно невероятно. — Какие пауки?

Мы объяснили, что у Камиллы есть несколько экземпляров. Ее мы обнаружили под брезентовым навесом — она поставила на стол микроскоп и внимательно разглядывала через трубку одного из пауков.

— Не могу найти ничего необычного, — сказала она нам. — Выглядит абсолютно нормально, хотя, к какому конкретно виду он принадлежит, определить не могу, — их существует слишком много. Попробую препарировать одного; правда, это очень тонкая процедура, могу и не справиться. Буду все же удивлена, если что-то удастся обнаружить — увеличенные ядовитые железы или что-нибудь в этом роде. Думаю, смертельными их укусы оказались только из-за огромного количества.

— Их было много? — спросил Уолтер.

— Они как бы упали на него сплошной массой, невозможно даже определить точно, сколько их было, — ответила Камилла.

— В каждом из тех скоплений на берегу их могло быть по несколько сотен, — вставил я. — Хотя, конечно, тогда мы не знали, что это за перемещающиеся коричневые пятна — различить, из чего они состоят, было нельзя.

— Вы считаете, что они сильно расплодились тут на острове? — спросил Уолтер.

— Расплодились — не то слово, — ответила Камилла. — Помните затянутые туманом области, о которых вы упоминали в отчете? — Она рассказала о той массе паутины, которую мы видели с моря. — А насколько в глубь острова тянутся покрытые паутиной леса — неизвестно, — заключила она.

Уолтер посмотрел на валявшихся на столе дохлых пауков.

— Мне это представляется невозможным. Никогда не слышал, чтобы пауки вели себя подобным образом.

— Именно это и волнует меня, — ответила Камилла. — Совершенно точно известно, что пауки себя так никогда не ведут. Есть класс пауков-охотников, но стаями они не

охотятся — это вполне определенно. Да и ничего другого пауки не делают сообща..

Уолтер некоторое время оставался в задумчивости, и вдруг по его лицу пробежала тень.

— Наша разведывательная экспедиция еще не вернулась, — с тревогой в голосе сказал он.

Солнце село, а она так и не показалась. Все в лагере были подавлены тяжелыми предчувствиями.

Особенно беспокоился Джо Шатлшо. Он все время подходил к прогалу в кустах, где исчезли ушедшие, начав прорубаться сквозь заросли на одной из бывших троп. Он подносил сложенные руки ко рту и звал мальчика во всю силу своих легких. Потом замолкал и долго вслушивался, ожидая ответный крик, и все мы слушали вместе с ним. Но кругом стояла тишина. Он пробовал снова и снова — так же безрезультатно. После каждой попытки Джо брел по берегу обратно к лагерю и садился, кусая ногти, рядом с женой.

— Я не должен был позволять ему идти. Я же говорил ему не ходить, — время от времени негромко повторял он.

Сначала Чарлз пытался приободрить его.

— Может, они слишком далеко ушли. Не рассчитали время, чтобы вернуться засветло. А в темноте оказалось трудно идти, — предположил он.

Но когда после захода солнца прошло уже два часа, он перестал убеждать нас. Все сидели, почти не разговаривая, и каждый раз, когда Джо кричал в густую темноту зарослей, напряженно вслушивались и все больше теряли надежду услышать ответ.

Еще через час Джо снова подошел к костру, который мы поддерживали в качестве маяка, и с горечью спросил:

— Кто-нибудь собирается что-нибудь делать? Там мой мальчик. Пусть кто-нибудь из вас пойдет со мной и поможет мне его найти.

Он стоял, обводя нас взглядом. Никто не пошевелинулся.

— Ну ладно. Тогда я пойду один.

— Нет, Джо, нет, — простонала его жена.

— Ну-ну, Джо, — сказал Уолтер. — В темноте ты тут далеко не уйдешь. Вполне вероятно, что они это поняли и решились заночевать где-то по дороге.

— Вы и сами в это не верите, правда ведь? — бросил Джо.

— Я на это надеюсь, — ответил Уолтер. — Если я ошибаюсь и они попали в беду, то нам бросаться вперед

наобум, чтобы столкнуться с той же опасностью, неразумно, особенно в темноте. Придется подождать до утра.

Джо остановился в нерешительности, жена нервно теребила его за рукав. Потом снова посмотрел в темноту. И сел, переведя безутешный остановившийся взгляд на пламя костра.

Детям мы ничего не сказали о смерти Дэвида. Теперь Хлоя, старшая девочка Бринкли, спросила:

— А какая опасность, папа?

Чарлз уклончиво ответил:

— Уолтер только сказал, «если» они столкнулись с какой-то опасностью, девочка моя. Понимаешь, мы ведь еще очень немного знаем об острове. Тут могут быть змеи или другие животные, поэтому и надо быть осторожными.

— А-а, а я думала, вы говорите о черных людях.

— Ну почему ты так подумала? — удивленно спросил Чарлз. — Они были совершенно безобидными. Да и все уехали назад домой на корабле.

— Ну, тогда, наверно, это были другие черные люди, — сказала Хлоя.

Чарлз внимательно посмотрел на дочь:

— Какие — другие?

— Ну, те, которых мы с Питером видели сегодня днем, — ответила она.

Чарлз поглядел на нее еще внимательнее и потом перевел вопросительный взгляд на сына.

Питер кивнул.

— Да, — сказал он. — На них совсем ничего не было надето, и они все блестели.

Чарлз нахмурился:

— Где это было?

— Мы пошли посмотреть на строящиеся дома, и нам стало очень жарко, поэтому мы отошли в тень и сели под какими-то деревьями, а пока мы там сидели, они вышли из-за деревьев впереди.

— Сколько их было?

— Только двое.

— Что они делали?

— Ничего. Они просто постояли под деревьями, посмотрели на дома и снова спрятались.

Уолтер наклонился к детям, пристально глядя им в глаза.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Да-да, — подтвердила Хлоя. — Питер их первый увидел. Головы и плечи над кустами. Он показал мне, тогда я тоже увидела.

Уолтер оглядел сидевших вокруг костра.

— Видел ли еще кто-нибудь этих людей или оставленные ими следы?

Никто не ответил. Только отрицательно покачали головами.

— Их определенно тут не было, когда мы высадились. Иначе бы мы заметили хоть какие-то следы. Догадался ли кто-нибудь пересчитать островитян, когда они перед отправкой обратно поднимались на борт?

— Наверно, все мы подумали, что это дело капитана, — ответил Чарлз.

Все молчали в раздумье, пока Джейми Макингоу не задал возникший у каждого в мозгу вопрос:

— А если остался кто-то из прибывших вместе с нами, то для чего они это сделали?

Ответа никто дать не мог, и он так и повис в воздухе, усугубляя атмосферу все сгущающейся тревоги.

Утром мы вырыли могилу и опустили в нее тело Дэвида. Чарлз прочел короткую молитву, и тело забросали землей. Экспедиция так и не появилась.

Джо Шатлшо продолжал настаивать на организации поисков, но добровольцы не вызывались. Уолтер, поддерживаемый Чарлзом, все тянул и тянул с решением.

— Бессмысленно кидаться вперед без оглядки, пока мы не узнаем больше об угрожающей нам опасности. То, что случилось с группой из семи человек — если это так, в чем мы еще не можем быть уверены, — без труда справится и со следующими семерыми или с большим количеством людей. В этих условиях наилучшим решением будет продолжать работу.

Эти слова не вызвали особого энтузиазма. Выход предложила Камилла. Она решительно обратилась к Уолтеру:

— Джо прав. Мы не можем просто ждать, ничего не предпринимая. Необходимо отправиться на поиски. У меня есть одна мысль, которую хотелось бы проверить. Для начала, есть ли у нас какой-нибудь инсектицид?

— Несколько бочек разных сортов и марок.

— А распылители?

— Должно быть, штук двадцать или сорок, но...

— Хорошо, — перебила она. — Тогда я предлагаю попробовать вот что.

К полудню они с Джо снарядились в дорогу. Оба были в перчатках и одеты в брюки, заправленные в сапоги, и в застегнутые до самого верха рубашки с длинными рукавами. На головах — широкополые шляпы, грубо сплетенные из расщепленных стеблей тростника и пальмовых листьев. На шляпы, как у пчеловодов, были наброшены сложенные вдвое москитные сетки, свободные концы которых были заправлены за ворот рубашки. У пояса висели мачете, а в руках они держали пульверизаторы, с помощью которых они уже щедро обработали друг друга.

— Не то чтобы инсектицид особенно повредил паукам, — сказала Камилла, — но у них чувствительные лапы, и вкус препарата им не понравится, поэтому они будут обходить нас стороной.

Прежде чем отправиться в путь, Камилла и Джо доверху наполнили свои пульверизаторы, а Джо привесил к поясу про запас еще одну канистру с инсектицидом. Чарлз отозвал Камиллу в сторонку и, остановившись за углом одного из контейнеров, сунул руку в карман, потом протянул Камилле.

— Вы умеете им пользоваться? — спросил он.

Она посмотрела на револьвер, лежащий у нее на ладони.

— Да, но... — хотела возразить она.

— Тогда лучше возьмите. Ведь мы не уверены, что опасность нам грозит только со стороны пауков. Не потейте, он может нам еще пригодиться.

Камилла поколебалась немного, потом сказала:

— Хорошо. Спасибо. — И положила револьвер в карман.

Все вместе мы проводили их до начала тропы, по которой ушла наша экспедиция разведчиков, а потом смотрели им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

Что касается меня, то я чувствовал себя довольно жалким. Думаю, что и Уолтер испытывал сходное чувство. Он сказал, как бы оправдываясь:

— Все-таки это была ее идея... И она, конечно, права, на поиски идти надо... Но мы не можем себе позволить рисковать жизнью людей сверх необходимого...

Камилла вернулась через четыре часа. Она прошла уже половину расстояния между деревьями и лагерем, прежде чем мы ее заметили. Она шла медленно, держа шляпу с сеткой в опущенной руке. Мы кинулись ей навстречу.

— Где Джо? — закричала миссис Шатлшо.

— Идет, — ответила Камилла, махнув рукой куда-то назад.

— Вы их нашли? — спросил Уолтер.

Она посмотрела на него пустыми глазами. Потом медленно кивнула.

— Да... Мы их нашли...

Сомнений в смысле сказанного не оставалось. Камилла казалась полностью ушедшей в себя. Я взглянул на Уолтера и повел ее за руку к лагерю. Уолтер пока задержался, чтобы успокоить остальных. Когда он присоединился к нам, я уже усадил ее на стул и дал крепкого бренди.

— Они все были мертвы? — спросил он.

Она кивнула, секунду глядела в свой стакан и допила.

— Они прошли примерно полторы мили.

— Пауки? — спросил Уолтер.

Камилла снова кивнула.

— Их покрывали мириады пауков, — ее передернуло. — Джо хотел найти своего мальчика, начал поливать их инсектицидом. Это было ужасно. Я ушла оттуда...

— Они не нападали на вас? — спросил Уолтер.

— Пытались. Сотни их ринулись к нам и начали взбираться по ногам, но им это не понравилось. Скоро они отцепились и ссыпались на землю. Другие падали на нас с нависающих ветвей, но и они вскоре тоже ссыпались. — Она тряхнула головой. — Все новые и новые пытались до нас добраться. Их было сотни тысяч. У тех, других, не было никаких шансов спастись. Все, должно быть, закончилось быстро — как с Дэвидом...

Снаружи послышались голоса. Выглянул Уолтер.

— Это Джо, — сказал он и вышел.

Я подошел ко входу в палатку. Там, у начала тропы, я различил фигуру человека, несущего что-то на руках. Позади себя я услышал голос Камиллы:

— Я пыталась отговорить его. Какой смысл?..

Я налил ей еще бренди. Судя по ее виду, это ей было нелишне. Через десять минут немного отойдя, она сказала:

— Нам лучше пойти к ним.

Они были там, где мы и ожидали их найти. Четверо мужчин копали могилу рядом с местом, где был похоронен Дэвид. Джо Шатлшо сидел на поваленном дереве немного поодаль, совершенно опустошенный. Жена стояла на коленях подле него, обхватив мужа руками, по щекам ее катились слезы. Казалось, он не видит ее. Его ноша лежала рядом, на земле, теперь покрытая одеялом. Глаза Джо ни на

секунду не отрывались от этого свертка. Потрясенные, все молча стояли вокруг.

Чарлз снова прочитал молитву и включил в нее имена остальных шестерых, отправившихся в глубь острова. Одного взгляда на тело Эндрю Шатлшо было достаточно, чтобы отказаться от всяких попыток принести и похоронить тела остальных. Потом мы разошлись, на душе у всех было тяжело.

Вечером этого же дня к Уолтеру явилась делегация. В нее входили Джо Шатлшо с женой и Джереми Брэндон решившие отказаться от дальнейшего участия в Проекте. Они потребовали послать на «Сюзанну Дингли» сообщение чтобы корабль вернулся и забрал их и всех тех, кто еще захочет оставить остров. После захода в Уияньи, он, по их мнению, еще не мог далеко уйти. Ну а если вернуть его уже нельзя, то в самом Уияньи, без сомнения, найдется какое-нибудь суденышко, чтобы отвезти их хотя бы туда.

Уолтер, который до сих пор откладывал неприятную новость о том, что радиопередатчик выведен из строя, теперь вынужден был объяснить все как есть. Джо вышел из себя и отказывался верить словам, пока ему не показали остатки передатчика. Увидев, что исправить ничего уже невозможно, Джо накинулся на Уолтера, обвиняя его в намеренной порче передатчика, чтобы никому не удалось покинуть остров и его драгоценный Проект.

Тут в качестве поддержки был призван Чарлз. И ему через некоторое время удалось если не привести членов делегации в чувство, то по крайней мере вразумить настолько, что они мирно удалились, чтобы обдумать все между собой.

На следующее утро, чтобы предотвратить назревающий бунт, Чарлз созвал всех вместе и без прикрас обрисовал перед нами сложившуюся ситуацию. А она была такова, что мы остались отрезанными от внешнего мира по меньшей мере на шесть месяцев. Если по возвращении корабля кто-то захочет уехать — никто не станет чинить ему препятствий. А пока все зависит от наших собственных сил. Занятая пауками область начиналась, похоже, не ближе полутора миль от лагеря. Никто не может сказать, насколько быстро она будет расширяться и будет ли расширяться вообще, но разумнее все-таки предположить, что будет.

Тогда наиболее очевидный путь — ускорить постройку сборных домов. Чем скорее они будут готовы, тем скорее у

нас появится достаточно надежное убежище от пауков. Кроме того, теперешнее временное жилье не сможет нас защитить ни от дождей, ни от штормов, когда наступит сезон дождей.

Если мы будем ссориться и искать виноватых, то ничего хорошего не достигнем. Мы все оказались в одной лодке. Выживем ли — зависит от того, как будет работать каждый из нас. Задержка была вызвана совершенно непредвиденными обстоятельствами. Теперь, когда мы знаем, в чем заключается опасность, нам не надо бояться внезапного нападения и можно позаботиться о защите.

В качестве первого шага Чарлз предложил создать барьер против пауков. Для этого можно бульдозером расчистить двухметровую полосу вокруг лагеря и поселка, а по периметру этой полосы расставить разбрызгиватели, наполненные инсектицидом. Как только патруль, который постоянно будет наблюдать за окружающими зарослями, заметит малейшие признаки приближения пауков, по тревоге вся полоса будет опрыснута инсектицидом. Как показала нам Камилла, он эффективно отпугивает пауков, которые, таким образом, не смогут преодолеть наш барьер. Это будет первая линия обороны, но даже если она окажется надежной на все сто процентов, все же только дома, когда они будут завершены, дадут нам ощущение полной безопасности.

Еще он посоветовал каждому соорудить себе такое же облачение, что надевали Камилла и Джо, и поскорее привыкнуть не выходить на защитную полосу без него.

Надо признаться, Чарлз хорошо постарался. Благодаря ему пауки перестали вызывать панический ужас. Возникло ощущение, что даже таких необычных паразитов можно держать на расстоянии, а то и победить своим трудом и смекалкой. Чарлз излучал уверенность. Мы отправились на свои рабочие места со значительно поднятым духом. Вечером Камилла отыскала меня.

— Привет, — сказал я. — Не заметил вас сегодня среди работающих. Где вы были?

— Наблюдала за пауками, — ответила она. — Меня только что отчитал Уолтер. Не само занятие — он согласен, что, чем больше мы будем знать об их повадках, тем лучше удастся с ними справиться. Его раздосадовало, что я хожу в одиночку.

— И вполне справедливо, — согласился я. — Это было на редкость неразумно с вашей стороны. Вдруг вы бы

сломали ногу или просто растянули лодыжку? Никто бы не знал, где вас искать.

— Примерно так он мне и сказал. Я пообещала, что без провожатого больше никуда не пойду. Но тут встает вопрос: вот вы ведь, например, не захотите сегодня пойти со мной?

Я не ожидал такого поворота. И несколько оторопел.

— Ну... — замялся я.

— Ничего. Вы вовсе не обязаны это делать.

— Нет, я пойду, — решил я. — Что мне понадобится?

— Такое же облачение, как у меня и Джо. Пульверизатор. Бинобль.

— Хорошо. Теперь покажите мне, как плести шляпу.

Мы отправились в путь на следующее утро, неся пока шляпы в руках. Километра три-четыре мы могли идти вдоль берега, держась почти самой воды, где песок был плотным и шагать было легко. Так мы дошли до первых скал, замыкающих лагуну. Они были невысоки, и мы на них взобрались. Наверху идти было труднее, временами приходилось останавливаться и прорубаться сквозь густой кустарник. Хотя паутины еще не было видно, Камилла решила, что пора надевать шляпы с сеткой и обрызгаться инсектицидом.

— Насколько я могу пока судить, — сказала она, — область, покрытая паутиной, — это завоеванная и освоенная пауками территория с напором популяции, направленном вовне. Между этой областью и нами — полоса ничейной земли, по которой шныряют бродячие стаи пауков. Это как бы передовые отряды, постепенно отвоевывающие новые земли, пока территория позади них заселяется. Одна из наших задач — определить каким-то образом среднюю скорость этого продвижения. Тогда мы сможем посчитать, сколько у нас останется времени для подготовки. Или, может, нам самим стоит продвинуться на север, чтобы таким образом выиграть время.

— Это нелегко будет сделать, — заметил я. — Нас скоывают наши припасы. Их не удастся далеко перенести.

— Тогда, скорее всего, лучше сосредоточиться на варианте обороны, — согласилась Камилла. — Но все равно будет лучше, если мы уточним сроки подготовки рубежей.

Наконец мы вышли из кустов на скалистое плато. Оттуда открылся лучший вид на побережье впереди и на склон южной вершины двуглавой горы; мы сели, с замиранием сердца разглядывая открывшуюся панораму.

Где точно начиналась область, затянутая паутиной, определить было невозможно. Паутина сначала ложилась на деревья и кусты невесомой полупрозрачной дымкой, которая примерно в миле от берега сгущалась настолько, что становилась похожа на сплошное покрывало, задерживающее весь пейзаж до самой горы и даже склон горы до середины — как будто тут вдруг выпал слой желтоватого снега. Или, скорее, неровные очертания скрытых под паутиной деревьев делали панораму более похожей на облачное небо под крылом самолета. Местами оно искрилось в лучах солнца...

Мы продолжали молча разглядывать эту картину еще около минуты. Мой разум отказывался представить те неисчислимые миллионы пауков, которые плели эту расползающуюся во все стороны сеть. Внезапно заговорила Камилла, сразу сбив меня с этой ни к чему хорошему не ведущей линии размышлений.

— Ну, как насчет естественного баланса? — заметила она.

Мы пошли дальше. На кустах еще почти не было паутины, но уже стали попадаться стаи пауков-охотников. Первую я заметил, только когда она уже нападала на меня. Она появилась слева из-за кустов, и не успел я опомниться, как пауки оказались около самых ног. Я отпрянул. Но услышал спокойный голос Камиллы позади:

— Не волнуйтесь. Они не тронут вас.

Она оказалась права. Пауки волной захлестнули мои сапоги, несколько побежали вверх по ноге, но, добравшись до колена, вдруг потеряли всякий интерес, прыгнули вниз и отбежали в сторону. Скоро отступили и остальные.

— Пауки ощущают запахи и вкус своими ногами, и им эта штука, которой они пропитались, совсем не по нраву, — пояснила Камилла.

Успокоенный, я двинулся дальше. Мы повстречались еще с дюжиной или около того стай, но все они, охладев к нам, отступили. Вскоре мы вышли на новое плато, с которого открывался вид на небольшой залив, окаймленный линией песчаного пляжа. Помню, что заметил это место еще с моря как последний участок берега, одетый лесом, перед началом сплошной скальной стены. Кусты и редкие деревья спускались к самому песку, уже приобретшему сероватый оттенок, которого на нашей стороне острова не было. В семи-восьми местах на песке виднелись знакомые коричневые пятна.

— Ага, — удовлетворенно сказала Камилла.

На нашем плато пауков вроде бы не было, поэтому мы сели и достали бинокли.

И с помощью бинокля я увидел немногим больше Стаи пауков были так однородны и сплочены, что разглядеть отдельных особей было невозможно. Я наводил бинокль то на одно, то на другое скопление, но все они казались одинаковыми и неподвижными.

Опустив бинокль, я вдруг услышал приглушенный возглас Камиллы. Только я собирался проследить направление ее взгляда, как вдруг мое внимание привлекло одно из пятен, пришедшее в движение. Снова поднеся бинокль к глазам, я увидел, что оно все такой же монолитной группой движется под углом вниз к воде.

— Что-то их потревожило, — сказал я, когда заметил, что и второе пятно переместилось.

— Вон тот краб, — сказала Камилла. — Посмотрите, под самыми деревьями.

Я сфокусировал свой бинокль на видневшейся там черной точке и убедился, что это действительно краб. Он был примерно в пяти футах от деревьев и боком пробирался к воде. Ниже, впереди него, наперехват, двигались два пятна, стремящиеся отрезать его от воды. Краб повернул; через несколько секунд оба пятна тоже изменили направление, и на этот раз явно двигались наперерез.

Вдруг краб остановился и застыл в позе обороны, подняв вверх свои клешни. Обе группы пауков сначала продолжали двигаться в прежнем направлении, но через некоторое время сбавили скорость, а затем совсем остановились в нескольких футах друг от друга. Краб снова устремился к воде, теперь под другим углом. Возможно, ему и удалось бы до нее добраться, потому что бежал он немного быстрее пауков, однако на этот раз пришла в движение третья группа, готовая перехватить его и на этом новом направлении. Казалось, он не замечал ее, пока почти не натолкнулся на пауков. В последний момент он снова попытался увернуться, но было слишком поздно. Пауки набросились на него. Он еще пробежал около метра, потом замедлил бег, остановился, и масса пауков скрыла его от наших глаз.

Камилла опустила бинокль.

— Поучительно, — сказала она. — По-видимому, их максимальная скорость передвижения группой около четырех миль в час. Зрение неважное, как и у большинства пауков. Вы заметили, как они погребали краба из виду, когда он остановился? Они рассчитывали, куда он направлялся, и

двинулись ему наперерез. Это интереснее всего — показывает, что они все вместе знали, что он будет пробираться к воде. А когда он переменял направление, то же самое через несколько секунд сделали они, — и опять готовы были его перехватить. Очень любопытно...

Самое удивительное, что они вообще смогли убить краба, ведь он одет в броню со всех сторон, — и так быстро, дав ему пробежать только два фута. Пауки, конечно, добирались до глаз и еще, возможно, суставов, хотя вряд ли...

Она немного поразмыслила, потом поднесла к глазам бинокль и направила его на ближайшую группу, которую изучала до инцидента с крабом. Мы оба молча наблюдали некоторое время за этой группой. Эти пауки никуда не перемещались, хотя и не были неподвижны, как остальные группы, — в их гуще было заметно бурлящее непрерывное движение, как и в группе, расправлявшейся с крабом.

— Может, они тоже поймали краба, — помолчав, предположил я.

Было около одиннадцати утра. Так как мы вышли очень рано, уже хотелось есть. Я вынул из своего рюкзака несколько бутербродов и предложил Камилле. Жуя бутерброды, мы все продолжали наблюдать за происходящим на берегу.

День выдался теплым — слишком теплым, чтобы можно было удобно себя чувствовать в нашем облачении, но я не испытывал ни малейшего желания снять какую-либо часть туалета, предохраняющую от нападения пауков, потому что здесь бродячая стая могла появиться в любой момент. Я только позволил себе приподнять сетку на поля шляпы, откуда можно было сбросить ее в любой момент. Шляпа на голове оказалась очень даже кстати, потому что солнце щедро изливало свои лучи с безоблачного неба. Я жаждал прохлады от ветерка, но до нас не долетало ни дуновения.

Камилла, которая теперь смотрела уже не на залив, а на бескрайнее покрывало паутины впереди, вдруг вскрикнула и схватилась за бинокль. Я сначала не мог понять, что она там заметила, а потом обратил внимание на поднимающуюся из белой толщи прозрачную колонну. Ее можно было разглядеть только на голубом фоне неба, да и то казалась она настолько бесплотной, что трудно было сказать — есть она или только почудилось. Камилла запрокинула голову, пытаясь найти вершину этой колонны. Я тоже взял бинокль, отыскал в него колонну, зыбкие очертания которой уходили на огромную высоту, но так и не смог понять, что же это

такое. Предположил было, что это пар от гейзера, и почти сразу понял, что в таком случае колонна бы достигла не более полутора сотен футов в высоту. Потом я заметил еще одну прозрачную колонну, растущую несколько дальше. У нее вырисовывался явный изгиб примерно на высоте тысячи футов; затем она выравнивалась и вздымалась еще выше. Проведя биноклем вдоль горизонта, я обнаружил вдали еще три колонны и совсем призрачные силуэты еще нескольких, в чем, впрочем, трудно было быть уверенным. Опустив бинокль, я снова воззрился на белое покрывало.

— Должно быть, мы ошиблись, и это не паутина. Это нечто испаряющееся, — сказал я.

Камилла отрицательно покачала головой.

— Нет, именно паутина. А это, — она указала на ближайшую колонну, — эмиграция. Пауки на экспорт. Они нашли восходящий поток воздуха и поднимаются вместе с ним. Миллионы паучат отправляются заселять большой мир.

— Но пауки ведь не могут летать, — изумился я.

— При подходящих условиях могут — паучата летают. Паутина — чудесная штука. Разве вы не читали «Путешествие на "Бигле"»? Помните, как они однажды проснулись, когда корабль был в открытом море за сотни миль от суши, и обнаружили, что вся палуба и рангоут усеяны маленькими паучатами?

В один прекрасный и тихий день паучата взбираются куда-нибудь повыше — на вершину дерева, куста, может сгодиться и травинка, — выпускают шелковую паутинку в несколько дюймов длиной и ждут. Раньше или позже паутинку подхватывает восходящий поток воздуха и поднимает их вместе с ней. Они летят подобно планеру, возносимые теплым воздухом. И подняться могут до двадцати и более тысяч футов. Вот это мы и видим.

Я посмотрел на призрачные колонны и попытался это себе представить. Миллионы и миллионы паучков, отрывающихся от земли и кидающихся в беспредельное открытое пространство в надежде, что ветер отнесет их с острова на новые земли.

— Они все упадут в море, — сказал я.

— Девяносто девять и девяносто девятых сотых процента действительно упадет, — согласилась Камила, — но что это значит при их плодовитости? Некоторые уцелеют и начнут размножаться. — Она снова взглянула на колонны. — К счастью, они поднимаются высоко, а вверх ветер дует на восток. И, как мне кажется, в здешних местах

это преобладающее направление ветров, из-за чего наша сторона острова остается свободной от пауков, а то бы они уже захватили остров целиком.

Когда она кончила свою речь, я краем глаза заметил какое-то движение слева на краю прогалины. Камилла тоже его заметила. Из жесткой травы появилась группа пауков и направилась к нам. Я начал было вставать, но Камилла остановила меня.

— Не шевелитесь, и они нас не заметят. Вспомните краба, — сказала она и продолжала невозмутимо наблюдать за ними. Я мог только позавидовать ее спокойствию.

В той группе было около трехсот или четырехсот пауков. Впервые мы могли так близко рассматривать их в движении, но не в нападении. Правда, и теперь различить отдельных особей было трудно. Они двигались с такой слаженностью, так прижимаясь друг к другу, что непонятно, как им хватало места переставлять ноги. Даже вблизи они выглядели как текучая масса.

Мы сидели у них прямо на дороге. Если бы я был один, то конечно же убрался бы побыстрее. Камилла, находившаяся к ним ближе меня, продолжала с интересом разглядывать их.

Сантиметрах в десяти от ее ноги вся группа остановилась. Такая мгновенная остановка напомнила мне хорошо вымуштрованный взвод солдат, застывающий по стойке «смирно». Видимо, передовые члены группы уловили запах инсектицида и сочли его отвратительным. Буквально через секунду пауки всей группой повернули налево и двинулись дальше — держась все в тех же десяти сантиметрах от носка сапога, пока последние ряды не миновали его. Потом пауки повернули направо и возобновили прерванный путь.

Мы следили за ними, пока они не исчезли под стелющимися ветвями куста на другой стороне прогалины.

— Да, ничего не скажешь! Прекрасно вытренированное подразделение, — сказала Камилла.

Она снова взялась за бинокль и продолжила наблюдения за происходящим на берегу, на этот раз обратив особое внимание на ближайшую группу. Там продолжались все те же перемещения без видимой причины. Понаблюдав несколько минут, Камилла сказала:

— Они копают. Роят яму.

Я присмотрелся. Она как будто бы была права. Теперь рядом с той группой возвышался пологий песчаный холмик, которого я прежде не замечал. Но цель такого поведения

пауков оставалась для меня по-прежнему неясна. Вокруг ямы копошилось слишком много пауков, чтобы точно разглядеть, что там происходит. Все же через некоторое время Камилла снова отложила бинокль, вздохнув при этом:

— Так-так-так!

— Что? — спросил я.

— Черепаший яйца. Вот до чего они добираются, — сказала она и задумалась. Наконец она подняла глаза и перевела взгляд на укутанный паутиной лес.

— Интересно, что делается там? Они истребили всех птиц — наверно, сначала съели яйца, потом и самих птиц; насекомых тоже почти свели на нет. Допустим, они переловили все, что бегало и ползало по земле. Теперь им, наверно, есть почти нечего, только друг друга. Выживает сильнейший, вот уж поистине! Они вынуждены шнырять в прибрежной полосе, прочесывая ее в поисках пищи. Интересно, сколько времени им потребуется, чтобы научиться ловить рыбу?

— Или строить лодки, — подсказал я.

— Нет, я совершенно серьезно. Они научились плести сети, чтобы ловить летающих насекомых. Паутинный шелк — изумительная вещь. Из него вполне можно сплести сеть, которая способна удержать рыбу.

— Да ну, — сказал я. — Вспомните, как сильно бьется попавшая в сети рыба.

— А вы вспомните, как прочен шелковый шнур, и учтите, что его плетут из материала, немногим отличающегося от паутины. — Камилла покачала головой. — Такому повороту дел я не вижу препятствий. Более того, скорее всего так и будет, если судить по виденному нами сегодня. Они способны и на это, и на многое другое...

Думаю, вы не осознали полностью смысл того, чему мы оказались свидетелями. Но, поверьте мне, это переворачивает все прежние представления. Ведь пауки — очень древние животные. Они существуют уже много миллионов лет и сформировались настолько давно, что до самого последнего времени не могли найти их предка: казалось, пауки существовали вечно, не меняясь и не поддаваясь внешним влияниям. Они плодовиты, но новые поколения так идентичны предыдущим, что большинство исследователей давно прекратили обращать на них внимание. Имея такое древнее происхождение, они все же не представляли для нас интереса, потому что казались отрядом, полностью завершившим свое развитие, не обладавшим никаким эволюционным

потенциалом. Они как бы остались в тихой заводи бурной реки жизни. Каким-то чудом сохранившиеся реликты исчезнувшего мира. Как бы ни менялось все вокруг, они все так же размножались — и когда динозавры только начали завоевывать мир, и когда те уже вымерли и им на смену пришли млекопитающие; пауки в любых условиях находили себе средства к существованию.

Но любопытно, что они не утратили жизнестойкости. Как отряд в целом, они не проявляют никаких признаков старения и угасания. И теперь мне кажется, что если они не изменились до сегодняшнего дня, то причина тому вовсе не в том, что они неспособны к дальнейшему развитию. Возможно, у них не было достаточного стимула к развитию. Ведь, если рассудить, их жизнь очень мало пересекается с жизнью других видов, кроме насекомых, пожалуй, а с ними они прекрасно справляются. Они не сталкивались ни с какой серьезной опасностью, угрожающей их существованию, — так зачем им развиваться? Пауки почти идеально приспособились к своему окружению, и никакого побуждения к развитию не испытывают. Они и так преуспевают.

Далее, большинству видов приходится либо меняться, чтобы их не превосшли, либо, если это не удается, они вырождаются. Пауки не выродились. Нельзя ли заключить отсюда, что они не утратили способность развиваться, а просто настолько хорошо приспособились, что не испытывают особой необходимости меняться, а способность к развитию дремлет неиспользованная?

— Я не могу судить, — сказал я. — Ваши доводы звучат убедительно. Единственное, что меня смущает, — это отсутствие каких-либо доказательств того, что эволюционировали именно эти пауки, этот островной вид. Ведь вы сами уверяли, что это абсолютно обычные пауки.

— Да, так и есть, — кивнула Камилла. — Человек тоже кажется совершенно обычным млекопитающим — на анатомическом столе. От остальных млекопитающих его отличает поведение. И эти пауки отличаются от остальных своим поведением.

— Вы имеете в виду, что они охотятся стаями? — спросил я.

— Именно. Ваши обычные пауки — не очень-то общительны. Они индивидуалисты. Первая задача паука — защититься от врагов, и тут он надеется на то, что ему удастся остаться незамеченным в своем укрытии. Вторая — добыть пропитание. Для этого он ловит насекомых, но ни с кем не

делится своей добычей и даже нападет на любого другого паука, осмелившегося подойти к нему слишком близко, а то и съедает его самого. Известно также, что у многих видов пауков самец часто поедается после спаривания, если не поторопится убраться вовремя. Нет, конечно же, это далеко не общительное существо. Здесь же перед нами их сообщество, совместная деятельность. Охота стаями, которую мы упомянули. И это настолько выходит за рамки всех представлений, что говорит о коренной перемене картины поведения.

Она на секунду замолчала, затем продолжала:

— И это очень значительный факт, до какой степени значительный, еще предстоит выяснить. Я бы сказала, что гораздо важнее видимой перемены облика — отращивания более сильных челюстей или даже крыльев. У нашего вида вдруг появилось свойство поведения, всегда ассоциировавшееся с другими видами — а именно с пчелами и муравьями. Как если бы у некоего вида обезьян или породы собак вдруг развилась способность мыслить — свойство, которое всегда приписывалось исключительно человеку.

— Ну уж, — возразил я тут. — Может, это слишком смелое предположение?

— Я так не считаю. Вероятно, и существует где-то вид другой пауков, научившихся жить сообществом, но они слишком редки и незначительны. Ничего подобного тому, что наблюдаем мы с вами, никогда известно не было. Если бы хоть кто-нибудь услышал о таком, то весть немедленно облетела бы весь научный мир. Нет, такое поведение появилось недавно и, если судить по внешним проявлениям, дало паукам весьма существенные преимущества...

Перед уходом мы опустили на лицо сетку и еще раз опрыскали друг друга инсектицидом, а затем отправились в обратный путь.

Теперь я уже убедился в эффективности наших средств защиты и не стремился убежать от каждой встречной стаи пауков, шныряющих в подлеске. Они, правда, ни разу не упустили возможность броситься на нас и кидались сотнями, когда мы проходили мимо, но редко поднимались выше колен, быстро спрыгивали на землю и убегали.

Примерно через четверть мили путь нам преградила расщелина в скалах, по дну которой катился в океан бурлящий ручей. Мы повернули в глубь острова по одной стороне расщелины, чтобы найти удобное для переправы место. Через несколько ярдов Камилла остановилась.

— Минуточку. Я хочу понаблюдать вон за ними, — сказала она и вынула бинокль. Я посмотрел туда, куда она указала.

На другой стороне расщелины скопление пауков покрывало ветви какого-то кустарника. Казалось, пауки ничем не были заняты, просто сидели и ждали. Потом на солнце блеснула паутинка, парящая в почти неподвижном воздухе. В бинокль были видны несколько таких паутинок, свивающихся в крупные кольца.

Сначала ничего особенного не происходило. Вдруг один паук прыгнул с ветки и побежал прямо по воздуху. По-видимому, какая-то из паутинок зацепилась за нашу сторону расщелины, и паук тут же переправился. Как только этот паук (или паучиха) достиг нашей стороны, по той же паутине устремился другой паук, потом еще и еще. После седьмого или восьмого паутинка уже стала заметна глазу. На переправе теперь одновременно были видны три-четыре паука, а тоненькая паутинка превратилась в ниточку, способную выдержать девять—двенадцать пауков одновременно. Все оставшиеся на той стороне ринулись вперед, расстояние между бегущими стало сокращаться, а мост становился все прочнее и прочнее. Мы продолжали наблюдать, пока все четыре или пять сотен не перебрались на нашу сторону, потом они соединились в группу и скрылись.

Тогда Камилла опустила бинокль.

— Чудесная штука — шелк. Да, тут, похоже, и гибнет в зародыше план Чарлза создать непроходимую зону.

Озабоченные, мы пошли дальше. И даже не вышли из владений пауков, когда я сделал еще одно открытие. Между стеблями травы справа от расчищенной нами тропинки я заметил клочок меха. Раздвинув ветви и траву, я наклонился, чтобы получше рассмотреть его. Это была крупная крыса — вернее, когда-то это было крысой, потому что сейчас от нее осталась только шкурка. Сухая пустая кожа, покрытая мехом, обтягивающая скелет из обглоданных до блеска костей.

Минуто мы молча стояли и не могли оторвать глаз от моей находки.

ГЛАВА 6

Вечером того же дня мы уединились с Уолтером и Чарлзом, чтобы рассказать им о наших наблюдениях. Чарлз обеспокоил наш рассказ о способе, с помощью которого

пауки пересекали расщелину, но он все же не отказался от плана расчистки предохранительной зоны.

— Чтобы преодолевать препятствия таким образом, необходимо, чтобы ветер дул в нужном направлении, — подчеркнул он. — Поэтому такая зона послужит нам в качестве довольно надежной наземной обороны. Судя по всему, здесь преобладают западные ветры. А когда ветер переменит направление, можно нести усиленную вахту.

Камилла кивнула, однако выразила сомнение:

— Все зависит от их количества. Скорее всего нам удастся справиться с несколькими бродячими стаями, особенно если смастерить какой-нибудь огнемет, но если нагрянут тысячами и выстроятся по всему периметру защитной полосы, уследить за каждым метром нам не удастся. Для этого нас просто слишком мало.

Чарлз кивнул.

— Тогда нам придется выкорчевывать деревья и кусты далеко в стороны от собственной защитной полосы, — предложил он. — Если паукам будет неоткуда пускать свою паутину, то им не удастся «навести переправу». Но, — продолжал он, — ваши слова об огнемете навели меня на мысль. Я подумал сегодня, что наилучшим способом избавиться от пауков было бы выжечь землю по нашу сторону, где их еще нет, чтобы они не проникли дальше. Насколько эта мера окажется эффективной — трудно, конечно, сказать; полагаю, на некоторое время сдержит их, а многих огонь уничтожит. Нам в этом поможет западный ветер. А если удастся пустить огонь достаточно широким фронтом, то не вижу, почему бы ему не распространиться дальше и не выжечь всю захваченную пауками территорию на острове. Ведь известно, что первые колонисты выжгли почти весь остров Мадейра по неосторожности и пожары продолжались там еще семь лет.

— На Мадейре, — заметила Камилла, — рос субтропический лес. Не думаю, чтобы здешние леса горели так же. Но все же стоит попытаться. Даже если пожар и не разгорится как следует, то выгоревшая полоса придется паукам не по вкусу.

В результате пришли к выводу, что завтра мы с Камиллой пойдем намечать линию, с которой можно будет пустить вал огня. Задача состояла примерно в следующем: следовало пройти по расчищенной экспедицией тропе около мили и, если местность покажется подходящей и во всяком случае задолго до места нападения на экспедицию пауков,

повернуть там налево и начать намечать тропу примерно параллельно береговой линии, а потом продолжить ее и вправо.

— Очень сожалею, что пока не могу дать никого вам в помощники, — сказал Чарлз. — Сейчас дело первоочередной важности — достроить столовую. Когда все будут знать, что на крайний случай есть надежное убежище, то станут чувствовать себя гораздо спокойнее. А пока многие боятся ложиться спать из-за опасений, что во сне на них нахлынут пауки. Как только эта постройка будет завершена, можно будет вздохнуть спокойнее и выделить вам несколько человек. Кроме того, сейчас вроде бы установилась безветренная погода, а хороший пожар без ветра не разгорится — причем нам ведь нужен ветер только определенного направления. Тем не менее, если вы начнете свою наметку, по этой линии уже легче будет устраивать защитную полосу, когда придет время.

Камилла улыбнулась уголками губ.

— Этим Чарлз хочет сказать, что никто не испытывает ни малейшего желания приближаться к территории, захваченной пауками. — Она покачала головой и добавила как бы про себя: — Да, люди как боги. — Потом обернулась ко мне. — А как вы, Арнольд?

— Не скрою, сегодня утром мне хватило бы пустякового повода, чтобы оправдать собственный отказ. Но день оказался весьма поучительным, в том отношении, что мы узнали немало о повадках нашего врага. Да, я согласен идти, — ответил я.

Рано утром мы отправились в путь, оснащенные, как и накануне. Пройдя около двухсот ярдов по берегу, мы свернули на тропу, по которой прошла погибшая экспедиция. Двигаться по ней оказалось нелегко. Вырублено было ровно столько, чтобы протиснуться одному человеку. Нас обступали кусты и деревья, названий которых я не знал, а видимость была ограничена со всех сторон буквально несколькими метрами. Очень неприятное место для человека, склонного к клаустрофобии. Порой нам попадались заросли высокой жесткой травы, настолько густые, что я впервые прочувствовал буквальное значение слова «застить». Из-за маленького радиуса обзора трудно было правильно определить расстояние. Казалось, что мы идем уже целую вечность, к тому же все время проходя вновь по местам, где уже побывали. Было еще ощущение движения по ровной плоскости, хотя мы знали, что местность здесь постепенно

поднималась. Примерно через три четверти часа такой ходьбы я остановился. Никаких признаков близости пауков мы пока не заметили.

Еще через полчаса я стал замечать в кустах по сторонам тропы нити паутины. И уже хотел обратить на них внимание Камиллы, но тут в этом отпала необходимость.

Камилла тогда шла впереди и задела плечом за ветку, нависшую над тропой. С этой ветки на нее потоком ринулись пауки. Одновременно целая гроздь пауков обрушилась с верхней ветки. На секунду не стало видно ни головы, ни плеч. Но тут же пауки поспешно посыпались на землю. Инсектицид им понравился ничуть не больше, чем их собратьям. Через несколько секунд они все схлынули и разбежались в разные стороны.

Камилла остановилась и огляделась. За буйной листвой нельзя было определить, кроются ли там новые стаи пауков или нет.

— Мы обнаружили их передовой рубеж. Мне бы не хотелось идти дальше, — сказала она.

Подумав о том, что лежало на тропе за несколькими поворотами, я согласился с ней.

Мы решили минут двадцать идти по тропе обратно по направлению к лагерю, и если к этому времени встретится менее непроходимый участок, начать оттуда наметку нашей «линии огня», двигаясь на север. Таким образом мы будем уверены, что между нами и пауками лежит достаточно широкая полоса, а главное, что их не останется в тылу.

К счастью, как это иногда бывает, как раз через двадцать минут мы дошли до места, поросшего хоть и колючим, но редким и поддающимся ударам наших мачете кустарником.

— Хватит, — сказала Камилла, садясь на ствол поваленного дерева.

— Можем начать здесь, — осторожно предложил я. — Здесь нам все равно не удастся обойти заросли — обязательно наткнемся. Работа в любом случае вряд ли пойдет спору.

Она вынула пачку сигарет и предложила мне закурить. Я взял сигарету и присел рядом с ней на поваленный ствол.

— По вашему тону можно заключить, что от плана Чарлза вы не в восторге?

— Почему же, я считаю его неплохим. Но прежде я не видел всего этого, — я махнул рукой на обступившие нас заросли. — Мы вдвоем разве тут сможем что-нибудь сделать? Наши усилия канут без следа.

— Но мы можем попробовать. Не обязательно прокладывать прямую линию. Будем придерживаться более легких участков, главное — сохранять общее направление.

Некоторое время мы сидели и молча курили. Потом Камилла произнесла:

— Ночью я все думала обо всей этой истории с пауками. И знаете, тут дела могут оказаться намного серьезнее, чем мы предполагаем. Что-то произошло с этими пауками, что-то изменилось внутри. Снаружи они совершенно обычные, но на самом деле — пауки плюс что-то еще, чего у остальных видов пауков нет...

— Примерно то же вы сказали сразу после того, как разглядели первого из них, — заметил я.

— Да, помню, но тогда я не знала, какой глубокий смысл мог скрываться за этими словами. А ночью меня поразила способность пауков к адаптации, изобретательность и находчивость в использовании средств, которыми они обладают.

Считается, что первоначально шелковые нити пауков использовались просто для защиты яиц, которые пауки заматывали в кокон. Позже, когда насекомые научились летать, пауки нашли своему шелку новое применение: начали плести сети, чтобы ловить летающих насекомых. Найдя одно новое применение, они обнаружили еще массу других и стали производить особые разновидности паутинного шелка. Стали строить из него гнезда с захлопывающимися дверцами, плести прямоугольные сети, в которые попадали пробегающие и проползающие мимо насекомые, а более развитые виды пауков перешли к колесообразным сетям. Паутину использовали для связывания добычи, сшивания листьев для постройки гнезда, прикрепления к уже готовой сети листочков, за которыми можно укрыться в ожидании, пока в сеть не попадет добыча. Пауки даже строили из паутины мосты и поднимались с ее помощью в воздух, — как мы вчера видели.

И если учесть такое многообразие применений, найденных ими для своего паутинного шелка, то возникает вопрос — как они освоят новоприобретенную способность к совместной деятельности? Страшно подумать. Они уже вступили в противоборство с видами, с которыми прежде шли совершенно не пересекающимися путями, и сила оказалась на стороне пауков — они практически уничтожили на острове остальные виды животных. Эта новая способность привела к конфликту между ними и нами, и первая победа

за ними. Мне начинает казаться — уж не началу ли революции мы оказались свидетелями, не смене ли власти...

— Страшный сон, привидевшийся перед рассветом, — сдержанно сказал я. — Захват маленького изолированного острова, где все благоприятствовало их распространению — одно. На материке с ними, вне всякого сомнения, радикально бы расправились.

— Как бы вы это сделали? Вам не удалось бы свалить все леса земного шара. Вид выживает благодаря тому, что скорость его размножения превышает урон, наносимый ему естественными врагами. Именно этот факт придает иллюзию достоверности мифу о «естественном балансе». А если естественных врагов не останется, то размножение может набрать устрашающие темпы. Смотрите, что произошло всего за одно или два поколения с населением Земли, когда были побеждены некоторые болезни. Найдите способ победить естественного врага, и тогда сдерживать рост будет только ограниченность запасов пищи. А пауки при своей баснословной плодовитости такой способ нашли. Потребность в пище и способность добывать ее из все новых и новых источников гонят их вперед. Пока они могут найти пищу и продолжают размножаться, трудно нащупать способ остановить это движение.

— Но считать их серьезной угрозой просто нелепо, — запротестовал я. — Я могу принять ваш тезис, что с ними произошло нечто, переменившее их привычки — они стали действовать не по одиночке, как прежде, а сообща, — и признать, что условия здесь оказались для них весьма благоприятными. Но этого еще недостаточно, чтобы пауки стали некой серьезной угрозой.

— Не знаю. Превращение в общественных животных способно иметь большее, чем мы можем предположить, значение. Муравьев и пчел оно совершенно изменило, выделив в животном царстве на особое место. Теперь это, так сказать, исходные пауки плюс еще что-то, как я говорила. Остается только выяснить, что же именно.

— Я все-таки не понимаю...

— Не понимаете? Тогда позвольте мне рассказать вам историю Золушки, — сказала Камилла. — Однажды жило было мирное, похожее на лемура существо, которое подобно многим другим животным скрывалось в лесах. Силой оно не обладало, не было у него ни когтей, ни страшных зубов. И жило оно только благодаря умению укрываться от опасностей. Но время шло, и произошло что-то, переменившее

это существо. Оно оставалось млекопитающим, как и прежде, но добавилось еще некоторое неуловимое свойство... Именно это таинственное нечто превратило его в царя животного царства, повелителя мира...

Произождая однажды, такое может произойти и снова. После расцвета наступает упадок. Никто из нас не вечен. И если маленькое, похожее на лемура существо могло возвыситься, то это не заказано и другим.

— Но не паукам же!

— А почему бы такое не могло случиться и с пауками? — с вызовом спросила Камилла. — Сознание и развитый головной мозг отличают только наш господствующий вид. Все остальные творения обходятся без него. Но существуют силы иные, нежели разум. Снова напомним вам о термитах и пчелах, воздвигающих сложные конструкции и координирующие работу иерархических сообществ, не обладая разумом, а для защиты и нападения объединяющихся без руководства мозга. Кто знает, может быть, появление сознания — это пусть интересная, но все же неудачная попытка природы, и даже необязательная? Сегодня оно господствует, а завтра исчезнет...

— И тогда в мире опять воцарятся инстинкты? — спросил я.

— Инстинкт — как легко это слово вводит в заблуждение. Буквально оно означает только «запечатленный» — перстом Божиим? Это признание в собственном бессилии понять, в чем причина явления, простая констатация происходящего. И ничего ровным счетом не объясняет.

Совсем не трудно сказать, что пчела строит совершенно правильные шестигранные соты, повинаясь «инстинкту», или что паук плетет безукоризненную с математической точки зрения круговую паутину, тоже повинаясь «инстинкту», — но такие утверждения вдребезги разбиваются нашими знаниями о наследовании приобретенных признаков.

Нет, тут есть что-то еще. Существует также групповое восприятие: и то, что муравьиное войско знает, когда защищаться или нападать; что рабочая пчела знает как собственные обязанности, так и место в улье; даже что стая птиц знает, когда поворачивать и когда пикировать как единое целое. Это не проявление разума, а яркое свидетельство какого-то способа передачи информации.

Теперь вы понимаете, к чему я веду? По всей видимости, пауки обрели этот способ — вот в чем и состоит таинственный «плюс». Остается только выяснить, до какой сте-

пени они им овладели. Вполне возможно, что в степени превосходной по сравнению с другими видами... Те, кого мы встретили вчера на прогалине, выглядели на диво хорошо организованными.

— Послушайте, — сказал я, раздавив окуроч, — мы пришли сюда работать, а не строить страшные домыслы. Не пора ли приступить к делу?

— Хорошо, приступим, — согласилась Камилла, обнажая мечете.

Я сверился с компасом, и мы начали. Вырубленная нами линия получалась извилистой, зато расчистка шла немного легче. Когда мы натыкались на особенно густые заросли, то обходили их или по крайней мере находили менее непролазный участок и прорубались сквозь него. Таким же образом мы огибали островки деревьев и ошетилившиеся шипами кусты терновника, хотя при всем этом в целом придерживались избранного направления. Однако же продвигались мы медленно, а работа была очень утомительной. Не ускоряла дела и склонность Камиллы бросать работу, когда ее попутно привлекало что-нибудь из области ее профессиональных интересов. Продвинувшись за час только на полтора-два ярда, мы почувствовали, что пора подкрепиться, для чего расчистили место, где можно было поесть с относительными удобствами.

На этот раз Камилла уже не изъявляла желания делиться своими теориями. Она сидела и задумчиво жевала бутерброды, примеривая к фактам новые объяснения — так мне казалось.

Когда мы устроились есть, я поразился полной тишине вокруг. Обычно в этих краях человека окружает многообразие звуков: птичий гомон, шелест, топоток и шуршание мелких зверушек, постоянное гудение насекомых, неясный фоновый шум, который пронизывают резкие крики, — но здесь тишину только иногда нарушало жужжание какого-нибудь случайно пролетевшего насекомого, да слышно было, как мы жуем. Через несколько минут это стало действовать угнетающе. И больше для того, чтобы нарушить молчание, чем из любопытства, я сказал:

— Этой истории должен прийти естественный конец. Когда они уничтожат всех животных до единого, то и сами вымрут

— Пауки — каннибалы, — сказала Камилла.

— Пусть так, но, думаю, замкнутая система на основе каннибализма продержится недолго

— Может быть, однако на некоторое время ее хватит, до тех пор, пока они — как я говорила уже — не научатся ловить рыбу. Тогда отпадет вопрос об источнике пищи и ничто уже не сможет их остановить.

— Но как, скажите на милость, они смогут научиться ловить рыбу?

Она пожала плечами:

— При совместной деятельности многое становится возможным. Общими усилиями они способны сплести прочную сеть. Скажем, начнут перегораживать ею узкий пролив, прикрепив сеть к камням. Во время прилива они могут поднимать ее и опускать, когда наступит отлив. Там запутаются креветки и мелкие рыбешки. Так, преуспев, пауки настроются на большее. Станут охотиться на более крупных рыб и изобретут новые методы ловли.

— Вы говорите о них так, как если бы они были разумными существами.

— Это-то меня и тревожит. Вполне понятно, что мыслить, как мы — с помощью мозга и сознания, — они не могут. Но у них должно быть нечто сродни сознанию, о чем я уже говорила сегодня. Нечто, приведшее их к способу ловли насекомых с помощью паутины, а потом — сооружению сложных, выверенных с математической точки зрения ловчих сетей на земле, встречающихся у более высоко-развитых видов. Многим насекомым свойственно производить паутинный шелк. Лишь пауки научились использовать его в качестве орудия, дающего пропитание. Ими двигал, конечно, не тот разум, который мы знаем, но некая управляющая сила должна быть.

Так было еще в пору индивидуализма. Теперь же они действуют совместно. Причем тут не просто механическое соединение усилий. Если бы каждый человек жил в одиночку — разве бы стали люди людьми?

И поэтому, если некая сила помогла паукам-индивидуалистам обрести средство ловли крылатых насекомых, она, вне сомнения, может привести группу совместно действующих пауков к созданию орудий для ловли рыбы, если в том возникнет необходимость. Меня тревожит — насколько могущественна эта сила и какие еще способности она может пробудить в них...

— Честно говоря, мне кажется, что вы сильно преувеличиваете значение того, что мы здесь видим. На мой взгляд, налицо мутация, причем члены мутировавшей популяции получили неожиданно хорошие условия для раз-

вития и размножения. Истощив запасы пищи, они исчезнут. Известно, должно быть, сотни случаев в мировой истории, когда вид уничтожал сам себя, чрезмерно размножившись.

— Надеюсь, вы правы... — сказала Камилла, однако без убежденности в голосе.

Мы снова принялись за работу. Следующие двадцать ярдов преодолевали не быстрее предыдущих. И вдруг совершенно неожиданно мы вышли на тропу и остановились, не веря своим глазам.

Тропа тянулась с востока на запад, пересекая нашу под прямым углом. К тому же этой тропой часто пользовались, и совсем недавно. Мы стояли и глядели на простирающийся перед нами отрезок, справа и слева исчезающий за поворотами.

— Робинзон Крузо и след человеческой ноги на песке, — пробормотала Камилла. — А ведь разве кто-то из детей не говорил, что...

Она не успела договорить, как кусты перед нами раздвинулись и оттуда показались два черных лица и два нацеленных на нас копья.

Секунду мы просто недоуменно глядели на них. Потом я крепко ухватил ручку мачете. Нацеленное на меня копьё качнулось.

— Брось на землю, — произнес голос.

Я помедлил и увидел, что копьё качнулось снова. И бросил мачете. Бросила и Камилла. Сзади послышался шорох листьев под чьими-то ногами. К мачете протянулись темнокожие блестящие руки и убрали ножи с тропы. Эти руки легкими похлопываниями обыскали нас. Одна из них наткнулась на револьвер Чарлза в кармане Камиллы и забрала его себе. Наконечники копий оставались направленными на нас, но хватка на их древках несколько ослабела. Обладатели копий вышли на тропу.

На обоих мужчинах были только набедренные повязки, на ногах — похожая на мокасины обувь, а на поясе — ремни, за которые были заткнуты мачете, кроме того, на ремешках болтались еще два или три коротких копья. Больше всего бросался в глаза необычный блеск их кожи. От курчавой макушки до самых пяток туземцы сияли, будто покрытые шеллаком. Средство, которым они натерлись, издавало сильный и резкий, хотя и не отталкивающий запах.

Один из них, не опуская копья, протянул вперед левую руку. Из-за наших спин сияющая коричневая рука подала ему револьвер. Мужчина отступил на шаг, вставил копьё в ременную петлю и с удовлетворением стал разглядывать револьвер. Убедившись, что он полностью заряжен, мужчина снял его с предохранителя и, направив дуло на меня, качнул им вправо.

Возражать было бессмысленно. Мы повернули в указанную сторону и пошли по тропе, ведущей на восток.

За первым поворотом голос приказал нам остановиться, и мы повиновались. Рядом с тропой лежало четыре небольших тюка размером с мешок. Мне показалось, что они были изготовлены из сплетенных без зазоров пальмовых волокон.

Пока у нас за спиной о чем-то совещались, мы стояли и ждали. Друг я почувствовал, как Камилла, стоявшая слева и немного позади, толкнула меня локтем, а когда оглянулся, то увидел, что она уперлась взором в один из тюков. Я было удивился, но тут заметил, что тюк лежал не совсем неподвижно. Он как бы слегка пульсировал. Посмотрев на него еще немного, я уже почувствовал уверенность, что внутри тюка не прекращалось какое-то расправлявшее его движение. Я бросил взгляд и на остальные тюки — было заметно, что внутри их что-то тоже слегка шевелится.

— Что?.. — зашептал я, но тут спор позади нас закончился.

Нам быстро завели руки за спину и крепко, хотя и не до боли, связали в запястьях.

— Вперед, — скомандовал голос.

Когда мы двинулись, я оглянулся.

Один из островитян шел с револьвером в руке в паре шагов за нами. А остальные трое перекидывали тюки себе за спину; четвертый тюк оставался лежать на месте.

Я с горечью подумал, что наша встреча произошла абсолютно случайно, и нам просто не повезло, что островитяне проходили мимо, когда мы были поглощены работой. Они, вероятно, услышали треск ломающихся под ударами наших мачете ветвей и, сложив свой груз у тропы, решили выяснить в чем дело. Устроив несложную засаду и захватив нас, они теперь оставили одного для присмотра за пленниками и втроем продолжили свой путь на запад. Непонятнее всего было то, что нас уводили в противоположном направлении, во владения пауков.

Примерно через четверть мили мы повстречали первую стаю. Наверно, она притаилась неподалеку от тропы, по-

тому что выскочила из укрытия в нескольких ярдах впереди и устремилась к нам.

— Остановитесь, — приказал голос сзади.

Мы повиновались. Пауки ринулись вверх по нашим ногам. Как и прежде, не добежав до колен, они соскочили. Наш конвоир явно наблюдал за этой сценой, потому что я слышал, как он что-то буркнул про себя. Затем он сказал: «Вперед!»

Но Камилла повернулась к нему.

— Сетка, — сказала она, мотнув головой в попытке скинуть ее с полей шляпы вниз.

Островитянин секунду непонимающе смотрел на нее, потом понял. Он подошел к ней и, по-прежнему держа пистолет в правой руке, левой освободил зацепившуюся за край сетку. Пока он это делал, я успел заметить, что пауки даже не пытались напасть на него. Они остановились в четырех-пяти дюймах от его ног и откатывались назад. Масло, которым он был натерт, явно действовало на пауков гораздо сильнее, чем наш инсектицид.

Обернувшись ко мне, островитянин опустил и мою сетку, свободно повисшую перед лицом. Потом мы пошли дальше.

Вскоре на нас кинулась новая стая, потом еще и еще. Затем они стали попадаться через каждые несколько ярдов. Два раза пауки посыпались с нависших кустов. Будь мы без сеток, они уже обволокли бы нам лица своей массой; даже и теперь было несколько неприятных моментов, прежде чем они отцепились и прыгнули.

Мы шли дальше, и я постепенно понял, что наша тропа, как и та, по которой мы пробивались с Камиллой, была старой и еще недавно заросшей. Я не мог воспользоваться компасом, чтобы сориентироваться, однако решил, что она уклонялась примерно на несколько градусов севернее. Она была намного шире и просторнее, поэтому расчистить ее было проще.

Вскоре я начал замечать в кустах по обеим сторонам нити паутины. Сначала они попадались нечасто, но очень скоро мы достигли местности, где они были уже сплетены в небольшие полотнища, похожие на гамаки неправильной формы, и перекидывались между ветвями одного куста или между соседними кустами. Эти гамаки встречались гроздьями; каждая гроздь, по-видимому, принадлежала группе пауков, которые сидели около своих ловушек, готовые в любой момент наброситься на попавшую туда добычу. В почти лишенной насекомых местности вероятность, что в их гама-

как что-нибудь запутается, казалась ничтожной, да я и не видел, чтобы туда попалась хоть мошка. Однако пауки сидели, приготовившись терпеливо ждать.

Когда мы проходили поблизости и они замечали нас — видели или как-то по-другому реагировали на наши движения, то сразу же срывались с места и спешили к нам по веткам или по земле наперерез. Но чаще всего не успевали добежать.

Потом низко подвешенные паутинные гамаки стали попадаться реже. Их сменили более плотные и широкие, прикрепленные к ветвям деревьев в десяти—двенадцати футах над землей — здесь в гамачки поменьше и пониже и по-прежнему ничего не могло попасть.

Наконец мы вступили в такие края, где эти большие гамаки уже не перекидывались между деревьями. Они свисали клочьями, которые слегка колыхались от движения воздуха. Казалось, весь лес обвесили шелковыми лохмотьями.

Камилла, шедшая впереди, остановилась и огляделась кругом.

— Жутко, — сказала она. — Лес, завешанный сава-нами.

В тишине леса ее голос прозвучал очень громко. Мне пришло в голову, что призрачный вид окружающему отчасти придавал тусклый, рассеянный свет, и я посмотрел наверх. Неба видно не было. Вершины деревьев исчезли в пропускающем свет беловатом тумане, и тут я понял, что мы, должно быть, находимся теперь под белой пеленой, которую наблюдали еще с берега.

Казалось, весь лес целиком покрыли тентом. Паутина непрерывным покрывалом соединяла вершины деревьев, и сами пауки тоже поднялись наверх. На земле их не было, и довольно давно, как я теперь понял.

Кругом царила жутковатая тишина полностью покинутого места. Все существа, даже пауки, оставили здешние леса, где остались расти только травы, кусты и деревья. Никакого живого движения — лишь колыхание оборванных полотнищ паутины.

— Вперед, — снова подал голос сопровождающий.

Теперь местность начала подниматься, но еще примерно полмили вид леса вокруг не менялся.

Только однажды я уловил движение. Нашу тропу пересекла чья-то тень. Взглянув наверх, я увидел темное пятно,

медленно скользящее по белому покрывалу, — стая пауков промышляла добычу в своих горных владениях.

Неожиданно деревья кончились. Мы вышли на открытый холмистый склон, поросший густым стелющимся травянистым кустарником, доходившим нам до колен и похожим на вереск. На краю леса нам опять встретились стаи охотящихся пауков, а первые несколько футов кустарника густо обтягивала паутина, но дальше ее не было. Особенности ли почвы были тому причиной или какие-то свойства «вереска», или высота, или здесь паукам уже совсем ничего не попадалось — неизвестно, как бы то ни было, вскоре они совсем перестали встречаться.

Мы продолжали взбираться по склону Мону, южной из двух вершин, пока не достигли края кратера. Там наш похититель позволил нам сесть и немного отдохнуть.

С этой точки был виден почти весь Танакуатуа, и нашему взору открылся самый захватывающий из виденных прежде и самый необычный вид. Все восточное побережье острова до той точки, где северная вершина заслоняла его от нас, было затянуто чуть сверкающим полотнищем паутины, которое простиралось на юг и языком выдавалось на север между горой и лагуной. Создавалось впечатление, что паутина как бы вытекла с востока, обогнула гору, а теперь ее северный рукав покрывал уже около половины расстояния между горой и поселком. Там он обрывался. Полоса незатронутого пространства, отделяющего его от поселка, составляла примерно полторы мили в ширину, свободно от паутины было и все западное побережье. Как далеко она вдавалась с востока в северную часть, мы не могли видеть, но было ясно, что покрывала она не меньше половины всего острова.

Паутинное покрывало будто натянули, а потом бросили на неровную поверхность, и оно вспучилось в тех местах, где с земли поднимались деревья, а складки его отблескивали на солнце. Покров не везде был сплошным. Местами, как оторванные от большого савана и разбросанные вокруг клочки материи, белели отдельные пятна, а за проливом, словно желая показать, что вода — не преграда, на островке Хтнуати виднелось несколько небольших участков паутины.

Наш конвоир, сидевший рядом, заметил выражение наших изумленных глаз. Он ухмыльнулся, но ничего не сказал.

В двух или трех местах, как и в предыдущие дни, к небу поднимались слабозазначенные паробразные колонны.

Камилла покачала головой:

— Астрономическое число. Просто представить невозможно, сколько их тут.

Мы перевели взгляд на лежащий под нами кратер. Он оказался более широким и мелким, чем я предполагал; удивило и то, что трава и даже небольшие кусты росли на его внутренних склонах почти до самого дна. Там, окруженное кольцом голого камня, klokотало грязевое озеро.

Вернее, я употребил привычное выражение, а это озерцо лениво вздувалось и спадало. Его поверхность неуверенно подрагивала, как на кадрах замедленной съемки, словно оно нехотя собиралось с силами для некоего действия. Порой оно начинало выдувать большой пузырь, будто всей своей энергией. Куполообразный пузырь вызывал беспокойное ощущение. Невозможно было следить за его ростом и не чувствовать, как внутри нарастает напряжение в ожидании взрыва. Лопался пузырь очень невзрачно: негромкий усталый хлопок, и вокруг на несколько футов разлетающиеся брызги. После этого озерцо некоторое время колыхалось, а перед тем как начать новый пузырь, оно для практики выдувало несколько мелких.

— Любопытно, — сказала Камилла. — Как и множество естественных процессов, это немного отталкивающее зрелище, но мне вдруг стало понятно, как такое явление может стать священным. Неискушенному уму оно вполне способно показаться живым или почти живым, хотя и иным по сравнению с другими живыми существами образом. Оно просто существует — можно себе представить, что оно вот так вздымается и опадает уже несколько столетий. Больше ничего не происходит, и все же внутри нарастает напряжение ожидания, как будто озерцо способно на большее и в любой момент может проявить себя по-иному. Неудивительно, что люди испытывали склонность обожествлять их.

Мы посидели еще немного, наблюдая, как в грязи набухали пузыри, похожие на набиваемые едой животы каких-то мерзких существ, и хоть в нас вздымалось отвращение, все же мы завороченно ждали, пока они с хлюпаньем лопнут. Казалось, наш похититель тоже не может отвести глаз от пузырей. Немного погодя он все-таки встал и движением руки с пистолетом велел подняться и нам.

Мы шли по кромке кратера до седловины, соединяющей его со второй вершиной. Тут мы повернули налево и зашагали по гребню. По жесткой пружинящей траве идти было легко. В центре седловины из камней был сложен

прямоугольный постамент примерно трех футов в высоту, по-видимому, намеренно расположенный под небольшим углом к гребню. Мы с интересом смотрели на него. Это было первое сооружение прежних обитателей острова, попавшее нам на глаза со времени высадки, а вполне возможно, что оно было и единственным. Возведено оно было тщательно, а сверху накрыто двумя плоскими камнями.

— Уж не алтарь ли это? — предположила Камилла.

Когда мы поравнялись с постаментом, сомнения отпали. Сверху на нем была темная запекшаяся кровь.

Останавливаться и рассматривать его времени не было. Наш конвоир провел нас без задержки мимо.

В голову мне пришла малоприятная мысль. Я сначала не решался высказать ее, но потом обратился к Камилле:

— Не кажется ли вам?..

Камилла оборвала меня. По-видимому, у нее раньше моего возникло такое предположение.

— Нет. Эта кровь тут уже неделю, не меньше. Кроме того, ее не так много. — И помолчав, добавила: — Все же интересно, что они могли тут найти, чтобы принести в жертву?

Гребень кончился. Перед нами лежал склон, по которому надо было взбираться вверх около двух сотен ярдов. А там мы оказались на краю северного кратера.

Он явно бездействовал уже очень давно. На каменных осыпях, скатившихся со стен, осела почва. Стены подернулись растительным покровом, а дно густо поросло кустарником, над которым возвышалась рощица деревьев. Каменная тропинка уступами вела к ней по стене кратера.

Мы дернулись от громкого крика охранника, гулко отозвавшегося от противоположной стены.

Скоро из-за деревьев показались два темнокожих человека и остановились у начала тропинки, глядя вверх.

Охранник прокричал что-то непонятное и получил не менее непонятный ответ. Заткнув за пояс пистолет, он достал оттуда мачете. Им он разрезал путы на наших руках, а потом подтолкнул нас к тропинке.

Это было великодушно с его стороны. Путь был крут, местами очень труден. Я вряд ли смог бы преодолеть его со связанными руками.

Спустившись, мы направились к тем двоим, что все еще ожидали нас. Одного из них я узнал сразу. Он был самым старшим из набранных в Уияньи людей. По седине в курчавых волосах я его и отличил. Без этого в одной набедренной

повязке, да еще с костяным украшением в носу теперь я не смог бы его узнать. На груди туземца желтой краской был нанесен узор, похожий на грубо выполненный геральдический герб. В центре располагалось грушевидное пятно. От него в разные стороны отходили восемь палочек с крючками на концах. Смысл рисунка был мне непонятен, пока я не заметил, что взгляд Камиллы застыл, устремленный на желтые линии. Потом она подняла глаза, в которых светился вопрос, на лицо мужчины. Тогда я снова присмотрелся к узору и вдруг сообразил, что это такое: передо мной было по-детски выполненное изображение паука.

ГЛАВА 7

Человек со знаком паука быстро глянул на нас, потом обратился с вопросом к нашему конвоиру. Сосредоточенно выслушал ответ, задал еще несколько вопросов и отдал распоряжение своему спутнику. Тот сделал шаг вперед и ухватился за мой рюкзак.

Протестовать было бессмысленно.

Они обнаружили пульверизатор, понюхали его, понимающе кивнули, отвинтили крышку резервуара и вылили содержимое на землю. Потом нашли запасную банку с инсектицидом и тоже вылили. Остальное их не заинтересовало. С пульверизатором из рюкзака Камиллы они распрощались таким же образом и выбросили его.

Человек с рисунком на груди снова посмотрел на нас. Он подошел ближе, поднял мою руку, понюхал рукав и кивнул головой.

— Снимите одежду, — велел он по-английски. — Вы тоже, — добавил он, глядя на Камиллу.

Когда мы в нерешительности замешкались, наш похититель угрожающе повел мачете. Ничего не оставалось, как повиноваться. Нам разрешили остаться в трусах. Оставили и обувь.

Третий мужчина связал нашу одежду в узел и понес к деревьям. Человек со знаком паука обернулся к нашему конвоиру и сказал что-то, протянув к нему руки. Тот несколько неохотно вынул из-за пояса револьвер, отдав его, махнул рукой на прощание и отправился в обратный путь вверх по тропинке. Прежде чем водворить револьвер себе за пояс, человек со знаком удовлетворенно осмотрел его. Не

сколько мгновений он пристально глядел на нас, потом отвернулся и, ни слова не говоря, направился к деревьям, оставив нас одних.

Камилла села на землю.

— Вот так, — сказала она — Очень просто Очень действительно.

Прибавить к ее словам было нечего. Не было необходимости охранять нас. Без одежды, защищающей нас от пауков, мы не могли и пытаться вернуться тем путем, каким пришли сюда. Без мачете не было надежды пробиться на север и повернуть оттуда на запад в обход владений пауков, да и уверенности, что мы не наткнемся на них и там, тоже не было. Все, как и сказала Камилла, очень просто

Я опустил на землю рядом с ней, и так мы некоторое время сидели, молча обдумывая положение.

— Я этого не понимаю, — наконец тряхнула головой Камилла. — Они могли без труда убить нас. В лагере бы просто решили, что мы погибли от пауков. Почему они так не сделали?

— И вообще, для чего им было убегать с корабля и оставаться здесь? — задал я встречный вопрос.

Мы опять помолчали.

— Для чего им надо было носить пауков в тех тюках? — тревожно спросила она.

— Если это были пауки.

— Содержимое тюков шевелилось, что там еще могло быть? — нетерпеливо ответила она.

Мы поразмыслили немного и об этом. Потом я махнул на все рукой и потянулся за рюкзаком, который по-прежнему лежал там, где его бросили. Все, за исключением пульверизатора и инсектицида, осталось нетронутым: даже полевой бинокль не пробудил в наших похитителях алчности — утешение, правда, небольшое, потому что здесь, за стенами кратера, он был практически бесполезен. В рюкзаке лежало и то, что осталось от захваченной нами провизии. Я дал Камилле бутерброд и сам сжевал один. Потом мы разделили пополам плитку шоколада. Больше делить было нечего.

Солнце опустилось ниже. Наползла тень, отбрасываемая стеной кратера. Мы решили собирать под деревьями ветвей и листьев, чтобы соорудить себе ложе и хоть какое-то подобие укрытия на ночь. В результате получилось нечто весьма далекое от комфорта. Хотя мы набросали на ветки листьев, они все же выпирали, впиваясь в тело. Кроме того, тут не было пауков, но именно поэтому водились насекомые

Да и наши попытки укрыться листьями, вернее, остаться под этим рассыпающимся покровом, оказались безуспешными.

Вскоре после наступления ночи двое островитян разожгли костер. Мы лежали и целый час смотрели сквозь ветки на отблески огня. Камилла беспокойно ворочалась. Вдруг она села, выпрямившись.

— К черту! Будь что будет, но я намерена согреться у костра.

— Нельзя этого делать, — возразил я. — Вас могут. то есть, я хочу сказать, что могут возникнуть неприятности. Она поднялась с земли.

— Мне все равно, — заявила Камилла. — Хуже, чем сейчас, уже вряд ли будет, — и она зашагала к костру.

Мне пришлось следовать за ней.

Оба островитянина сидели у костра, уставившись на огонь. Они не могли не слышать нашего приближения, но обратили на это не больше внимания, чем если бы нас не существовало вовсе. Камилла продолжала идти, не сворачивая. Даже когда мы подошли совсем вплотную, островитяне не пошевелились, казалось, они не видят нас. Мы приблизились к костру с противоположной от них стороны. Камилла с уверенностью, которой я мог только позавидовать, сразу села и протянула ладони к огню. Я следом сделал то же самое, желая выглядеть столь же спокойным, как и она. Оба мужчины даже не шелохнулись.

Через несколько минут один из них наклонился вперед и помешал сучком что-то разогревавшееся в консервной банке. Когда он снова отклонился назад, я почувствовал, что человек со знаком паука, сидевший неподвижно, следит за нами глазами.

Я попытался разглядеть выражение его лица, но пляшущие блики костра и проткнутый костяной шпилькой нос довольно сильно затрудняли мою задачу. Взгляд его глаз, сверкавших в отблесках пламени, был пристален и неподвижен. Я решил, что выражение их было скорее задумчивым, чем опасным.

Через томительно-долгий промежуток времени, кончив присматриваться к нам, он без предисловий спросил

— Зачем пришли сюда?

Камилла снова протянула руки к огню

— Чтобы согреться, — сказала она.

Не изменив выражение лица, он сказал:

— Зачем пришли на Танакуатуа?

Камилла внимательно посмотрела на него:

— А вы почему здесь? Разве Танакуатуа для вас не табу? Для нас он не табу

Мужчина нахмурил брови:

— Танакуатуа табу для всех — и мужчин, и женщин. Мы пришли, только чтобы помочь Сестрицам. Это дозволено — Он нахмурился еще больше и продолжил: — Танакуатуа — наш остров, наш дом, наша земля.

Камилла мягко возразила:

— Нам дали понять, что остров куплен Британским правительством, которое продало его нам.

— Танакуатуа отобрали у нас обманом.

Камилла заинтересовалась.

— Как вас обманули? — спросила она.

Мужчина ответил не сразу. Он оценивающе посмотрел нам в глаза, как бы решая, стоит ли посвящать нас в эту историю. И решил все же рассказать.

— Это было во времена Ноики — моего отца... — начал он.

Рассказывал он на английском, а встречающиеся иногда не совсем правильные фразы и незнакомые обороты придавали его речи особую волнующую окраску. Так, у костра, куда второй островитянин время от времени подбрасывал сучья, мы впервые услышали о Проклятии Ноики и его жертве. Повествование было, как и следовало ожидать, отмечено несколькими смещенными акцентами, но Наита — так звали рассказчика — вел его искренне и с большой эмоциональной силой. Сведения, которые нам удалось раздобыть позже, разнились от представшей тогда перед нами картины весьма незначительно, да и то лишь во второстепенных деталях — отличала их в основном точка зрения на происходившее.

История была длинная, однако начав, Наита уже не отвлекался. Дважды соплеменник предлагал ему поесть сготовившегося в банке блюда, но оба раза Наита отмахивался от еды, и тот, пожав плечами, снова ставил банку на угли. И только поведав нам все до конца, обрисовав отплытие четырех последних танакуатуан на каноэ с проклятого острова, он взял эту банку и начал есть.

Мы сидели молча и ждали, пока он доест, потом Камилла сказала:

— Но ведь в таком случае, если вы сами не могли больше жить на Танакуатуа, вполне естественным и единственно разумным решением было бы продать остров.

Наита бросил на нее мрачный взгляд.

— Мы не продавали, Танакуатуа наш, — сердито сказал он и принялся объяснять дальше, что им выплатили пособие, возмещавшее убытки. Правительство, которое выманило их с острова и, следовательно, было виновато в наложении проклятия, поступило только верно, предоставив им другой остров, где можно было жить, но из этого еще вовсе не следует, что они продали свой остров. Ни они сами, ни кто-либо другой не могли жить там — так зачем им продавать его, и как кому-нибудь вообще может прийти в голову купить его? Он был бесполезен, поэтому любому здравомыслящему человеку ясно, что его никто не покупал. И хотя никакого прока в нем больше не было, он все же не перестал быть их родным островом. Завоевали остров они, и закрепились на нем, и освоили его они, там покоятся кости их предков. С жизнью в изгнании они мирились, пока не узнали, что правительство снова обмануло их, продав Танакуатуа, хотя не имело на то ни малейших прав.

Тут он так разгорячился и стал говорить так путано, что я уже с трудом его понимал. Только позднее, путем терпеливых расспросов, мне удалось составить более или менее связную картину.

По всей видимости, новость о продаже Танакуатуа достигла Айму, где теперь жили танакуатуане, в виде слуха, но даже еще не подтвержденный, этот слух тут же пробудил сильные чувства. А после подтверждения в племени произошел раскол.

Кусаке, унаследовавший звание вождя от своего отца Татаке, был уязвлен, однако не давал настроениям управлять собой. Руководствуясь словами и примером отца, он усвоил себе качества, необходимые современному вождю. Он полностью осознавал, не в пример некоторым своим соплеменникам, что каковы бы ни были претерпеваемые ими притеснения, на них нельзя реагировать, как в прежние времена — современный мир неласков к романтически настроенным предводителям воинов. Легендарные герои принадлежали истории, которой можно гордиться, однако, поступать подобно им, достойным почитания, не стоило. И задача вождя в годину бедствий — сохранить племя от распада, чтобы было кому передавать легенды прошлого, когда судьба снова повернется к ним лицом. А пока вождю следовало быть в основном политиком, а не военачальником, воинам же его — прилежными работниками. Доблесть надлежало скрыть за хитростью, благородную ярость сми-

рять холодной решительностью. Огонь гордости и веры должен гореть в душах неугасимо, но снаружи его разумнее будет заслонить от чужих глаз как бы закопченным ламповым стеклом.

Собственные чувства Кусаке относительно продажи Танакуатуа были сложны, однако как политику ситуация ему была совершенно ясна: Британское правительство не только лишило их родины, но и продало ее за гораздо большую сумму, чем уплатило им в качестве компенсации, прилично поживившись на этом. Правительство повинно в мошенничестве, так как продало остров-табу покупателю, который никогда не сможет воспользоваться своим приобретением. Все это дело было вопиющим безобразием с разных точек зрения. Поразмыслив над этим, Кусаке остановился на двух планах — А и Б. План А — обратиться в органы юстиции и получить юридическую консультацию. Если же там ничего дельного не посоветуют, то приступить к выполнению плана Б, согласно которому следовало известить о случившемся тех членов оппозиции, чьими стараниями их перевезли из резервации на Айму, с тем чтобы они подняли этот вопрос в парламенте.

Но, к сожалению, как ни трезв и правилен был подобный подход с политической точки зрения, он претил наиболее решительным из подданных Кусаке, и недовольные сплотились вокруг Наиты.

Наита — сын Нокики — в молодые годы как раз был одним из тех троих мужчин, кто оставался с Нокики на Танакуатуа до конца. Поэтому он пользовался должным уважением среди соплеменников и стал через некоторое время, унаследовав место отца, главным знахарем племени.

Отвращение, возбужденное в нем продажей острова, было так велико, что он пошел дальше: вождя, заявив, что Танакуатуа никогда совсем и не был собственностью государства. Он утверждал, что компенсация была вовсе не уплатой за покупку, а откупом за нанесенный ущерб, так как именно государство было повинно в том, что над Танакуатуа теперь тяготело табу.

Кроме того, выступление Нокики в защиту родовых богов и его самопожертвование сделали остров хоть и запретной, но навсегда священной землей племени, а для людей клана Нокики — вдвойне священной.

И если принять все это во внимание, то предлагаемое Кусаке решение, которое, даже если требования островитян и удовлетворят, выразится лишь в малоутешительной денежной

подачке, представало мелким и никчемным. Наита был истинно потрясен самой возможностью превращать честь и священные места предков в предмет сделки. Подобное оскорбление заставит души предков застенать от отчаяния в Стране Блаженных. Настало время действовать.

Танцующая-На-Волнах — женщина, почитаемая как та, что сплела Нокики погребальную циновку, — придерживалась несколько иного мнения. Известно, говорила она, что теперь любого ступившего на землю Танакуатуа человека поразит ужасная смерть. Накаа выполнил просьбу Нокики. Поэтому нет надобности предпринимать какие-либо действия в этом направлении, как предлагает Наита. Теперь важно, настаивала она, показать, насколько сильна и крепка их вера в Накаа; пришла пора отдать ему должное, выразить свое благоговение и почтение, искупить свои прегрешения, вину тех, кто поддался на соблазны бога белых; покаяться в недостатке веры, лишившем их сил, необходимых для защиты своего острова, что и послужило причиной того, что на него легло проклятие Нокики; и испросить справедливого возмездия для врагов.

В ответ на это Наита сказал, что оставлять исполнение возмездия одному Накаа — значит еще раз выказать себя робкими и нерешительными людьми. Если и дальше не вмешиваться в ход событий, пока пришельцы оскверняют своим присутствием священную землю и топчут могилы предков, то не надо удивляться, если придется перенести новые, еще большие испытания. Теперь необходимо продемонстрировать действием веру в законы Накаа, свершить посвященные ему поступки, действовать не от своего имени, а от лица Накаа, чтобы вернуть себе благосклонность прежних богов и пробудить радость в душах предков.

Люди старые и средних лет придерживались либо стороны Кусаке, либо Танцующей-На-Волнах. Молодежь тоже разделилась во взглядах, но по-иному. Некоторые молодые мужчины, как жаловался еще Татаке, во всем разочаровались, ни во что не верили и к развитию событий относились скептически, хотя и не прочь были получить денежную компенсацию посущественней: но были и другие, которых притягивали речи Наиты, и они вместе с ним обсуждали планы будущих действий.

Одним из камней преткновения было отсутствие денег. На рассмотрение Кусаке и старейшин было предложено несколько планов. Каждый натывался на безоговорочный

отказ, и в результате стало ясно, что надеяться на казну племени не придется.

— Прекрасно, — заявил Наита. — Они в своей робости показали нам, как сейчас обстоят дела. Наши доблестные предки не нуждались в деньгах — этой выдумке белых. Их богатством была благосклонность богов. Поэтому поступим подобно им. Будем молить богов о руководстве в пути. Если мы докажем крепость нашей веры, они подскажут, как стать орудием их мести.

Много месяцев боги, казалось, были глухи к их молитвам. И вот пришла весть, что вербовщик в Уияньи пытается набрать людей для высадки на Танакуатуа. Неудивительно, что, зная о репутации острова, люди не поддавались на его посулы.

Прослышав об этом, Наита погрузился в размышления, а потом возблагодарил богов за то, что они подсказали ему путь.

Вечером того же дня он созвал соплеменников и изложил новый план. Об этом плане Наита поведал нам в беседе у костра как-то путано, и мы мало что поняли. Кроме одного, что и вызвало недоумение у Камиллы.

— Вы по своей воле приехали на остров-табу. Я этого не понимаю.

— Накаа понимает, — кивнул Наита с серьезным видом. — Он знает, что здесь мы только для того, чтобы выполнить его волю. Помочь Сестрицам. Мы не собираемся здесь поселиться. Это он позволяет, и потому мы в безопасности.

— Ясно: разрешение на отступление от правил, — вполголоса проговорила Камилла. — Всегда есть способ обойти правила...

Наита ничего не ответил на это. Он пристально посмотрел ей в глаза и повторил тот вопрос, который задал в самом начале:

— Теперь расскажите, зачем вы сюда приехали?

— Хорошо, — согласилась Камилла и в общих чертах обрисовала ему Проект.

Насколько он понял изложенное, судить было трудно. Слушал Наита, не выдавая чувств ни единым движением, безотрывно глядя в огонь. Я же воспринимал ее слова с ощущением какой-то отрешенности. План, который казался таким продуманным и осуществимым дома, когда его подкрепляли внушительные средства лорда Фоксфилда, со времени нашей высадки постепенно становился все более и

более нереальным. Теперь он потерял былой смысл и стал не вещественнее пустых мечтаний.

Камилла закончила свой рассказ объяснением причины выбора Танакуатуа в качестве места, где община сможет обрести новый образ жизни, не боясь чужого вмешательства.

Когда она замолчала, Наита поднял на неё взгляд и медленно покачал головой.

— Нигде в мире не осталось такого места. Нигде больше.

— Возможно, вы и правы, — согласилась Камилла, — но мы думали, что нам удастся на маленьком острове, затерянном в океане...

— Вам известно о табу, но вы не посчитались с этим. Белые люди смеются над табу, я знаю. Это глупо, очень глупо. Вы не знали о Сестричках.

— Вы все время говорите о каких-то Сестричках. Кто они?

Наита молча указал себе на грудь, где виднелись желтые линии.

— Ах, пауки. Нет, о них мы не знали. Почему вы называете их Сестрицами?

— Потому что они мои Сестрички. Накаа произвел их из тела моего отца, Ноики. Они сестры и братья для меня.

Наита остановился. Камилла воздержалась от замечаний. И он продолжил:

— Они — посланцы Накаа. Он наслал их на мир, чтобы наказать его. Как некогда он изгнал мужчин и женщин из Блаженной Страны, теперь он хочет изгнать их из мира. Это его месть, а Сестрички — исполнители этой мести. Пока они живут только на Танакуатуа, но Накаа научил их летать. Они уже разлетаются вместе с ветром, который разнесет их по всему свету.

Камилла наклонила голову:

— Да, мы это видели.

— Там, где они опустятся на землю, они станут плодиться, а когда размножатся повсюду, то распространят табу с Танакуатуа на весь мир. Так свершится месть Накаа.

Камилла поразмыслила, потом тряхнула головой:

— Я все же не понимаю: месть за что?

— За недостаток веры, — сказал Наита. — В прежние времена люди повиновались воле Накаа — судьи и учредителя законов. Они чтити свои тотемы, оберегали святилища, почитали кости предков, выполняли похоронные обряды по его наказам, чтобы в день, когда их собственные души предстанут перед его судом, он не задушил бы их и не

бросил на колья в Ямы, а открыл врата Страны Теней, где они смогли бы вечно жить счастливо

Из поколения в поколение праведные люди и их потомки повиновались этим законам, и, благодаря их вере, души этих людей отправлялись в Страну Блаженства, остальные же — в Ямы. А потом пришли белые люди. Они принесли с собой зловещее оружие, дурные болезни, зло денег и зло алчности. Но хуже всего было, что они разрушили веру, показав, что все злое и дурное сильнее достойного и добродетельного. Они не повиновались ни законам Накаа, ни обычаям мужчин и женщин, и все же их не поражало несчастье. Несмотря на сосредоточенное в них зло, могущество их не убывало.

Видя это, многие из наших начали испытывать сомнения. Они потеряли веру в законы Накаа, в свои традиции и обычаи, потеряли веру в себя. Они перестали быть гордым и смелым народом, в путанице мыслей и чувств став робкими и слабыми. Они не понимали, что это Накаа проверяет их, столкнув лицом к лицу со злом, и что они не выдерживают испытания.

Но Накаа, сидя у врат, ведущих в Страну Теней, наблюдал за ними. С каждым годом все меньше и меньше душ пропускал он туда и все больше отправлял в Ямы. Когда до него донеслась просьба Нокики о наложении табу на Танакуатуа, он вынес решение. Люди оказались бесполезными. Сначала он изгнал их из Страны Блаженства, потому что наши предки ослушались его, теперь он изгонит нас из этого мира; поэтому он велел Сестричкам исторгнуться из тела Нокики и погубить всех людей.

— День Великого Суда, — задумчиво проговорила Камилла.

Наита покачал головой.

— Накаа уже вынес решение, — сказал он. — Теперь настал День Исполнения.

— И все же я не понимаю, зачем вы здесь, — снова сказала Камилла.

— Среди нас есть еще чтящие законы Накаа, те, кто может не упасть в Ямы по дороге в Страну Теней. Мы с благоговением принимаем решение Накаа и выполняем его волю, чтобы, когда настанет и наш день предстать перед его судом, он сказал: «Вы были моими верными слугами», — и открыл нам путь. Вот почему мы пришли сюда — помочь Сестричкам.

— Как же вы это делаете? Они вроде прекрасно обходились и без вашей помощи, — продолжала настаивать Камилла.

— Когда вы повстречали Сестричек, то захотели бы послать о них сообщение и попросить помощи, чтобы расправиться с ними. Белые люди — умные люди, — признал Наита, — и, может, нашли бы способ уничтожить Сестричек. Или вы могли бы вернуть обратно корабль, чтобы избежать табу — и исполнения воли Накаа. Мы не дали этому случиться. Мы предоставили Сестричкам время, чтобы они могли сильнее размножиться и разлететься по свету. Мы позаботились о том, чтобы нарушители табу были наказаны.

Камилла несколько секунд разглядывала его лицо.

— Вы хотите сказать, что это вы разбили радиопередатчик?

Наита кивнул.

— Так было нужно, — коротко сказал он и, немного помолчав, добавил: — Теперь, когда вы мне рассказали, почему вы пришли на Танакуатуа и что вы собирались тут делать, я понимаю, почему Накаа хотел, чтобы мы помогли здесь Сестричкам. Это хорошее дело.

— О, — уклончиво произнесла Камилла.

Наита кивнул.

— Белые люди, — сказал он, — обрушились на нас как проклятие. Они ничего не уважали. Они разрушили наш образ жизни, попрали наши обычаи. Принесенные ими искушения смешали наши ценности. Их законы были законами их бога, а не нашего. Они понимали только земное, жизнь духа была для них закрыта. Белые несли зло, но все же победили, так как потеряна была наша вера. А без веры, без обычаев человек ничем не отличается от животного. Он становится ничем. Но Накаа справедлив и сделал так, что отнявшие у нас веру тоже будут страдать. Поэтому мы делаем доброе дело.

По лицу Камиллы было непохоже, что она уловила все повороты его мысли, но Наита, очевидно, счел сказанное последним словом. Он встал и, ничего больше не говоря, скрылся в небольшом шалаше, сплетенном из веток и листьев, стоявшем неподалеку. Его соплеменник уже давно незаметно удалился туда, пока мы беседовали. Я подбросил в костер оставшиеся сучья, и мы легли подле него, стараясь хоть ненадолго уснуть.

Проснувшись, я увидел, что Наита вместе со своим безымянным помощником сидят на корточках около своего шалаша. Они готовили еду. Состояла она из какой-то грубо размолотой массы, размешанной до кашеобразного состояния в консервной банке, куда каждый по очереди погружал пальцы.

Я услышал движение рядом с собой — Камилла тоже проснулась. Мы немного понаблюдали за островитянами.

— Не думаю, что стала бы есть эту дрянь, даже если бы они и предложили нам попробовать, — заметила она, — но от глотка воды я бы не отказалась. — И она, не задумываясь, встала и пошла к ним, чтобы попросить немного воды.

Наита, колебавшись, кивнул и сказал что-то своему помощнику. Тот наклонился вперед, открутил крышку канистры и налил воды в две скорлупы кокосового ореха, которые передал Камилле. Наита смотрел, как она брала воду из его рук.

— А теперь уходите, — сказал он, махнув прочь левой рукой.

Осторожно, чтобы не расплескать свои чаши из скорлупы, мы пошли обратно к оставленным рюкзакам, где позавтракали двумя последними плитками шоколада. Закончив, мы посмотрели друг на друга.

— Ну, что мы теперь будем делать? — спросила Камилла.

Я пожал плечами.

— Если бы нам удалось каким-то образом заполучить обратно нашу одежду, то у нас был бы некий шанс, — сказал я. — Ведь инсектицид еще не мог весь выветриться?

Она покачала головой:

— Я заметила свою пряжку от ремня в углях костра. Но выход должен быть!

Мы снова сели и стали пытаться отыскать его.

— Можно соорудить нечто вроде гелиографа. Чтобы сверкало в лучах солнца, — предложил я. — Вы знаете азбуку Морзе?

— Нет, — ответила Камилла.

— Я знаю, как передать SOS. Думаю, нам хватит.

— Да, если кто-нибудь из наших окажется на берегу достаточно далеко от кромки деревьев, чтобы заметить сигналы...

— Мы могли бы разжечь костер. Увидев дым, они поймут, что здесь кто-то есть. Потом мы можем попытаться передать сигнал

— Чем? — поинтересовалась Камилла.

— У нас есть фольга, в которую был завернут шоколад. Нельзя ли попытаться сделать рефлектор из нее?

Она с сомнением подняла фольгу с земли.

— Разве гелиографы не надо настраивать, наводить? Ведь нельзя просто размахивать этой фольгой и думать, что сигналы идут в нужном направлении.

— Думаю, нам удастся это сделать. Я установлю рефлектор. Потом вы встанете так, чтобы ваша голова оказалась на одной линии между ним и поселком. Когда отблеск попадет вам в глаза — значит, мы нашли правильное направление.

Камилла по-прежнему не выражала никакого энтузиазма.

— Все это так зыбко. Во-первых, им надо заметить сигналы. Потом найти верную тропу. По дороге они могут наткнуться на островитян, как это произошло с нами. И даже если им повезет и они все-таки сюда доберутся; им придется иметь дело с этими двоими, а у Наиты револьвер. Кроме того, вы так легко говорите об «установке» рефлектора, но как вы собираетесь это сделать? У нас ничего нет, даже перочинного ножа. Честно говоря, я не думаю, что из этого что-нибудь может получиться.

— Ну хорошо, тогда ваша очередь предложить что-то, — сказал я.

Мы продолжали сидеть и думать. Должно быть, примерно через полчаса мы услышали потрескивание веток под чьими-то шагами и, обернувшись, увидели двоих островитян.

Впереди шел Наита. На поясе у него висело мачете, туда же поместился и револьвер. Они оба несли в левой руке под мышкой короткие скатанные циновки. Бросался в глаза более сильный, чем вчера, блеск их кожи, как бы заново умащенной. Глаза Наиты на секунду задержались на нас, когда он проходил мимо по тропинке, рядом с которой мы сидели, но он не сбавил шага и не заговорил. Второй прошел, словно вовсе не заметив нас. От них исходил такой же резкий запах, что и от захвативших нас вчера островитян.

Мы глядели им вслед, пока они, поднявшись по крутой тропинке, не исчезли за краем кратера. Я перевел взгляд на

Камиллу — она недоуменно пожала плечами. И через некоторое время поднялась на ноги.

— Теперь, я думаю, можно хотя бы пойти и поискать — может, что и найдем, — сказала она.

Мы дошли до того места, где вчера горел костер, и стали там рыться. По разбросанным в великом множестве банкам нетрудно было определить их происхождение. Те же консервы я видел в наших запасах. Еще там был ящик, в котором осталось банок шесть солонины. Полмешка какой-то крупы грубого помола (верно, той, из которой они сегодня готовили завтрак) лежало прямо у порога шалаша вместе с запасом банок компота. В канистре все еще оставалось немного воды, но мы нашли еще одну канистру, поменьше, которая была совсем пустой. Она лежала на земле, потемневшей от уже успевшей впитаться жидкости, и было похоже, будто ее опрокинули нарочно.

Камилла подняла ее и понюхала горлышко. Поморщилась, потом взяла щепотку земли и понюхала ее тоже. Я взял у нее канистру. Она издавала тот же резкий запах, что и прошедшие недавно мимо нас двое островитян. Я кивнул.

— Это, должно быть, снадобье, отпугивающее пауков. Они не хотели, чтобы нам досталась хоть капля, — сказал я.

— Верно, — согласилась Камилла.

Она повнимательнее присмотрелась к влажному пятну. Жидкость впиталась почти досуха. Не стоило и пытаться добыть хоть толику.

— Не говорит ли это о том, что им это снадобье больше не понадобится, что они больше не вернутся сюда? — спросила она.

О такой возможности я не подумал.

— Действительно, похоже на то, — согласился я. — Если бы им еще нужна была эта канистра, они легко могли бы спрятать ее где-нибудь.

Она снова поднесла канистру к носу.

— Что же все-таки это такое? Что-то очень знакомое...

— Те, кого мы повстречали вчера, все были пропитаны этой вонью.

— Конечно, но я помню, что где-то еще слышала этот запах, только не столь сильный. Тогда я чуть было его не узнала...

— Важно выяснить — делали они это снадобье здесь или принесли в канистре еще откуда-нибудь, — сказал я. —

Если они изготовили его тут, должны остаться какие-то следы, которые смогут нам помочь.

Мы прочесали все вокруг, но ничего не обнаружили. Через час, разочарованные, мы сдались. Пока Камилла разжигала костер, я вышиб дно из банки с говядиной, и мы разогрели мясо в одной из пустых банок. Поели молча.

Потом Камилла нарушила тягостное молчание:

— Я пытаюсь представить, как они могли добыть эту жидкость. Сок маслянист. Значит, его надо было каким-то образом выдавить. Но пресса ведь у них не было... Как еще — самыми примитивными средствами — можно достичь нужного результата?

Кроме толчения пестом в ступе, мне ничего в голову не пришло. Так я и сказал.

— А если нет ни ступы, ни песта? — спросила она. — Тогда потребуется какое-то естественное углубление — лунка в камне? — Она обвела взглядом стены кратера. — Только здесь скальная порода выходит на поверхность. Давайте дойдем до того места, где тропка начинает взбираться вверх, и обойдем стену — разойдемся налево и направо, чтобы встретиться на той стороне.

Так мы и сделали. Правда, на успех я не рассчитывал. Через двадцать минут бесплодных поисков я уже начал склоняться к тому, что сок все же принесли с собой уже в канистре, когда крик Камиллы, многократно отразившийся от стен кратера, заставил меня поторопиться к ней.

Она действительно нашла то, что искала. Небольшое углубление в выступе скалы, расположенном не очень высоко над дном кратера. Когда я подошел, Камилла сидела на корточках и рассматривала остатки волокон какой-то растительной массы на склоне рядом с выступом. А на земле под ним лежал ствол молодого деревца, размочаленный на конце.

Я взобрался вверх, чтобы получше разглядеть находку. Естественная выемка подходила как нельзя лучше. Имелась даже бороздка, по которой сок мог стекать.

Камилла подобрала и протянула мне несколько кусочков раздавленных стеблей.

— И что же это, как бы вы думали? Я чуть не стукнула себя по лбу! Это те растения, что напоминают вереск, на склоне. И паукам они не понравились. Помните, на «вересковом» поле паутина покрывала только первые несколько футов?

Мы провели остаток дня за сбором этих похожих на вереск растений. Работа была тяжелая и двигалась довольно

медленно, потому что стебли растений были отнюдь не сочными, но все же до наступления темноты нам удалось добыть примерно три четверти пинты маслянистой жидкости.

— По всей видимости, должно хватить, — сказала Камилла, тщательно завинчивая крышку канистры, вставившей в себя плод наших дневных трудов.

Эту ночь мы спали спокойно, не испытывая неудобств. На следующее утро проснулись с рассветом и позавтракали компотом из банки. Потом Камилла взялась за драгоценную канистру с соком, добытую вчера. Она вылила немного жидкости в ладонь, понюхала ее и скривилась.

— Ну, попробуем, — сказала она и начала натираться.

Вскоре, сияя с головы до ног, издавая аромат, заглушающий все запахи вокруг, мы отправились в обратный путь, прихватив с собой рюкзаки.

Признаюсь, когда первая стая пауков, которую мы повстречали по дороге, устремилась к нам, мне стало не по себе, однако все опасения оказались напрасными. В нескольких дюймах от наших ног пауки остановились, покрутились немного на месте, а потом отступили. Камилла с облегчением вздохнула, и то, что она тоже до конца не была уверена в успехе и могла испытывать такие же опасения, как и я, меня несколько утешило.

— Пока все нормально, — сказала она. — Теперь, если мы больше не наткнемся на островитян, то должны дойти. Интересно, а как они узнали об этом снадобье?

— Если тотем вашего клана — паук, то весьма вероятно, что вы будете знать о пауках немало, — предположил я. — Мне достаточно того, что средство действует. Давайте не будем медлить и, пока оно еще не потеряло силу, — вперед.

Мы снова пошли по тропе под деревьями, покрытыми пологом из паутины. Теперь, когда мы были только вдвоем, царившая там тишина, отсутствие всего живого, медленное покачивание обрывков паутинных полотнищ придавали окружающему лесу еще более потусторонний вид. Обстановка действовала на психику невыразимо угнетающе. Идти здесь в одиночку было бы по-настоящему страшно.

Камилла ощущала это не в меньшей мере, чем я. Она сказала, инстинктивно понизив голос:

— Мили и мили такого же опустошенного леса. Все, что движется, стерто с лица земли. Страшно подумать... Как будто все эти сотни тысяч лет они ждали — терпеливо сидя возле своих сетей, ждали, чтобы что-то произошло и

наделило их силой... Надо было так мало, чтобы все коренным образом изменилось — всего-то способность действовать сообща... Тут поневоле задумаешься: а на что были бы способны мы сами, если бы действительно могли объединить свои усилия?

— Только порой действуя совместно, нам и так удалось немало разрушить, — сказал я. — Это место лучше любого аргумента действует против подобной эффективности. Пойдемте дальше, поскорее прочь отсюда.

Наконец безжизненный лес остался позади. Мы дошли до участка, где паутина опускалась ниже, где пауки по нависающим над тропой ветвям скатывались на нас сверху и отскакивали, будто обжегшись. Теперь, когда мы убедились в силе нашей защиты, даже их присутствие переносилось легче, чем полное безмолвие, стоящее под укутанными паутиной деревьями.

Вскоре мы уже пересекали пограничный район владений пауков, где их стаи рыскали по земле и разбегались во все стороны при нашем приближении.

Через несколько сотен ярдов не стало и их. А еще примерно через четверть мили мы оказались на месте, где на нас неожиданно напали островитяне.

Тут мы решили вернуться на свою тропу и пойти дальше уже по ней. По пути мы пока не заметили никаких примет, говорящих о близости островитян, но и не имели ни малейшего представления о том, куда вела их тропа и что нас ждало в ее конце. И продолжать двигаться по ней казалось ненужным испытанием судьбы. По той тропе, что расчищали мы с Камиллой, идти было не в пример труднее, но, чем дальше от проторенной широкой тропы мы уходили, тем спокойнее у меня становилось на душе. Через некоторое время мы ступили уже на тропу, по которой попали сюда и которая должна была вывести нас на берег.

Так мы вышли к лагуне. И сразу, как только выступили из-под деревьев, увидели за линией рифов небольшую лодку с поднятыми парусами, направлявшуюся на северо-запад.

— Странно, — сказала Камилла. Она достала из рюкзака бинокль и всмотрелась в суденышко. — Похоже на нашу лодку, только я никогда не видела ее с установленной мачтой. Над бортом видны несколько голов. — Она повела биноклем вдоль берега до того места, где обычно лежала наша лодка, вытщенная из воды. Там ее больше не было. Тогда она перевела взгляд еще дальше, к нашему временному лагерю.

— Не видно ни души, — встревоженно сказала она.

Мы свернули с тропы и пошли вдоль берега. На подходе к покрытым брезентом рядам ящиков я громко крикнул. Ответа не последовало. Никто не появился.

— Наверно, они работают в поселке, — сказал я неуверенно. И снова позвал...

Мы подошли поближе. По-прежнему не было заметно никаких признаков жизни. Казалось, место совершенно покинуто. Молча мы продолжали приближаться. В двадцати ярдах от лагеря Камилла вдруг остановилась и указала вперед. В нескольких шагах впереди на песке, как коричневая тень, лежало пятно. Оно задвигалось по направлению к нам.

— Нет, нет — нет! — воскликнула Камилла.

Я шел дальше. Стая пауков устремилась ко мне, но остановилась, не добежав до ног. Двигаясь дальше, я обогнул штабель ящиков. Оттуда можно было заглянуть под брезентовый навес, где временно располагалась мужская спальня.

В тени было трудно сначала что-либо различить. Но потом я увидел...

И отвернулся. Я смог отойти всего на четыре или пять шагов, прежде чем меня вывернуло наизнанку.

Камилла двинулась к навесу. Я замахал на нее руками.

— Не ходите туда, — успел сказать я и снова сложился пополам. Придя в себя, я отправился искать ее и нашел у стены ящиков.

Три стаи пауков были в футе-двух от Камиллы и пристально следили за каждым ее движением, но она не обращала на них никакого внимания, всецело поглощенная предметом, который держала в руках. Это был грубо сплетенный мешок, какой мы видели у островитян. Теперь он был пуст, распоротый сверху донизу одним движением.

Ее лицо повернулось ко мне, и наши взгляды встретились. Я знал, что она тоже вспоминает такой же мешок, лежавший возле тропы — только тогда он был полон и что-то слегка шевелилось в нем...

Я оглянулся вокруг и насчитал с дюжину валявшихся тут и там мешков, которые были разрезаны тем же приемом.

— Теперь понятно, что они имели в виду, когда говорили о «помощи Сестричкам», — произнесла Камилла едва слышно. Потом посмотрела на меня и спросила: — Они — все?..

Я кивнул. Тишина и воспоминание о том, что я увидел под навесом, не оставляли никаких сомнений.

— Наверно, они пришли ночью, и... — она закрыла глаза. — О, как ужасно, как ужасно!

В первый раз с тех пор, как я узнал ее, она потеряла самообладание. Я беспомощно стоял, опустив руки. Белый парус на горизонте почти исчез. Островитяне плыли домой, выполнив свою миссию. Люди, которые хотели уподобиться богам, встретились с равным соперником в лице Накаа, Судии. Этот высший законодатель выполнил просьбу Ноки-ки: на Танакуатуа по-прежнему оставалось лежать табу.

ГЛАВА 8

Примерно через неделю или, может быть, дней через десять (мы немного сбились со счета) появился самолет.

Мы с Камиллой были на строительной площадке, пыта-ясь достроить один из домиков, чтобы сделать его недо-ступным для пауков.

Мы достали себе новую одежду из запасов и заново вооружились пульверизаторами. Инсектицид был менее силь-ным средством, чем снадобье островитян, но достаточно безотказным, к тому же у нас его было несколько больших бочек. Первое, что мы предприняли, обильно полив друг друга инсектицидом, — обработали полосу в ярд шириной вокруг здания и уничтожили всех пауков, оказавшихся внутри зоны. Мы лишь отчасти преуспели в этом, потому что, во-первых, приходилось каждый день заново обраба-тывать защитную полосу, а во-вторых, какому-нибудь из па-уков время от времени удавалось, засев на кусте или дереве, перекинуть паутинку через эту полосу, и тогда они устрем-лялись по ней, как по мосту.

Можно было пройти на север по побережью туда, где еще не было пауков, но тогда сначала пришлось бы про-рубить тропу, потом на спине перетащить туда все припасы. К тому же мы не знали, сколько времени потребуется паукам, чтобы завоевать и ту часть острова. Не знали мы толком, и когда кончится сухой сезон, но понимали, что тогда потребуется хорошее укрытие. Поэтому мы все же решили, что лучше всего в нашем положении будет достроить дом, законопатить в нем все щели и соединения, сквозь которые могут проникнуть пауки, забрать сетями все окна, плотно подогнать двойные двери, чтобы иметь возможность отдохнуть и расслабиться хоть в одном месте.

Все эти дни мы жили в состоянии непрекращающейся осады, что порядком действовало на нервы. То ли наши перемещения, то ли визг пил и стук молотков привлекали пауков — сказать трудно, но они приходили и ждали. Они толпились живой колышущейся массой вдоль защитной линии, которую мы все время опрыскивали.

При нашем приближении пауки застывали. И стояли, плотно прижавшись друг к другу, как прибрежная галька и столь же неподвижно. На глаз их можно было принять за какую-то неодушевленную массу. Но каким-то иным чувством, помимо зрения, воспринималось напряжение туго скрученной пружины. И давило ощущение тысячи глаз, поджидающих подходящего момента для нападения. Можно было бросить в них горсть земли, но они стояли, не шелохнувшись, сгрудившись у невидимого барьера головами вперед, и немигающим взглядом неотрывно глядели на нас, пока комочки земли постукивали по их спинам. Мне уже стало казаться, что они приготовились ждать до тех пор, пока инсектицид потеряет силу и перестанет отпугивать их, чтобы ринуться потоком через линию этого невидимого барьера.

А мы, со своей стороны, всеми силами старались от них избавиться. Вечером стали поливать их бензином. Бензин паукам пришелся совсем не по душе, вносил смятение и панику в их ряды. Но на следующее утро прибывали новые, которые поедали подошедших накануне. Тогда мы стали поджигать бензин. И все равно на следующий день их становилось все больше...

Как я уже говорил, постоянное угрожающее присутствие действовало нам на нервы, я даже подумал, не может ли развиться на этой почве навязчивое состояние — нечто вроде арахнофобии. Мы не могли расслабиться ни на минуту, не вылезали из защитных костюмов и только иногда снимали шляпы с сеткой, когда работали на открытой местности и пауки не могли на нас спрыгнуть ниоткуда сверху. Все время нам приходилось быть начеку, потому что почти каждый день им удавалось навести один-два своих моста на нашу сторону. Тогда требовалось бросать все дела и хвататься за распылители, из которых мы обрызгивали врага бензином. На ночь мы тщательно подтыкали москитные сетки вокруг себя, а утром первым делом надо было обыскать весь дом и прилегающий к нему участок, чтобы случайно не оставить там проникших ночью пауков.

Но наша работа двигалась. Через пять или шесть дней все углы и соединения пола, стен и крыши были залиты фибергласом, каждое окно закрыто сеткой, натянутой приколоченными рейками, а по низу внутренней и внешней двери мы пустили автоматически захлопывающиеся планки с уплотнителями. Наконец хоть в доме мы могли чувствовать себя в безопасности, хотя ночью все же продолжали спать для спокойствия под сеткой.

Закончив дом, мы начали перевозить припасы и материалы из лагеря на берегу в поселок. Для перевозки мы могли использовать трактор с прицепом, но управиться вдвоем с перемещением, распаковкой, погрузкой и разгрузкой контейнеров было нелегко. Обернуться туда-обратно за день мы не успевали.

После третьего такого путешествия мы и заметили самолет. Я только подогнал трактор к дому и слезал с сиденья, когда вдруг Камилла, стоявшая наверху груженого трейлера, закричала, протягивая изо всех сил руку в сторону лагуны. Я вскарабкался к ней, недоумевая, что могло привести ее в такое состояние, и тут увидел его. На глади лагуны лежал гидроплан, на его поплавках стояли две фигуры, а рядом болталась надувная лодка. Тарахтенье трактора заглушило, наверно, стрекот мотора, поэтому мы и не услышали их приближения.

Один из прилетевших спустился в лодку и взялся за поплавок, чтобы лодка не качалась, пока второй в нее садился.

Камилла бросилась вниз.

— Быстрее, — сказала она, — надо помешать им высадиться на берег!

Мы помчались по дороге к лагерю.

На одном из поворотов открылся вид на лагуну. Лодка преодолела уже более половины пути до берега. Мы припустились изо всех сил.

Когда мы выбежали из-за деревьев, лодка была уже на мелководье, и один человек начал вылезать из нее. Я остановился и закричал ему, но он был слишком далеко, чтобы услышать. Тогда я снова побежал. Второй тоже вылез из лодки, и они шли к берегу по мелководью, ведя лодку за собой. Мы с Камиллой закричали вместе. На этот раз они услышали, заметили нас, а один из них приветственно помахал нам рукой. Мы отчаянно кричали и пытались жестами показать, чтобы они плыли обратно. Они что-то сказали друг другу и радостно замахали нам в ответ.

Оставив лодку на влажном песке за полосой прибоя, они пошли вверх по берегу, не глядя больше на нас. Прямо перед прибывшими виднелось приближающееся к ним коричневое пятно. Мы завопили и снова попытались прогнать их, показать жестами, чтобы они уходили. Но тщетно. Один из них заметил пятно, что-то сказал своему спутнику и наклонился к пятну, чтобы рассмотреть поближе. Оно достигло его ступней и моментально всего облепило.

Раздался крик.

Второй человек застыл на секунду от удивления, потом прыгнул вперед, чтобы стряхнуть пауков. Первый начал падать, и его товарищ подхватил его, желая поддержать. Пауки сразу перекинулись и на него. И он тоже закричал...

Мы остановились и сидели на каком-то ящике, пока не почувствовали себя немного лучше. Потом Камилла, глядя на лагуну, сказала:

— Вы сможете поднять самолет в воздух?

— Нет, — ответил я. — А вы можете управлять им на воде?

— Нет.

Некоторое время мы продолжали глядеть на самолет.

— Ведь на нем должно быть радио, а? — спросила она.

Мы подошли к лодке, стараясь не смотреть на тела погибших.

Действительно, кабина была радиофицирована. Я надел наушники и включил рацию. Искаженный голос что-то неразборчиво вещал. Я подождал, и когда мне показалось, что он кончил, нажал кнопку с надписью «Передача» и заговорил. Потом снова переключился на «Прием». Тот же голос продолжал так же неразборчиво и непонятно что-то вещать. Я так и не понял, услышали меня или нет.

— Вы понимаете, как пользоваться этим? — спросил я Камиллу.

— Нет, — сказала она. Все-таки попробовала, но успеха не добилась.

Мы решили пока оставить наши попытки и поплыли на лодке обратно к берегу. Камилла вошла в лагерь, пока я занимался малоприятным делом, пытаюсь выяснить что-нибудь о погибших.

Когда я вновь присоединился к Камилле, то сказал:

— Один из них был пилот Джим Робертс.

Она кивнула:

— Я слышала о нем в Уияньи. Он работал на внутренних рейсах и возил между островами в основном почту, иногда перевоза больных, — так я тогда поняла.

— Второго звали Сомс. Он тоже жил в Уияньи. По-видимому, был там аккредитован как корреспондент агентства новостей, — добавил я.

— Если бы только они появились, когда мы еще не завели трактор... Кажется, я скоро поверю в табу, — вздохнула Камилла.

И все же в тот день мы несколько приободрились. Где-то всерьез встревожились отсутствием вестей от нас, настолько, что выслали самолет, а когда и этот самолет не вернется, то конечно же начнется расследование. Как скоро — это зависело от того, сообщил ли летчик о прибытии на Танакуатуа по радио или нет — тогда много времени уйдет на поиски исчезнувшего самолета в море. Нам оставалось только ждать.

Через пять дней прозвучал ответ на этот вопрос в виде трех корабельных гудков, разнесшихся над лагуной.

Мы поспешили на берег и подоспели, как раз когда небольшое, окрашенное в серый цвет судно спускало якорь. Оно было похоже с виду на военное, о том же говорил и белый флаг английского военно-морского флота на корме. Наверно, торпедный катер, — определил я.

Пройдя мимо лагеря, мы остановились у самой воды и стали размахивать руками. С катера уже спустили маленькую шлюпку, куда сели четыре человека. Завели подвесной мотор, но лодка двинулась не прямо к нам. Сначала сделала круг, обогнув качающийся на волнах гидросамолет. Затем повернула к берегу.

Мы зашли в воду, чтобы встретить прибывших.

Дно лодки шаркнуло по песку, и четверо сидящих там людей уставились на нас, как бы отказываясь верить собственным глазам, у троих даже рты раскрылись от удивления.

Мы сняли шляпы с сетками, но это мало помогло.

— Вы — мистер Тирри? — неуверенно спросил старшина.

Я отрицательно покачал головой:

— Тирри мертв. Все умерли, кроме нас.

Люди в замешательстве непонимающе смотрели на нас, с невысказанным вопросом оглядывая с ног до головы. Уве-

рен, что им было бы легче воспринять нас, если бы наша одежда состояла из шортов и рубашек или была обтрепанной в лохмотья.

— Это пауки, — сказала Камилла.

Ответ не показался старшине ни что-нибудь объясняющим, ни сколько-нибудь успокаивающим, и его вполне можно было понять.

— А, пауки, — без выражения повторил он, отведя взгляд от нас и стараясь разглядеть на берегу что-нибудь, что помогло бы ему оценить ситуацию.

Сначала его взгляд задержала надувная лодка с гидро-самолета, потом — лежащие на песке два тела. На таком расстоянии они все еще походили на тела, если не присматриваться, — на самом же деле пауки ничего уже не оставили, кроме кожи и костей под опавшей одеждой.

— А эти двое? — спросил старшина, снова глядя на нас.

— Пауки погубили и их. Мы пытались остановить... — начала объяснять Камилла.

— Пауки? — повторил он, пристально глядя ей в глаза.

— Да, вон они, — сказала Камилла, указывая на берег. Он перевел взгляд туда, куда она указала, и смог различить только ничем не примечательное коричневое пятно на песке. По выражению его лица можно было ясно прочитать, что он думает. Повернувшись к одному из матросов, старшина обменялся с ним взглядами. Тот понимающе кивнул.

Старшина принял решение. Он поднялся с места.

— Я лучше сам пойду и взгляну на них.

— Нет, — воскликнула Камилла. — Вы не понимаете. Они убьют вас.

Он перешагнул через борт лодки.

— Пауки? — глядя на нее как на человека не совсем в своем уме, спросил он.

— Да, — сказала Камилла и обернулась ко мне: — Арнольд, остановите его, объясните ему!

Старшина перевел настороженный взгляд на меня. Я понял вдруг, что он начал подозревать нас, решив, что у нас есть веские причины, чтобы никого не подпускать к телам для осмотра. Тогда я попытался урезонить его, подействовать логикой.

— Посмотрите на нас, — сказал я. — Не думаете ли вы, что мы вырядились так ради удовольствия? Если вы

считаете все же необходимым туда идти, то примите по крайней мере разумные меры предосторожности.

Я снял свои перчатки и протянул их вместе со шляпой старшине.

Он посмотрел на них, готовый отказаться, но Камилла сказала:

— Пожалуйста, я прошу, возьмите.

Со снисходительным видом, посмеиваясь про себя, старшина согласился. Надел шляпу, Камилла заткнула ему сетку за воротник, потом, присев, заправила брюки ему в носки.

— И перчатки, — сказала она. — Вы не должны снимать их.

Трое сидевших в лодке сначала наблюдали за нами с усмешкой, но теперь немного забеспокоились.

— Поднимитесь, пожалуйста, в лодку, — сказал нам старшина и взглянул на матросов, как бы говоря, чтобы нас больше не отпускали.

Так мы и сделали и сидели, глядя ему вслед, пока он преодолевал расстояние, отделяющее его от берега, по воде и пошел вверх по пляжу.

Не меньше трех групп пауков заметили его и устремились навстречу. Тут примолкли и матросы в лодке. Они тоже заметили, что пятна на берегу задвигались. Один из матросов окликнул старшину и показал на них. Тот посмотрел вокруг, но ничего необычного, похоже, не увидел. Помахал рукой в перчатке и пошел дальше.

Дойдя до лежащих на песке тел, он наклонился к ним, чтобы рассмотреть. Два коричневых пятна приблизились к нему уже почти вплотную. Один из матросов снова предупредительно закричал, однако старшина не обратил на предупреждение внимания и пристально вглядывался в то тело, которое лежало ближе к нему. Несколько неуверенно он протянул руку, чтобы коснуться его.

И тут его настигла и захлестнула первая стая пауков. Старшина резко выпрямился и попытался стряхнуть их с себя. Но подросла вторая и третья группы. И стали взбегать по его ногам.

Несколько секунд он стоял весь, кроме шляпы и перчаток, облепленный пауками, тщетно пытаясь от них избавиться. Потом увидел, что к нему двинулись и другие группы, и решил отступить.

Перепрыгнув по пути пару стай, он побежал к воде и по мелководью кинулся к лодке. Однако в нескольких ярдах от нее одумался и свернул в сторону. Мы близко увидели

шевелиющийся поблескивающий панцирь из пауков, покрывших его сплошным слоем.

На более глубоком месте он с размаху бросился в воду. Большую часть пауков смыло. Но пришлось погружаться с головой еще и еще раз, прежде чем удалось избавиться от них совсем.

Матрос уже запустил мотор, и мы подплыли к нему. Качаясь, он стоял по пояс в воде. Матросы затащили его через борт в лодку.

— Мои руки, — простонал он, — о Боже, мои руки! — и потерял сознание.

Мы стянули с него китель. Оттуда вывалились четыре или пять пауков, которых тут же раздавили. Наверно, они забрались под манжеты, потому что на руках до локтя виднелось около дюжины красных пятнышек, уже начинавших вздуваться.

На полной скорости мы направились к катеру.

ГЛАВА 9

Так бесславно закончился Проект лорда Ф. как таковой. Но надо было еще сделать немало для того, чтобы покончить с формальностями. С нас, к примеру, снимали показания. Представление о множестве подобных опросов и допросов, которым мы впоследствии подвергались, может дать самый первый, устроенный подполковником Джем, командовавшим объединенным отрядом на станции слежения в Оахому. Не то чтобы он не верил нам — ведь наши слова подтверждали показания его собственного старшины, находившегося теперь в изоляторе и мучавшегося от сильнейших болей в руках, — но существует разница между доверием и способностью поверить: наш рассказ не воспринимали как истинный не потому, что испытывали недоверие по отношению к нам, а потому, что не могли поверить нашим словам. Именно неспособность принять эти слова и не давала покоя ему и всем остальным, кто расспрашивал нас потом.

— Пауки, — повторил подполковник, размышляя вслух и глядя на нас. — Но разве их нельзя было раздавить, растоптать как-нибудь?

Мы объяснили, что они охотились стаями.

— Все равно, — продолжал он, — тогда вы могли установить какой-нибудь огнемет. Он бы их живо поджарил.

Мы рассказали, что такой вариант обсуждался и что в ограниченных пределах при благоприятных обстоятельствах огнеметы могли бы оказаться полезными, и стали излагать наш план огненного барьера, который, как мы убедились, не способен был бы все равно уничтожить всех.

Но как мы ни старались, все же не в состоянии были довести до его сознания реальный масштаб бедствия. Весьма трудно употреблять в речи «миллионы», чтобы собеседник не принял его за преувеличение, и, как мы убедились на собственном опыте, лучше совсем избегать слова «миллиарды». Подполковник явно принял наше заявление, что пауки уничтожили в тех областях, которыми полностью завладели, всю без исключения живность, за признание, что других животных мы просто не заметили.

В завершение беседы он сказал нам:

— Боюсь, вам придется остаться здесь до тех пор, пока я не получу распоряжений относительно вас. Мы постараемся устроить вас поудобнее.

— Вот, пожалуйста, — сказала Камилла, когда дверь за нами закрылась, — дожили. Он считает, что мы, претерпев тяжелые испытания, слегка спятили.

Однако его докладная, по-видимому, возымела действие, потому что через пять дней для расследования прилетела группа из четырех человек. Один из них был из Министерства по делам колоний, другой — биолог, третий — фотограф, а четвертый, насколько я мог понять, выступал как представитель лорда Фоксфилда. Они задали нам массу вопросов, но к ответам отнеслись весьма прохладно.

На следующий день они на своем самолете перевезли нас на Танакуатуа, и я впервые увидел его с воздуха. Это было впечатляющее зрелище. Вид половины острова, обтянутой покрывалом из паутины, заметно повлиял на наших спутников, и отношение к нам изменилось.

Когда мы высадились из лодки на берег, с ног до головы в пропитанном инсектицидом обмундировании, я повел троих к лагерю, а увешанные коробочками Камилла и биолог пошли вдоль по берегу.

В лагере я остановился около навеса над бывшей спальней и указал, где вход, тем, кто пришел вместе со мной. Сам я больше туда заходить не имел ни малейшего желания. Я стоял и ждал, пока они выйдут, и одна стая пауков за другой взбиралась по ногам, достигала колен и спрыгивала на землю. Наконец трое моих спутников вышли из-под навеса, побледневшие и потрясенные.

Потом я повел их на место, где строился поселок. Пауки преодолели нашу защитную полосу и теперь собрались вокруг изолированного домика, покрыв его сплошной поблескивающей шевелящейся массой. Мы молча наблюдали из ними несколько минут.

Человек из министерства сказал с тревогой в голосе:

— Кажется, будто они думают, что внутри что-то или кто-то — есть, и они хотят до него добраться... А не может ли быть так, что?..

Мы подошли ближе, разогнали скопившихся перед дверью пауков разбрызгивателем. Внутри, конечно, никого не оказалось, пауков там тоже не было.

— Ну, все равно, ведь тут раньше укрывались вы... — сказал тот же человек. Он тряхнул головой: — С меня достаточно. Готов отправиться в обратный путь хоть сейчас

— Вы-то, может и готовы, — сказал оператор, — но нам необходимо добыть доказательства, чтобы убедить тех, кто нас сюда послал. Не подкрепленными ничем рассказами это сделать трудно, — думаю, мистер Делгранж согласится со мной.

Он перекинул большую черную сумку, которую нес на ремне через плечо, себе на грудь и принялся выбирать подходящие камеры и объективы. Полчаса мы наблюдали, как он фотографирует и снимает кинокамерой, потом утомились и ушли в лодку — единственное место под открытым небом, куда не проникали пауки.

— Мне кажется, — сказал представитель лорда Фоксфилда, — что есть только один способ очистить это место. Надо полить его с воздуха сильнейшим из существующих инсектицидов — каждый квадратный фут.

Человек из министерства отрицательно покачал головой:

— Ничего не даст. Препарат просто осядет сверху на паутине.

— Хорошо, значит, надо подождать, пока ураган сорвет паутину, и тогда обработать остров, — уточнил человек от лорда Фоксфилда.

— Под листьями инсектицид все равно на них не подействует. Они отсилятся, — ответил ему чиновник. — Нет, поможет только хорошая доза напалма с наветренной стороны, когда поднимется сильный ветер. Надо спалить это чертово логово.

— Если оно станет гореть, — сказал первый. — На джунгли сбрасывали напалм, но они не занимались огнем.

— А может, оставить все как есть, и пусть они сами себя сожрут? Ведь любое сообщество, живущее исключительно за счет каннибализма, должно в конце концов — это вполне резонно — истощить все запасы пищи.

— Мы уже рассматривали все варианты, — вмешался я и изложил предположение Камиллы, что пауки научатся ловить рыбу. — Кроме того, — добавил я, — чем дольше они будут существовать, тем больше шансов, что им удастся расселиться.

Мы еще обсуждали способы расправы с пауками, когда к нам подошел оператор. Он выглядел удовлетворенным.

— Теперь мне осталось только снять их нападение на человека. Не будет ли кто-нибудь из вас так любезен?.. — обратился он к нам с просьбой.

Примерно через час на берегу появились Камилла и биолог, увлеченные беседой. Сдержанность и холодность его по отношению к нам совершенно испарились. Коробочки для отбора образцов он заботливо положил в лодку.

— Что у вас там? — спросил с подозрением человек из министерства. — Надеюсь, не?..

— Да. Доказательство, — ответила Камилла, снимая крышку с одной из коробочек. Чиновник отпрянул, но потом заметил, что коробочка затянута сверху металлической сеткой. Он осторожно заглянул внутрь, где копошилась паучья масса. — Сестрички, условно поименованный *Araneus Nokikii* — паук Ноикики, — сказала Камилла.

Мы вместе с инспекторской группой покинули Оахому на следующий день и вылетели на родину через Гонолулу и Сан-Франциско.

А через два дня после прибытия в Англию предстали перед лордом Фоксфилдом, вызвавшим нас, дабы услышать о происшедшем на Танакуатуа из первых уст.

Он был совершенно выведен из равновесия: «Ох-ох!», «Редкостное невезение!», «Как прискорбно!», а порой у него даже вырывалось «Ужасно!»

— Но все же можно было, — сказал он недоуменным тоном, когда мы закончили, — ведь, несмотря на трудности, все-таки можно было что-то предпринять, чтобы предотвратить эту трагедию!

— Скорее всего, — предположила Камилла, — мы для этого недостаточно походили на богов.

Наша беседа завершилась на иной ноте.

— Я дам распоряжение своим адвокатам возбудить дело, — сказал лорд Ф. — Совершенно ясно, что этот вид

пауков возник в результате мутации, вызванной радиоактивным заражением части Танакуатуа. В заключении о «чистоте» (бывшем условием покупки острова): регистрировался существующий уровень радиации — и я не сомневаюсь в его справедливости, однако понятие «чистота» подразумевало также, что остров не подвергся и влиянию радиации, — любой здравомыслящий человек на основании этого заключения мог прийти к такому выводу. А в таком случае продающая сторона неверно сообщила покупателю о состоянии острова, потому что воздействие радиации сделало Танакуатуа неподходящим для заселения и, следовательно, бесполезным для покупателя.

Когда дело будет слушаться, то вас, конечно, обоих вызовут в качестве свидетелей.

Нас, вполне естественно, так больше никто и не вызывал. Из-за какой-то текущей политической сенсации история с Танакуатуа получила на удивление малую огласку, а правительство не испытало ни малейшего желания выставить ее под свет юпитеров. Дело уладили в судебном порядке, без слушания. Его светлости вернули деньги, которые он уплатил за Танакуатуа, возместили средства, пошедшие на организацию экспедиции, определенную сумму выплатили близким родственникам погибших, выделили кое-что и нам, а за очень приличную в целом сумму, выложенную из карманов налогоплательщиков, правительство снова без особого восторга вступило во владение Танакуатуа.

Какие именно шаги были предприняты, чтобы избавить остров от Сестричек, мне не удалось выяснить, но после извержения на Танакуатуа этот вопрос приобрел сугубо академический интерес.

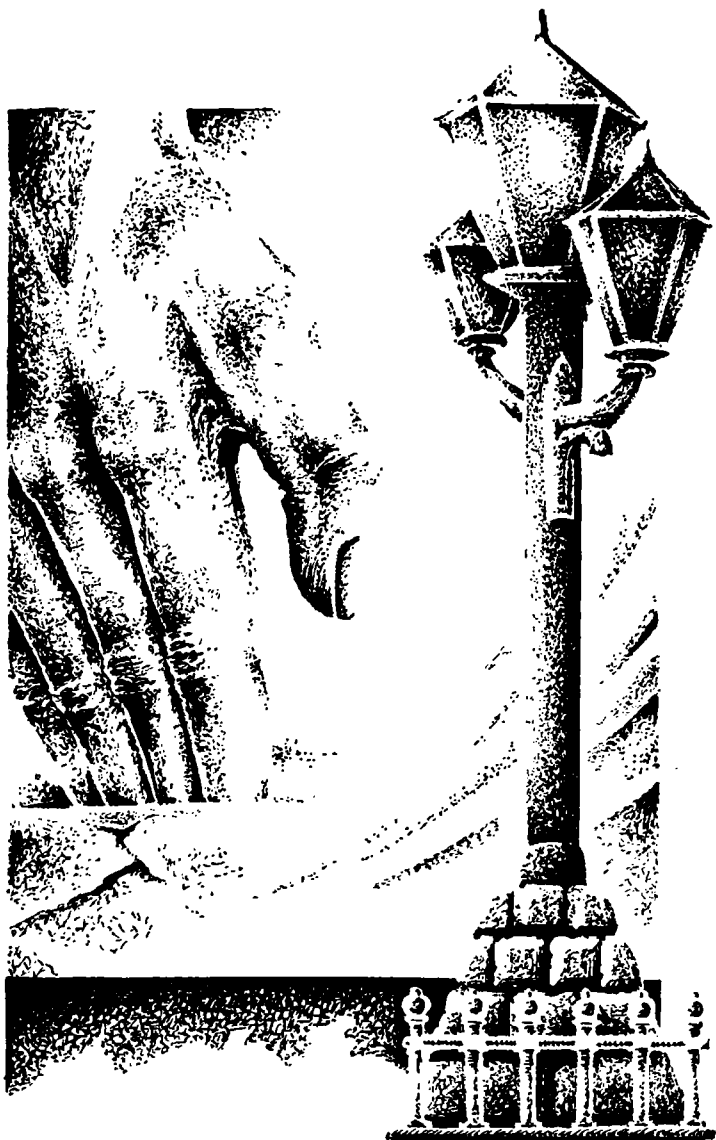
Вспоминается, что здесь была какая-то путаница вначале, так как за сообщением о пробуждении вулканической активности на острове быстро последовали сведения из Москвы, Токио и Сан-Франциско о регистрации низкого надземного термоядерного взрыва примерно в то же время и в том же месте. Все недоразумения, конечно же, вполне рассеяло официальное заявление, где говорилось, что разведывательный полет после извержения показал отсутствие всех признаков растительной и животной жизни на Танакуатуа, который, к счастью, был необитаемым островом.

Я иногда получаю вести от Камиллы, которая, судя по местам, откуда они поступают, довольно много путешествует. По большей части она мне присылает вырезки из

каких-то безвестных местных газет, где всегда говорится (если мне удастся перевести где-нибудь эти заметки) о случаях смерти, происшедшей от укусов пауков.

Но в последний раз пришла не вырезка. Я получил по почте маленькую коробочку, отправленную откуда-то из Перу. Внутри, заспиртованный в пузырьке, находился образец, который я определил безошибочно, как только вынул его на свет: Сестричка — *Araneus Nokikii*.

Поживем — увидим... Думаю, время покажет...

СЕМЕНА ВРЕМЕНИ

ХРОНОКЛАЗМ

Первое сообщение, полученное мною о Тавии, пришло весьма неожиданным образом.

Как-то утром на Хай-стрит в Плайтоне ко мне подошел пожилой джентльмен, совершенно незнакомый. Жестом, выдававшим в нем иностранца, он вежливо приподнял шляпу, поклонился и представился:

— Меня зовут Дональд Гоуби, доктор Гоуби. Я был бы крайне признателен вам, сэр Джеральд, если б вы уделите мне несколько минут. Очень сожалею, что приходится вас беспокоить, но дело крайне спешное и важное.

Я внимательно посмотрел на него.

— Наверное, произошла ошибка, — сказал я ему. — У моего имени нет приставки, даже такой незначительной, как «сэр».

Он был удивлен.

— Ай-ай-ай! Простите меня. Такое сходство!.. Я был уверен, что вы сэр Джеральд Лэттери...

Теперь пришел мой черед удивляться.

— Я действительно Джеральд Лэттери, но мистер, а не сэр.

Незнакомец слегка смутился.

— Ай-ай-ай! Конечно! Как глупо с моей стороны!. Здесь, — он оглянулся, — нет ли здесь такого местечка, где мы могли бы переговорить конфиденциально?

Я колебался лишь одно мгновение. Было совершенно очевидно, что этот джентльмен — человек интеллигентный. Может быть, адвокат. Во всяком случае, он не собирався просить у меня денег или что-нибудь в этом роде. Мы были недалеко от «Быка», и я повел его туда, в гостиную. Он отказался от моего предложения выпить, и мы сели.

— Так в чем же дело, доктор Гоуби? — спросил я его.

Он замялся; было заметно, что он смущен. Затем он заговорил с таким видом, будто бросился в воду.

— Это связано с Тавией, сэр Джеральд. гм. мистер Лэттери Мне представляется, что вы, вероятно, не отдаете себе отчета в том.. гм-м... до какой степени создавшаяся ситуация... гм-м.. чревата последствиями. Дело не только в моей личной ответственности, хотя, как вы понимаете, это меня тоже очень тревожит. Дело в результатах, которые даже нельзя предусмотреть. Она должна — действительно должна — вернуться, прежде чем произойдет какая-нибудь большая беда. Она должна вернуться, мистер Лэттери!

Я смотрел на него. В том, что он говорил серьезно, не приходилось сомневаться: он и в самом деле был очень расстроен.

— Но, доктор Гоуби... — начал я.

— Я понимаю, что это для вас значит, сэр, однако умоляю вас, уговорите ее! Не только ради меня и ее семьи, но... но ради всех! Надо соблюдать величайшую осторожность. Невозможно предвидеть последствия даже самого незначительного поступка. Порядок и гармонию необходимо сохранить. Если даже одно-единственное зернышко упадет не в должное место, никто не в силах сказать, что из этого выйдет! Поэтому я умоляю вас...

Мне пришлось прервать его. Я говорил мягко. О чем бы он там ни болтал, было ясно, что все это он принимает близко к сердцу.

— Одну минуточку, доктор Гоуби! Боюсь, что произошла ошибка. Я не имею ни малейшего представления... О чем вы?

На его лице появилось тревожное выражение.

— Как!.. — начал он и замолчал, думая о чем-то и хмуясь. — Вы хотите сказать, что еще не встретились с Тавией?

— Насколько мне известно, это именно так. Никогда даже и не слыхал ни о ком по имени Тавия, — уверил я его.

У него перехватило дыхание. Мне стало жаль собеседника, и я повторил свое предложение насчет выпивки, но он отрицательно покачал головой. Однако вскоре доктор несколько пришел в себя.

— Мне так неловко, — сказал он. — Действительно, произошла ошибка. Пожалуйста, примите мои извинения, мистер Лэттери! Вы, наверное, считаете, что я пьян? Мне трудно объяснить.. Разрешите мне попросить вас забыть об этом. Совсем забыть! Пожалуйста!

Вскоре он ушел, и вид у него был очень печальный.

Он озадачил меня, но уже через два-три дня я выполнил его последнюю просьбу... Так по крайней мере мне казалось.

Впервые я увидел Тавию года два спустя. Конечно, я тогда не знал, что это именно она. Когда я вышел из «Быка», на Хай-стрит еще был народ. Я почувствовал, что кто-то на другой стороне улицы наблюдает за мной. Я поднял голову, и наши взгляды встретились. Глаза у нее были карие...

Она была высокая, стройная и красивая — не просто хорошенькая, а нечто большее. И я продолжал смотреть.

На ней была довольно обыкновенная шерстяная юбка и темно-зеленый джемпер. Туфли, однако, у нее выделялись. довольно странные, на низком каблуке, но какие-то замысловатые; они не подходили к остальной ее одежде. Что-то еще резало глаз, хотя в тот момент я не понял, что именно. Только потом я сообразил — прическа. Прическа ей очень шла, но была совершенно несовременной. Вы скажете, что волосы есть волосы и что существует бесконечное множество вариантов причесок. Но дело обстоит не так просто. Есть какой-то общий стиль времени, перекрывающий текущую моду. Посмотрите на любую фотографию, снятую тридцать лет назад... Ее волосы, как и туфли, не гармонировали со всем остальным.

Несколько мгновений она стояла, застыв, не улыбаясь. Затем, словно еще не совсем проснувшись, шагнула вперед, чтобы перейти улицу. В этот момент пробили часы на базарной площади. Она бросила взгляд наверх; внезапно выражение тревоги появилось на ее лице.

Она повернулась и бросилась бежать по тротуару, как Золушка, за последним автобусом.

Я сел в машину, раздумывая: за кого она меня приняла? Я был совершенно уверен, что никогда прежде ее не видел.

На следующий день бармен в «Быке», поставив передо мной кружку пива, сказал:

— Одна молодая женщина спрашивала о вас, мистер Лэттери. Она вас нашла? Я сказал ей, где вы живете.

Я покачал головой:

— Кто такая?

— Не назвала себя, но... — И он описал мне ее — девушку с другой стороны улицы. Я кивнул.

— Я ее видел. Мне хотелось бы узнать, кто она, — сказал я.

— Ну, она-то вас знает! «Это мистер Лэттери был здесь некоторое время тому назад?» — спрашивает она. «Да, — говорю, — он». Она кивнула и задумалась. «Он ведь живет в Бегфорд-холле?» — говорит. «Нет, мисс, — говорю, — Бегфорд-холл принадлежит майору Флакену. Мистер Лэттери, — говорю, — живет в Четкомб-коттедже». Тогда она спрашивает меня, где это, и я ей отвечаю. Надеюсь, все в порядке? Мне она показалась очень милой барышней.

Я успокоил его:

— Мой адрес можно узнать где угодно. Но странно, что она спросила о Бегфорд-холле — это именно тот дом, который мне бы хотелось иметь, если б у меня когда-нибудь завелся деньги.

— Тогда, мистер Лэттери, вам надо поторопиться разбогатеть, потому что старый майор уже доживает свое, — сказал бармен.

Все это ни к чему не привело. Для чего незнакомка хотела узнать мой адрес, я понятия не имел, во всяком случае за этим ничего не последовало, и вся эта история вылетела у меня из головы.

Примерно месяц спустя я снова увидел ее. У меня появилась привычка ездить верхом раз или два в неделю. Мы ездили с одной девушкой, по имени Марджори Креншо. А потом я отвозил ее домой в машине. Ехать нужно было по узкому шоссе, между насыпями, где едва-едва могли разойтись два автомобиля.

Однажды, миновав крутой поворот, я должен был затормозить и прижаться к обочине — встречная машина, обьехав пешехода, шла посередине шоссе; она чуть не зацепила меня. Тут я посмотрел на пешехода и увидел, что это та самая девушка. В то же мгновение и она узнала меня и востепенелась. Я увидел, как она заколебалась, а потом, видимо, решилась заговорить со мной и пошла к машине. Но тут она заметила Марджори, сидящую рядом со мной. И, очень неискусно изобразив, что и не собиралась подходить к нам, пошла в сторону. Я включил скорость.

— Кто это? — спросила Марджори голосом, пронзительным от природы, и тоном, по ее представлению, вероятно, проницательным.

Я сказал, что не знаю.

— Но зато она-то вас знает, — сказала Марджори, не поверив мне.

Меня раздражал ее тон. В любом случае ее это не касалось. Я не ответил.

Она не хотела оставить эту тему.

— Мне кажется, что я ее прежде не видела в наших краях, — сказала Марджори спустя некоторое время.

— Может быть, она здесь отдыхает. Я не знаю ее, — ответил я. — Здесь много отдыхающих.

— Не очень-то убедительно это звучит, если еще учесть, как она на вас смотрела.

— Мне не нравится, когда меня считают или называют лжецом, — сказал я.

— О, мне казалось, что я задала вам самый обычный вопрос. Конечно, если я сказала вам что-нибудь неприятное...

— Мне также не нравится, когда делают намеки. Может быть, вы предпочитаете пройти пешком оставшуюся часть пути? Здесь уже недалеко.

— Понятно. Простите, что я вам помешала. Жаль, что здесь слишком узко и вы не сможете развернуть машину, — прошипела Марджори. — Прощайте, мистер Лэттери.

Оказалось, что развернуть машину все же можно, если воспользоваться въездом в какую-то усадьбу, но я так и не увидел девушку, когда вернулся на то место. Марджори возбудила у меня интерес к ней, и я надеялся, что догоню ее. Кроме того, хотя я не имел о знакомке ни малейшего представления, я испытывал к ней чувство благодарности. С вами, наверное, это тоже бывало — вы вдруг ощущаете облегчение, хотя раньше и не подозревали, что вам тяжело...

Наша третья встреча была совершенно иной.

Мой коттедж стоит в узкой долине, поросшей лесом. Он расположен в стороне от других четырех или пяти коттеджей, в самом дальнем конце долины. Покрытые вереском холмы круто поднимаются с обеих сторон. Несколько узеньких полосок пастбищного луга подходят к самым берегам реки. Рощицы, сохранившиеся от прежних лесов, отделяют луга от вереска.

Именно в ближайшей из рощиц однажды днем, когда я разглядывал свой огород, раздумывая, не пора ли показаться росткам бобов, я услышал треск хрустящих под ногами веток. Мне понадобился лишь один взгляд, чтобы выяснить, в чем дело. Ее выдали светлые волосы.

Какое-то мгновение мы смотрели друг на друга, как и в прошлый раз.

— Гм... Здравствуйте, — сказал я.

Она ответила не сразу, продолжая смотреть на меня. Потом спросила:

— Здесь есть еще кто-нибудь?

Я посмотрел вдоль дороги, а затем на вершину противоположного холма.

— Никого не вижу, — сказал я.

Девушка развела руками кусты и осторожно вышла, оглядываясь по сторонам. Она была одета точно так же, как в первый раз, если не считать того, что волосы были растрепаны ветками деревьев. На голой земле ее туфли выглядели еще более необычными. Она, казалось, немного успокоилась и подошла ближе.

— Я...

Сверху раздался мужской голос. Ему ответил другой. Девушка замерла.

— Они идут! Спрячьте меня где-нибудь, побыстрее, пожалуйста! — в испуге сказала она.

— Гм... — начал я.

— Быстрее, быстрее! Они идут. — Она выглядела очень встревоженной.

— Пойдемте-ка в дом, — предложил я и повел ее к коттеджу.

Незнакомка быстро пошла вслед за мной, и, когда я закрыл дверь, она задвинула щеколду.

— Не дайте им схватить меня. Пожалуйста!

— Послушайте, в чем дело? Кто это «они»? — спросил я.

Она не ответила. Ее взгляд остановился на телефонном аппарате.

— Вызовите полицию, — сказала она. — Быстро вызовите полицию!

Я не знал, что предпринимать.

— Разве у вас нет полиции? — спросила она.

— Конечно, у нас есть полиция, но..

— Тогда, пожалуйста, вызовите ее.

— Но послушайте... — начал я.

Девушка стиснула руки.

— Вы должны вызвать, пожалуйста! Побыстрее!

Она выглядела очень обеспокоенной.

— Хорошо, я вызову полицию. Но давать им объяснения будете вы, — сказал я, беря трубку.

Я привык к темпам работы связи в этих сельских краях и терпеливо ждал. А девушка не привыкла. Она стояла, сплетая и расплетая пальцы рук. Наконец меня соединили.

— Алло, — сказал я, — это Плайтонский полицейский участок?

— Плайтонская полиция, — донесся ответный голос.

И в это время на посыпанной гравием дорожке слышались шаги; затем последовал громкий стук в дверь. Я передал трубку девушке и пошел к двери.

— Не впускайте их! — взмолилась незнакомка и перенесла свое внимание на телефон.

Я колебался. Снова послышался властный стук в дверь. Нельзя же просто стоять у двери и не впускать людей! А кроме того, привести к себе в дом молодую девушку, запереться и никого не впускать?!

Когда стук раздался в третий раз, я открыл дверь.

Вид человека, стоявшего на крыльце, поразил меня. Не лицо его, нет; вполне нормальное лицо человека лет двадцати пяти. Его одежда... Я не был подготовлен к тому, чтобы вдруг увидеть нечто вроде облегающего трико для катания на коньках, поверх которого надет широкий жакет, доходящий до середины бедер и застегивающийся на стеклянные пуговицы, — наряд странный, во всяком случае в Дартмуре, в начале летнего сезона. Однако я сумел взять себя в руки настолько, чтобы спросить, что ему понадобится.

Незнакомец не обратил на это никакого внимания и продолжал стоять, глядя через мое плечо на девушку.

— Тавия, — сказал он, — иди сюда!

Она, не переставая, что-то быстро говорила по телефону. Человек сделал шаг вперед.

— Спокойней, — сказал я. — Во-первых, мне бы хотелось узнать, что здесь происходит.

Он посмотрел прямо на меня.

— Вам не понять, — сказал он и поднял руку, чтобы оттолкнуть меня.

Я всегда знал, что очень не люблю людей, которые говорят мне, что я чего-нибудь не понимаю, и которые хотят столкнуть меня с порога моего собственного дома. Я провел хороший аперкот в солнечное сплетение, а когда незнакомец сложился пополам, я спустил его со ступенек и захлопнул дверь.

— Они едут, — произнес голос девушки позади меня. — Полиция едет.

— Если б вы хоть рассказали мне, — начал я, но она подняла руку.

— Осторожней! — крикнула она.

Я обернулся. За окном стоял еще один человек, одетый так же, как и тот, который еще с хрипом ловил ртом воздух возле крыльца. Я снял со стены свое двенадцатидюймовое

ружье, достал из ящика стола несколько патронов и набил магазин. Затем шагнул к двери.

— Откройте дверь и спрячьтесь за нее, — велел я девушке.

Она послушалась, но на ее лице было написано сомнение.

Второй мужчина наклонился над первым. По дорожке к дому шел третий. Они увидели ружье. Произошла немая сцена.

— Эй, вы там, — сказал я, — либо быстренько уберите, либо вам придется поспорить с полицией. Что предпочитаете?

— Но вы не понимаете!.. Чрезвычайно важно, — начал один из них.

— Хорошо. Тогда можете остаться и объяснить полиции, насколько это важно, — сказал я и сделал знак девушке, чтобы она снова закрыла дверь.

Мы смотрели через окно, как двое мужчин поднимали задыхающегося третьего...

Полицейские были не особенно милы. Они нехотя записали, как выглядели эти люди, и довольно холодно распрощались с нами.

Девушка рассказала полицейским так мало, как только могла, — просто, что ее преследовали трое странно одетых мужчин и что она обратилась ко мне за помощью. Девушка ответила отказом на предложение отвезти ее в Плайтон в полицейской машине, так что она все еще была здесь.

— Ну а теперь, — предположил я, — вы, вероятно, объясните мне, что в конце концов происходит?

Незнакомка сидела молча, устремив на меня свой пристальный, прямой взгляд, в котором был оттенок... печали? разочарования?.. Во всяком случае, какой-то неудовлетворенности. Я подумал, что она заплачет, но она сказала тихим голосом:

— Я прочла ваше письмо... И теперь... сожгла свои корабли.

В смущении пошарив по карманам, я нашел сигареты и закурил.

— Вы... гм-м. прочли мое письмо, и теперь вы... гм-м.. сожгли корабли? — повторил я.

— Да, — сказала она. Затем отвела взгляд и начала рассматривать комнату, ничего в ней не видя. — А вы даже не узнаете меня!

После этого полились слезы.

Несколько мгновений я сидел в полной растерянности. Потом я решил, пока она выплачется, пойти в кухню и поставить чайник. Мои родственницы всегда рассматривали чай как панацею от всех бед, так что я взял чайник и чашки и вернулся в комнату.

Девушка уже пришла в себя и сидела, уставившись на незажженный камин. Я поднес спичку. Она наблюдала, как разгорались дрова, с видом ребенка, который только что получил подарок.

— Прелестно, — вздохнула незнакомка, как будто огонь в камине был какой-то диковиной, и снова оглядела комнату. — Прелестно, — повторила она.

— Не разольете ли вы чай? — предложил я, однако девушка покачала головой и наблюдала за тем, как это делаю я.

— Чай! — сказала она. — У камина!

Это была совершенная истина, но нельзя сказать, что очень примечательная.

— По-моему, настало время нам познакомиться, — предложил я. — Меня зовут Джеральд Лэттери.

— Конечно, — сказала она, кивая головой.

На мой взгляд, это был не совсем подходящий ответ, но она продолжила:

— Я Октавия Лэттери, обычно меня зовут Тавия.

— Тавия? — что-то смутно мелькнуло в моей памяти. — Мы с вами родственники? — спросил я.

— Да... очень дальние, — ответила девушка, странно посмотрев на меня. — Ох, — добавила она, — как это трудно!

Вид у нее стал такой, будто она вот-вот снова заплачет.

— Тавия?... — повторил я, пытаюсь вспомнить.

И тут мне вдруг представился смущенный пожилой джентльмен.

— Конечно же! Как его звали? Доктор доктор Боги или что-то в этом роде...

Она внезапно замерла.

— Не доктор ли Гоуби?

— Вот-вот, правильно! Он меня спрашивал о Тавии. Это о вас?

— Его здесь нет? — спросила девушка, оглядываясь, будто он мог спрятаться в углу.

Я сказал, что с тех пор прошло года два. Она успокоилась.

— Глупый старый дядя Дональд! Как это на него похоже! И вы, конечно, ничего не поняли?

— И сейчас понимаю не больше, — заметил я, — хотя могу поверить, что даже дядя способен разволноваться, потеряв вас.

— Да. Боюсь, что он очень расстроится, — сказала она.

— Расстраивался! — поправил я. — Это было два года назад.

— Ах да, конечно! Вы все еще не поняли?

— Послушайте, — сказал я ей. — Один за другим люди говорят мне, что я чего-то не понимаю. Это я уже знаю. Это единственное, что я действительно понял.

— Да, пожалуй, мне лучше все объяснить. С чего же начать?

Я дал ей подумать, не отвлекая ее. Наконец она сказала:

— Вы верите в предопределение?

— Нет.

— Ах да! Хотя в конце концов это не совсем так... Скорее своего рода влечение. Видите ли, я с детства считала, что ваш век — самый интересный и замечательный. А потом еще — в этом веке жил единственный в нашей семье знаменитый человек. Вот я и считала этот век чудесным. Вы бы, наверное, назвали его романтическим.

— Зависит от того, что вы имеете в виду — ваше увлечение или сам век... — начал я, но девушка не обратила внимания на мои слова.

— Я, бывало, представляла себе колоссальный флот смешных летательных аппаратов во время периода войн и думала о том, как они похожи на Давида, идущего против Голиафа, такие маленькие и такие храбрые. А потом еще эти большие неуклюжие корабли, медленно барахтающиеся в воде, но в конце концов добирающиеся до порта. И никто не нервничал, что они такие медленные! А эти странные черно-белые фильмы! И лошади на улицах. И шумные двигатели внутреннего сгорания. А уголь в топках! И волнующие бомбежки, и паровозы, бегущие по рельсам, и телефоны с проводами, и... О, много, много еще разных вещей! А чем тогда можно было заниматься? Представьте себе, что вы приходите на премьеру новой пьесы Бернарда Шоу или Ноэля Коуарда, в настоящий театр! Или достаете совершенно новую поэму Эллиота в день ее выхода в свет! Или видите, как королева проезжает по улице, чтобы открыть заседание парламента. Замечательное, волнующее время!

— Что ж, приятно слышать, что кому-то оно нравится, — заметил я. — Мое собственное мнение о нашем веке несколько...

— Ах, этого следовало ожидать! Вы не представляете себе все это в перспективе и поэтому не в силах оценить. Вам было бы полезно пожить некоторое время в нашем веке, увидеть, как все плоско, серо и однообразно... Так смертельно скучно!

Я немного замялся.

— Я не совсем... гм-м... жить в вашем... в чем?

— Веке, конечно. В двадцать втором. Ах да, вы же не знаете! Глупо с моей стороны.

Я сосредоточился на разливании чая — по второй чашке.

— Ох, я знала, что это будет трудно, — заметила она. — Вам тоже трудно?

Я сказал, что трудно. Она продолжала упрямо:

— Так вот, видите ли, испытывая те чувства, о которых я вам рассказывала, я решила заняться историей. Понимаете, я в самом деле могла примысливать себя к некоторым периодам истории. А потом я получила ваше письмо в свой день рождения, и это было причиной, почему я избрала середину двадцатого века темой своей дипломной работы. И, конечно же, это повлияло на мое решение заниматься в аспирантуре.

— И всему причиной мое письмо?

— Ну, это же был единственный способ, не правда ли? То есть я хочу сказать, что ведь другого-то пути не было, чтобы находиться вблизи исторической машины, кроме как работая в исторической лаборатории, не так ли? И даже тогда мне вряд ли разрешили бы пользоваться ею самостоятельно, если бы это не была лаборатория дяди Дональда.

— Историческая машина? — переспросил я, цепляясь за соломинку во всем этом хаосе. — Что такое историческая машина?

Она была озадачена.

— Это... Это историческая машина. При помощи которой изучают историю.

— Неясно. — Я покачал головой. — Вы бы с таким же успехом могли мне сказать, что при ее помощи делают историю.

— О нет, это строго запрещено! Это очень, очень серьезное нарушение закона!

— Вот как!.. — Я решил попробовать еще раз. — Так относительно этого письма...

— Я сказала о нем, только чтобы объяснить вам все. Но вы, конечно, его еще не написали, так что я подозреваю, что вам все это кажется весьма запутанным.

— Запутанным — не совсем то слово. Нельзя ли ухватиться за что-нибудь поконкретней? Например, письмо, которое, как предполагается, я написал, хотя еще и не написал. О чем оно?

Девушка внимательно посмотрела на меня и отвернулась. Совершенно неожиданно румянец залил ее лицо. Она заставила себя снова посмотреть на меня. Я увидел, как ее глаза заблестели. Вдруг она закрыла лицо руками.

— Нет, вы не любите меня, вы не любите меня! — простонала она. — Зачем я только пришла? Лучше бы я умерла!..

— Мне кажется, что она... фыркнула на меня, — сказала Тавия.

— Теперь она ушла и унесла с собой мое доброе имя, — сказал я. — Чудесная женщина наша миссис Тумз, но полна предрассудков. Она, вероятно, откажется от работы.

— Из-за того, что я здесь? Как глупо!

— У вас, вероятно, другие нормы морали.

— Но куда же мне было деваться? У меня всего несколько ваших шиллингов и ни одного знакомого.

— Вряд ли миссис Тумз все это известно.

— Но мы же не... то есть я хочу сказать, что мы не...

— Мужчина и женщина, ночью, вдвоем, — сказал я ей. — Вполне достаточно для наших условностей. По правде говоря, достаточно даже только числа два. Два. И можно предположить все что угодно.

— Ах да, конечно, я вспомнила! Тогда, то есть теперь, не было испытательного срока. У вас довольно строго придерживаются системы «как повезет».

— Это можно сказать и другими словами, но в общем.. конечно, внешне, во всяком случае, так оно и есть.

— Они довольно грубые, эти старинные обычаи, особенно когда с ними сталкиваешься непосредственно, но очень интересные, — заметила Тавия. Ее внимательный взгляд остановился на мне. — Вы... — начала она.

— Вы обещали, — напомнил я ей, — дать мне более понятное объяснение всему происходящему, чем это вам удалось вчера.

— Вы мне не поверили

— Сначала у меня захватило дыхание, — признался я. — Но с тех пор вы представили мне немало доказательств. Никто бы не смог разыгрывать такую шутку так долго.

Она нахмурилась.

— Это не очень-то любезно с вашей стороны. Я очень тщательно изучила середину двадцатого века. Это ведь моя тема.

— Да, вы об этом говорили, ну и что? Все историки специализируются по какому-нибудь периоду, но из этого еще не следует, что они в них внезапно появляются.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Конечно, появляются... дипломированные историки. А иначе как же они смогут проводить тщательные, подробные исследования?

— Вы слишком часто используете слово «конечно», — сказал я ей. — Предлагаю начать сначала. Так вот, мое письмо... Нет, пропустим письмо, — сказал я поспешно, увидев выражение ее лица. — Итак, вы начали работать в лаборатории своего дядюшки, где находится нечто называемое исторической машиной. Что это такое? Особый вид магнитофона?

— Да что вы! Нет! Это вроде шкафа, в негоходишь и отправляешься в разные времена и места.

— О! — сказал я. — Вы, значит, можете войти в него в две тысячи сто каком-нибудь году и выйти из него в тысяча девятьсот каком-нибудь?

— Или в любом другом прошедшем времени, — кивнула она. — Но, конечно, не всем разрешается это делать. Нужно пройти курс обучения и получить специальный диплом. В Англии есть всего шесть официально действующих исторических машин, а во всем мире примерно сто, и в отношении их существуют большие строгости.

Когда первые машины были созданы, не все понимали, какой вред они могут принести. Но через некоторое время историки, сверяя личные впечатления от поездок в прошедшие времена с существующими письменными источниками по данному периоду, обнаружили много странного. Например, выяснилось, что в Александрии еще до Рождества Христова демонстрировали простейшую паровую турбину. А при осаде Сиракуз использовалось нечто вроде напалма. Задумались, почему Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда еще не было воздушных кораблей, с которых можно было бы прыгать. Эрик Красный открыл Америку — негласно — задолго до того, как туда отправился

Колумб Наполеон говорил о подводных лодках... ну, и много разных других подозрительных фактов. Так что стало ясно, что некоторые люди были очень небрежны, пользуясь машиной, и вызвали хроноклазмы.

— Вызвали что?

— Хроноклазмы. Это когда что-нибудь происходит не в то время, когда оно должно произойти. Кто-нибудь проявил небрежность, говорил о чем-нибудь, о чем нельзя было говорить. Так вот, большинство из этих событий не причинило вреда, насколько мы можем судить, хотя вполне возможно, что естественный ход истории был несколько изменен, а потом люди писали очень мудрые исследования, чтобы объяснить, почему это произошло. Но все понимали, что результаты небрежностей могут быть очень опасны. Предположим, что кто-нибудь, не подумав, внушил бы Наполеону, в дополнение к идеям о подводной лодке, мысль о двигателе внутреннего сгорания. Трудно сказать, что произошло бы... Так что было принято решение немедленно прекратить всякое вольное и невольное вмешательство в дела прошедшего времени и на пользование всеми историческими машинами был наложен запрет, кроме тех, которым Совет Историков разрешил функционировать.

— Одну минутку! — перебил я. — Если что-либо свершилось, оно совершенно. Я хочу сказать, что, например, вот я здесь и я не могу теперь не быть здесь, даже если кто-нибудь отправится в прошлое и убьет моего дедушку в младенческом возрасте

— Но ведь вас не было бы здесь, если бы это произошло, правда? Да, ошибочность мнения, что прошлого не изменишь, не имела никакого значения, пока не было способов это прошлое изменять. Но когда такие способы появились и ошибочность такой точки зрения была обнаружена, потребовалась величайшая осторожность. Вот о чем приходится беспокоиться историку! Другое дело — как это все происходит. Ну, это объясняют специалисты по высшей математике. Теперь же прежде, чем получить разрешение работать на исторической машине, надо закончить специальные курсы, пройти испытания, проверку, получить допуск, принять на себя торжественные обязательства, а потом еще пройти испытательный срок — несколько лет. Только тогда вас допустят к самостоятельной работе, тогда вы можете лично посещать и наблюдать какой-либо период истории. И это все, что вам разрешается: наблюдать. Правило очень, очень строгое

Я размышлял

— Простите, если мой вопрос вам покажется нелюбезным, но не нарушаете ли вы сейчас очень много правил каждую минуту?

— Конечно, нарушаю. Поэтому они и пришли за мной.

— У вас отнимут право, если вас поймают?

— Что вы! Я никогда и надеяться не могла, что получу право. Я отправлялась сюда, в двадцатый век, тайком, когда в лаборатории никого не было. То, что эта лаборатория дяди Дональда, облегчало дело, потому что, если б меня и поймали на месте преступления, у машины, я всегда могла бы сделать вид, что выполняю какое-нибудь его особое задание.

Мне нужно было достать соответствующую одежду, чтобы прийти сюда, но я не решилась пойти в обычную историческую костюмерную, поэтому я сделала зарисовки некоторых вещей в музее и по ним сшила себе кое-что. Как они вам нравятся?

— Все очень удачно и идет вам, — уверил я ее, — хотя с обувью что-то неладно.

Она посмотрела на свои ноги.

— Так я и думала! Я не могла найти в музее ничего относящегося именно к этому периоду, — призналась она. — Ну а затем мне удалось совершить несколько пробных поездок. Пришлось ограничиться короткими путешествиями, потому что длительность времени постоянна, то есть час здесь равен часу у нас, а мне не удавалось заполучить машину в свое единоличное распоряжение надолго. А вчера в лабораторию вошел один человек, как раз в тот момент, когда я выходила из машины. Он увидел на мне эту одежду и сразу понял, что я сделала, так что оставалось только сразу же вскочить обратно в машину — мне больше никогда не удалось бы к ней и близко подойти. А они бросились за мной, не потрудившись даже переодеться.

— Вы думаете, они снова придут? — спросил я.

— Да, думаю, придут. Но в следующий раз будут одеты соответствующим образом.

— Они способны пойти на крайние меры? То есть, я хочу сказать, будут ли они стрелять или что-нибудь в этом роде?

Тавия покачала головой:

— О нет, это может вызвать довольно сильный хроноклазм, особенно если они убьют кого-нибудь.

— Но то, что вы здесь, наверное, уже вызвало целый ряд довольно мощных хроноклазмов? Что же хуже?

— Мои хроноклазмы все учтены. Я это проверила по историческим источникам, — ответила она довольно непонятно. — И они успокоятся, как только тоже догадаются проверить это.

Девушка на мгновение замолчала. Затем с таким видом, будто нашла более интересную тему, заговорила снова:

— Когда в ваше время люди женятся, они надевают специальную одежду, да?

Казалось, что эта тема ее очень привлекает.

— Мне, пожалуй, нравится замужество в двадцатом веке, — сказала Тавия.

— И в моем мнении оно тоже поднялось, дорогая, — признался я.

И в самом деле, я с удивлением отметил, насколько оно поднялось в моем мнении за последний месяц.

— В двадцатом веке супруги всегда спят в одной большой кровати, дорогой? — спросила она.

— Неизменно, милая, — уверил я ее.

— Смешно. Не очень гигиенично, конечно, но все-таки мило.

Мы задумались над этим.

— Дорогой, ты заметил, что она больше не фыркает на меня? — спросила Тавия.

— Они всегда перестают фыркать, когда им предъявляют свидетельство, дорогая, — объяснил я.

Некоторое время беседа мирно текла по руслу личных тем, не слишком интересных для других людей. Наконец я сказал:

— Похоже на то, дорогая, что нам больше нечего беспокоиться по поводу твоих преследователей. Они бы уже давно явились, если б волновались так, как ты думаешь.

Тавия покачала головой:

— Мы должны по-прежнему соблюдать осторожность. Но вообще что-то странно. Наверно, это из-за дяди Дональда. Он плохо разбирается в технике. Ты можешь судить об этом по тому, как он настроил машину, чтобы прийти к тебе, — с ошибкой на два года. Но нам ничего не остается делать, как ждать и соблюдать осторожность.

Я поразмыслил немного и сказал:

— Мне вскоре придется устроиться на работу. Тогда будет труднее следить, чтобы они не застали нас врасплох.

— На работу?! — воскликнула она.

— Двое не могут прожить на те же деньги, что один. Жены всегда стремятся поддержать определенный уровень,

и это справедливо, в меру, конечно. Та небольшая сумма, которая у меня есть, недостаточна.

— Об этом нечего беспокоиться, милый, — заверила меня Тавия. — Ты ведь можешь что-нибудь изобрести.

— Я? Изобрести?

— Конечно. Ты ведь довольно хорошо знаешь радиотехнику, да?

— Ну, я прослушал курс по радиолокации, когда служил в КВФ.

— Ах, КВФ, Королевский Воздушный Флот! — воскликнула она восторженно. — Подумать только, ты и в самом деле принимал участие во второй мировой войне! А ты был знаком с Монти или с Айком Эйзенхауэром?

— Лично — нет. Я служил в других частях.

— Какая жалость! Но вернемся к другому. Тебе надо будет достать какие-нибудь работы по радиоэлектронике, только посложнее, и я покажу тебе, что изобрести.

— Ты!.. Ага, понимаю. Но ведь это не очень этично, — произнес я с сомнением.

— Не вижу почему. В конце концов эти вещи должны же быть изобретены кем-нибудь. Иначе как я могла бы изучать их в школе?

— Я... мне надо немного подумать, — сказал я.

Наверно, это было простым совпадением, что именно в тот день я заговорил насчет преследования; по крайней мере это вполне могло быть совпадением. С тех пор как я встретил Тавию, я стал с подозрением относиться к совпадениям. Как бы то ни было, в то самое утро Тавия, выглянув в окно, сказала:

— Дорогой, там кто-то машет нам из кустов.

Палка с привязанным к ней белым носовым платком медленно раскачивалась из стороны в сторону. В бинокль я разглядел, что ею орудовал пожилой мужчина, почти совсем скрытый кустарником, который растет на склоне холма. Я передал бинокль Тавии.

— Ах, это дядя Дональд! Пожалуй, нам надо его принять. Он, кажется, один.

Я вышел из дому, прошел до конца дорожки и помахал ему рукой. Вскоре он вылез из кустов, неся палку с платком, как знамя. Его голос слабо донесся до меня: «Не стреляйте!»

Я поднял руки, чтобы показать, что я не вооружен. Тавия тоже вышла на дорожку и встала со мною рядом. Подойдя к

нам, посетитель переложил палку в левую руку, а правой приподнял шляпу и вежливо поклонился.

— О сэр Джеральд, как приятно вновь встретиться с вами, — произнес он.

— Он не сэр Джеральд, дядя, он мистер Лэттери, — сказала Тавия.

— Ай-ай-ай, как глупо с моей стороны!.. Мистер Лэттери, — продолжал гость, — я уверен, что вам будет приятно узнать, что рана оказалась скорее неудобной, чем серьезной. Все кончилось тем, что бедняжке придется некоторое время полежать на животе и кушать стоя.

— Бедняжке? — спросил я, ничего не понимая.

— Тому, кого вы подстрелили вчера.

— Подстрелил?

— Это произойдет завтра или послезавтра, — быстро вставила Тавия. — Дядя, вы действительно не в состоянии правильно устанавливать рычаги. Это ужасно!

— Принцип-то я понимаю, моя дорогая. Но на практике немного путаюсь.

— Ну, неважно. Раз вы уже здесь, входите. А платок можете убрать в карман, — добавила она.

Когда гость вошел, я обратил внимание на то, что он быстрым взглядом окинул комнату и удовлетворенно кивнул, как бы одобряя достоверность обстановки. Он сел. Тавия сказала:

— Прежде чем мы начнем, дядя Дональд, мне кажется, ты должен знать, что я вышла замуж за Джеральда... за мистера Лэттери.

Доктор Гоуби пристально посмотрел на нее.

— Вышла замуж? — повторил он. — Зачем?

— Ох! — сказала Тавия. Затем терпеливо объяснила: — Я люблю его, и он любит меня. Поэтому я стала его женой. Здесь это делают так.

Доктор Гоуби покачал головой:

— Разумеется, мне известна твоя сентиментальная привязанность к двадцатому веку и его обычаям, моя дорогая. Но ведь тебе совсем не обязательно становиться туземкой... гм-м... точнее, тувременницей.

— А мне нравится, очень! — сказала Тавия.

— Молодые женщины любят романтику, я знаю. Но ты подумала о том, какие неприятности ты можешь доставить сэру Дже... То есть мистеру Лэттери?

— Наоборот, я ему помогаю, дядя Дональд! Здесь ведь фыркают, если ты не женат, а мне не нравилось, когда на него стали фыркать.

— Я не столько думаю о том времени, пока ты здесь, сколько о том, когда ты уйдешь. У них очень много правил относительно предполагаемой смерти, доказательств того, что жена бросила тебя, и тому подобное. Очень длительный и запутанный процесс. И он не сможет больше ни на ком жениться.

— Я уверена, что он и не захочет больше ни на ком жениться, правда, милый?

— Конечно, нет! — подтвердил я.

— Ты уверен в этом, милый?

— Дорогая, — сказал я, беря ее за руку, — если бы все женщины мира...

Через некоторое время доктор Гоуби привлек наше внимание деликатным покашливанием.

— Действительной причиной моего визита, — заявил он, — является стремление убедить мою племянницу в том, что ей следует немедленно вернуться. На факультете царят страшное волнение и глубокая тревога в связи с этим делом. И виновным считают в основном меня. Наша главная забота — вернуть ее, вернуть, пока не нанесен серьезный ущерб истории. Любой хроноклазм бесконечно реверберирует в веках, а эта ее эскапада может вылиться в очень, очень серьезный хроноклазм. Не удивительно, что мы все находимся в чрезвычайно, чрезвычайно нервном напряжении.

— Я очень сожалею, дядя Дональд, о том, что на вас падает ответственность, очень сожалею. И все же я не вернусь. Я здесь счастлива.

— Но возможные хроноклазмы, моя дорогая! Я ночами не сплю, думая...

— Дорогой дядя, — перебила она, — это ведь не сравнить с хроноклазмом, который действительно произойдет, если я вернусь сейчас. Я просто не могу. Вы должны понять это и объяснить всем.

— Не можешь? — повторил он.

— Если вы заглянете в документы, то увидите, что мой муж... Какое смешное, старомодное слово, не правда ли? Впрочем, мне оно нравится. Оно происходит от слова...

— Ты говорила о том, что не можешь вернуться, — напомнил ей доктор Гоуби.

— Ах да! Так вот, в книгах вы прочтете, что сначала он изобрел подводную радиосвязь, а потом, несколько позже, изобрел передачу энергии изогнутым лучом, за что и получил титул «сэр».

— Я прекрасно все это знаю, Тавия. Но не понимаю, что...

— Дядя Дональд, вы должны понять! Как же сможет он изобрести эти штуки, если меня не будет здесь, чтобы

показать ему, как это сделать? Если вы заберете меня с собой сейчас, они просто-напросто не будут изобретены. И тогда что произойдет?

Несколько мгновений доктор Гоуби пристально смотрел на нее.

— Да, — произнес он, — да, я должен признать, что этот аргумент не приходил мне в голову, — и он погрузился в размышления.

— Кроме того, — добавила Тавия, — Джеральду будет очень неприятно, если я уйду, правда, милый?

— Я...

Доктор Гоуби прервал меня.

— Да, — сказал он, вставая, — я понимаю, что придется на некоторое время отложить твое возвращение. Я поставлю перед ними этот вопрос, но отсрочка будет временной. — У двери он остановился. — А пока, моя дорогая, будь осторожна. Все это так хрупко и так сложно... Меня бросает в дрожь, когда я подумаю, какие могут возникнуть запутанные ситуации, если ты... скажем, если ты вдруг сделаешь нечто безответственное, например, станешь своим собственным предком.

— Этого я не могу сделать, дядя Дональд, я из боковой ветви.

— Ах да! Да, это очень удачно. Тогда до свидания, моя дорогая, и вы также, сэр... гм-м... мистер Лэттери. Я надеюсь, что мы еще встретимся. Когда приезжаешь сюда не только в качестве наблюдателя... в этом есть своя прелесть.

— Точно, дядя Дональд! — воскликнула Тавия.

Он укоризненно покачал головой:

— Ай-ай-ай! Боюсь, моя дорогая, что ты никогда не достигнешь высот исторической науки. Ты недостаточно тщательно работаешь. Слово «точно» было в ходу не в шестидесятых, а в сороковых годах двадцатого века. И даже тогда, если мне будет разрешено сделать такое замечание, оно не считалось особенно элегантным.

Ожидаемый инцидент со стрельбой произошел примерно неделю спустя. Трое мужчин, наряженные в более или менее убедительную имитацию одежды сельскохозяйственных рабочих, подошли к нашему дому. Тавия узнала одного из них в бинокль. Когда я с ружьем в руках появился на крыльце, они попытались спрятаться в огороде. Я выстрелил дробью — на большом расстоянии, — и один из них заковылял.

После этого нас оставили в покое. Некоторое время спустя мы с Тавией занялись вопросами подводной радиосвязи — удивительно простая штука, когда тебе объяснят принцип, — и я подал заявку на патент. Затем мы занялись передачей изогнутым лучом.

Тавия торопила меня с этим:

— Понимаешь, я не знаю, сколько у нас осталось времени, дорогой. Я все пытаюсь вспомнить, с тех самых пор как прибыла сюда, какая дата отправки стояла на твоём письме, и — не могу! Хотя отлично помню, что ты ее подчеркнул. Мне известно, что есть сведения о том, будто первая жена ушла от тебя... «Ушла», какое ужасное слово! Словно я по собственной воле когда-нибудь... Но там не было написано, когда именно. Так что мне надо как следует тебе все объяснить об изогнутом луче, потому что, если ты этого не изобретешь, произойдет страшный хроноклазм!

А затем, вместо того чтобы взяться за дело, как она сама и предлагала, Тавия задумалась.

— Признаться, я уверена, что так или иначе хроноклазм все же произойдет, довольно страшный хроноклазм. Видишь ли, у меня будет ребенок.

— Ну да! — воскликнул я в восторге.

— Что значит «ну да»? У меня будет ребенок. И я волнуюсь. По-моему, этого еще никогда не случилось с путешествующими историками. Если бы дядя Дональд узнал, он бы страшно встревожился.

— К черту дядю Дональда! — сказал я. — И к черту хроноклазмы! Сейчас мы это отпразднуем, моя дорогая!

Быстро пролетали недели. Мне выдали предварительные патенты. Я уже хорошо знал теорию передачи энергии изогнутым лучом. Все шло прекрасно. Мы обсуждали будущее: назовем ли мы его Дональдом или ее Александрой; когда начнут поступать гонорары; сколько будет стоить Бегфорд-холл; как смешно будет слышать обращение «леди Лэттери»... Ну и тому подобное.

А затем настал декабрьский день, когда я вернулся домой из Лондона после беседы с одним промышленником и не застал ее...

Ни записки, ни одного прощального привета. Просто распахнутая входная дверь и в комнате опрокинутый стул.

О Тавия, моя дорогая!..

Я начал это писать, потому что меня все еще мучает совесть насчет того, этично или нет не быть изобретателем

собственных изобретений. Мне казалось, что таким путем я смогу это выяснить. Я написал все и понял теперь, что «выяснить» — не совсем подходящее слово. По правде говоря, я предвижу, сколько возникнет осложнений, если я изложу истинную причину своего отказа от титула. Пожалуй, я ничего не скажу, а просто приму титул, когда мне его дадут. В конце концов, если вспомнить, сколько было изобретено вещей «по вдохновению», я начинаю думать: а не поступали ли другие до меня точно так же?

Я никогда не претендовал на полное понимание взаимосвязей и взаимозависимостей описанных событий, но я твердо знал, что по крайней мере одно я должен обязательно сделать: не только потому, что боялся вызвать какой-нибудь «страшный хроноклазм», а потому, что, если бы я этого не сделал, мне бы казалось, что всего этого никогда и не случилось. Поэтому я должен написать письмо.

Сначала конверт:

«Моей праправнучатой племяннице мисс Октавии Лэттери. Вскрыть в день ее совершеннолетия — 6 июня 2136 года».

Затем письмо.

Дата. Дату надо подчеркнуть.

«Моя милая, далекая, прекрасная Тавия!

Моя дорогая...»

УСТАЛЫЙ ПУТНИК, ОТДОХНИ

1

Зрелище не впечатляло. Тому, чьи глаза видели земные пейзажи, оно казалось ничем не примечательным, типично марсианским, то есть довольно унылым. Впереди и слева расстилалась до самого горизонта сверкающая гладь воды; в миле или около того справа виднелся невысокий берег — желтый, с красноватым отливом песок, заросли похожего на тростник чахлого кустарника. А позади, далеко-далеко, маячили багровые горы, увенчанные снежными шапками.

Пригревало полуденное солнце. Берт лениво следил, как плещется вода за кормой лодки, как пропадает легкая рябь, и прислушивался к великому безмолвию, которое поглощало рокот мотора. Одно и то же, на протяжении нескольких дней, нескольких сотен миль пути: местность совершенно не менялась.

Его лодка представляла собой весьма необычную конструкцию. Ничего подобного не было ни на Марсе, ни наверняка где-либо еще. Берт построил ее сам, хотя не имел ни малейшего понятия, как строятся лодки. Правда, в мыслях поначалу присутствовал некий смутный образ, однако нехватка материалов и подручных средств раз за разом вынуждала отступать даже от этого, намеченного лишь в общих чертах плана. В результате получилось суденышко, отдаленно напоминавшее то ли сампан, то ли плоскодонку, то ли бак для дождевой воды. Тем не менее Берт остался доволен.

Он привольно раскинулся на корме: одна рука на руле, другая лежит на груди, длинные ноги вытянуты. Наряд Берта составляли драная рубашка и латаные-перелатанные штаны; на ногах — собственноручно изготовленные башмаки с парусиновым верхом и плетеными подошвами. Узкое

Time to Rest

© 1995 К. Королев, перевод

лицо обрамляла рыжеватая борода, темные глаза смотрели из-под обвисшего края фетровой шляпы.

Рокот старенького лодочного моторчика напоминал Берт урчание кота. По правде сказать, Берт относился к мотору как к старому другу и всячески о нем заботился, а тот отвечал на добро добром — благодушно пофыркивая, неутомимо подталкивал лодку вперед. Порой Берт подбадривал мотор или делился с ним своими мыслями; ему самому эта привычка не нравилась, и он одергивал себя — всякий раз, когда замечал, что случалось достаточно редко. Он испытывал привязанность к мотору и был тому искренне признателен — не только за то, что мотор не капризничал, но и за то, что его рокот нарушал тишину.

Марсианская тишина наводила на мрачные мысли; Берт ее не воспринимал, однако бояться не боялся, в отличие от большинства, которое обосновалось в поселениях, где были соседи, звуки и иллюзия надежды. Ему не сиделось на месте, неугомонность пересиливала нелюбовь к великому безмолвию и звала в дорогу — несмотря на то что другие искатели приключений возвратились домой, отчаявшись осуществить свои мечты. Берт довольствовался малым: как цыган, он нигде не задерживался надолго и продолжал путь.

Годы назад его звали Бертом Тассером, однако по фамилии к нему никто не обращался настолько давно, что он почти забыл ее сам, а остальные и подавно. Просто Берт — единственный, кстати, на Марсе человек с таким именем.

— Уже скоро, — пробормотал он, садясь, чтобы лучше видеть.

На берегу канала, среди чахлого кустарника, стали все чаще появляться другие растения — с тонкими ветками и блестящими, словно отполированными листьями, которые колыхались при малейшем дуновении ветерка. Заросли уходили вдаль, до горизонта. Берт знал — стоит заглушить мотор, и он услышит не тишину, а шелест множества листьев.

— Колокольцы, — проговорил он. — Да, совсем рядом. — Вынул из рундучка, что стоял на корме лодки, потрепанную нарисованную от руки карту, сверился с ней, раскрыл не менее потрепанную записную книжку и принялся перечитывать список имен на одной из страниц. Затем, повторяя имена вслух, спрятал карту и записную книжку обратно в рундучок.

Минуло около получаса, и за полосой прибрежного кустарника показалось приземистое черное сооружение.

— Прибыли, — заявил Берт, будто подбадривая мотор. Дескать, последнее усилие — и все...

Здание, выглядевшее издалека достаточно странно, оказалось на деле чем-то вроде основания рухнувшей башни, от которой осталась только одна стена высотой около двадцати футов. Стены здания украшали наполовину сглаженные временем резные узоры. Выстроенное из темно-красного камня, оно стояло ярдах в ста от берега. Урон, нанесенный ему минувшими столетиями, стал заметен лишь вблизи.

Берт подождал, пока лодка очутится прямо напротив здания, потом развернул неуклюжее суденышко и направил к берегу. Вскоре под днищем зашуршал песок. Он заглушил мотор; в ту же секунду послышался звон колокольных, к которому примешивались скрип ветхого, медленно вращавшегося чуть левее колеса водяной мельницы и стук, доносившийся со стороны здания.

Берт пробрался в каюту, защищавшую его от ночного холода. Внутри царил сумрак — оконного стекла на Марсе не найти днем с огнем. Он пошарил вокруг, подобрал два мешка — один с инструментами, второй пустой, вскинул на плечо, затем вылез наружу, спрыгнул в воду, воткнул в песок железный крюк и привязал к нему веревку, что лежала на носу лодки. Теперь можно не опасаться, что лодку унесет течением; хотя какое тут течение... Покончив с этим, Берт направился к зданию.

То окружали возделанные поля, на которых зеленели стройные ряды посевов. Вдоль полей тянулись узкие канавы с водой. К зданию примыкало странного вида сооружение, сложенное, должно быть, из обломков башни. Из-за него время от времени доносились звуки, которые явно издавали какие-то животные. В стене здания имелся дверной проем, по обе стороны от которого зияли дыры — судя по всему, окна, хотя и без стекол. Поблизости от двери темноволосая женщина молотила зерно, рассыпанное на плоском камне, по которому она била с размаха тяжелой дубинкой. Средних лет, однако фигура как у молоденькой; волосы собраны в высокий пучок, красноватая кожа отливает медью, единственная одежда — юбка из грубой желтовато-коричневой ткани, украшенная сложной вышивкой. Заметив Берта, женщина произнесла на местном наречии:

— Добро пожаловать, землянин. Мы ждали тебя раньше, но ты задержался в дороге.

— Задержался? — переспросил он на том же нарекании. — Знаешь, Анника, мне кажется, я пришел, как обещал.

Берт скинул наземь мешки, которые тут же принялись изучать невесть откуда взявшиеся банникуки. Не обнаружив ничего заслуживающего внимания, похожие на мартышек зверьки, которых было около дюжины, обступили Берта и начали жалобно мяукать. Берт достал из кармана пригоршню орехов, сел на лежавший неподалеку камень и, припоминая прочитанные в записной книжке имена, стал расспрашивать Аннику об остальных членах семьи.

Все как будто в порядке. Янфф, старший сын, ушел, зато младший, Таннак, дома, вместе со своими сестрами Гуйкой и Зайло. У Гуйки и ее мужа родился еще один ребенок. Кроме младенца, все сейчас на дальнем поле, скоро вернутся.

Берт посмотрел в ту сторону, куда показала Анника, и различил вдалеке, среди зелени, несколько черных точек.

— Второй урожай обещает быть неплохим, — заметил он.

— Спасибо Великим, — отозвалась Анника.

Цвет кожи Анники и окружающая обстановка неожиданно напомнили Берту картины, которые он видел много лет назад. Вроде бы кисти Гогена. Впрочем, Анника непохожа на тех женщин, которых рисовал Гоген. Вполне возможно, она не была красавицей даже в молодости и даже по здешним меркам. Землянам обитатели Марса, отличавшиеся менее плотным сложением, казались ходячими скелетами. Правда, Берт скоро привык и перестал обращать внимание; пожалуй, теперь у него вызовут отвращение земные женщины — если он когда-нибудь встретит хотя бы одну.

Анника почувствовала на себе взгляд Берта и повернулась к нему. Улыбнуться она не улыбнулась, но взор ее выражал доброту и сочувствие.

— Ты устал, землянин.

— Я устал давным-давно.

Анника понимающе кивнула и снова взмахнула дубинкой.

Берт знал: она догадывается, что у него на душе. Все до единого марсиане относились к землянам с искренним сочувствием. И очень жаль, что поселенцы, которые поначалу называли марсиан не иначе как «дикарями» и «недоум-

ками», пригодными лишь на то, чтобы выполнять за них самую грязную работу, поняли это далеко не сразу. Теперь-то они сообразили, что к чему; некоторые, подобно Берт, узнали аборигенов гораздо лучше, а большинство, проживавшее в поселениях, встречалось с местными крайне редко. Тем не менее Берт, когда вспоминал о первых годах на Марсе, по-прежнему испытывал жгучий стыд за своих соплеменников.

— Сколько времени у нас не был? — спросила Анника чуть погодя.

— Лет семь, если считать по-вашему. А по-нашему — четырнадцать.

— Долго. — Женщина покачала головой. — И все один. Так не годится. Впрочем, вы, земляне, такие странные... — Она пристально посмотрела на Берта, словно пыталась увидеть эту странность. — Только ты другой. — И вновь покачала головой.

— Со мной все в порядке. — Берт поспешил переменить тему. — Что вы мне приготовили?

Анника принялась перечислять: надо залудить кастрюли, сделать несколько новых, отремонтировать колесо водяной мельницы, поправить дверь, которая соскочила с петель и которую Янфф поставил на место, но неудачно. Берт слушал ее вполуха, одновременно размышляя о своем — еще одна привычка, порожденная постоянным одиночеством.

2

Слова «Со мной все в порядке» были пустой отговоркой, и Берт знал, что Аннике это прекрасно известно. Никто из землян не мог похвастаться тем, что у него все в порядке. Одни притворялись, более-менее искусно, другие даже не пытались. Некоторые, вроде него, бродили по марсианским пустыням; большинство же предпочитало медленно умирать от тоски и чрезмерного потребления алкоголя в поселениях. Нашлись и такие, что, в погоне за призраком надежды, попробовали превратиться в аборигенов и стали жить с марсианками. Этих Берт было откровенно жаль. Как они радовались случайным встречам с другими землянами! И говорили, говорили без умолку — вспоминали, вспоминали...

Берт выбрал для себя удел бродяги. В поселениях царило отчаяние, и не нужно было обладать пророческим даром, чтобы понять, какая судьба ожидает тамошних жителей. Целый марсианский год Берт строил свою лодку, оснащал ее всем необходимым, собирал инструменты и припасы, изготавливал кастрюли и сковородки, которые намеревался

продавать. А вскоре после того как отправился в путь, обнаружил, что дорога не отпускает. В поселениях его почти не видели: он заглядывал туда лишь для того, чтобы разжиться топливом для мотора или перезимовать под крышей, а потом снова исчезал. И каждый раз, попадая в поселения, он подмечал свежие признаки упадка и узнавал, что еще несколько знакомых избавились ото всех и всяческих забот, допившись до смерти.

Однако недавно он ощутил в себе перемену. Снедавшее душу беспокойство, которое по-прежнему гнало его из поселений, несколько ослабело; составляя очередной маршрут, он уже не ощущал былого удовольствия. Нет, желания осесть в каком-нибудь поселении не было и в помине, но Берт начал понимать, что движет поселенцами и почему они, что называется, не просыхают. Порой ему становилось неуютно: он изменился настолько, что в состоянии им сочувствовать.

В основном, как полагал Берт, дело было в возрасте. Свой первый и единственный межпланетный перелет он совершил, когда ему исполнилось двадцать один, а остальным лет на десять (пятнадцать, двадцать) больше: теперь он начинает чувствовать то, что они ощутили годы назад, — безысходность, бессмысленность жизни и тоску по тому, что исчезло навсегда.

Что именно произошло, достоверно никто не знал и не узнает. Это случилось на четвертый день после того, как корабль, на котором летел Берт, стартовал с Луны в направлении Марса. Его вытащил из каюты приятель, немногим старше, чем он сам. Прильнув к иллюминатору, они наблюдали картину, которая навсегда запечатлелась в памяти: Земля покрылась множеством трещин, наружу выплеснулось ослепительно яркое пламя...

Одни утверждали, что взорвалось какое-то из захоронений ядерных отходов: мол, масса превзошла критическую и началась цепная реакция. Другие возражали: в таком случае, говорили они, Земля не раскололась бы, а попросту испарилась бы, превратилась бы в облако газа. Спор между дилетантами касательно того, какие элементы могли вызвать цепную реакцию, продолжался довольно долго. Однако это были сплошные догадки. Сомнения не вызывало лишь одно: на месте родной планеты возникло скопище астероидов,

которые и двигались теперь по орбите вокруг Солнца в этаким космическом хороводе.

Некоторые из членов экипажа упорно отказывались верить собственным глазам, а когда наконец поверили, впали в прострацию. Кое-кто ухватился, как за соломинку, за тот факт, что рассудок не в силах воспринять случившееся; для них Земля продолжала существовать, разве что не на привычном месте, а где-то еще. Люди пали духом. Нашлись и такие, кто настаивал на возвращении — дескать, надо же помочь! Впоследствии они не переставали ворчать, что капитан, который решил лететь дальше, не позволил им выполнить свой долг.

Навигаторы с каждым днем нервничали все сильнее: карты и таблицы никуда не годились, поскольку катастрофа начисто переkreпила пространство. Затаив дыхание, экипаж корабля наблюдал, как освободившаяся от земного притяжения Луна сошла с орбиты и устремилась вдаль, покоряясь неодолимой силе Юпитера. Впрочем, это произошло уже после того, как звездолет, благодаря умению навигаторов и простому везению, достиг места назначения.

Затем на Марс стали прибывать и другие корабли — из пояса астероидов, со спутников Юпитера... словом, кто откуда. Некоторых, сообщивших, что летят, так и не дождались. В конце концов на Марсе оказалось десятка два звездолетов с экипажами, общая численность которых составляла несколько сот человек. Среди них были не только пилоты и механики, но и шахтеры, бурильщики, геологи, администраторы и представители множества других профессий, которым предстояло осваивать чужой мир.

Кроме того, в одном из экипажей оказались две женщины — то ли стюардессы, то ли прислуга. Ничего, симпатичные, хоть и не красавицы. Но обстоятельства, естественно, были против них. Они покатались по наклонной плоскости с той удивительной скоростью, с какой это обычно и происходит с порядочными женщинами, стоит им разок согрешить. По слухам, из-за каждой погибло по дюжине мужчин, прежде чем кто-то сообразил, что от обеих можно избавиться тем же самым способом. С женщинами расправились, страсти потихоньку улеглись, основным развлечением стала выпивка.

А ведь могло быть и хуже, сказал себе Берт. Могло и стало — для тех, у кого были семьи и дети. Самого Берта зацепило, так сказать, на излете: мать умерла за несколько лет до катастрофы, отец сильно сдал... Была еще девушка

по имени Эльза — миленькая, славная девушка с золотистыми волосами, которую память услужливо превратила в писаную красавицу. Однако толком между ними ничего не было; ну да, она, наверно, могла бы выйти за него замуж, но на деле он никогда ее об этом не спрашивал... Ладно, остается утешаться тем, что он застрял на Марсе, а не в парилке Венеры и не в каком-нибудь холодильнике вроде спутников Юпитера. Здесь можно было просто жить, не ведя постоянной и изнурительной борьбы за существование; а чем заливать тоску вином, лучше уж бродить по свету. Именно эта мысль, помнится, подвигла его на строительство лодки.

Берт до сих пор считал, что поступил весьма разумно. Работа не давала хандрить, а отправившись в путь, он почувствовал себя первопроходцем, новоявленным марсианским пионером. Бесчисленные каналы протяженностью в несколько тысяч миль, аборигены, оказавшиеся вовсе не такими, как утверждала молва; чужой язык со множеством наречий, в которых следовало разобраться — и Берт разобрался, да так, что говорил сейчас на четырех из них лучше любого другого землянина, а понимал еще больше. Дошло до того, что даже думать он стал на марсианском.

Его путь пролегал по каналам, напоминавшим порой настоящие моря шириной в семьдесят—восемьдесят миль, от одного поселения к другому. Чем больше он видел, тем сильнее изумлялся и по сей день не мог понять, каким образом были проложены эти каналы. Марсиане, которых он расспрашивал, словно сговорившись, твердили одно: каналы в незапамятные времена построили Великие. В конце концов Берт стал принимать каналы и все остальное как должное и не раз мысленно благодарил Великих, кем бы они там ни были, за проявленную заботу.

Он полюбил марсиан, тихая, мирная жизнь которых и философский взгляд на вещи помогали справиться с беспокойством и умеряли пыл. Довольно быстро ему стало ясно: то, что земляне считают марсиан ленивыми и изнеженными дикарями, объясняется несовпадением точек зрения, непониманием чужого образа мыслей. Берт постарался приноровиться к местным условиям и привычкам. Вдобавок, он догадался, что сможет обеспечить себе пропитание, если будет выменивать у аборигенов еду на сковородки и кастюли.

Вот так он и жил: бродяжил, чинил, поправлял, нигде подолгу не задерживаясь. И лишь недавно осознал, что беспокойство, которое им владеет, скитаниями по свету не унять.

Берт настолько углубился в размышления, что не заметил, когда Анника замолчала и вернулась к работе. Он очнулся, лишь услышав:

— Вон они идут.

Первыми показались двое мужчин, которые шагали, опустив головы, и о чем-то переговаривались между собой. Узкие плечи, хилые тела — по земным меркам; впрочем, Берт воспринимал их иначе — как хорошо сложенных, крепких и выносливых мужчин. Следом шли женщины. Гуйка несла на руках младшего из своих детей, двое других держались за руки ее сестры, которая весело смеялась. Берт прикинул, что Гуйке сейчас, по земному счету, лет двадцать пять; а Заило года на четыре моложе. Как и на матери, на них не было никакой одежды, кроме расшитых желтыми нитками юбок. Волосы точно так же собраны в высокие пучки и заколоты серебряными шпильками. Все движения молодых женщин были исполнены изящества. Берт не сразу узнал Заило: когда он навещал семью Анники в прошлый раз, да и до того, девушки не было дома, а за минувшие годы она изменилась столь сильно, что в его растерянности не было ничего удивительного.

Заметив Берта, Таннак ускорил шаг и радостно приветствовал землянина. Вскоре его окружили и все остальные; как обычно, вид у них был такой, словно они пытаются вспомнить, как Берт выглядел при прошлой встрече.

Анника собрала с камня молотое зерно и скрылась в дверном проеме. Все прочие последовали за ней. Судя по их улыбкам и веселым голосам, они искренне радовались появлению Берта.

За едой Таннак принялся перечислять все, что требовало починки. Берт прикинул, что особых сложностей, судя по всему, не предвидится. Вообще странно получается: землянину, чтобы заменить и устранить какую-нибудь мелкую неисправность, нужно, как правило, минут пять—десять, а марсиане могут проломать над ней головы целый день — и все попусту. Вдобавок они ни за что не станут изобретать новых подручных средств — зачем, когда есть старые? Такими уж уродились. Может быть, эта черта характера, заодно с несвойственной землянам пассивностью, объясня-

ется тем, что марсиане никогда не были на своей планете господствующей расой (до тех пор, пока господствовать стало практически не над кем)? Марсом правили загадочные Великие, которые построили каналы, обрушившиеся ныне башни и превратившиеся в пыль города; Великие, которые исчезли сотни, если не тысячи лет назад и под властью которых, похоже, не надо было ничему учиться: чего ради, если Великие могут сотворить что угодно? И древняя традиция ничегонеделания продолжает существовать по сей день. Порой Берту казалось, что здесь присутствует нечто вроде подсознательного табу. Марсиане поминали Великих чуть ли не через слово... Любопытно бы узнать, кто такие Великие на самом деле и как они выглядели; но спросить не у кого, никто не ответит.

После еды Берт вышел наружу, развел костерок и достал из мешка инструменты. Марсиане принесли ему дырявые кастрюли, сломанную мотыгу и прочую домашнюю утварь, что требовала ремонта, и разошлись по своим делам. С Бертом остались лишь трое детей, которые, сидя на земле, наблюдали за его работой, поглаживали мельтешивших у костра банникуков и забрасывали землянина вопросами. Им хотелось узнать, почему он не такой, как Таннак и другие мужчины, почему носит куртку и штаны, зачем нужна борода.

Берт начал рассказывать о Земле. Огромные густые леса, зеленые холмы, громадные облака, что плывут по голубому небу, лазурные морские волны с белыми барашками пены, горные ручьи, местности, где нет никаких пустынь, где по весне повсюду распускаются цветы, древние города, маленькие деревушки... Дети мало что понимали, а верить, пожалуй, почти совсем не верили, однако внимательно слушали. Берт настолько увлекся, что вспомнил об их присутствии, лишь когда подошедшая к костру Анника отослала детей к матери.

Ребятишки убежали, а женщина присела рядом с Бертом.

Солнце клонилось к закату, становилось все прохладнее, однако Анника, по-видимому, этого не замечала.

— Плохо быть все время одному, землянин, — сказала она. — В молодости еще можно позволить себе такую роскошь, но в зрелом возрасте пора образумиться.

Берт хмыкнул.

— Мне нравится быть одному, — отозвался он, не поднимая головы.

Анника глядела вдаль, на мерцающие колокольцы и на зеркальную гладь канала

— Когда Гуйка и Занло были маленькими, ты тоже рассказывал им о Земле, но иначе, чем сейчас. В те дни ты описывал большие города, в которых жили миллионы землян; громадные корабли, что выглядели по ночам ярко освещенными замками; машины, передвигавшиеся по земле с небывалой скоростью или летавшие над ней; голоса, передававшиеся по воздуху, и прочие чудеса. А иногда начинал распевать странные, бестолковые земные песенки, чтобы насмешить девочек. Но сегодня ты говорил о другом

— Говорить можно о многом. Повторяться вовсе не обязательно, верно?

— Важно не то, о чем ты рассказываешь, а то, почему ты это делаешь, — проговорила Анника.

Берт подул на уголья и поставил на них подлатанную кастрюлю. Он ничего не ответил

— Во вчерашнем нет будущего. Нельзя жить вспять, — продолжала женщина.

— Будущее! Разве у Марса есть будущее? Он дряхлеет, умирает, и мы умираем вместе с ним, — бросил Берт.

— А разве Земля не начала умирать с того самого мгновения, как стала остывать? Однако на ней возникла не одна цивилизация..

— Ну и что? — с горечью в голосе спросил Берт. — Где они теперь?

— Если так рассуждать, лучше и не рождаться на свет

— Может быть.

Женщина посмотрела на него:

— На самом деле ты так не думаешь.

— Ошибаешься. В моем положении думать по-другому не получается.

Над побережьем сгущались сумерки. Берт забросал уголья камнями и принялся собирать инструменты.

— Оставайся с нами, землянин, — предложила Анника. — Тебе пора отдохнуть.

Он изумленно уставился на нее, потом, скорее неосознанно, чем по зрелом размышлении, покачал головой. Давным-давно убедивший себя в том, что его удел — скитаться по свету, он предпочитал не задаваться вопросом, насколько в нем сильна тяга к странствиям.

— Оставайся, будешь нам помогать. Ты разбираешься в том, чего мы попросту не знаем. И ты крепок и силен, как двое наших мужчин. — Анника окинула взглядом поля за зданием. — Тут хорошо, а с тобой станет еще лучше.

Появятся новые поля, будет больше скота. Ведь мы тебе нравимся, правда?

Берт застыл. Какой-то банникук осмелел настолько, что попробовал забраться к нему в карман. Он отогнал зверька взмахом руки.

— Да, я всегда возвращаюсь к вам с радостью, но...

— Что «но», землянин?

— Вот именно! Землянин... Мне тут нет места, поэтому я прихожу и ухожу и нигде не задерживаюсь.

— Место найдется, если захочешь. Ты сроднился с Марсом. Окажись ты сейчас на сотворенной заново Земле, она показалась бы тебе совершенно чужой.

Берт недоверчиво покачал головой.

— По-твоему, согласившись со мной, ты предашь память Земли? Считай, как тебе угодно. Я полагаю, что не ошиблась.

— Этого не может быть. — Он вновь покачал головой. — И потом, какая разница?

— Большая, — ответила Анника. — Ты потихоньку начинаешь понимать, что жизнь нельзя остановить только потому, что она тебя не устраивает. Ты — частичка этой жизни.

— К чему ты клонишь?

— Просто существовать мало. Пойми, существовать значит брать. А жить — брать и отдавать.

— Ясненько, — с сомнением в голосе протянул Берт.

— Не думаю. В общем, и для тебя, и для нас будет лучше, если ты останешься. И не забудь про Заило.

— Заило? — недоуменно повторил Берт.

3

На следующее утро Берт отправился чинить водяное колесо, у которого его и нашла Заило. Девушка уселась чуть поодаль, на пригорке, оперлась подбородком на колени и стала наблюдать. Немного погодя Берт поднял голову, встретился с Заило взглядом — и тут с ним произошло что-то странное. Вчера Заило показалась ему ребенком, подростком, но ребенком, сегодня же он смотрел на нее совсем другими глазами. Сердце бешено заколотилось в груди, рука дрогнула, и он чуть не выронил свой инструмент. Берт прислонился спиной к колесу, не в силах вымолвить ни слова. Впечатление было такое, будто прежде чем он смог заговорить, прошло неведь сколько времени. Да лучше бы и не заговаривал — фразы какие-то корявые, неуклюжие...

О чем они говорили, он не запомнил. В памяти остался лишь облик Зайло. Выражение лица, глубина черных глаз, изящный изгиб розовых губ, солнечные блики на коже, этакая дымка на медно-красном фоне; высокая грудь, стройные икры, что виднелись из-под юбки..

Сколько всего он до сих пор не замечал! Форма ушей, направление роста волос, уложенных на макушке в тугий пучок и закрепленных тремя серебряными шпильками; тонкие пальцы, похожие на жемчуг зубы. И так далее, и тому подобное, бесконечный перечень чудес, дотоле остававшихся незамеченными

Воспоминания об этом дне были на редкость смутными. В голове отложилось лишь диковинное ощущение: его словно разорвало пополам, однако обе половинки находились настолько близко друг к другу, что одна то и дело накладывалась на другую. Берт представлял, как плывет в лодке по каналу, что тянется через бескрайнюю пустыню; переживает внезапно налетевшую песчаную бурю, отсиживаясь в каюте, куда все равно проникает песок; чинит посуду в поселении... Привычная жизнь, выбранная вполне осознанно, жизнь, которой можно жить и дальше, забыв о Зайло. Но Берт понимал, что отныне в его жизни многое переменится, потому что забыть Зайло будет не так-то легко. Зайло улыбается, играя с ребятишками сестры; идет, сидит, стоит.. Зайло, Зайло... Он гнал прочь шальные грезы, однако те подступали вновь и вновь, настойчиво тревожили воображение. Вот Зайло лежит рядом, опустив голову ему на плечо; какая теплая у нее кожа; как хорошо, что наконец-то нашелся кто-то, способный унять беспокойство...

Жуткая боль, будто срывают присохшую к ране повязку

Вечером, после еды, Берт спрятался в лодке. За столом, когда он смотрел на Зайло, ему казалось, что девушка догадывается о том, что творится у него внутри, и знает о нем гораздо больше, нежели он сам. Ни жеста, ни знака, внешне безучастная, что, признаться, слегка пугает... Трудно сказать, он надеялся или опасался, что Зайло последует за ним. Однако она не пришла.

Берт не заметил ни как село солнце, ни того, что начал дрожать от холода. Очнувшись какое-то время спустя, он поднялся, вылез из лодки, добрал по мелководью до берега и взобрался по склону. В небе сверкал Фобос, тусклый свет которого ложился на поля и пустыню за ними. Основание

башни выглядело в ночном сумраке бесформенной черной громадой.

Берт вскинул голову и уставился во мрак. Где-то там, в черноте космоса, существовал когда-то его дом. Марс оказался ловушкой, однако он не позволит приручить себя! Не допустит ничего подобного, сохранит верность Земле — ее останкам, ее памяти. Жаль, что он не погиб вместе с планетой, вместе с горами и океанами и миллионами других людей. Пускай он не живет, а существует; это существование, само по себе — протест против несправедливости судьбы.

Он долго вглядывался в небо, надеясь различить какой-нибудь из астероидов, осколок любимой Земли. Возникло необыкновенно острое ощущение одиночества, будто наката и накрыла с головой гигантская волна. Берт потряс над головой кулаками, погрозил равнодушным звездам и принялся их проклинать, а по щекам у него бежали слезы.

Когда фыркание двигателя стихло в отдалении, поглощенное тишиной, которую теперь нарушало только звяканье колокольцев, Зайло повернулась к матери.

— Ушел, — обреченно прошептала она. На глаза навернулись слезы.

Анника взяла дочь за руку.

— Он силен, однако сила исходит от жизни, поэтому жизнь сильнее его. Он вернется скоро, очень скоро. — Женщина погладила Зайло по голове и прибавила: — Когда он придет, будь с ним помягче. Земляне — большие потерявшие дети.

Дом дрожал как в лихорадке, оконные стекла дребезжали, с каминной полки слетела вставленная в рамку фотография и ударилась о решетку. Мощный удар, долетевший откуда-то снаружи, заглушил звон разбившегося стекла. Грэхем Тоффт осторожно поставил стакан на стол и тщательно вытер с пальцев капельки пролившегося шерри.

— Никак не привыкну, — заметил он. — Думаешь, запустили новый образец?

Салли покачала головой, ее светлые волосы в притененном свете лампы отбрасывали яркий отблеск.

— Вряд ли. Правда, и на старый не похоже — у них получался вроде как сдвоенный выхлоп.

Она подошла к окну и отодвинула штору. Снаружи было совсем темно, по стеклу стекали капли дождя.

— А может, эксперимент пошел наперекосяк?

В холле раздались чьи-то шаги. Дверь отворилась, и в щель просунулась голова ее отца.

— Слыхали? — спросил он, хотя в таком вопросе вряд ли была особая необходимость. — Кажется, это был небольшой метеорит. Мне почудилось, будто я вижу неяркую вспышку на поле, что сразу за садом. — Голова исчезла. Салли выскочила следом, затем неторопливо поднялся и Грэхем. Салли он нашел в холле, она крепко держала отца за рукав.

— Нет, я не позволю тебе опаздывать к ужину! Он уже на столе, а это — что бы оно ни было — может и подождать.

Мистер Фонтейн посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Грэхема.

— Командирша! Вот уж командирша! Понять не могу, с какой стати вы хотите на ней жениться!

Meteor

© 1995 В. Ковалевский и Н. Штуцер, перевод

После ужина они отправились на поиски, захватив с собой электрический фонарик. Никакого труда найти место падения метеорита не составляло. Небольшой кратер, диаметром футов восемь, возник почти на самой середине поля. Они рассматривали его долго, но без особых результатов, а Митти — терьер Салли — с интересом обнюхивал свежесброшенную из кратера землю.

— Никакого сомнения — маленький метеорит, — сказал мистер Фонтейн. — Завтра утром мы его откапаем.

Отрывок из дневника Оннса

Как введение к дневнику, который я намерен вести, лучше всего дать краткое изложение речи, произнесенной перед нами за день до отлета с Форты Его Превосходительством Коттафтсом. В отличие от нашего официального отбытия, это торжество носило почти неформальный характер, насколько может быть неформальным собрание, на котором присутствуют несколько тысяч мужчин и женщин**.*

Его Превосходительство уже в самом начале подчеркнул, что хотя у нас и есть лидеры, тем не менее в остальном какое-либо неравенство среди нас отсутствует.

«Все вы здесь добровольцы, — говорил он, медленно обводя взглядом огромную аудиторию. — Поскольку каждый из вас — индивидуальность, то характер эмоций, заставивший вас стать волонтерами, разумеется, очень разнообразен. Однако, какими бы сугубо эгоистическими или альтруистическими эти импульсы ни были, у них всех общий знаменатель — решимость дать нашей расе шанс выжить.

Завтра Шары отправятся в путь. Завтра, с Божьей помощью, наука и искусство Форты прорвут завесу грозной Природы. Цивилизация, с того момента как она возникает, есть способность обуздывать действие сил Природы и координировать их проявление; когда такая координация достигнута, полученный в итоге баланс нуждается в постоянной корректировке. На Форте и до

* Оннс не указывает ни координат Форты, ни того, что это такое — планета, спутник или астероид.

** Термины «мужчина» и «женщина» используются здесь лишь как условное обозначение особей доминирующего на Форте вида.

нас существовали доминирующие виды, однако они не были цивилизованы, а потому не смогли подчинить себе Природу, в результате чего пришли в упадок и вымерли, когда природные условия изменились. Нам же до сих пор удавалось справляться с изменением условий среды обитания, поэтому мы процветаем.

Больше того — мы не только процветаем, но и довели численность нашей популяции до такой величины, какая не могла бы поддерживаться в условиях Необузданной Природы. В прошлом нам пришлось преодолеть немало проблем, чтобы добиться такого положения, но теперь мы находимся перед лицом самой острой из них. Наш мир дряхлеет, а мы — мы нет. Мы похожи на душу все еще юную, однако заключенную в умирающем теле.

Многие столетия мы боролись, адаптировались, находили заменители, латали дыры, но теперь крышка ловушки опускается быстрее, чем мы успеваем ее подпирать, да и подпирать-то ее уже нечем. Вот почему, пока мы еще молоды и сильны, нам должно найти выход и построить себе новый дом.

Я не сомневаюсь, правнуки праправнуков нынешнего поколения все еще будут рождаться на Форте, но жизнь их будет трудна — придется вкладывать куда больше труда в то, что даст им возможность обеспечить лишь скудный прожиточный минимум. Вот почему Шары должны лететь уже сейчас, пока у нас есть нужные ресурсы.

А что же будет с вами, с вами, которые полетят на этих Шарах? Тут не поможет никакое гадание. Шары отправятся во все четыре стороны Вселенной, и там, где они сядут, может быть, найдется что-то подходящее, а может быть, и нет. Наши знания и наше искусство выведут вас на нужный курс. Но когда вы расстанетесь с нами, нам останется лишь молиться, чтобы вы — наше семя — упали на плодородную почву...»

Он сделал долгую паузу и продолжал:

«Вы знаете, какой удел избрали, иначе не пошли бы в добровольцы. Нести это бремя можно, лишь глубоко понимая его внутреннюю суть.

Каждый из вас держит в руках судьбу Цивилизации. Каждый мужчина, каждая женщина — есть одновременно и хранитель и потенциальный источник всего, символом чего является теперешняя Форта. В вас заключены история, культура и вся цивилизация нашей

планеты. Пользуйтесь же ими. Передавайте это бесценное богатство другим, передавайте там, где оно принесет плоды. Будьте готовы учиться у других, улучшая и обогащая полученный опыт, если сможете. И ни в коем случае не пытайтесь сохранить его неприкосновенным — культура, чтобы жить, должна развиваться. У тех, кто ревниво жметя к прошлому, вряд ли есть будущее. Помните, вполне возможно, что во всей Вселенной больше нет Разума, и поэтому на вас покоится надежда не только нашей расы, но и всей будущей разумной жизни.

Вперед же! Пусть осеняют вас на этом пути Мудрость, Добро и Истина. И наши молитвы, которые будут сопровождать вас в самые тайные уголки космоса...»

Я только что снова посмотрел в телескоп на наш будущий Новый Дом. Похоже, нашей группе повезло. Эта планета и не стара и не слишком молода. Погодные условия там сейчас лучше, чем были вчера, — облачность, закрывающая ее поверхность, уменьшилась. Планета сверкает подобно голубой жемчужине. Значительная часть видимой ее поверхности покрыта водой. Мне сказали, что вода занимает почти две трети площади. Как хорошо оказаться наконец в месте, где орошение и водоснабжение не будут жизненно важными проблемами!

Остается лишь надеяться, что нам повезет и мы сядем на сушу, иначе могут возникнуть серьезные трудности.

Я видел, конечно, и некоторые планеты из тех, что предназначены для других Шаров — одни из них очень маленькие, другие большие, большинство — юные, с затянутой облаками поверхностью, скрывающей жгучие тайны. По крайней мере, одна планета — древняя и мало чем отличается от нашей собственной несчастной Форты, хотя астрономы и утверждают, что ее ресурсный потенциал позволит поддерживать там жизнь нашей расы еще в течение нескольких миллионов лет. Я, однако, рад, что наша группа летит к голубому сияющему миру — так и кажется, что он приветствует нас, и это наполняет меня надеждой, которая помогает победить страх перед грядущим долгим путешествием.

Впрочем, сам страх меня не очень тревожит. За истекший год я стал настоящим фаталистом. Я войду

в Шар, и анестезирующий газ погрузит меня в забытье так быстро, что я ничего и не почувствую. А проснусь уже в нашем новом сияющем мире.

А если не проснусь, если произойдет нечто непредвиденное, то об этом я никогда не узнаю...

В действительности все ведь очень просто. Надо только верить...

Этим вечером я спустился вниз, чтобы еще раз посмотреть на Шары. Чтобы еще раз оценить их, бросив последний пытливый взгляд. Завтра, когда начнется вся эта суeta и неразбериха, времени для раздумий не будет — и правильно, так и должно быть.

Какой потрясающий, удивительный, можно даже сказать, невообразимый труд вложен в эти Шары! Их создание потребовало невероятных затрат времени и труда — представить себе масштабы этих затрат просто невозможно. Так и кажется, что тяжесть Шаров проломит слой почвы и унесет их в недра Форты, а не в далекий космический полет. Таких массивных вещей наверняка никто еще не создавал! Трудно поверить, что нам удалось построить целых тридцать таких металлических гор, но вот же они — стоят готовые к завтрашнему дню!

Многие из них погибнут... О Боже! Если нам удастся уцелеть, не дай нам позабыть во веки веков эти славные дни. Пусть мы окажемся достойны затраченных на нас усилий и природных ресурсов.

Может быть, это последние в жизни слова, которые мне суждено написать. Если же нет, я продолжу дневник уже в новом мире, под странным и чуждым небом..

— Не следовало вам его трогать, — сказал инспектор полиции, покачивая головой. — Надо было оставить его в покое до осмотра соответствующими инстанциями.

— И каковы же, — холодно спросил мистер Фонтейн, — эти соответствующие инстанции, которые инспектируют метеориты?

— Не об этом речь. Вы ведь не знали, что это метеорит, а в наши дни мало ли что еще, кроме метеоритов, может упасть с неба. Даже теперь, когда вы выкопали его, полной уверенности, что это метеорит, все равно нет

— Но он же ни на что другое не похож!

— Мало ли что! Все равно следовало ждать нашего прибытия. Может, это какая-нибудь штука из списка засекреченных?

— Ну еще бы! А полиция, она что — полностью в курсе всех секретных шуток?

Салли решила, что самое время вмешаться.

— Ладно, теперь мы знаем, как нам надо будет обращаться с метеоритами в следующий раз, не так ли? А пока, может быть, сходим и поглядим на него? Он лежит в сарайчике и выглядит совершенно незасекреченным.

Она пошла вперед, указывая дорогу во двор и все еще продолжая болтать, чтобы не дать возобновиться ссоре между отцом и инспектором.

— Метеорит зарылся в землю на удивление неглубоко, так что наши мужчины легко до него докопались. Оказалось также, что он вовсе не такой горячий, как мы думали, так что особых забот у нас с ним не было.

— Ну, насчет «особых забот» — не совсем так, если вспомнить выражения, в которых землекопы отзывались о его тяжести, — вмешался отец Салли.

— Сюда, — сказала Салли, подходя во главе своего отряда к покосившемуся сарайчику.

Ничего впечатляющего в метеорите не было. Лежал он прямо в центре голого дощатого пола. Просто шершавый, изъеденный коррозией металлический предмет шаровидной формы диаметром около двух футов.

— Единственное оружие, которое он мне напоминает, — это старинное пушечное ядро, — сказал мистер Фонтейн.

— Дело тут в принципе, — отпаривал инспектор. — У нас есть прямой приказ, чтобы все таинственные предметы, упавшие с неба, оставались в неприкосновенности до тех пор, пока они не будут изучены экспертами военного министерства. Мы уже известили их, и до приезда специалиста к метеориту никто прикасаться не должен.

Грэхем, который до сих пор в разговоре участия не принимал, шагнул вперед и потрогал метеорит.

— Уже почти остыл, — произнес он. — Из чего он сделан, интересно?

Мистер Фонтейн пожал плечами:

— Думаю, обыкновенный кусок метеоритного железа. Странно только, что он произвел так мало шума, врезавшись в землю. Ну а если это и есть какое-то секретное оружие, то, надо полагать, не ахти какое важное.

— Все равно я должен отдать приказ, чтобы никто не пытался его передвигать до прибытия эксперта из военного министерства, — заявил инспектор

Они уже вернулись к двери, когда инспектор вдруг оставился.

— Что это тут шипит? — спросил он

— Шипит? — повторила Салли

— Ну, вроде бы по-змеиному, прислушайтесь

Они прислушались, инспектор даже чуть шею не свернул, ловя направление звука.

Да, очень тихий, почти на пределе слышимости, звук все же улавливался. Откуда — было почти невозможно определить. И все же, словно движимые единым импульсом, они обернулись в сторону шара и пристально воззрились на него. Грэхем, поколебавшись, шагнул назад, наклонился над шаром и почти прижался к нему правым ухом

— Да, — сказал он, — это шар

Вдруг глаза у него закрылись и он покачулся. Салли кинулась к нему и подхватила как раз в ту минуту, когда он уже начал падать. Остальные помогли вытащить Грэхема наружу. На свежем воздухе он тут же пришел в себя.

— Что со мной случилось? — спросил он.

— А вы уверены, что звук исходил из этой штуки? — спросил инспектор.

— Ах, да... Никакого сомнения.

— А ничем странным от него не пахло?

Грэхем поднял бровь.

— Вы думаете, не газ ли? Нет, по-моему, ничем.

— Гм-м... — отозвался инспектор — А что, разве метеориты часто шипят? — спросил он, покосившись на станика.

— Э-э... трудно сказать... не думаю, — признался мистер Фонтейн.

— Понятно. В данных обстоятельствах, я полагаю, нам лучше удалиться. Предпочтительно в какое-нибудь укрытое местечко на противоположной стороне дома — просто так, на всякий случай, хотя бы до приезда эксперта.

Из дневника Оннса

Я в полном недоумении. Только что проснулся. Не понятно, то ли мы сели, то ли старт не состоялся. Сколько прошло времени — час, день, год или столетие с тех пор, как мы вошли в Шар? Нет, разумеется

побольше часа. В этом меня убеждает усталость, накопившаяся в теле, и боль во всех членах. Нас об этом предупреждали.

«Вы ничего не будете знать, — говорили нам. — Ничего до тех пор, пока все не кончится. Затем почувствуете физическую усталость, ибо вашим телам придется перенести огромные перегрузки. Эта усталость вскоре и сама пройдет, но мы дадим вам ампулы с концентрированной пищей и стимуляторами, чтобы преодолеть негативные последствия перелета поскорее».

Я проглотил такую ампулу и сразу же ощутил ее благотворное воздействие, но все же никак не мог поверить, что все уже позади. Ведь кажется, еще совсем недавно мы пробирались по длинному коридору внутри Шара, а потом расходились в разные стороны, как нам это было указано заранее. Каждый находил свое эластичное местоположение и заползал в него. Я открыл кран, чтобы заполнить газом пространство между внешней и внутренней стенками моего местоположения. По мере того как обшивка наполнялась, подо мной вздувался матрас, поднимаясь вверх. Потолок же наоборот опускался, стенки сближались, и, защищенный со всех сторон от толчков, я спокойно ждал дальнейшего.

Чего? Не могу сказать. Ясно лишь одно — мгновение назад я пришел сюда сильным и здоровым и вдруг почему-то почувствовал себя бесконечно усталым и даже больным.

Только это и служило подтверждением, что одна моя жизнь окончилась и началась совсем другая. Мое местоположение проветривалось — место газа занял свежий воздух. Это могло означать, что мы уже находимся на той прекрасной голубой сверкающей планете, откуда Форта должна казаться ничтожной пылинкой на нашем новом небе.

Я почувствовал себя совсем другим, когда понял это. До сих пор жизнь моя протекала на умирающей планете, где главным нашим врагом было ощущение постоянного глубокого уныния. А теперь я как бы родился заново. Впереди была работа, надежда, жизнь. Впереди был мир, который еще предстояло освоить.

Слышалось, как работают сверла, прогрызая нам путь наружу. Что, гадал я, встретит нас там? Надо соблюдать осторожность — чтобы сохранить уверенность в себе, будто бы лучше встретиться с лишениями, нежели

оказаться среди изобилия. Но каков бы ни был этот мир, главное — не лишиться веры. Наша история насчитывает миллионы лет, наши знания — столько же, и все это нам надлежит сохранить.

И еще мы должны сами — как сказал Его Превосходительство — быть готовыми к адаптации. Кто знает, какие формы жизни уже существуют в этом мире? Вряд ли, конечно, на такой юной планете может обнаружиться настоящая разумная жизнь, но первые робкие проблески интеллекта... Их следует искать, их, если они найдутся, нужно всячески оберегать. Они могут оказаться, конечно, совершенно не похожими на нас, однако надо постоянно помнить, что это их мир, а значит, мы обязаны помогать им во всем, чем можем. Мы не должны упускать из виду, что подавлять даже чуждую нам форму разумной жизни — тяжкий грех, особенно если дело происходит на ее собственной планете. Если мы только обнаружим такие существа, наша задача будет заключаться в том, чтобы учиться, учить и сотрудничать с ними, и, возможно, мы тогда в будущем создадим цивилизацию куда более совершенную, чем наша собственная — там, на Форте.

— Очень хотелось бы знать, — сказал инспектор, — что вы собираетесь делать с этим, сержант Браун?

Полицейский сержант держал за хвост мертвое пушистое тельце.

— Это кот, сэр.

— Ну, это-то понятно.

— Вот я и подумал, что, возможно, джентльмену из военного министерства будет интересно взглянуть на него.

— А почему вы думаете, сержант, что военное министерство интересуется дохлыми кошками?

Сержант объяснил. Он, оказывается, решил на свой страх и риск заглянуть в сарайчик, чтобы посмотреть, не происходит ли там чего. Помня о соображениях инспектора насчет газа, он обвязался вокруг пояса веревкой, чтобы его вытащили обратно, если он потеряет сознание, и ползком проник внутрь, стараясь как можно теснее прижиматься к полу. Однако во всех этих предосторожностях, как выяснилось, не было нужды. Шипенье и свист прекратились, а газ, очевидно, рассеялся. Сержанту удалось, не ощутив никаких вредных последствий, добраться до шара. Но когда он

приблизился к нему вплотную, так что его ухо почти прижалось к поверхности метеорита, донеслось слабое жужжание.

— Жужжание? — переспросил инспектор. — Вы хотите сказать «шипение»?

— Нет, сэр, жужжание. — Сержант замолчал и сделал попытку улыбнуться. — Ну, скорее всего это походило на звук циркулярной пилы, если его слышать издали.

Сделав на таком основании вывод, что эта штукавина, чем бы она ни была, находится в активной фазе, сержант приказал констеблям укрыться за небольшой земляной насыпью. Сам же в течение следующих часа-полтора несколько раз заглядывал в сарай, но никаких изменений там не заметил.

Впрочем, он обратил внимание на кота, который вышел во двор как раз в то время, когда они присели подзаправиться сандвичами. Кот отправился обнюхивать дверь сарая, что никого особенно не удивило. Через полчаса, когда сержант кончил закусывать и даже успел выкурить сигарету, он снова подошел к сараю и заглянул внутрь. Там он увидел кота, лежавшего возле метеорита. Когда сержант вынес его наружу, оказалось, что кот мертв.

— От газа помер? — спросил инспектор.

Сержант отрицательно покачал головой:

— Нет, сэр. Это-то и есть самое странное.

Он положил кошачье тельце на невысокий кирпичный заборчик и повернул его голову так, чтобы было удобнее рассмотреть область под подбородком животного. В центре маленького кружка выжженной шерсти виднелась крохотная дырочка.

— Гм-м, — сказал инспектор. Он дотронулся до ранки пальцем и понюхал его. — Шерсть горелая, совершенно точно, но порохом не пахнет.

— Это еще не все, сэр.

Сержант повернул кошачью голову так, что стало видно такое же пятнышко на макушке. Потом вынул из кармана тонюсенькую проволочку и вставил ее в ранку на подбородке. Конец проволоки вышел из дырки на макушке.

— Что вы на это скажете, сэр? — спросил сержант.

Инспектор нахмурился. Оружие сверхминиатюрного калибра при выстреле в упор могло, конечно, стать причиной одной из ранок. Но они, судя по всему, являлись входным и выходным отверстием одной и той же пули. Однако пули не выходят, оставляя за собой такие аккуратные дырочки, да и не выжигают кружок шерсти вокруг выходного отверстия.

По всей видимости, получалось, что кто-то выпустил одновременно две пули навстречу друг другу — одну сверху, другую снизу, что уж вообще ни в какие ворота не лезло.

— А у вас самого есть объяснение? — спросил он сержанта.

— Никакого, — ответил тот.

— А что с той штуковиной? Она все еще жужжит? — с любопытством спросил инспектор.

— Нет, сэр. Ни звука не услышал, когда входил туда в последний раз и нашел этого кота.

— Гм-м, — произнес инспектор. — Самое время появиться тут этому эксперту от вояк, верно?

Из дневника Оннса

Какое страшное место! Так и кажется, что мы обречены на пребывание в некоем фантастическом аду! Неужели же это — дивная голубая планета, которая так манила нас к себе? Мы ничего не понимаем, мы чувствуем себя обманутыми. Голова идет кругом от этой кошмарной местности... Мы — цвет цивилизации Форты — корчимся от страха перед неведомыми чудищами, окружающими нас. Разве можно надеяться привести порядок в этот жуткий мир?

Сейчас мы притаились в темной глубокой пещере, пока Исс — наш лидер — проводит консультации с целью разработать план дальнейших действий. Никто не завидует ни ему, ни возложенной на его плечи ответственности. Как можно что-то планировать, когда перед тобой лежит не только Неизвестное, но еще и Невероятное? Девятьсот шестьдесят четыре жизни зависят от него. А была тысяча. Вот как все произошло...

Я услышал, как бур остановился, затем раздался лязг, как будто его вытаскивали из глубокой шахты. Вскоре раздался сигнал общего сбора. Мы вылезли из наших убежищ, собрали личные вещи и встретились в центральном холле. Сансс — наш тогдашний лидер — приказал рассчитаться по порядку номеров. Ответили все, кроме четырех несчастных, не выдержавших тягот перелета. Потом Сансс произнес небольшую речь.

Он напомнил нам, что пути назад нет. Никто не знает, что ждет нас за стенами Шара. Если нашему отряду по каким-то причинам придется разделиться, каждая группа выберет своего лидера и будет действовать

самостоятельно, до тех пор пока мы снова не воссоединимся.

— Нам необходимо стойкое мужество, а не кратковременная удача, — сказал он. — Не героизм. Мы всегда должны думать о себе, как о семени будущего, и каждое зернышко драгоценно само по себе.

Он снова и снова вбивал в нас мысль о личной ответственности каждого:

— Мы не знаем и никогда не узнаем судьбы остальных Шаров. И в этой ситуации мы обязаны поступать так, будто выжили мы одни и будущее народа Форты находится только в наших руках.

Именно он и повел нас по свежепробуренному проходу. Именно он и ступил первым в новый мир. Я следовал за ним со всеми остальными, и во мне боролись столь противоречивые чувства, что ничего похожего я еще никогда не испытывал.

Каков же был этот мир, в который мы попали? И смогу ли я найти нужные слова, чтобы передать его чуждость?

Начну с того, что тут было мрачно и сумеречно. И в то же время это не была ночь. Свет, который сюда просачивался, исходил от огромного серого четырехугольника, висевшего в сумрачном небе. С места, где мы стояли, он имел вид трапеции, но я полагаю, что это было следствием искажающей перспективы, а на самом деле он представлял собой гигантский квадрат, дважды пересеченный более темными полосами, что превращало его в сумму четырех меньших по площади квадратов. В клубившейся у нас над головами тьме угадывались какие-то призрачные, но еще более темные линии, перекрещивающиеся под самыми невероятными углами. Я и предположить не могу, каково их предназначение.

Поверхность, на которой мы стояли, тоже не была похожа на что-либо известное. Обширная, совершенно плоская равнина, но не гладкая, поскольку ее усеивали отдельные небольшие валуны. Низкие гряды напоминали пласты горных пород, располагавшихся почему-то не один на другом, а рядом. Гряды тянулись на огромные расстояния, теряясь в сумеречной дали. Вблизи нас находилась расселина, шириной в мой рост, также уходившая в неизвестную даль и как будто проведенная по линейке — такая прямая. На довольно значительном расстоянии виднелась другая такая же, строго парал-

тельная первой. За ней — третья, а дальше, уже где-то совсем далеко, мерещился намек на четвертую.

Один из моих сотоварищей, стоявший рядом, явно нервничал. Он пробормотал что-то насчет геометрического мира, освещаемого квадратным солнцем.

— Чушь! — оборвал я его.

— А как же иначе можно все это объяснить? — спросил он.

— Я не собираюсь делать поспешные и нелепые выводы. Я сперва наблюдаю, а затем уж, когда наберется достаточно фактов, приступаю к анализу.

— А какой можно сделать вывод из квадратного солнца? — спросил мой сотоварищ, но я не стал ему отвечать.

Вскоре мы все собрались у Шара в ожидании указаний Сансса. Он уже начал было говорить, но его прервал странный звук — что-то вроде мягких ритмичных тяжелых ударов, иногда сопровождаемых громким скрипом. Было в этих звуках нечто столь пугающее, что на мгновение нас всех сковал ужас, а затем, прежде чем мы смогли шевельнуться, из-за нашего Шара появилось совершенно кошмарное чудовище.

Любая рассказанная древними путешественниками история бледнеет перед тем, что мы увидели воочию. Я бы никогда не поверил, что подобные твари могут существовать!.. Первое, что нам удалось рассмотреть, была огромная морда, высунувшаяся из-за Шара и нависшая прямо над нами на большой высоте. Это зрелище заставило содрогнуться даже храбрейших.

К тому же морда была совсем черная, так что в темноте мы с трудом могли разобрать ее черты; видно было лишь, что она расширяется сверху, и над ней еле угадывались два гигантских заостренных уха. Она установилась над нас двумя большими сверкающими, сильно косящими глазами.

На мгновение чудовище замерло, громадные глаза моргнули, а затем оно стало приближаться к нам. Ноги, которые мы наконец-то разглядели, смахивали на массивные колонны, однако перемещались они с удивительным изяществом, казавшимся просто необъяснимым у такой гигантской зверюги. Лапы покрывал густой волосяной покров, где каждый волос походил на пику из сверкающего черного металла... Чудовище согнуло ноги и наклонило голову, пытаясь получше разглядеть нас.

До меня донеслось отвратительное зловоние его дыхания. На близком расстоянии звериная морда выглядела еще ужаснее. Разверстая зияющая пещера пасти; огромный розовый язык, то высовывающийся, то прячущийся обратно; колоссальные заостренные пики, торчащие под носом и чуть подрагивающие... Направленные на нас глаза смотрели холодно, жестоко и бессмысленно.

Если до этой минуты мы все были просто ошеломлены, то тут многих из нас охватила паника. Те, кто был поближе к страшилищу, шарахнулись в сторону, но в этот миг одна из кошмарных лап выбросилась вперед с быстротой молнии. Ее черная громада, вооруженная внезапно выросшими когтями, поднялась и с силой обрушилась на землю. Когда она вновь поднялась, на земле осталось не меньше двадцати женщин и мужчин, превращенных в месиво раздавленной плоти.

Нас всех будто парализовало. Всех, кроме Сансса. Он, позабыв собственные наставления насчет значения личной безопасности, бросился к страшилищу. И снова взметнулась гигантская лапа, нависла над нами и ударила. При этом погибли еще двенадцать наших.

И тут я опять увидел Сансса. Он стоял прямо между передними лапами чудовища. В его руках был стреляющий жезл, глаза смотрели вверх на нависшую над ним чудовищную голову. Я видел, как Сансс поднял свое оружие и прицелился. Все происходившее казалось безумием, может быть, героическим, но все равно безумием. Однако Сансс был мудрее меня. Голова гиганта дрогнула, его члены свела внезапная судорога, и страшилище беззвучно рухнуло.

Сансс погиб под этой тяжестью. Он был мужественным человеком.

Сансса сменил Исс. Исс решил, что первым делом надо найти убежище на тот случай, если поблизости бродят такие же чудовища. Отыскав безопасное место, мы приступим к выгрузке из Шара оборудования и снаряжения, а потом подумаем о дальнейших действиях.

Пройдя весьма значительное расстояние по широкой дороге между двух расселин, мы добрались до подножия высокого и совершенно отвесного обрыва со странными прямоугольными выступами. У основания обрыва обнаружили пещеру, которая тянулась далеко вглубь и в стороны и имела совершенно одинаковую высоту на всем протяжении. Возможно, мужчина, рассуждавший о

геометричности этого мира, был не так уж глуп, как мне показалось с первого взгляда.

Во всяком случае, убежище от чудовищ типа того, что убило Сансса, было найдено. Для гигантских лап вход в пещеру был слишком узок, а страшные когти не могли проникнуть далеко вглубь.

Дописано позже

Произошли устрашающие события. Исс с группой из двадцати исследователей отправился изучать пещеру, чтобы узнать, нет ли из нее выхода в другую часть мира, то есть за пределы равнины, на которой лежал наш Шар.

Да, лежал. В прошедшем времени. В этом и заключена главная причина нашей трагедии.

После ухода Исса остальные ждали, выставив охранение. Наконец-то мы могли спокойно передохнуть. К нашему счастью, чудовище, по-видимому, было только одно. Сейчас оно лежало высокой неподвижной черной горой на том же месте, где погибло, то есть рядом с Шаром. И вдруг произошло нечто ошеломляющее. Равнину внезапно затопил свет. Огромный изогнутый предмет опустился на труп чудовища и утащил его неведомо куда. Затем послышался громopodobный удар, от которого все вокруг задрожало, и свет опять померк.

Не буду и пытаться объяснять эти феномены — никто из нас их не понимает. Просто я стараюсь дать о них подробный и правдивый отчет.

Прошло еще какое-то время, пожалуй, даже долгое. Мы уже начали беспокоиться о судьбе Исса и его отряда, так как со времени их ухода истекли все разумные сроки. И вдруг, без всякого предупреждения, произошло нечто такое, хуже чего невозможно и вообразить.

Равнина снова озарилась светом. Земля под нами вдруг страшно задрожала и затряслась в таких жутких конвульсиях, что многим из нас еле удалось удержаться на ногах. Выглянув из пещеры, я увидел нечто, чему даже сейчас не могу поверить. Это были фигуры, по сравнению с которыми наше первое чудовище просто карлик, — живые движущиеся существа в три или четыре раза выше нашего Шара. Я знаю, что этому никто не поверит, и тем не менее это истинная правда.

Стоит ли удивляться, что равнина стенала и сотрясалась под тяжестью таких четырех громад. Они наклонились над Шаром, они трогали его своими верхними конечностями, потом они подняли его — да, без особых усилий они подняли эту невероятную массу металла с поверхности равнины. Затем землетрясение стало еще ужаснее — это они, держа в руках Шар, затопали прочь на своих колоссальных ножищах.

Такое зрелище для многих из нас оказалось переносимым. Около сотни мужчин выбежали из пещеры, проклиная, рыдая и размахивая своим оружием. Но было поздно, да и расстояние слишком велико для наших стреляющих жезлов. А кроме того, разве можно надеяться нанести этим колоссам хоть какой-нибудь ущерб?

И вот Шар со всем своим бесценным содержимым потерян. Потеряно все наследие нашей цивилизации. Ничего не осталось из того, с чем можно было бы начать строить свой новый мир, кроме каких-то мелочей... Как горько, как горько, что все наши труды и наш долгий полет привели нас к такому жалкому концу.

Но и это не было еще нашим последним несчастьем. Чуть позже вернулись двое из отряда Исса и принесли страшные вести. За пещерой они нашли лабиринт из широких туннелей, где омерзительно воняло неизвестными животными и их пометом. Невзирая на трудности, отряд вошел в лабиринт. Несколько раз им пришлось пережить нападения шести- и даже восьминогих существ отвратительного вида. Некоторые из них были ростом куда больше наших товарищей, вооружены страшными челюстями и когтями и переполнены безумной яростью, заставлявшей их атаковать противника с места в карьер. Несмотря на ужасный вид этих существ, скоро, однако, выяснилось, что они опасны только при внезапном нападении, ибо наше оружие было для них смертоносным.

После нескольких столкновений Иссе удалось, не потеряв ни одного бойца, выйти на другую равнину, лежащую за туннелями. И только когда отряд повернул обратно, чтобы присоединиться к нам, на него обрушилась новая беда. Их атаковали какие-то свирепые серые твари ростом примерно в половину первого встреченного нами чудовища, которым, как полагали наши разведчики, принадлежали прорытые туннели. Это была

кровавая битва, где погибли почти все наши товарищи, но и все серые чудовища.

Эта новая ужасная трагедия сильно подорвала наше мужество и ослабила наш дух.

Новым лидером выбрали Мьюина. Он решил пробиваться через туннели. Равнина за нашей спиной была гола, Шар исчез, и стало ясно, что если мы задержимся тут надолго, то погибнем от голода. Нам не оставалось ничего другого, как идти на прорыв, надеясь, что самоотверженность Исса и его соратников не пропала втуне и серые чудовища уничтожены поголовно.

Боже, Боже, сделай так, чтобы за туннелями этот ужасный мир уступил место разуму и покою! Разве мы просим многого? Мы просто хотим жить в мире и дружбе, работать и строить.

Через пару дней Грэхем завернул на огонек, чтобы повидать Салли и ее отца.

— Я подумал, что, может, вам будет интересно услышать предварительный отчет о вашем метеорите? — сказал он мистеру Фонтейну.

— И чем же он оказался в конце концов? — спросил старик.

— О, я не сказал бы, что удалось продвинуться так далеко. Установлено только, что это не метеорит. Что именно — остается лишь гадать. К тому времени когда шар увезли отсюда, я уже так увлекся этим делом, что заговорил с экспертами на повышенных тонах и даже козырнул своим высоким чином в военные годы. В общем, скрепя сердце мне разрешили поехать вместе с ними. Прошу вас считать поэтому, что все последующее не подлежит разглашению. Когда мы начали более или менее тщательно исследовать шар в лабораторных условиях, нам казалось, что он просто-напросто цельнометаллический, сделанный из какого-то неизвестного сплава. Но в одном месте в нем оказалась дыра диаметром около полудюйма, ведущая прямо вглубь, грубо говоря, к центру шара. Ну, тут эксперты принялись чесать в затылках, обдумывая, как бы им воспользоваться дырой, и, наконец, решили распилить шар и посмотреть, что из этого получится. Словом, шар поместили в специальный бункер, установили там автоматическую циркулярную пилу, а мы все отошли подальше, так сказать, во избежание... Теперь у

экспертов есть все основания удивляться еще больше, чем раньше.

— А что случилось? — спросила Салли.

— Ну, вообще-то говоря, ничего не случилось. Когда пила закончила свою работу, мы ее отключили, подошли и увидели, что шар распался на две аккуратнейшие половинки. Но это не были сплошные половинки, как ожидалось. Вернее, сплошной была оболочка толщиной примерно дюймов шесть, а дальше шел слой, толщиной около дюйма, тонкой мягкой пыли, чьи изоляционные свойства очень заинтересовали ученых. Затем за гораздо более тонкой металлической переборкой находилась формация, больше всего напоминавшая пчелиные соты, только сделанные из какого-то эластичного, сходного с резиной материала. Еще дальше шел пояс толщиной примерно в два дюйма, разделенный на металлические отсеки значительно большего размера, чем ячейки «сот» и набитые всякой всячиной. Там были упаковки крошечных трубочек, какие-то штучки, похожие на микроскопические семена, порошки, которые рассыпались, когда шар развалился на две половинки и которые пока никто еще не подверг анализу. В самом же центре находилось пространство толщиной дюйма в четыре, разделенное на ярусы десятками тончайших перегородок и совершенно пустое.

Вот таково это «секретное оружие», и, если вы можете сказать что-либо вразумительное по этому поводу, вас с радостью выслушают. Даже пылевой слой не оправдал ожиданий исследователей — он не взрывается. Теперь они допрашивают друг друга — что это за штука и для чего она предназначена.

— Все это очень огорчительно. А ведь по виду — самый обыкновенный метеорит... Пока не начал шипеть, — сказал мистер Фонтейн.

— Кое-кто из ученых считает, что так оно и есть, что это искусственный метеорит, — сказал Грэхем. — Но для других такая гипотеза слишком фантастична. Они полагают, что если кто-то обладает возможностью послать нам нечто через весь космос, то это «нечто» не создадут таким загадочным.

— Ах, как хотелось бы, чтоб так и было! — воскликнула Салли. — Я хочу сказать, куда приятнее, если б шар оказался не секретным оружием, а знаком того, что когда-нибудь и мы сами сможем создать нечто похожее... Как прекрасно это было бы! Подумайте, сколько на Земле людей, которым до смерти осточертели секретные виды воору-

жений, войны и жестокость; людей, которые рады были бы в один прекрасный день отправиться к чистой новой планете, чтобы там начать все сначала. Мы оставили бы за собой все, что с каждым днем делает этот старый мир все более и более страшным. Ведь что нам нужно? Место, где люди могли бы жить, работать, строить и быть счастливыми! Если бы можно было начать заново, какой дивный новый мир мы могли бы...

Ее речь прервал захлебывающийся остервенелый лай собаки, раздавшийся во дворе. Салли вскочила как раз в ту минуту, когда лай сменился визгом острой боли.

— Это Митти! — вскричала Салли. — Что там такое...

Оба мужчины кинулись за ней.

— Митти! Митти! — звала Салли, но собаки не было ни видно, ни слышно. Они свернули влево, откуда, как им казалось, прозвучал лай. Салли первой увидела белое пятно на зеленой траве возле стены сарая. Она бросилась к нему. Пятно не шевелилось.

— Ох, моя Митти! Кажется, она мертва!

И Салли опустилась на колени у тела собаки.

— Не дышит! — прошептала она. — Как же это...

Фраза осталась незаконченной, так как сама Салли с воплем боли вскочила на ноги.

— Ой! Кто-то меня ужалил! Ох, как больно! — Она схватилась за укушенное место. На глазах выступили слезы.

— Какого черта!.. — начал ее отец, глядя на мертвую собаку.

— А это еще что такое? Никак муравьи?

Грэхем наклонился, чтобы рассмотреть получше.

— Нет, не муравьи. Даже не знаю, кто они такие... — Он поднял что-то и положил на ладонь. — Никогда не видел ничего подобного.

Фонтейн, стоявший рядом, тоже наклонился. Это было весьма странное существо длиной около четверти дюйма. Его тельце представляло собой почти правильную полусферу с плоским низом, окрашенную в ярко-розовый цвет и сверкавшую, как оперенье колибри. Существо походило бы на насекомое, если бы не четыре коротких ножки, на которых оно стояло. Отчетливо выраженной головы не было, но на нижнем обводе сияющего купола размещались два глаза.

Пока Грэхем и Фонтейн рассматривали существо, оно вдруг оперлось на две ножки, так что показалось светлое плоское подбрюшье с ротовым отверстием, расположенным

чуть пониже глаз. Парой передних ножек оно держало то ли травинку, то ли тонкую проволочку

Грэхем почувствовал в ладони острую боль.

— Ах ты дрянь этакая! — воскликнул он, стряхивая существо на землю. — Такая мелочь, а жалит как большая! Не знаю, что это за мерзость, но в соседи они не годятся. Есть у вас дихлофос?

— Кажется, должен быть в кладовке, — ответил Фонтейн и повернулся к дочери. — Тебе лучше?

— Здорово болит, — ответила Салли сквозь зубы.

— Придется минутку потерпеть, вот разберемся с ними, а потом посмотрим, что там у тебя.

Грэхем вернулся с баллончиком спрея. Он пригляделся к земле и увидел несколько сот крошечных розовых существ, бредущих в направлении сарая.

Грэхем накрыл их облаком средства против насекомых и смотрел, как они останавливаются, замирают идохнут, слабо подергивая ножками. Потом для верности попрыскал еще и вокруг.

— Пожалуй, достаточно, — сказал он. — Экие противные жгучки! Никогда таких не встречал. Хотелось бы знать, откуда они взялись..

Пока космодромный автобус не спеша катил около мили по открытому полю, которое отделяло привокзальные строения от грузовых подъемников, миссис Фелтхэм внимательно смотрела поверх ровных рядов плеч вперед. Корабль возвышался над равниной словно исполинский серебряный шпиль. На его носу горел яркий голубой прожектор, вещавший, что все готово к старту. Среди огромных хвостовых стабилизаторов суетились юркие экипажи и фигурки людей, завершавших последние приготовления. Миссис Фелтхэм окинула открывающуюся перед ней картину взглядом, в котором сквозили непередаваемое отвращение и горькая, безнадежная ненависть.

Наконец ее взгляд оторвался от летного поля и сосредоточился на затылке зятя. Его миссис Фелтхэм тоже ненавидела.

Затем она обернулась и бросила быстрый взгляд на лицо дочери, сидевшей сзади. Алиса была бледнее, чем обычно. Крепко сжав губы, она смотрела прямо перед собой.

Миссис Фелтхэм никак не могла решиться. Наконец она предприняла последнюю решающую попытку:

— Алиса, дорогая, ты знаешь, что еще не поздно отказаться.

Девушка на нее даже не взглянула, сделав вид, что ничего не слышала, и только еще крепче сжала губы.

— Мама, прошу тебя! — немного погодя все же отреагировала она.

Но раз начав, миссис Фелтхэм уже не унималась.

— Это для твоего же блага, дорогая. Скажи, что ты передумала, вот и все.

Девушка демонстративно промолчала.

— Никто не станет тебя винить, — упорствовала миссис Фелтхэм. — Они не подумают о тебе ничего дурного. Ведь каждый знает, что Марс не место.

— Мама, пожалуйста, перестань! — оборвала ее Алиса столь резким тоном, что миссис Фелтхэм на миг опешила. Впрочем, она тут же пришла в себя, не упустив случая ответить по достоинству:

— Ты не приспособлена к той жизни, что тебя ожидает, дорогая: абсолютно примитивной и не достойной ни одной женщины вообще. К тому же, милая, вас разлучили бы с Дэвидом всего на каких-то пять лет. Я уверена, что если бы он по-настоящему любил тебя, то посчитал бы, что тебе здесь будет спокойнее и безопаснее...

— Сколько можно твердить об одном и том же, мама? — не выдержала девушка. — Говорю тебе, я не ребенок. Я все обдумала и приняла решение. Сама.

Миссис Фелтхэм несколько минут сидела молча. Автобус вырулил на взлетное поле и теперь казалось, что космический корабль вздымается до самого неба.

— Когда у тебя будет ребенок, — пробормотала она, как бы самой себе, — ты еще вспомнишь мои слова, поймешь, каково...

— По-моему, это ты не хочешь меня понять, — ответила Алиса. — Мне и без того тяжело..

— Дорогая, я же люблю тебя. Я тебя родила. Я тебя воспитала и знаю тебя лучше, чем кто бы там ни был. Конечно же, подобная жизнь не для тебя! Будь ты сильной, стойкой, мужественной девушкой, тогда ладно, быть может... но ты не такая, милая. Сама же прекрасно знаешь, что ты не такая.

— По-моему, ты знаешь меня не так хорошо, как тебе кажется, мама.

Миссис Фелтхэм покачала головой, затем уставилась застанными пеленой ревности глазами в затылок своего зятя.

— Он похитил тебя у меня, — проговорила она уныло.

— Неправда, мама. Но даже если и так, я ведь больше не ребенок. Я взрослая женщина и вправе жить по своему усмотрению.

— Куда бы ты ни отправился, милый, я последую за тобой... — задумчиво произнесла миссис Фелтхэм. — Но теперь все это потеряло всякий смысл. То, что справедливо для варваров, вряд ли приемлемо, когда речь заходит о женах солдат, моряков, летчиков, космонавтов.

— Как ты не понимаешь, мама! Это совсем другое. Я должна доказать себе, что и впрямь повзрослела...

Подруливший наконец к остановке автобус выглядел игрушечным на фоне ракеты, которая казалась чересчур большой, чтобы подняться в небо. Пассажиры выбрались наружу и, озираясь, сбились в кучку около сверкающего борта. Мистер Фелтхэм обнял дочь. Алиса прижалась к нему со слезами на глазах.

— До свидания, моя дорогая. Счастливого пути, — пробормотал он дрожащим голосом. Затем пожал руку зятю. — Береги ее, Дэвид. Ведь она...

— Я знаю. Постараюсь. Не беспокойтесь.

Миссис Фелтхэм поцеловала дочь на прощание и заставила себя протянуть зятю руку.

— Просим всех пассажиров подняться на борт! — прозвучал голос из подъемника.

Двери лифта закрылись. Мистер Фелтхэм старался не встречаться с женой взглядом. Он взял ее за талию и молча повел к автобусу.

Вернувшись под защиту стен космопорта, миссис Фелтхэм поочередно промокнула глаза кончиком белого носового платочка и бросила быстрый взгляд на громадный, безмолвный и одинокий остов корабля. Ее рука коснулась руки мужа.

— Я до сих пор не могу поверить, — сказала она. — Это так на нее не похоже. Думал ли ты когда-нибудь, что наша маленькая Алиса?.. Ох, зачем только она вышла за него замуж?.. — Миссис Фелтхэм начала всхлипывать.

Не говоря ни слова, муж погладил ее по руке.

— Ничего удивительного, если бы это произошло с некоторыми известными мне девушками, — продолжала она. — Но Алиса всегда была тихоней, я даже беспокоилась по поводу ее застенчивости. Я боялась, что она может стать каким-нибудь синим чулком, робкой и угрюмой занудой. Помнишь, как другие дети звали ее Мышкой? И вот! Пять лет в этом чудовищном месте. Ох, не выдержит она, Генри. Я знаю, что она не сможет, у нее не тот характер. Почему ты не вмешался, Генри? Она бы тебя послушала. Ты мог бы ее остановить.

Муж вздохнул.

— Всегда так бывало, Мириам: одни дают советы, а другие пренебрегают ими, стараясь жить собственной жизнью. Алиса теперь взрослая женщина со своими собственными взглядами на жизнь. Да кто я такой, чтобы решать, что лучше для нее, а что хуже?

- Но ты мог бы помешать ей!
- Возможно... только какой ценой?

Она на несколько минут замолчала, затем стиснула его ладонь.

— Генри, Генри, у меня такое чувство, что мы их больше не увидим!

— Будет тебе, дорогая. Они вернутся живые и невредимые.

— Ты сам не слишком-то в это веришь, Генри. Ты просто стараешься приободрить меня. О, зачем, зачем ей понадобилось ехать в это ужасное место! Она такая юная!.. Ну что ей стоило бы подождать пять лет? Откуда в ней столько упрямства, столько строптивости — куда делась моя маленькая Мышка?

Муж успокаивающе похлопал миссис Фелтхэм по руке

— Постарайся не думать о ней, как о ребенке, Мириам. Она давно уже выросла из пеленок, она теперь взрослая женщина, а если бы все наши женщины были мышками, мы наверняка влачили бы жалкое существование.

Навигатор космического корабля «Сокол» подошел к капитану.

— Отклонение, сэр.

Капитан Винтерс взял протянутую ему бумагу.

— Одна целая, триста шестьдесят пять тысячных градуса, — прочитал он. — Гм-м. Не страшно. То есть не так уж страшно. Опять юго-западный сектор. Почему, интересно, почти все отклонения происходят в юго-западном секторе? Странно, не правда ли, мистер Картер?

— Быть может, это выяснится в дальнейшем, сэр. А пока — просто еще одна загадка.

— Странно, одно за другим. Лучше поправьте сейчас, пока ошибка в курсе не выросла еще больше.

Капитан достал с книжной полки стопку таблиц. Сверившись с ними, он записал результат.

— Проверьте, мистер Картер.

Навигатор сравнил выводы с таблицей и согласно кивнул.

— Ладно, наше положение? — спросил капитан.

— Небольшой крен с постоянным крайне медленным вращением, сэр.

— Подправьте траекторию вручную. Я проконтролирую. Потом выровняйте корабль и стабилизируйте. Десять секунд двойного ускорения по правому борту. Дадим минут

тридцать на разворот, а сами посмотрим, как пойдут дела. Потом компенсируем двойным ускорением с левого борта. Ясно?

— Слушаюсь, сэр. — Навигатор уселся в кресло пилота, пристегнул ремень и окинул взглядом ряды клавиш и переключателей.

— Я предупрежу пассажиров. Нас может хорошенько встряхнуть. — Он включил систему оповещения и поставил микрофон перед собой.

— Внимание! Внимание! Мы производим коррекцию курса. Ожидается несколько толчков. Не слишком сильных, но все хрупкие предметы должны быть надежно закреплены. Советуем вам занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. Операция займет около получаса и начнется через пять минут. Время окончания я сообщу позднее. — Он выключил микрофон.

— А то некоторые идиоты решат, что корабль не смог увернуться от метеорита и его прошило насквозь, — добавил капитан. — Нам здесь только истеричных женщин не хватало. Интересно, какого черта она здесь делает? Хотя бы занялась чем-нибудь толковым, ну чем там обычно занимаются у них дома в деревне, вяжут, например.

— Она и вяжет, — заметил навигатор.

— Знаю, не в этом дело. Ради чего она отправилась на Марс? Будет там умирать от тоски по дому и возненавидит каждый камешек в округе. О чем только думал ее муж? Слишком жестоко поступать так со столь юным созданием.

— По-моему, он не виноват, сэр. На мой взгляд, она чертовски упряма.

Капитан выжидающе посмотрел на офицера.

— Пусть у меня нет большого опыта, но я, без сомнения, нашел бы, что сказать жене, надумай она увязаться за мной в космос.

— Вряд ли вы сумели бы справиться с этой тихоней. Она из тех женщин, которые в конце концов всегда добиваются своего.

— Я пропущаю мимо ушей первую часть вашего замечания, мистер Картер, но раз вы так хорошо постигли женскую натуру, то объясните мне, пожалуйста, какого черта она здесь оказалась, если муж и не думал тащить ее за собой? По-вашему выходит, что отправиться на Марс не опаснее, чем прокатиться на какую-нибудь международную конференцию.

— Что ж, сэр, ее преданность не знает границ. Боязнь собственной тени в обычной обстановке парадоксальным

образом сочетается с чудовищной решимостью в минуты опасности. Наподобие того, как овцы, столкнувшись со львом, защищают своих детенышей...

— Вы хотели сказать «ягнят», — поправил капитан. — Что ж, мои возражения сводятся к двум пунктам: во-первых, я в это никогда не верил, и, во-вторых, она не похожа на такого рода женщин.

— Я только попытался обрисовать данный тип характера, сэр.

Капитан поскреб пальцем щеку.

— Может, вы и правы, но если бы мне вдруг пришла в голову идея взять свою жену на проклятый Богом Марс, до меня сразу бы дошло, что моей строптивой мамочке тамошняя жизнь явно будет не по нутру. А чем будет заниматься на Марсе этот муж?

— Если я не ошибаюсь, принимать грузы в отделении одной горнорудной компании.

— Почасовая работа. Что ж, может, все и обойдется. Тем не менее, на мой взгляд, тяжело сознавать себя никчемной принадлежностью собственной кухни. Несчастливая женщина будет полдня трястись от страха, а другие полдня — убираться и готовить. — Он взглянул на часы. — У них было вдоволь времени, чтобы закрепить ночные горшки. Займемся делом.

Капитан застегнул ремень безопасности, повернул к себе висевший на кронштейне монитор, включил его и откинулся в кресле, обозревая медленно разворачивающуюся перед ним панораму звезд.

— Готово, мистер Картер?

Навигатор включил подачу топлива и положил правую руку на ключ.

— Все на своих местах, сэр.

— Отлично. Начинайте маневр.

Навигатор сосредоточенно уставился на огоньки приборов перед собой и повернул ключ. Двигатели молчали. Озабоченно нахмурившись, он предпринял новую попытку, но все осталось без изменений.

— Давай еще разок, — раздраженно сказал капитан.

Навигатор решил развернуть ракету по-другому. И переключил один из тумблеров. Корабль отреагировал незамедлительно. Он весь вздрогнул и рванулся вбок. По металлическому корпусу прошла судорога, ударив по барабанным перепонкам оглушительным скрежетом.

Навигатор удержался в кресле лишь благодаря ремню безопасности. Он тупо уставился на мельтешащие перед

ним на мониторе точки. Звезды каскадом искр кружились по экрану.

Какой-то миг капитан молча смотрел на дисплей, потом холодно произнес:

— Может, теперь вам посчастливится, мистер Картер, наконец выровнять корабль.

Навигатор взял себя в руки и нажал на одну из кнопок. Ничего не произошло. Он попробовал другой тумблер. Стрелки приборов продолжали вращаться. На лбу у офицера выступила легкая испарина. Он переключился на запасную топливную магистраль и вновь попытал счастья.

Капитан откинулся в своем кресле, обозревая разворачивающиеся на экране глубины космоса.

— Ну как? — коротко осведомился он.

— Бесполезно, сэр.

Капитан Винтерс отстегнул ремень безопасности и подошел, клакая по полу магнитными подошвами, к посту навигатора. Он кивком головы приказал офицеру покинуть кресло и занял его место. Щелкнул тумблером топливных магистралей. Нажал стартер.

Никакого ответа: точки продолжали безостановочно вращаться.

Капитан пощелкал остальными тумблерами — безрезультатно. Он поднял глаза и встретился взглядом с навигатором. Затем, встав, подошел к своему пульта и щелкнул выключателем. Тишину комнаты пререзал голос:

— ...в чем дело? Наша старая жестянка кружится, как волчок, — вот и все, что мне известно. Если вы спросите меня...

— Джевонс! — резко оборвал его капитан.

Бормотание внезапно смолкло.

— Да, сэр? — Вопрос был задан совершенно другим тоном.

— Боковые не действуют?

— Нет, сэр, — слышался ответ

— Я думаю, они просто не сработали. Их заело.

— Что, все сразу, сэр?

— Только те, что отвечают за левый борт. И нужно добиться, чтобы они заработали. Лучше послать кого-нибудь наружу, взглянуть, что там и как. Не нравится мне эта болтанка.

— Будет исполнено, сэр.

Капитан щелкнул переключателем устройства оповещения и сделал объявление:

— Прошу внимания. Можете отстегнуть ремни безопасности и заняться своими делами. Коррекция курса откладывается.

Капитан и навигатор вновь посмотрели друг на друга. Их лица посуровели, а в глазах отразилась тревога...

Капитан Винтерс изучал свою аудиторию. В нее входили все, кто находился на борту «Сокола»: четырнадцать мужчин и одна женщина. Шестеро членов экипажа и пассажиры.

Он разглядывал их, пока они рассаживались в маленькой кают-компании корабля. Дорого бы он дал, чтобы на борту сейчас было побольше груза и поменьше пассажиров. А пассажиры, которым нечем было заняться, явно находились на взводе. Более того, большей частью это были прожженные авантюристы, поскольку мягкие и уступчивые люди вряд ли завербовались бы на Марс в шахтеры, изыскатели и разведчики.

При таком контингенте наличие женщины на борту корабля могло стать причиной крупных неприятностей, если только та не была бы крайне осмотрительной. К счастью, миссис Морган была робкой и невзрачной. И хотя иногда она раздражала капитана своей апатичностью, он только благодарил судьбу, что она не оказалась, в довершение всех бед, какой-нибудь сногшибательной блондинкой.

Наблюдая за тем, как она покорно села подле своего мужа, капитан напомнил себе, что эта женщина не так кротка, как кажется. Картер, должно быть, прав, утверждая о затаенном в глубине ее души упрямстве — без этого она вряд ли вообще пустилась бы в такое путешествие, стойко и безропотно пройдя через все испытания.

Он посмотрел на ее мужа. Странные создания эти женщины. Морган, конечно, парень неплохой, но, как говорится, не из тех мужчин, ради которых женщины пускаются в подобные авантюры.

Капитан подождал, пока все рассядутся и уюмонятся. Наконец наступила тишина. Он обвел всех взглядом. Лицо его посуровело.

— Миссис Морган, господа, я собрал вас всех вместе, потому что, мне кажется, будет лучше, если каждый будет четко представлять себе сложившуюся обстановку.

Так вот. Нас подвели топливные магистрали. Они по каким-то причинам, которые мы пока что не выяснили,

отказали. Что же касается левого борта, то там, скорее всего, прогорели дюзы, и заменить их нечем.

На тот случай, если кто-нибудь из вас не представляет, чем это грозит, поясню: боковые двигатели используются при навигации. От них зависит ориентация и стабилизация корабля. Главная двигательная установка создает движущую силу, которая позволяет кораблю оторваться от Земли. Потом она отключается, и мы летим дальше по инерции. Любые маневры и коррекции курса осуществляются соответствующими импульсами боковых двигателей.

Но мы их используем не только для управления. Они необходимы также при посадке, которая требует от экипажа неизмеримо больших усилий, чем взлет. Мы разворачиваем корабль и используем основную двигательную установку для гашения скорости. Вы едва ли можете себе представить, чего стоит удержать такую громадину, как, например, наш корабль, в нужном положении при посадке. Тут и приходят на помощь боковые двигатели, которые необходимым образом фиксируют судно. Без них нам никак не обойтись.

На миг в комнате воцарилась мертвая тишина. Потом чей-то голос произнес, растягивая слова:

— По-вашему выходит, капитан, нам теперь ни долететь, ни приземлиться, так?

Капитан Винтерс взглянул на говорившего. Это был здоровенный детина, который, благодаря своей недюжинной силе, без особого труда мог взять на себя роль заводилы.

— Именно это я и имел в виду.

Все в комнате затаили дыхание. Наконец человек с раскатыстым голосом кивнул, смирившись с судьбой.

Кто-то спросил:

— Означает ли это, что мы врежемся в Марс?

— Нет, — сказал капитан, — если будем лететь как сейчас, слегка уклонившись от курса, мы вообще минуем Марс.

— И отправимся играть в пятнашки с астероидами, — добавил другой голос.

— Непременно, если мы будем просто сидеть сложа руки. Однако мы сможем спастись, если что-нибудь придумаем. — Капитан сделал паузу, чтобы вновь привлечь внимание аудитории, а затем продолжил: — Вы все, без сомнения, знаете, поскольку это отлично видно в наши иллюминаторы, что мы сейчас кувыркаемся в космосе... э-э... вверх тормашками вследствие неисправности боковых двигателей. Несомненно, это весьма неудобный способ путешествия, но если в точно рассчитанный момент дать

дюзам основного двигателя импульс нужной величины, мы выровняем нашу траекторию.

— А какой нам от этого будет прок, если мы все равно не сможем приземлиться? — пожелал выяснить кто-то.

Однако капитан проигнорировал реплику и продолжил:

— Я свяжусь с Марсом и с базой, доложу обстановку. Я сообщу также, что намереваюсь использовать наш единственный шанс и попытаюсь вывести корабль на орбиту вокруг Марса с помощью одного лишь основного двигателя. На этом пути нас подстерегают две опасности: мы можем промазать и уйти к внешним планетам Системы или врезаться в Марс. Думаю, у нас неплохие шансы избежать и того, и другого.

Закончив речь, он увидел на одних лицах тревогу, на других — озабоченность. Миссис Морган, чуть побледнев, крепко сжала руку мужа.

Первым нарушил тишину человек с раскатистым голосом.

— Вы думаете, у нас есть шанс? — осведомился он.

— Да. Причем уверен, что другого выхода нет. Я не стану вас дурачить, утверждая, что беспокоиться не о чем. Все слишком серьезно.

— А если мы все-таки выйдем на орбиту?

— Нас постараются поймать радаром, и, как только это удастся, пошлют спасателей.

— Гм-м... — отозвался спрашивающий. — А каково ваше личное мнение, капитан? Насколько все это реально?

— Я... что ж, видимо, это будет не так-то просто. Раз уж мы с вами повязаны одной веревочкой, скажу, что спасатели доберутся до нас в лучшем случае через несколько месяцев. Корабль пошлют с Земли. Планеты сейчас в противофазе. Боюсь, что нам придется немного подождать.

— Сколько мы выдержим, капитан?

— Согласно моим расчетам, мы сможем продержаться семнадцать—восемнадцать недель.

— А этого хватит?

— Должно хватить.

Капитан оборвал затянувшуюся паузу, последовавшую за его ответом, и продолжил неунывающим голосом:

— Хорошего нас ждет мало, но если мы правильно разыграем свою партию и урежем потребности до минимума, то все выйдет как надо. Сейчас на повестке дня три проблемы: воздух для дыхания — к счастью, о нем мы можем не беспокоиться. Регенерационная установка, баллоны из аварийного запаса и грузового отсека обеспечат нас кислородом надолго. Воду придется экономить. По две пинты на каждые сутки на всех. К счастью, мы можем добыть воду

из топливных баков, хотя это далеко не просто. Хуже всего обстоит дело с пищей

Далее он изложил слушателям свои предложения и рекомендации. И под конец добавил:

— А теперь я отвечу на ваши вопросы.

— Нет никакой надежды, что боковые дюзы заработают вновь? — спросил маленький жилистый человечек с обветренным лицом.

— Никакой, — покачал головой капитан Винтерс. — Двигательный отсек корабля устроен так, что в космосе к нему не подобраться. Мы попробуем, конечно, но даже если некоторые двигатели и удасться исправить, всей левой двигательной установки нам все равно не починить.

Капитан решил, что лучше ответить на как можно большее число вопросов, склонив чашу весов в сторону уверенности, а не упадка духа. Правда, перспективы сулили мало хорошего. Прежде чем придет помощь, им потребуется вся воля и решимость, которая только у них имеется, а среди шестнадцати человек всегда найдутся несколько слабых и малодушных.

Взгляд капитана вновь задержался на Алисе Морган и ее муже. Присутствие женщины было чревато лишними неприятностями. Когда страсти накалятся, кто-то из мужчин обязательно положит на нее глаз, а потом, не ровен час, сорвется и...

Но раз уж здесь оказалась женщина, ей придется делить все тяготы наравне с остальными. Никаких поблажек. В критический момент, может, кто-нибудь и позволит себе широкий жест, но выделять кого-то перед лицом тяжких испытаний, давая ему исключительные привилегии, совершенно недопустимо. Дайте ей поблажку, и вам придется дать поблажку другим из-за их слабого здоровья или по какой-либо иной причине — и Бог знает, что из этого выйдет.

Так будет честнее по отношению к остальным, а для нее он ничего больше сделать не мог.

«Нет, — думал капитан, глядя, как она, побледнев, сжимает руку мужа и глядит на него широко раскрытыми глазами, — нет, она не выдержит»

Он надеялся лишь, что она умрет не первой. Было бы просто нечестно, чтобы первой была она.

Она оказалась не первой. И вообще за последующие три месяца никто не умер.

«Сокол», благодаря умелому маневрированию с помощью основного двигателя, лег на орбиту вокруг Марса. После

этого экипажу оставалось совсем немного работы. Теперь корабль превратился в маленький спутник Марса, мчавшийся по тщательно рассчитанной эллиптической орбите в ожидании помощи... или забвения.

На борту, если не открывать створок иллюминаторов, головокружные кульбиты корабля практически не ощущались. Но стоило их открыть, как бешеный галоп окружающего мира приводил человека в такое смятение, что тут же хотелось опять захлопнуть створки, дабы сохранить иллюзию устойчивой Вселенной. Даже капитан Винтерс и навигатор, едва успев проделать необходимые измерения, выключали дисплей, обрывая безумное вращение звезд и находя убежище в относительном покое.

«Сокол» стал для его обитателей крохотным замкнутым мирком, ограниченным в пространстве и чрезвычайно недолговечным.

Более того, это был мир с весьма низким уровнем жизни, вкупе со страшной нервотрепкой, постоянными срывами, скандалами, болезненным самолюбием, бесхребетностью и склочностью. Здесь проживала горстка людей, каждый из которых был начеку, опасаясь, как бы его не обделили при раздаче дневного рациона; тех крох, что съедали, едва хватало, чтобы заглушить голодное урчание в желудке. Ложась спать и пробуждаясь ото сна, человек постоянно мечтал о пище.

Люди, стартовавшие с Земли здоровыми и полнокровными, превратились в ходячие скелеты, их лица посуровели и ожесточились, румянец сменила землистая бледность, посреди которой лихорадочно сверкали безумные глаза. Они все испытывали болезненную немочь. Самые слабые лежали пластом на своих койках. Более везучие глядели на них с немим вопросом в глазах: «Доколе мы будем попусту тратить пищу на этого парня? Похоже, он уже отмучился». Однако умирать пока что никто не собирался.

В целом ситуация с продовольствием оказалась даже хуже, чем капитан Винтерс мог предположить. Всею виной была укладка продуктов. Консервные банки с мясом в нескольких ящиках не выдержали колоссального давления остального груза, находящегося сверху, и лопнули во время взлета. Теперь они хаотично кружили вокруг корабля, выкинутые наружу капитаном. Узнай о случившемся люди, ему бы не поздоровилось, поскольку они готовы были съесть даже испорченную пищу. Потом бесследно исчез перечень продовольственных припасов. Обыскали весь корабль — тщетно. В довершение всех бед большая часть неприкосно-

венного запаса состояла из обезвоженной пищи, для которой капитан не отваживался израсходовать нужное количество воды, поэтому, несмотря на свою питательность, еда буквально застревала в горле. Они просто решили добавлять концентрат понемногу к рациону, если ожидание продлится дольше расчетного срока.

Среди груза нашлось немного съестных продуктов, в основном крохотные баночки с деликатесами. В результате капитану пришлось уменьшить рацион, растянув его на семнадцать недель. Но долго так продолжаться не могло.

Первым значительным событием был, вопреки ожиданиям, не бунт и не чья-либо смерть от недоедания, а несчастный случай. .

Джевонс, главный инженер, установил, что единственный способ обнаружить и исправить неполадки в боковых двигателях — это пробраться в двигательный отсек корабля. Из-за баков, крепившихся за головной частью и отделявших ее от остальных секций корабля, пробраться туда прямо из жилых отсеков оказалось невозможным.

К тому же имеющимися в наличии инструментами нельзя было прорезать отверстие в борту корабля. Холод космоса и высокая теплопроводность металла буквально пожирала весь жар горелки, не давая ему причинить заметного ущерба прочному корпусу ракеты. По мнению Джевонса, оптимальным вариантом в создавшейся ситуации было бы вообще обрезать дюзы двигателей левого борта хуже от этого не будет, поскольку остальные двигатели корабля все равно оставались неуравновешенными. Единственным существенным доводом против этого плана было то, что для резаков пришлось бы использовать драгоценный кислород. Отдавая должное аргументам противников его предприятия, Джевонс тем не менее продолжал настаивать.

— Мы тут заперты, как крысы в клетке, но мы с Боуменом сделаем все возможное, чтобы открыть ее, даже если нам придется зубами прогрызать себе дорогу.

Капитан Винтерс дал добро — не то чтобы он верил, что у них что-то выйдет, но это немного охладило бы пыл Джевонса и никому не причинило бы вреда. Поэтому Джевонс и Боумен целыми днями не вылезали из космических скафандров и наперекор судьбе упорно работали, не замечая хода времени из-за бешено кружащихся вокруг них звезд. Их успехи, едва заметные даже в самом начале, становились все ничтожнее и ничтожнее по мере того, как уходили силы.

Умер ли Боумен насильственной смертью или нет, навсегда останется тайной. Известно, что он не доверял Дже-вонсу. Единственное, что заметили все, так это как вздрогнул корабль и по его корпусу пробежала судорога. Возможно, произошел несчастный случай. Скорее всего Боумен был невнимателен и коротким разрядом случайно прожег в скафандре крошечное отверстие.

Впервые за последние несколько недель открыли ил-люминаторы, и люди уставились на головокружительное вращение звезд. Боумен безучастно плавал в дюжине ярдов от корабля. Его костюм сдулся и опал, а на левом рукаве зияла рваная дыра.

Сознание того, что вокруг тебя кружит, словно спутник вокруг планеты, труп товарища, явно не способствовало поднятию и без того сумрачного настроения экипажа. Сколько ни отталкивай его, труп все равно будет вращаться вокруг корабля, возможно, лишь по чуть более вытянутой орбите. Наверное, когда-нибудь для подобных случаев придумают соответствующий ритуал — скорее всего это будет маленькая ракета, которая унесет бранные останки в их последнее безвозвратное путешествие. Так или иначе, ввиду отсутствия прецедентов, капитан Винтерс решил оказать телу соответствующие почести, взяв его обратно на борт. На корабле была холодильная камера, служившая для хранения остатков провизии, но несколько отделений уже пустовало...

Спустя сутки после временного погребения Боумена в дверь рубки управления тихонько постучали. Капитан осторожно промокнул последнюю запись в бортовом журнале и закрыл книгу.

— Войдите, — сказал он.

Дверь приотворилась, и в нее проскользнула Алиса Морган.

Капитан никак не ожидал такого визита. Миссис Морган всегда старалась держаться в тени и за долгие месяцы полета напомнила о себе лишь несколькими просьбами, которые передавала через мужа.

Капитан заметил в ней некоторые перемены. Как и у всех, у нее был изможденный вид, а в глазах сквозили тревога и озабоченность. К тому же она нервничала. Пальцы ее тоненьких рук постоянно сжимались и разжимались. Было очевидно, что ее следует слегка подтолкнуть, дабы она выложила, с чем пришла.

Капитан ободряюще улыбнулся.

— Входите и присаживайтесь, миссис Морган, — любезно предложил он.

Женщина пересекла комнату, слегка шелкая магнитными подошвами, и заняла указанное ей кресло, устроившись на самом краешке. Во всей ее позе сквозило страшное напряжение.

Взять такую женщину в подобное путешествие крайне жестоко по отношению к ней, вновь отметил про себя капитан. В конце концов она просто милая маленькая игрушка, потерявшая сейчас все свое очарование. Зачем этот глупец муж сорвал ее с насиженного места — тихой, уютной заводи городских окраин, спокойного быта, жизни, где она была защищена от любых невзгод и тревог?

Капитан вновь удивился тому, как стойко и решительно выдерживала миссис Морган нелегкие условия жизни на борту «Сокола». Видно, судьба к ней благосклонна.

Он говорил с женщиной мягко и спокойно, а она напоминала настороженную птицу, готовую в любую минуту сорваться и умчаться прочь.

— И что я могу для вас сделать, миссис Морган?

Пальцы Алисы сплетались и расплетались. Некоторое время она напряженно следила за ними, потом подняла глаза, раскрыла рот, собираясь что-то сказать, и снова закрыла его.

— Все не так просто, — пробормотала она обреченно.

Капитан попытался подбодрить ее:

— Не надо нервничать, миссис Морган. Лучше скажите мне, что вас мучает. Кто-нибудь... пристаёт к вам?

Она покачала головой:

— Ах нет, капитан Винтерс. Дело совсем не в этом.

— Так в чем же?

— В нашем... нашем рационе. Мне не хватает пищи.

— Как и всем нам, — только и сказал он коротко.

— Знаю, — торопливо добавила она. — Знаю, но...

— Что «но»? — спросил капитан холодным тоном.

Алиса перевела дыхание.

— Тот человек, что умер вчера. Боумен. По-моему, я могла бы рассчитывать на его порцию...

Предложение так и осталось неоконченным, когда она увидела выражение лица капитана. Он даже бровью не повел, но она поняла по его взгляду, насколько тот потрясен. Более наглого заявления ему в жизни не приходилось слышать. Он просто утратил дар речи и тупо уставился на бесцеремонную просительницу. Но что удивительно, в ее глазах не было и в помине прежней робости и стыда.

— Я должна получать больше пищи, — сказала миссис Морган с ударением.

Капитан Винтерс вышел из себя.

— С чего это вы взяли, что имеете право на долю погибшего?! Я даже не буду утруждать себя и доказывать вам всю никчемность вашего заявления, дамочка. Поймите одно: мы все делим поровну. Единственным следствием смерти Боумена будет то, что мы продержимся на нашем рационе чуть дольше — и все. А теперь, я думаю, вам лучше уйти.

Но Алиса Морган и не думала уходить. Она сидела, поджав губы, чуть прищурив глаза и немного нервно сплетая и расплетая пальцы. Несмотря на свой гнев, капитан был крайне изумлен тем, как на его глазах домашняя кошечка вдруг превратилась в хищника. Миссис Морган упрямо гнула свое:

— До сих пор я не просила для себя никаких привилегий, капитан. Я не стала бы требовать их и сейчас, если бы это не было совершенно необходимым. Но смерть человека дала нам какой-то резерв. А я должна получать больше пищи.

Капитан с трудом взял себя в руки.

— Смерть Боумена не дала нам никакого дополнительного резерва и тем более не явилась некоей счастливой случайностью — она увеличила наши шансы на выживание, на день или два отдалив приход смерти, и только. Неужели вы думаете, что остальные чувствуют себя лучше и меньше вас нуждаются в пище? В жизни не слышал такого наглого...

Она подняла руку, останавливая его. Увидев жесткий блеск в глазах женщины, капитан удивился, как он мог когда-то считать ее робкой тихоней.

— Капитан, посмотрите на меня внимательней! — сказала миссис Морган приказным тоном.

Он подчинился. Внезапно гнев угас, сменившись жутким потрясением.

На ее бледных щеках выступил слабый румянец.

— Да, — сказала она. — Теперь понимаете, что вам придется выделять мне больше пищи? Моему ребенку необходимо дать шанс.

Капитан смотрел на нее как замороженный. Наконец он закрыл глаза и провел по лицу рукой.

— Господи милостивый, это чудовищно, — пробормотал он.

— Нет, это не чудовишно, тем более если мой ребенок выживет, — проговорила Алиса Морган не терпящим возражений тоном, будто она все давно обдумала и взвесила.

Капитан беспомощно взглянул на нее, не в силах вымолвить ни слова. А она тем временем продолжала:

— Теперь вы понимаете, что мы никого не ограбим. Боумену больше не нужна его порция, а моему ребенку она необходима. Это ведь очень просто, не правда ли? — И она вопросительно взглянула на капитана. Он не нашелся что ответить. Поэтому она добавила: — Так что все честно. Ведь во мне теперь два человека, и я должна есть за двоих. А если вы не дадите мне лишнюю порцию, вы убьете моего ребенка. Поэтому вам придется... придется.. Мой ребенок должен жить, должен...

Когда она удалилась, капитан Винтерс вытер лоб, отпер личный ящик и вынул оттуда одну из заветных бутылочек виски. Ограничившись маленьким глотком, он убрал бутылку на место. Это слегка взбодрило его, но из глаз капитана так и не ушло загнанное выражение.

Почему у него не хватило мужества объяснить женщине, что у ее ребенка нет ни единого шанса появиться на свет? По крайней мере, это было бы честно. Беда в том, что он сомневался, стоит ли полагаться на честность, когда дело касается столь тонких материй. Скажи он это, и пришлось бы давать разъяснения, а когда она узнает, в чем дело, то обязательно кому-нибудь проговорится, хотя бы собственному мужу. Да и потом дело зашло слишком далеко.

Капитан открыл верхний ящик и взглянул на пистолет. Уж лучше это. Жутко хочется использовать его по назначению. Минутная слабость? Чепуха! Чему быть, того не миновать.

Капитан нахмурился, не зная, на что решиться. Наконец он взмахнул рукой и легким щелчком послал пистолет с глаз долой в дальний угол ящика. Потом запер ящик. Еще рано...

Но, возможно, скоро придется постоянно держать его при себе. Пока что никто не посягал на авторитет капитана. Лишь временами он слышал за своей спиной сдержанный ропот. Хотя не за горами время, когда ему понадобится пистолет, чтобы защищать свою или их жизни.

Если люди заподозрят, что обнадеживающие сводки и сообщения, которыми он время от времени радовал их, — липа, если им как-то станет известно, что спасательный корабль, который, как они верят, мчится через бездну космоса

к ним на выручку, еще даже не стартовал с Земли — тогда начнется настоящий ад.

Было бы куда спокойней, если бы что-нибудь случилось с радиооборудованием...

— А вы не торопились, да? — спросил капитан Винтерс. Он говорил отрывисто и резко, потому что был крайне раздражен, а не потому, что существовала необходимость спешки.

Навигатор не ответил. Ключи и браслет-идентификатор проплыли к капитану в дюйме или двух над поверхностью стола.

— Я... — начал было Винтерс, затем поймал взгляд товарища. — Боже мой, дружище, что с вами?

Он почувствовал угрызения совести. Ему понадобился боуменский браслет-идентификатор для записи в журнал, но вряд ли стоило посылать за ним Картера. Человек, погибший смертью Боумена, являет собой не слишком привлекательное зрелище. Поэтому они до сих пор и не решались вынуть его тело из скафандра. Хотя кто мог подумать, что на Картера это так действует...

Капитан вытащил бутылку виски. Последнюю...

— Лучше отхлебните-ка глоточек, — сказал он.

Навигатор подчинился, затем бессильно уронил голову на руки. Винтерс выловил свободно дрейфующую в воздухе бутылку и убрал ее подальше с глаз.

— Простите, сэр, — пробормотал навигатор, не поднимая глаз.

— Ладно, Картер, все в порядке. Скверная работенка. Мне следовало взяться за нее самому.

Его подчиненный слегка вздрогнул. Минута прошла в молчании, пока он пытался взять себя в руки. Потом навигатор поднял глаза и встретил взгляд капитана.

— Дело не только... в этом.

Капитан пришел в недоумение.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

У офицера задрожали губы. Он никак не мог собраться с силами и постоянно запинался.

— Придите в себя! Объясните толком, что там случилось? — произнес капитан сурово, чтобы привести парня в чувство.

Навигатор немного выпрямился.

— У него... у него... — с трудом выговорил он, а потом разом выдохнул: — У него нет обеих ног.

— Что? Вы имеете в виду, что у Боумена нет обеих ног?!

— Д-да, сэр!

— Какая чушь. Я сам видел, как его доставили. Ноги у него были на месте.

— Верно, сэр. Тогда были, а теперь их нет!

Капитан замер. Несколько секунд в рубке управления царил гробовая тишина, нарушаемая лишь тиканьем хронометра. Наконец Винтерс с трудом выдавил всего одно слово:

— По-твоему?..

— А что же еще, сэр?

— Господи милостивый! — выдохнул капитан.

Двое людей шли крадучись, обернув тряпками подошвы магнитных ботинок. Они остановились напротив двери одной из холодильных камер. Один достал плоский ключ, вставил его в замочную скважину, осторожно попробовал, от этой ли он камеры, потом с легким щелчком повернул. Как только дверь отворилась, изнутри холодильника раздался два выстрела. Человек, открывший дверь, рухнул на колени и безвольно повис в воздухе.

Второй человек так и остался за полуоткрытой дверью. Он выхватил из кармана пистолет, выставил его за край двери и дважды нажал курок, целясь внутрь холодильника.

Из рефрижератора вылетела фигура в скафандре и, естественно согнувшись, поплыла через каюту. Когда она пролетала мимо, человек выстрелил в нее еще раз. Фигура в скафандре ударилась о стену, немного выпрямилась и зависла у противоположной стены. Прежде чем она успела повернуться и воспользоваться зажатым в руке пистолетом, человек выстрелил снова. Фигура дернулась и отплыла на середину каюты. Человек держал пистолет наготове, но скафандр вяло и безжизненно покачивался перед ним.

Дверь, в которую только что вошли двое, внезапно с грохотом отворилась. Навигатор выстрелил вторым, зато стрелял не переставая. Когда магазин опустел, человек напротив навигатора странно покачнулся, удерживаемый магнитными ботинками, и замер навсегда. Навигатор подтянулся и зацепился за косяк. Затем, с трудом доковыляв до фигуры в скафандре, умудрился отстегнуть шлем и снять его.

Лицо капитана казалось даже более серым, чем следовало ожидать. Он с заметным усилием приоткрыл глаза.

— Теперь ты главный, Картер. Желаю удачи!

Навигатор хотел ответить, но в горле заклокотала кровь. Руки его обвисли, на форме медленно расплывалось темное пятно.

Вскоре тело навигатора безжизненно повисло рядом с телом капитана.

— По моим подсчетам, припасы подойдут к концу чуть позднее, — сказал маленький человечек с песочного цвета усами.

Человек, говоривший рокочущим басом, сурово посмотрел на него.

— Ах да, по-твоим. Ты уверен, что правильно подсчитал?

Маленький человечек замялся и облизал кончиком языка свои губы.

— Ладно. Сперва Боумен. Потом те, четверо. Потом двое умерших. Итого семеро.

— Верно. Семеро. Ну и что? — спросил спокойно верзила.

По правде говоря, он был не столько высок, сколько широк в плечах, и под его внимательным взглядом исхудавший коротышка, казалось, съежился прямо на глазах.

— Э... ничего. Скорее всего мои подсчеты никуда не годятся.

— Возможно. Прими совет: поменьше считай, побольше надейся. Понял, а?

Коротышка сник.

— Что ж. Я так и сделаю.

Верзила оглядел каюту, считая по головам.

— Ладно. Начнем, — сказал он.

Остальные притихли, глядя на него смущенно и заискивающе. Они нервничали. Один или двое тихо грызли ногти. Верзила взял шлем от скафандра, перевернул и поставил на стол. Потом сказал обыденным тоном:

— Будем тянуть. Каждый из нас возьмет одну бумажку и будет держать ее, не раскрывая, пока я не дам знак. Не раскрывая. Дошло?

Все кивнули, не отрывая глаз от его лица.

— Отлично. Одна из бумажек в шлеме помечена крестиком. Рэй, я хочу, чтобы ты пересчитал бумажки и убедился, что их там девять.

— Восемь, — поправила Алиса Морган не терпящим возражений тоном.

Все головы дружно повернулись к ней, словно кто-то дернул их за невидимые веревочки. На лицах людей было написано искреннее изумление, словно они только что услышали крик горлицы. Под давлением их взглядов Алиса слегка съежилась, однако стойко выдержала напор и лишь ее бескровный рот сжался в тугую полоску. Человек, руководивший процедурой, внимательно изучал ее.

— Так-так, — протянул он. — Значит, ты отказываешься принять участие в нашей маленькой игре!

— Да, отказываюсь, — заявила Алиса.

— До сих пор ты делила с нами тяготы на равных. а теперь, когда мы дошли до такой крайности, ты хочешь остаться в стороне?

— Да, — признала Алиса.

Он поднял бровь.

— Может, ты собираешься звать к нашему благоденствию?

— Нет, — сказала Алиса. — Я считаю вашу так называемую игру нечестной. Ведь тот, кто вытянет крест, умрет, не так ли?

— Pro bono publico*, — сказал верзила. — Прискорбно, конечно, но другого выхода нет.

— Но если жребий падет на меня, погибнут двое. И вы называете это справедливостью? — спросила Алиса.

Мужчины смутились. Алиса ждала. Верзила переваривал ее слова. Впервые он растерялся.

— Ну что, — проговорила Алиса. — Разве не так?

Один из присутствующих нарушил молчание, заметив.

— Вопрос о том, когда именно человек обретает личность, индивидуальность или душу, по сей день остается спорным. Некоторые придерживаются мнения, что до тех пор пока тела не разъединены...

Его резко оборвал раскатистый бас верзилы:

— Думаю, лучше оставить этот вопрос теологам, Сэм. На мой взгляд, он достоин мудрости самого царя Соломона. В нашем случае все сводится к тому, освободим мы миссис Морган от участия в жеребьевке, войдя в ее положение, или нет.

— Мой ребенок имеет право на жизнь, — настаивала на своем Алиса.

— У нас у всех есть такое право. Мы все хотим жить! — выкрикнул кто-то.

* Для блага народа (лат.)

— Почему бы тебе... — начал было другой, но перебранку вновь заглушил раскатистый голос:

— Ладно, господа. Давайте соблюдаем все формальности. Я за демократию. Будем голосовать. Вопрос стоит так: либо вы решите, что требование миссис Морган правомочно и должно быть удовлетворено, либо ей придется попытаться счастья на общих основаниях! Начинаем...

— Минуточку, — оборвала его Алиса. Такого решительного тона не ожидал от нее ни один из присутствующих. — Прежде чем вы проголосуете, послушайте-ка меня. — Она огляделась вокруг, желая убедиться, что все внимание приковано к ней. — Нельзя не принимать в расчет, что я сейчас важнее любого из вас... Нет, не надо смеяться. Так оно и есть. И я объясню почему.

Она сделала паузу.

— До того как сломалось радио...

— То есть до того, как его сломал капитан, — поправили ее.

— Ну, скажем, до того как оно вышло из строя, капитан Винтерс был в постоянном контакте с базой. Он регулярно посылал туда сообщения о нас. Новости, которых жаждала пресса, касались в основном меня. Женщины, а тем более женщины, оказавшиеся в экстремальной ситуации, всегда вызывают повышенный интерес. По словам капитана, обо мне писали в заголовках: «Молодая женщина в обреченной ракете», «Космическая авария — тяжелое испытание для женщины» и все в том же духе. И если вы еще не забыли наши газеты, то можете живо представить передовицы типа: «Заживо погребенные в космическом склепе. Одна женщина и пятнадцать мужчин беспомощно кружат вокруг Марса...»

Вы, мужчины, представляетесь всему миру неуклюжими и жалкими, как и весь этот корабль. Я же — женщина, и мое положение овеяно романтикой, ведь я молода и очаровательна. — Ее исхудавшее лицо тронула кривая усмешка. — Я героиня.

Она сделала паузу, дав присутствующим вникнуть в суть сказанного, затем продолжила:

— Я была героиней еще до того, как капитан Винтерс сообщил им, что я беременна. Но после этого я стала настоящим феноменом. Они постоянно требовали интервью у моих родителей и друзей, у всех, кто меня знал. Теперь бесчисленному количеству людей известно, что со мной приключилось. Их интерес не угасает. И еще больший интерес возбуждает мой ребенок, ведь ему первому в ис-

тории человечества суждено родиться в космическом пространстве.

Надеюсь, теперь вы понимаете, к чему я клоню? У вас есть готовая легенда. Боумен, мой муж, капитан Винтерс и остальные с риском для жизни пытались исправить бортовые двигатели. Произошел взрыв. И их выкинуло в открытый космос.

Это может пройти. Но если мы с моим ребенком бесследно исчезнем, тогда вам придется отвечать на вопросы. Как вы объясните пропажу тел? — Алиса вновь оглядела собравшихся. — Ну, что же вы скажете? Что я тоже чинила бортовые двигатели? Или что я покончила с собой, умчавшись в открытый космос на ракете?

Вы только представьте. Мировая печать горит желанием узнать обо мне все до мельчайших подробностей — и потребуется чрезвычайно правдоподобная история, чтобы как-то оправдать случившееся. Если что-нибудь сорвется, думаю, вам всем придется очень туго.

Да, черт побери, у вас не будет ни малейшего шанса. Вас повесят или поджарят. Всех, одного за другим, если не успеют прежде линчевать...

Когда она кончила говорить, в каюте повисла гробовая тишина. На лицах собравшихся застыло удивление людей, на которых внезапно напала злобная маленькая собачонка и которые лишились от подобной наглости дара речи.

Минуту или около того верзила сидел, погрузившись в размышления. Затем он поднял глаза и задумчиво поскреб щетину на своем заострившемся подбородке. Потом обвел взглядом собравшихся и остановился на Алисе. На миг уголки его рта скривились.

— Мадам, — пророкотал он, — возможно, в вас умер великий адвокат! До следующего раза нам придется хорошенько подумать. А пока, Рэй, восемь бумажек, как велела леди...

— Это он! — воскликнул второй помощник из-за плеча капитана.

Капитан раздраженно отмахнулся.

— Ну разумеется! Неужели ты думал увидеть другой корабль, кружащийся в космосе, как пьяная сова? — Он внимательно вгляделся в экран. — Никаких сигналов. Все люки задраены.

— Как вы считаете, есть хоть малейший шанс, шкип?

— Ты что? Прошло ведь столько времени! Нет даже тени сомнения, Томми. Мы прилетели сюда только для очистки совести.

— А как мы проникнем внутрь?

Шкипер бросил оценивающий взгляд на кувыркающийся «Сокол».

— Что ж, корабль неуправляем, но я считаю, что если мы сумеем зацепить его мощным захватом, то сможем осторожно подтянуть к себе, как большую рыбу. Правда, придется попотеть.

И действительно пришлось. Пять раз магнит, пущенный со спасательного судна, срывался, не произведя захвата. Шестая попытка оказалась более успешной. Когда магнит проплывал вблизи «Сокола», на миг включился электрический ток, магнитный захват изменил курс и оказался в непосредственной близости от корабля. Подали питание, захват рванулся вперед и словно рыба-прилипала приклеился к борту корабля.

Полдела было сделано, но предстояла еще долгая морозка — стабилизация «Сокола». Приходилось постоянно поддерживать средней силы натяжение кабеля между двумя кораблями и при этом еще удерживать от вращения сам спасатель. Трижды трос срывался, но, наконец, после долгих изнурительных часов хитрых маневров спасательного судна беспорядочное метание «Сокола» удалось остановить. До сих пор не было ни единого намека на то, что на его борту есть хоть одна живая душа.

Капитан, второй помощник и врач облачились в скафандры и, выбравшись наружу, направились к лебедке. Перекинув петлю из куска троса через кабель, капитан затем привязал оба его конца к своему поясу. Держась за кабель обеими руками, он резко оттолкнулся и заскользил в открытый космос. Остальные последовали его примеру.

Когда все собрались у входного люка «Сокола», второй помощник извлек из своего ранца рукоятку, вставил ее в отверстие и вращал до тех пор, пока не удостоверился, что внутренняя дверь переходной камеры закрыта. Когда рукоятка перестала вращаться, он вставил ее в следующее отверстие, намереваясь привести в действие насосы, откачивающие воздух из переходной камеры — если, конечно, там был воздух и если на обмотки моторов до сих пор подавался ток. Капитан приложил микрофон к борту корабля и, прислушавшись, уловил легкое жужжание.

— Все в порядке! Работают. — Он подождал, пока жужжание не прекратилось, и затем приказал: — Открывай.

Помощник снова вставил рукоятку в отверстие и повернул ее. Главный люк открылся вовнутрь, образовав на свер-

кающей поверхности ракеты темный провал. Несколько секунд все трое мрачно всматривались в зияющую дыру. Наконец капитан произнес с угрюмым спокойствием:

— Ладно, пошли!

И они, прислушиваясь, осторожно двинулись во тьму.

Вскоре капитан спросил:

— Как воздух, док?

Врач взглянул на свой анализатор.

— Пригоден для дыхания, — произнес он несколько удивленно. — Давление на несколько унций ниже нормы, и только. — Он принялся отстегивать свой шлем. Остальные последовали его примеру.

Отвинтив крепления, капитан поморщился:

— Ну и воняет же здесь... Пошли посмотрим что там.

Он направился к комнате отдыха. Остальные с опаской последовали за ним.

То, что они там увидели, потрясло их до глубины души.

Хотя «Сокол» и перестал вращаться, все незакрепленные предметы внутри него продолжали кружить, пока не наткнулись на какую-нибудь преграду и, отскочив от нее, не отлетали в противоположном направлении. В результате в воздухе образовалась мешанина из всевозможных предметов, которые витали по комнате, то тут, то там сбиваясь в кучи.

— Во всяком случае здесь никого нет, — сказал капитан. — Как вы думаете, док...

Он замолчал, уловив странное выражение в глазах врача, и проследил за его взглядом. Врач не отрываясь смотрел на плывущие обломки. Судя по всему, его внимание привлекла парившая среди всевозможных книг, жестянок, игральные карты, ботинок и разного другогохлама большая обглоданная кость, раздробленная посередине.

— В чем дело, док? — окликнул капитан.

Врач обернулся, взглянул на него невидящими глазами и снова уставился на плавающую кость.

— Это... — произнес он с дрожью в голосе, — это человеческое бедро, шкипер.

Те долгие секунды, пока они рассматривали чудовищные останки, на «Соколе» царила абсолютная тишина. И вдруг послышалось пение... Кто-то пел высоким, тонким, дрожащим, но очень чистым голосом.

Трое спасателей недоверчиво переглянулись.

Спи-усни, дитя,
На вершине деревца.
Скоро ветер налетит,
Закачает колыбель...

Алиса сидела на краю своей койки, чуть покачиваясь и прижимая к себе ребенка. Тот засмеялся и протянул маленькую ручку, стараясь коснуться материнской щеки.

...ветка обломается,
Колыбелька свалится...

Когда дверь со щелчком открылась, песня резко оборвалась. Алиса невидящими глазами смотрела на три фигуры в скафандрах, показавшиеся в проеме люка. Ее лицо, изборужденное глубокими морщинами, скорее походило на маску: кожа плотно обтягивала кости. Затем по маске пробежала тень понимания, глаза женщины загорелись, губы скривились в подобии улыбки.

Она разжала объятия, и ребенок повис в воздухе, гукая и улыбаясь сам себе. Запустив руку под подушку, Алиса достала оттуда пистолет.

Грозное оружие выглядело громадным в ее невероятно худенькой ручке, когда она направила его на людей, застывших в дверном проеме.

— Взгляни-ка, детка, посмотри туда! Это же еда! Наша любимая еда...

✓

ВИДЕОРАМА ПООЛИ

Однажды я заглянул к Сэлли и показал ей заметку в «Вечерних известиях Уэстуича».

— Что ты на это скажешь? — спросил я ее.

Она, не присаживаясь, прочла статью и недовольно наморщила свой хорошенький лобик.

— Вздор какой-то, — проговорила она наконец.

Почему Сэлли в одно верила, в другое не верила, всегда оставалось для меня загадкой. Поди разбери, с какой стати девушка вдруг отвергает что-то совершенно бесспорное, а потом с пеной у рта отстаивает, к примеру, откровенное надувательство... Как бы там ни было, но это так.

Заметка, озаглавленная «Пинок под музыку», гласила:

«Вчера вечером собравшиеся на концерт в Адамс-холле любители музыки были поражены тем, что во время исполнения одного из номеров с потолка свесились по колёну две ноги. Их видел весь зал, и все в один голос утверждают, что это была пара ног, обутых во что-то вроде сандалий. Они несколько минут медленно раскачивались взад и вперед под потолком. Потом, давши пинка в воздух, исчезли и больше не появлялись. Обследование крыши не принесло никаких результатов, и владельцы концертного зала отказываются дать какое-либо объяснение случившемуся».

— Это уже не первый случай, — сказал я.

— Ну и что с того? — возразила Сэлли, очевидно, забыв, что минуту назад отрицала самую возможность подобных вещей.

— Затрудняюсь сказать, — отозвался я.

— Вот видишь, — заключила она.

Порой у меня возникает чувство, что Сэлли начисто не признает логики.

Pawley's Peepholes

Впрочем, не одна она: людям хочется, чтобы все кругом было спокойно и привычно. И все же мне стало казаться, что пришло время обстоятельно изучить это дело и что-то предпринять.

Первым — так по крайней мере документально засвидетельствовано — столкнулся с этим явлением некий констебль Уолш. Если до него кто и видел нечто подобное, то, верно, почел это новой разновидностью небезызвестных «чертиков». Но единственное возлияние, которое обычно позволял себе констебль Уолш, состояло всего лишь из кружка крепкого чая с большой порцией сахара, а посему, когда он набрел на торчащую из тротуара голову с едва видимой шеей, он просто застыл на месте и уставился на нее. Но что его особенно поразило, как заявил констебль в участке, куда влетел, пробежав без остановки полмили и долго еще заикаясь от страха, так это что голова поглядела ему вслед:

Спору нет, узреть голову на тротуаре — небольшое удовольствие, тем более в два часа ночи, но вообще-то говоря, разве не случилось вам в минуту рассеянности поймать на себе укоризненный взгляд трески, которую вы жарите на сковородке? Однако констебль Уолш рассказал еще кое-что. Он утверждал, что голова открыла рот, словно хотела что-то сказать. Даже будь это правдой, ему следовало бы промолчать: каждый знает — трезвому такое не привидится. Но поскольку констебль настаивал на своем, его попросили дыхнуть и, с огорчением установив, что от него не пахнет спиртным, отправили обратно на место происшествия в сопровождении другого полицейского. Никакой головы, а также и следов пролитой или смытой крови там, разумеется, не было. На том, казалось, все и кончилось, вот только в послужном списке бедняги Уолша появилось несколько не особенно лестных пометок, затруднивших его продвижение по службе.

Впрочем, констебль не долго держал первенство. Два дня спустя целый дом обмер от страха, услыхав пронзительные крики миссис Рурк из квартиры № 35 и одновременно вопли мисс Фаррелл, обитавшей над ней. Сбежавшиеся соседи нашли миссис Рурк в истерике: ей привиделось, что с потолка ее спальни свесилась пара ног; а мисс Фаррелл, заливаясь слезами, уверяла, что из-под ее кровати высунулась чья-то рука. Однако при обследовании потолка и пола не удалось обнаружить ничего примечательного, кроме кучи пыли, извлеченной, не к чести мисс Фаррелл, из-под ее кровати.

К этому вскоре прибавились и другие случаи.

Первым привлек мое внимание к происходящему Джимми Линдлен, работавший — если это можно назвать работой — в соседнем со мной отделе. Джимми собирал факты. Фактом в глазах этого бедняги было все, что попадало на страницы газет. Ему было все равно, о чем идет речь, лишь бы о чем-нибудь необычном. Возможно, он от кого-то слышал, что истина не бывает простой, и поэтому решил, что все, что не просто, истина.

Я привык к его бурным вторжениям и не обращал на них особого внимания, поэтому его первый приход с пачкой вырезок о констебле Уолше и всей этой истории не вызвал во мне горячего интереса.

Но через день-другой мой коллега появился с новой пачкой вырезок. Меня несколько удивило, что он вторично обратился к фактам одного и того же рода, и я отнесся к нему повнимательней.

— Вот. Повсюду — руки, ноги, головы, туловища... Прямо какое-то наваждение. Это неспроста. Тут что-то есть! — возгласил он — его интонации в печати соответствовал бы курсив.

Прочитав часть принесенных им заметок, я был вынужден признать, что на сей раз он открыл неиссякаемый источник необычного.

Один водитель автобуса увидел, что прямо перед ним на дороге торчит человеческое туловище, но тормозить было уже поздно. Когда же он остановил машину и сам не свой вылез из нее, чтоб осмотреть жертву, ее не оказалось. Какая-то женщина высунулась из окна поглядеть, что делается на улице, и увидела под собой чью-то голову, которая тоже смотрела на улицу, только прямо из кирпичной стены. В лавке одного мясника из пола вылезли две руки, которые, как видно, пытались что-то нащупать; через мгновение они исчезли в цементном полу — совершенно бесследно, разумеется, если не считать ущерба, нанесенного торговой репутации мясника. Какой-то каменщик внезапно увидел возле себя странно одетую фигуру, висевшую прямо в воздухе. После этого рабочего пришлось под руки свести вниз и отправить домой. Еще одну человеческую фигуру заметили на пути следования товарного поезда, но когда поезд ее переехал, она точно сквозь землю провалилась.

Пока я просматривал эти и еще некоторые другие заметки, Джимми кипел от нетерпения прямо как сифон с содовой.

— Хм!.. — только и промолвил я.

— Вот-вот, — сказал он. — Что-то тут есть.

— Допустим, — осторожно согласился я, — но что именно?

— Все происшествия не выходят за пределы одной определенной зоны, — многозначительно сказал Джимми и раскрыл передо мной карту города. — Погляди, я здесь отметил все случаи; они, как видишь, произошли недалеко один от другого. Где-то здесь эпицентр. — Теперь его интонация передавала кавычки; он ждал, что на моем лице выразится удивление.

— Вот как? — сказал я. — Эпицентр? Только чего именно?

Он уклонился от прямого ответа.

— Есть у меня одна любопытная идея, — сказал он важно. Каждая новая идея казалась ему любопытной, и тем не менее через час Джимми мог утверждать что-нибудь совершенно противоположное.

— Выкладывай! — сказал я.

— Телетранспортировка! — объявил он. — И ничто другое. Этого следовало ожидать. И вот кто-то этим занялся.

— Хм! — сказал я.

— Ничего удивительного. — Он возбужденно придвинулся ко мне. — А как ты еще это объяснишь?

— Да, но если это телепередача, или телетранспортировка, или что-то еще в этом роде, то где-то непременно должен быть передатчик, ну и какая-то приемная станция, что ли, — возразил я. — И разве возможно, чтоб человека или вещь куда-то передали по радио, а потом воссоздали на старом месте?

— Разве мы что-нибудь знаем об этом? — парировал Джимми. — К тому же в этом отчасти и состоит моя идея об эпицентре. Передатчик находится где-то в другом месте, но его лучи проецируются сюда.

— Если это так, — сказал я, — у твоего аппарата препаршивая настройка. Каково, например, человеку, если во время передачи его разрезает пополам кирпичная стена?

Джимми не выносил таких мелких придираков.

— Так ведь это же только начало. Первые опыты, — возразил он.

Я остался в уверенности, что разрезанному стеной несколько не легче оттого, что это «первые опыты», однако смолчал.

Как раз в тот вечер я и заговорил об этом с Сэлли, и, пожалуй, напрасно. Дав мне ясно понять, что не верит в

чепуху, она объявила, что если это правда, то, наверно, тут просто какое-нибудь новое изобретение.

— И, по-твоему, это «просто новое изобретение»? Да это же целая революция! — вскричал я.

— А что пользы от такой революции?

— То есть? — спросил я.

На Сэлли нашел дух противоречия. Она продолжала тоном человека, привыкшего смотреть правде в глаза.

— Всякому открытию у нас находят только два применения, — объяснила она. — Первое: попроще убить побольше народу. И второе: помочь разным выжигам обирать простаков. Может, когда и бывают исключения, как, например, с рентгеновскими лучами, да только редко. А ты радуешься. Да первое, что мы делаем со всяким открытием, — это приводим его к наименьшему общему знаменателю, а потом множим результат на простейшую дробь. Ну времена! А уж люди!.. Прямо в жар бросает, как подумаешь, что скажут о нас потомки.

— А вот мне все равно. Мы же их не услышим, — возразил я.

Она смерила меня убийственным взглядом.

— Ну конечно. Ответ, достойный двадцатого века.

— И чудачка же ты, — проговорил я. — Ты можешь преспокойно говорить глупости, лишь бы они были твои, а не чужие. Для большинства нынешних девушек будущее — это только новый фасон шляпок или очередное прибавление семейства. А там хоть град из расщепленных атомов — им и дела нет: ведь они убеждены, что спокон века на земле не было и не будет особых перемен.

— Откуда ты знаешь, что думают девушки? — возмутилась Сэлли.

— Так мне кажется. А вообще откуда мне знать? — отвечал я.

По всему судя, она настроилась отрицать все, что было связано с этой историей, и я почел за лучшее переменить тему.

Дня через два ко мне опять заглянул мой приятель.

— Он на время прервал свои опыты, — сообщил Джимми.

— Это ты про кого?

— Да про этого, телетранспортировщика. Со вторника никаких сведений. Наверно, догадался, что кто-то напал на его след.

— Ты себя имеешь в виду? — спросил я

— Может быть.

— Так тебе удалось что-то узнать?

Он нахмурился.

— Во всяком случае, я кое-что сделал. Я нанес на карту места их появлений, и центр пришелся на храм Всех Святых. Я сходил, все там осмотрел, но ничего не обнаружил. И все же я на верном пути, иначе зачем бы ему прятаться?

Этого я не мог ему объяснить. Да и никто другой тоже. Тем более в тот же вечер газета сообщила, что какая-то домохозяйка видела руку и ногу, которые передвигались по стене ее кухни. Я показал эту заметку Сэлли.

— Вот увидишь, все это окажется каким-нибудь новым видом рекламы, — сказала она.

— Не иначе как тайной, — пошутил я. Но, заметив, что в глазах ее снова загорается возмущение, поспешил добавить: — А не пойти ли нам в кино?

Когда мы входили в кинотеатр, небо затянуло тучами; вышли мы уже в ливень. Так как до дома Сэлли не было и мили, а все такси как будто сгинули, мы решили идти пешком. Сэлли натянула на голову капюшон своего плаща, взяла меня под руку, и мы двинулись в путь. С минуту мы молчали.

— Милая, — произнес я наконец, — меня, конечно, можно назвать человеком легкомысленным и беспутным, но разве ты не задумывалась о том, какие здесь открываются возможности для педагогического воздействия?

— Разумеется, — сказала она решительно, но не тем тоном, на который я рассчитывал.

— Словом, — продолжал я настойчиво, — если тебе хочется посвятить себя благородному делу, что может быть лучше, как заняться воспитанием подобной личности? Перспективы громадные...

— Это что, понимать как предложение? — спросила Сэлли.

— «Понимать»!.. Да если б ты знала.. Господи!! Что это?! — И я замолк.

Мы шли по Тайлер-стрит. Эта коротенькая улочка была сейчас залита водой и совсем пустынна: кроме нас — ни души. А умолк я потому, что внезапно увидел немного впереди какую-то машину. Из-за дождя я не мог ее толком разглядеть, но мне показалось, что это был маленький грузовичок с низкими бортами, в кузове которого сидело несколько легко одетых людей; он пересек Тайлер-стрит и исчез. Все бы ничего, если бы на Тайлер-стрит выходила

хоть какая-нибудь улица... увы, ее не было. Грузовичок просто вынырнул с одной стороны и исчез с другой.

— Ты видела? — спросил я.

— Да, но как он?.. — начала Сэлли и осеклась.

Мы прошли еще немного и достигли того места, где промелькнул грузовичок: по одну сторону от нас была кирпичная стена, по другую — фасады домов.

— Тебе, наверно, показалось, — сказала Сэлли.

— Почему только мне?..

— Но ведь это же невозможно.

— Послушай, дорогая... — начал было я.

Однако в эту минуту из кирпичной стены шагах в десяти перед нами выступила девушка. Мы замерли на месте и уставились на нее.

Не знаю, свои ли у нее были волосы или парик (теперь наука и искусство так усиливают женские чары!), только голову ее увенчивало какое-то подобие огромной золотой хризантемы добрых полутора футов в окружности, а чуть левее середины в волосы был воткнут красный цветок. Голова ее казалась непомерно тяжелой. На девушке было что-то вроде короткой розовой туники, очевидно шелковой, которая выглядела бы уместной в ночном кабаре, но не на мокрой, грязной и темной Тайлер-стрит. Но что меня совсем убило, так это вышитые на тунике узоры. Трудно было поверить, чтоб девушка... Но так или иначе — тут стояли мы, а там — она.

Стоять-то она стояла, да только не прямо на земле, а в нескольких дюймах над ней. Она взглянула на нас обоих, потом уставилась на Сэлли: обе принялись внимательно изучать друг друга. Время шло, а мы все стояли и не двигались. Девушка открыла рот — очевидно, она что-то сказала, но мы не расслышали ни звука. Потом она покачала головой, махнула нам рукой и, повернувшись, ушла в стену.

Сэлли стояла не шевелясь. В своем блестевшем от дождя плаще она походила на некое темное изваяние. Когда она обернулась и на меня из-под капюшона глянуло ее лицо, оно показалось мне каким-то новым. Я обнял ее за плечи, она дрожала всем телом.

— Мне страшно, Джерри, — сказала она.

— Ну что ты, Сэлл. Наверно, все это проще простого, — солгал я.

— Нет, Джерри, тут что-то не то. Ты видел ее лицо? Она же моя копия!

— Да, здорово похожа, — согласился я.

— Понимаешь, ну просто копия. И мне стало страшно
— Игра света — и все. А в общем ее уже больше нет, —
сказал я.

И все же Сэлли была права. Девушка походила на нее
как две капли воды. Я потом часто об этом думал.

Утром ко мне пришел Джимми и принес газету. В корот-
кой передовой высмеивались граждане, которые в последнее
время видели разные чудеса.

— Наконец-то они высказали свое мнение, — объ-
явил он.

— А тебе как, удалось что-нибудь разузнать? — спро-
сил я.

Он нахмурился.

— Боюсь, я шел по ложному следу. Я и сейчас думаю,
что это первые опыты, только передатчик, очевидно, где-то
совсем в другом месте. Возможно, его передачи направлены
сюда в опытных целях.

— А почему сюда?

— Откуда мне знать? Куда-то он должен был их на-
править! Сам же передатчик может быть где угодно. —
Джимми замер, вдруг пораженный страшной мыслью. —
Возможно, речь идет об очень серьезных вещах. Что, если
передатчик у русских и они могут телетранспортировать
сюда людей или даже бомбы...

— Сюда-то зачем? — настаивал я. — Если бы, скажем,
в Харуелл* или же Королевский арсенал — дело другое.

— Для опыта, — повторил он.

— Вот разве что, — согласился я. Затем я рассказал
ему о девушке, которую мы с Сэлли повстречали накануне. —
Мне что-то русские представлялись совсем иначе, — до-
бавил я.

Джимми покачал головой:

— Маскируются. Насмотрелись там у себя за железным
занавесом разных иллюстрированных журналов и газет и
решили, что наши девушки так ходят. Вот и весь фокус, —
закончил он.

На следующий день примерно три четверти всех чита-
телей «Вечерних новостей» написали в редакцию о разных

* Атомный центр в Англии.

странностях, которые видели, и газета оставила свой шуточный тон. А через два дня город решительно разделился на сторонников, так сказать, классического толкования и нового. Во втором лагере имелись свои раскольники, которые отстаивали идею телетранспортировки против теории стереоскопической передачи или спонтанного молекулярного синтеза; первый лагерь разделился на следующие секты: поборников вторжения духов, адептов телесности обычно бестелесных видений и провозвестников Страшного Суда. В жарких спорах частенько было не разобрать, кто действительно что-то видел, а кто от полноты чувств приукрасил дело в ущерб истине.

В субботу мы встретились с Сэлли, чтобы вместе позавтракать. Потом отправились на машине за город — там, среди холмов, было одно местечко, которое, по-моему, на редкость подходило для объяснения в любви. Но когда мы пересекли Хай-стрит, шедшая перед нами машина затормозила. Затормозили и я и мужчина, ехавший следом за нами. Третья машина затормозила уже в последний момент. По ту сторону перекрестка тоже раздавался характерный скрежет металла. Я поднялся на ноги, чтоб узнать причину остановки, и потянул за руку Сэлли.

— Смотри, опять!

Прямо посреди перекрестка отчетливо вырисовывалось что-то, что с трудом можно было назвать машиной, — оно больше походило на какую-то плоскую тележку или платформу и висело над землей на расстоянии фута. Да-да, висело, я не оговорился. У платформы не было ни колес, ни подпорок. Она просто висела в воздухе. На ней стояли с полдюжины людей в ярких одеждах, похожих не то на рубаху, не то на халат, и с любопытством оглядывали все вокруг. По борту платформы шла надпись: «Видеограма По-оли». Один из мужчин показывал другому на храм Всех Святых; остальные больше смотрели на людей и машины. Полисмен-регулирующий высунул из своей будки изумленное лицо, но тут же взял себя в руки — закричал, засвистел в свисток, опять закричал. Стоявшие на платформе даже не повернулись. Полицейский вылез из будки и двинулся к перекрестку — точь-в-точь вулкан, который нашел, наконец, куда бы извергнуться.

— Эй! — прокричал он пришельцам.

Те по-прежнему не обращали на него никакого внимания, и только когда он был от них уже в двух ярдах, заметили его, стали подтакивать друг друга локтями, ухмыляться. Полицейский весь побагровел; он принялся бранить их на

чем свет стоит, а они продолжали рассматривать его с нескрываемым интересом. Полицейский, взяв в руки дубинку, хотел было схватить юношу в желтой рубашке, но рука его прошла сквозь нарушителя.

Блюститель порядка отступил. Ноздри его раздувались, как у лошади. Стиснув в руке дубинку, он размахнулся и ударил ею по всей компании. Те продолжали смеяться: дубинка свободно прошла сквозь них.

Я готов снять шляпу перед этим полицейским: он не пустился бежать. С минуту он как-то странно глядел на возмутителей спокойствия, потом повернулся и не спеша направился к будке; все так же спокойно он дал машинам сигнал продолжать путь. Ехавший перед нами только того и ждал. Он рванул с места и прошел сквозь платформу. Она успела уйти от меня, иначе я сам бы ей поддал. Сэлли видела, как платформа, описав дугу, исчезла в стене городского банка.

Когда мы подъехали к намеченному месту, погода заметно испортилась, все вокруг выглядело мрачно и совсем не благоприятствовало моим целям, так что мы, покатавшись немножко, повернули обратно и остановились в тихом и уютном ресторанчике у въезда в город.

Мне уже почти удалось начать разговор, о котором я мечтал, когда у нашего столика появился — кто бы вы думали? — Джимми.

— Вот встреча! — вскричал он. — Слышал, Джерри, что случилось сегодня в центре?

— Да мы сами там были, — ответил я.

— Выходит, Джерри, наши с тобой догадки — так, ерунда. А дело-то покрупней! Эта платформа все прояснила. Техника у них куда выше нашей. Знаешь, кто это, по-моему?

— Марсиане? — предположил я.

Он так и отпрянул, вытаращив глаза.

— Как ты догадался?! — изумленно спросил он.

— А больше некому, — объяснил я. — Только вот непонятно, зачем марсианам путешествовать под вывеской «Видеорама Пооли», — продолжал я.

— А там было так написано? Я этого не знал, — проговорил Джимми.

И он ушел с унылым видом, успев начисто испортить все, что мне с таким трудом удалось наладить.

Утром в понедельник наша машинистка Анна пришла на работу еще более очумелая, чем всегда.

— Ой, что со мной приключилось, страх!.. — затрепала она, едва переступив порог. — Никак не опомнюсь. Я вся была красная как рак.

— Вся-вся? — заинтересовался Джимми.

Она не потрудилась ему ответить.

— Сажу я в ванне и вот поднимаю глаза — мужчина в зеленой рубашке стоит и смотрит. Ну, я, конечно, закричала.

— Еще бы. Конечно! — поддакнул Джимми. — А дальше что было, или нам нельзя...

— Стоит — и все, — продолжала она. — А потом усмехнулся и ушел... в стену. Ну какой нахал!

— Ужасный! — согласился Джимми. — Так, прямо в открытую, и усмехнулся?

Анна пояснила, что нахальство его заключалось не только в этом.

— Просто сущее безобразие, — говорила она. — Что ж это будет, если мужчины начнут свободно ходить сквозь стены ванн, где купаются девушки?..

Резонный вопрос, ничего не скажешь.

Тем временем прибыл шеф. Я последовал за ним в кабинет. Видно было, что он чем-то расстроен.

— Что творится в этом проклятом городе, Джерри? — сказал он с возмущением. — Вчера приходит жена домой. А в гостиной две какие-то невероятные девицы. Она, конечно, обвинила меня! Первый скандал за двадцать лет. Пока мы разбирались, девицы исчезли.

Я поахал в знак сочувствия — что еще оставалось.

Вечером я пошел навестить Сэлли и увидел, что она сидит на ступеньках у своих дверей, прямо под дождиком.

— Ты что это? — спросил я.

Она взглянула на меня безнадежно.

— Понимаешь, явились двое. Мужчина и девушка. И ни за что не хотели уходить. Только смеялись надо мной. А потом стали вести себя так, точно меня там нет. Дошли до того, что... Словом, я не выдержала и ушла.

Она сидела несчастная-пренесчастная и вдруг расплакалась.

Ход событий все убыстрялся. Наутро произошло жаркое сражение — вернее, побоище — на Хай-стрит. Мисс Дотрби, представительница одной из именитейших семей Уэстуича, была оскорблена в лучших чувствах появлением

на углу Нортгейт четырех взлохмаченных и хихикающих девиц. Но едва она обрела дыхание и глаза ее вернулись в свои орбиты, она тут же постигла свой долг перед обществом: зажала в руке зонтик, точно Дедовский меч, и двинулась на врага. Она прошла сквозь его ряды, нанося удары направо и налево, а когда обернулась, то увидела, что девицы стоят и хохочут ей в лицо. Мисс Дотрби напала на них вторично, но те продолжали над ней смеяться. Тогда она принялась что-то бессвязно лепетать, и ее увезли в машине «скорой помощи».

К концу дня город заполнили возмущенные матроны и растерянные мужи; мэра и полицию одолевали просьбами принять, наконец, какие-нибудь меры.

Особенно беспокойно было в районе, который Джимми ранее отметил на карте. Вообще-то пришельцы встречались повсюду, но в этих кварталах они ходили толпами — мужчины в цветных рубашках и девушки с немыслимыми прическами и совсем уж немыслимыми узорами на одежде; они выходили под ручку из стен и беззаботно разгуливали среди пешеходов и машин. По временам они останавливались, что-нибудь друг другу показывали, а потом раздражались беззвучным хохотом. Что их особенно забавляло, так это наш гнев. Стоило им заметить, что они вас шокируют, как они начинали строить вам рожи и всячески донимать вас, доводить вас до слез, и чем больше вы волновались, тем больше они радовались. Они гуляли, где хотели, проникали в магазины, банки, учреждения и частные квартиры, невзирая на ярость постоянных обитателей. Везде появились надписи «Не входить», но это незваных гостей только смешило.

В центре от них прямо не было прохода, хотя, как выяснилось, они могли двигаться не только на том уровне, что мы. Иногда вам казалось, что они идут по земле или по полу, но где-то рядом другие пары в нескольких дюймах над землей, а еще дальше вы могли встретить и таких, что шли по земле, точно вброд. Очень скоро мы убедились, что они так же не слышат нас, как мы их, и потому не было никакого смысла обращаться к ним или грозить им, а наши объявления лишь возбуждали их любопытство.

На четвертый день в городе воцарился полный хаос. В местах массового нашествия гостей исчезла всякая возможность уединения. В самые интимные минуты они могли пройти мимо вас, тихонько хихикая или фыркая вам в лицо. Хорошо было полиции объявлять, что пришельцы, мол,

безопасны, не в силах причинить никому вреда и поэтому лучше всего просто не обращать на них внимания. Бывают такие минуты, когда не у всякого хватит выдержки взять и отвернуться от толпы хохочущих юнцов и девиц. Даже такой мирный человек, как я, временами впадал в ярость, а уж разные там женские комитеты и общества охраны — те вообще пребывали в состоянии вечной истерики.

Слухи о нашем положении начали распространяться по стране, но от этого нам слаще не стало. В город хлынули любители сенсаций. От них некуда было деться. По улицам поползли провода кинокамер, телекамер и микрофонов, а фоторепортеры только и делали, что сновали вокруг и щелкали затворами своих аппаратов и, будучи отнюдь не бесплотны, мешали нам не многим меньше пришельцев.

Однако нам предстояли еще более серьезные испытания. Мы с Джимми оказались свидетелями нового поворота событий. Мы шли завтракать в кафе и, следуя инструкции, старались всеми силами не замечать пришельцев — шли сквозь них, и все. Джимми был мрачен. Ему пришлось отказаться от всех своих теорий: они одна за другой рушились под натиском фактов. Уже подходя к кафе, мы заметили на Хай-стрит беспорядочное скопление машин, двигавшихся в нашу сторону, и решили обождать. Через минуту из потока машин вынырнула одна, ехавшая со скоростью шести-семи миль в час. Это скорее была не машина, а платформа, вроде той, которую мы с Сэлли видели на перекрестке в прошлую субботу, только пошикарней. У нее были разноцветные, еще блестящие красной, желтой и синей краской борта, а внутри — сиденья, по четыре в ряд. Большинство пассажиров составляла молодежь, но попадались и люди постарше, одетые в более сдержанные костюмы все того же фасона. За передней платформой двигалось с полдюжины других. На бортах платформ можно было прочесть:

ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ.

ВИДЕОРАМА ПООЛИ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ
ВЕКА.

КУРС ИСТОРИИ БЕЗ ВСЯКОЙ ЗУБРЕЖКИ
ЗА ОДИН ФУНТ.

ТАК ЖИЛА ВАША ПРАПРАБАБУШКА.

ДВА ШАГА — И ВЫ В СТАРОМ СМЕШНОМ
ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ.

**ЖИВАЯ ИСТОРИЯ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ.
СМЕШНЫЕ МОДЫ, ДРЕВНИЕ ОБЫЧАИ.**

**ВЕСЬМА ПОУЧИТЕЛЬНО! ИЗУЧАЙТЕ
ПРИМИТИВНЫЕ НРАВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ.**

**ЗАГЛЯНИТЕ В РОМАНТИЧНЫЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК —
БЕЗОПАСНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ.**

**ИЗУЧАЙТЕ СВОЕ ПРОШЛОЕ, ПОВЫШАЙТЕ
КУЛЬТУРУ — СТОИМОСТЬ ЭКСКУРСИИ ОДИН
ФУНТ.**

**КРУПНАЯ ПРЕМИЯ ТОМУ, КТО ОПОЗНАЕТ СВОЮ
ПРАБАБУШКУ ИЛИ ПРАДЕДУШКУ.**

Пассажиры с удивлением глазели по сторонам и порой прямо-таки давились от смеха. Кое-кто из юношей тыкал в нас пальцем и, по-видимому, отпускал на наш счет разные шуточки: спутницы их так и покатывались от беззвучного хохота. Другие сидели развалясь и уплетали какие-то крупные желтые плоды. Временами они поглядывали вокруг, но больше были заняты своими соседками, которых обнимали за талию. На задке предпоследней платформы стояло:

**ТАК ЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНА ВАША ПРАПРАБАБУШКА,
КАК ОНА УТВЕРЖДАЛА? СПЕШИТЕ УЗНАТЬ ТО,
О ЧЕМ В СЕМЬЕ НЕ РАССКАЗЫВАЛИ.**

А на последней:

**ЛОВИТЕ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ, ПОКА ОНИ НЕ НАЧАЛИ
ПРЯТАТЬСЯ.**

**УЗНАВАЙТЕ ТАЙНЫ — ЭТО ПОМОЖЕТ ВАМ
ВЫИГРАТЬ ПРИЗ!**

Платформы проехали, а мы, пешеходы, стояли и переглядывались в изумлении. Говорить, как видно, никому не хотелось.

Этот торжественный выезд был, по-моему, чем-то вроде парада, ибо позднее, хоть я и не раз встречал платформы, до отказа набитые любителями впечатлений и шедшие под лозунгами:

**ИСТОРИЯ — ЭТО КУЛЬТУРА. РАСШИРЯЙТЕ СВОЙ
КРУГОЗОР — ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ФУНТ.**

или:

УЗНАВАЙТЕ ПОДНОГОТНУЮ ВАШИХ ПРЕДКОВ!

во всяком случае, о подобных парадах я больше не слышал.

В мэрии рвали на себе последние волосы и продолжали увешивать город объявлениями о том, что запрещается делать туристам, но те только смеялись, и дела шли все хуже и хуже. Пешие туристы взяли за обычай подбегать и заглядывать вам в лицо; сверившись с книгой или газетой, которую носили с собой, они в раздражении кидались за кем-нибудь другим. Я пришел к выводу, что за меня не давали ни гроша.

И все же надо было работать. Раз уж мы не могли справиться с незваными гостями, приходилось их терпеть. Многие семьи уезжали за город, чтоб сыскать покой и уберечь дочек от влияния новой моды и прочих соблазнов, но большинство из нас должно было как-то тянуть обычную лямку. Почти все встречные глядели хмуро и озадаченно. Исключение составляли одни пришельцы.

Как-то вечером, недели через две после торжественного проезда платформы, я зашел за Сэлли. Когда мы с ней вышли из дому, то увидели, что чуть подальше на улице идет драка. Две девицы, чьи головы походили на раззолоченные плетеные шары, сцепились, как две кошки. Один из стоявших рядом юношей самодовольно поглядывал вокруг, остальные подзадоривали соперниц. Мы повернули в другую сторону.

— Совсем чужой стал город, — проговорила Сэлли. — Даже дома от них не спрячешься. Что бы им убраться и оставить нас в покое. Мерзкие создания!.. Видеть их не могу!

У самого входа в парк мы набрали на хризантемо-воло-сую малютку, которая сидела ни на чем и горько-прегорько плакала. Сэлли тут же смягчилась.

— Может, они не такие уж злые, ну хотя бы некоторые. Тогда зачем они устроили из нашей жизни какой-то цирк?

Мы сыскали скамейку и сели на нее полюбоваться заказом. Мне хотелось куда-нибудь увезти Сэлли отсюда.

— А наверно, красиво сейчас на холмах, — сказал я.

— Жаль, что мы не там, Джерри, — вздохнула она.

Я взял ее руку; она не отняла ее.

— Сэлли, дорогая... — начал я.

Но не успел я закончить фразу, как откуда-то появились двое туристов, мужчина и девушка, и заняли позицию напротив нас. Вот когда я пришел в ярость. Ну пусть себе ездят по городу на своих платформах, неужто же надо хорониться этих пешеходов и здесь, в парке, где для них нет — по крайней мере не должно быть — ничего интересного. Но эта парочка, видно, сыскала что-то интересное и без всякого стеснения уставилась на Сэлли. Она выдернула свою руку из моей. Пришельцы стали о чем-то совещаться. Мужчина открыл папку, которую держал под мышкой, и вынул оттуда какой-то листок. Они взглянули на него, на Сэлли, опять на листок.

Это уж было слишком. Я встал и, пройдя сквозь них, заглянул в листок. Удивлению моему не было предела. То была страница наших «Вечерних новостей», очевидно, взятая из какой-то очень старой подшивки. Истрепанная, с полувыцветшей печатью, она, чтобы не рассыпаться, была с обеих сторон заклеена каким-то тонким, прозрачным пластиком. Я не заметил числа, но это и понятно: я смотрел туда же, куда смотрели они, а с фотографии на меня смотрело улыбающееся лицо Сэлли. На каждой руке у нее было по малютке.

Я успел прочесть лишь заголовок: «У супруги городского советника — двойня». Тут они сложили газету и опрометью кинулись к выходу. Летят за своим проклятым призом, подумал я, чтоб им подавиться!

Я вернулся к Сэлли и сел с ней рядом. Разумеется, эта фотография испортила все дело. «Супруга городского советника» — каково!

Ей, конечно, хотелось знать, что я прочел в газете, и мне пришлось что-то соврать, чтобы выкрутиться.

Мы сидели на скамейке, молчаливые и мрачные.

Мимо проехала платформа, на которой красовалось:

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ УСИЛИЙ. КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПОЛНОГО КОМФОРТА.

На наших глазах она прошла сквозь решетку парка и влилась в уличное движение.

— Пойдем домой, — предложил я.

— Пойдем, — грустно ответила Сэлли.

Провожая ее домой, я все сокрушался, что не заметил дату выпуска.

— Между прочим, у тебя нет какого-нибудь знакомого советника? — спросил я ее как бы невзначай.

Сэлли удивилась.

— Есть один. Мистер Фэлмер, — сказала она как-то неуверенно.

— Он что, молод? — осведомился я небрежным тоном.

— Что ты! Он такой старый. Я, собственно, знаю не его, а его жену.

— Вот как!.. А какого-нибудь молодого не знаешь?

— Кажется, нет. А что?

Я промямлил что-то насчет того, как нужны нам в подобный момент молодые люди с головой.

— Молодые люди с головой не идут в городские советники, — возразила Сэлли, глядя на меня.

Возможно, ей в самом деле не хватало логики, но она умела подбодрить человека. Вот если б мне еще найти разгадку всей этой истории!

На следующий день город снова негодовал. Дело в том, что накануне в храме Всех Святых шла вечерняя служба. Но едва священник взошел на кафедру и открыл рот, чтобы произнести небольшую проповедь, в церкви появилась платформа с надписью:

**НЕ ЭТОТ ЛИ МАЛЬЧУГАН ВАШ ПРАПРАДЕДУШКА?
ЗАПЛАТИТЕ ФУНТ, И ВЫ СМОЖЕТЕ ЭТО ВЫЯСНИТЬ.**

Платформа остановилась против аналоя. Священник молча глядел на нее с полминуты, а потом хватил кулаком по пюпитру.

— Нет, это невыносимо! — завопил он. — Не начну, пока эта штука не выедет!

И замер, вперив сверкающий взор в платформу.

Прихожане последовали его примеру.

На платформе с явным нетерпением ожидали начала представления. Видя, что оно задерживается, туристы, чтоб скоротать время, принялись откупоривать бутылки и угощаться фруктами. Священник продолжал смотреть на них испепеляющим взглядом. Служба все не начиналась, туристам сделалось скучно. Юноши стали щекотать девиц, девицы захихикали. Несколько человек горячо убеждали в чем-то сидевшего впереди мужчину. Спустя минуту он кивнул, и платформа уплыла через южную стену.

Первый раз мы взяли верх. Священник вытер лоб, откашлялся и произнес лучшую свою проповедь на тему: «Города в долине».

Но как ни возмущались отцы города, нам от этого было не легче. Планов, конечно, хватало. Один из них принадлежал Джимми и состоял в том, чтобы с помощью ультра-высоких или инфранизких волн развеивать изображение туристов. Возможно, в ходе подобных опытов нам бы и удалось что-то сыскать, но время не ждало. А попробуйте повоевать с врагом, когда он всего-навсего стереоскопическое изображение и вы понятия не имеете, как воспрепятствовать его передаче. Сама передача происходит не там, где вы ее видите, а в каком-то совершенно неизвестном вам месте — как туда доберешься? То, что вы видите, не способно чувствовать, оно не ест, не спит, не дышит...

И вот, когда я стал раздумывать над тем, что же оно все-таки способно испытывать, тут-то меня и осенило. Я был поражен — ведь до чего просто! Я схватил шляпу и кинулся в мэрию.

Осаждавший мэрию поток возмущенных, недовольных и одержимых разными планами лиц весьма затруднил туда доступ, и все же я, наконец, пробился к одному чиновнику, который выслушал меня внимательно, хотя и недоверчиво.

— План ваш не многим понравится, — заявил он.

— Пускай. Нам ведь нечего терять. К тому же это пойдет на пользу местной торговле.

Лицо его заметно просветлело. А я наседал:

— Ведь у мэра несколько ресторанов, а уж владельцы гостиниц, пивных и закусочных, те просто возликуют.

— Что и говорить, — согласился чиновник. — Попробуем предложить им ваш план. Пойдемте.

Последующие три дня мы с утра до ночи разрабатывали мой план. На четвертый приступили к его осуществлению. Ранним утром на все дороги вышли люди и перекрыли въезды в наши муниципальные пределы, а потом водрузили у их границ огромные щиты, на которых красным по белому было написано:

УЭСТУИЧ — ГОРОД, СМОТЯЩИЙ В БУДУЩЕЕ.
ПОСЕТИТЕ — УВИДИТЕ. СМОТРИТЕ, ЧТО БУДЕТ.

НЕ ГОРОД — ЧУДО ВЕКА
(С ПРИЕЗЖИХ ДВА ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ).

В то же утро были запрещены все телевизионные передачи из Уэстуича, а в столичных газетах появилась серия объявлений:

**ВЕЛИКОЛЕПНО! ОРИГИНАЛЬНО! ПОУЧИТЕЛЬНО!
УЭСТУИЧ ПРЕДЛАГАЕТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНУЮ
ПАНОРАМУ БУДУЩЕГО!**

**ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ:
ЧТО БУДЕТ НОСИТЬ ВАША ПРАПРАПРАВНУЧКА,
КАК БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ВАШ ПРАПРАПРАВНУК,
ЧТО БУДЕТ МОДНО В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ,
КАК ПЕРЕМЕНЯТСЯ ОБЫЧАИ,
ПОСЕТИТЕ УЭСТУИЧ И ВЗГЛЯНИТЕ СОБСТВЕННЫМИ
ГЛАЗАМИ!**

**ВАМ ОТКРЫТА ПЕРСПЕКТИВА ИСТОРИИ.
БУДУЩЕЕ ЗА ДВА ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ.**

Мы полагали, что происходящее у нас всем известно, и потому не стали вдаваться в подробности, однако поместили в иллюстрированных газетах несколько реклам, рассчитанных на любителя.

УЭСТУИЧ.

**ПАРАД КРАСОТОК!
ЖЕНЩИНЫ БУДУЩЕГО.**

СМЕЛЫЕ МОДЫ — ВОЛЬНЫЕ МАНЕРЫ.

— **ИЗУМИТЕЛЬНО! ДОСТОВЕРНО!
СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ!**

**СТИЛЬНЫЕ ДЕВОЧКИ НА ВСЕ ВКУСЫ
ЗА ДВА ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ.**

И так далее и тому подобное. Кроме того, мы закупили в отделах новостей достаточно места для своей рекламы, чтобы привлечь тех, кто считает, что руководствуется во всем психологическими, социальными и прочими высокими мотивами.

И они прикатили.

К нам и раньше приезжало немало охотников за сенсацией, но стоило им узнать, что за это назначили цену, как число прибывающих резко возросло, и чем больше их становилось, тем мрачнее смотрел казначей Городского совета —

отчего, мол, не догадались спрашивать за въезд по пять, а то и по десять шиллингов.

Через несколько дней нам пришлось построить на всех пустырях и кое-где в окрестных полях автомобильные стоянки и еще пустить специальный автобус до города для тех, кто там остановился. Улицы были забиты приезжими, которые собирались толпами и приветствовали свистом, гиканьем и шутками каждую платформу Пооли и каждого пешего туриста, так что местные жители попросту засели дома и там копили свою ярость.

Наш казначей уже начал тревожиться, как бы нас не обложили налогом на развлечения. Мэра с каждым днем все больше и больше заваливали жалобами, но он был так занят снабжением своих ресторанов пивом и едой, что не мог уделить жалобщикам ни минуты. И тем не менее я стал опасаться, что этот Пооли нас все-таки выживет. Легко было заметить, что туристам из будущего не по вкусу весь этот гам-тарарам — он изрядно мешал охоте за призами, — однако они продолжали бродить по городу, да еще к ним прибавились приезжие, которые поднимали несусветный шум и бесновались почти до утра. Терпение жителей иссякло, назревала буря.

К концу недели, когда кое-кто из нас стал подумывать, уж не лучше ли, пока не поздно, отлучиться на время из Уэстуича, обнаружилась первая брешь: чиновник из мэрии позвонил мне и сказал, что он видел несколько платформ, на которых было много пустых мест.

На следующий вечер я вышел на один из их излюбленных маршрутов, чтобы самому на все поглядеть. Я застал там большую, уже успевшую угоститься толпу — люди обменивались шутками, пихались и толкались локтями, — впрочем, ждать пришлось не долго. Из фасада кафе «Коронация» чуть наклонно выплыла платформа с надписью:

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ РОМАНТИКА XX ВЕКА ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ШИЛЛИНГОВ.

На платформе было с полдюжины свободных мест.

Появление платформы было встречено общим ликованием и пронзительным свистом. Водитель с полным безразличием повел машину прямо сквозь толпу. Пассажиры на платформе выглядели менее уверенно, чем прежде. Иные из них вели с нами немую перепалку; они смеялись и на

каждый жест, каждую гримасу, отвечали тем же. Хорошо еще, что их девицы не могли слышать того, что кричала им толпа; впрочем, некоторые жесты были достаточно красноречивы. Сомневаюсь, что было очень приятно проезжать сквозь толпу мужчин, ведущих себя подобным образом. К тому моменту, когда платформа миновала скопление народа и готовилась скрыться в фасаде универмага, большинство туристов уже перестало бодриться, а некоторые совсем помрачнели. Глядя на их лица, я подумал, что Пооли, наверно, нелегко будет отстаивать познавательную ценность своих начинаний перед депутацией недовольных.

В следующий вечер на платформах было больше пустых мест, чем занятых; говорили также, что стоимость экскурсии снизилась до десяти шиллингов.

Через день платформы не появились вовсе, и мы только и делали, что возвращали въездную плату и отбивались от требований оплатить расход бензина.

Не появились они и на следующий день и на третий день, так что нам оставалось лишь произвести генеральную уборку Уэстуича. В общем, если не считать приобретенной городом печальной славы, которую предстояло изживать годами, вся эта история была теперь позади.

Так мы по крайней мере считали. Но Джимми утверждал, что это заблуждение. Он был уверен, что они лишь подработали фактор видимости — из-за него и вышла вся неприятность, — и теперь, верно, снова разъезжают по нашему и другим городам.

Что ж, возможно, он прав. Кто поручится, что этот Пооли или какой-нибудь его преемник не устраивает сейчас увеселительные экскурсии по всему белому свету и по всей истории вдоль и поперек? Но мы их не видим и, поскольку они скрыты от нас, не больно тревожимся.

Так или иначе, мы, как могли, справились с Пооли. Правда, для этого пришлось пойти на крайние меры. Даже настоятель храма Всех Святых понял это, оттого, без сомнения, и начал свою благодарственную проповедь словами: «Беспримерно и поразительно, братья, действие пошлости...»

Поскольку все уладилось, я нашел, наконец, время навестить Сэлли. Она была веселее, чем в последние дни, и поэтому еще привлекательней. Кажется, она тоже была рада меня видеть.

— Привет, Джерри, — сказала она. — Я только что читала в газете, как мы обязаны тебе тем, что избавились от них. Нет, право, ты молодец!

Еще недавно я, верно бы, растаял от этих слов, но сейчас во мне словно что-то замкнулось. Я то и дело вспоминал ее с близнецами на руках и ломал себе голову, как они там очутились.

— Ничего особенного, дорогая, — ответил я сдержанно. — Любой бы придумал.

— Возможно. Только люди почему-то другого мнения. Знаешь, Джерри, что я сегодня слышала? Они хотят просить тебя баллотироваться в Городской совет.

— Меня — в совет? Вот комедия... — начал было я и замолк. — Но если... Значит, тогда меня станут называть советником, да?

— Ну, наверно, — ответила она, с удивлением глядя на меня.

Кажется, все начало проясняться.

— Сэлли, дорогая... любимая... Я давно собирался сказать тебе одну вещь... — забормотал я.

В тот раз я встретил их по чистой случайности. Я, наверно, все равно бы немножко позже на них наткнулся, но тогда бы все вышло совсем иначе. А тут, только я свернул за угол, как сразу их увидел — стоят спиной ко мне в самом конце прохода и осторожно выглядывают в большой коридор, чтоб выйти незаметно. Джин я узнал сразу: даже издали различил ее профиль. Что до мужчины, то он стоял ко мне спиной, однако я все равно уловил в нем что-то ужасно знакомое.

Я бы, наверное, так вот глянул на них — с любопытством, конечно, — и все бы на этом и кончилось, а уж специально следить за ними мне бы и в голову не пришло, но тут у меня мелькнула мысль, что они могли выйти только из лаборатории старого Уэтстоуна, которую и теперь, хотя он уже два года как умер, называют у нас «комнатой старика».

Конечно, Джин вправе была ходить туда, когда вздумается. Как-никак Уэтстоун был ей отцом, и все оборудование, что стояло там под чехлами, честно говоря, принадлежало ей, но на самом деле оно оставалось в целости лишь потому, что никому не хотелось первым начать его растаскивать. Старика у нас очень уважали за его работу — за ту, что он вел наверху, по должности, — и, хотя он малость, я бы сказал, помешался на одной своей теме, из которой никогда ничего не выходило, да, наверно, и выйти не могло, его престиж служил своего рода охранной грамотой комнате и всему, что в ней стояло. Это была дань его памяти.

Ну и, кроме того, иным из нас, тем, кто в разное время с ним работал, казалось, что какой-то смысл во всем этом был. Во всяком случае, некоторые полученные результаты позволяли предположить, что, не будь старик таким упрямым ослом и отступи он на шаг от своей теории, он бы

добился успеха. И вот эта мысль, что когда-нибудь кто-то, у кого будет время и желание, сможет в этом деле чего-то добиться, помогала сохранять комнату и оборудование в том виде, в каком он их оставил.

И все же я не мог понять, зачем Джин ходит в лабораторию украдкой. Правда, спутник ее был кто угодно, только не ее муж.

Должен признать, что, когда я свернул с намеченного пути и пошел за ними следом, объяснялось это исключительно потребностью совать нос в чужие дела. Ведь в конце концов это была Джин, а ее я меньше, чем кого-либо, мог заподозрить в каких-то тайных делишках, да еще в этой пыльной комнате, среди покрытых чехлами аппаратов.

Но тогда почему же...

Когда я выглянул в коридор, они были уже далеко. Они больше не прятались, но все же соблюдали осторожность. Я заметил, что он взял Джин за руку и ободряюще пожал ее. Я дал им скрыться за углом и пошел за ними.

К тому времени когда я выбрался на улицу, они уже были во дворе, на полпути к столовой. Теперь они шли совсем как ни в чем не бывало, только все время всматривались в прохожих, словно кого-то искали. Я все еще был слишком далеко от них, чтобы узнать спутника Джин. Они вошли в столовую, я за ними.

Они не сели за стол, а, пройдя в глубь зала, остановились спиной ко мне, и по тому, как они оглядывались по сторонам, я понял, что они и тут кого-то ищут. Двое или трое помахали им рукой, они помахали в ответ, но не подошли к ним.

Я почувствовал, что веду себя по-дурацки и даже немного подло, пожалуй. В конце концов все это меня не касалось, и к тому же в поведении их не было теперь ни тени таинственности.

Я совсем уж было собрался уйти, когда вдруг в первый раз ясно увидел в зеркале на стене лицо мужчины. Оно было ужасно знакомым, хотя я и не сразу узнал его; прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил: это самое лицо я привык ежедневно видеть в зеркале во время бритья.

Сходство было столь разительным, что у меня подкосились ноги, я опустился на ближайший стул, и мне стало как-то не по себе.

Мужчина по-прежнему кого-то искал. Если он и заметил меня в зеркале, то я не вызвал у него интереса. Они не спеша прошли через зал, разглядывая сидевших за столом. Потом вышли в противоположную дверь. Я выскользнул в

ту, что была позади меня, и обогнул здание с наружной стороны. Они стояли на посыпанной гравием площадке неподалеку от входа в столовую и о чем-то спорили.

Меня так и подмывало подойти к ним, но последнее время мы с Джин только и говорили друг другу что «здрасьте — до свиданья», и к тому же глупо подойти к совершенно незнакомому человеку, чтобы сказать ему: «Знаете, а вы на меня страшно похожи!»

И я решил подождать.

Тем временем они успели о чем-то договориться и двинулись к главным воротам. Джин все время обращала внимание своего спутника на какие-то предметы, казавшиеся ей забавными, хотя я никак не мог понять, что она нашла в них смешного. Она придвинулась к нему, просунула свою руку под его, так они и шли.

Должен сказать, это не показалось мне слишком умным. Плейбеллский научно-исследовательский институт представляет собой один из тех узких мирков, где все живут на виду друг у друга, как в одной комнате, и где ничто не ускользает от чужого глаза. Неработающие жены способны разнюхать такое, что посрамит любую ищейку, и достаточно кому-то не то что взять под руку, а просто краем глаза на кого-то взглянуть, как про них уж чего только не наговорят... Поступок Джин, сам по себе, наверное, абсолютно невинный, выглядел в подобных условиях дерзким вызовом.

Не один я это заметил. В тот день, казалось, все обрели завидную наблюдательность. Во всяком случае, несколько встречных посмотрели на меня очень пристально и с явным недоумением.

Выйдя за ворота, шедшая впереди меня пара свернула налево; я дал им еще немного себя обогнать, хотя сейчас это было уже не так важно — я теперь шел домой, своей обычной дорогой, и если бы Джин даже обернулась и увидела меня, ничего удивительного в этом не было бы. Дойдя до второго угла, они повернули направо, как раз к моему дому, но тут я услышал, что кто-то меня догоняет и, с трудом переводя дыхание, кричит: «Мистер Радл! Мистер Радл, сэр!». Обернувшись, я узнал одного из наших курьеров. Не успев еще отдышаться, он сообщил мне:

— Директор видел, как вы вышли с территории, сэр. Он послал меня напомнить вам, что к пяти вы должны представить ему для согласования свои расчеты. Он сказал, что вы, наверно, запомнили.

Действительно, я про это и думать забыл. Я глянул на часы и увидел, что уже почти половина пятого. Джин и ее

спутник вылетели у меня из головы, и я понесся обратно в институт

Мне оставалось сделать лишь несколько небольших расчетов, и без пяти пять я уже был в кабинете директора. Он посмотрел на меня довольно сурово.

— Весьма сожалею, что помешал вашим личным делам, Радл, — сказал он, как мне показалось, довольно сухо, — но мне нужно было собрать сегодня все результаты.

Я извинился, что дотянул до последней минуты. Однако, при том что я все же не опоздал, он принял мои извинения опять-таки слишком холодно. И только выйдя от него, я догадался, в чем дело. Ведь даже меня самого поразило, до чего мы со спутником Джин похожи друг на друга, но если я все-таки мог разобраться, кто из нас — он, а кто — я, то ведь другие-то... И я вспомнил, как они шли рука об руку на виду у всех...

Самое лучшее, решил я, поскорее вернуться домой и сказать свое слово, прежде чем молва скажет свое...

Когда я был уже в двух шагах от дома, из моей калитки вышли Джин и ее спутник, и мы столкнулись нос к носу. У Джин вид был взволнованный и растерянный, у него — растерянный и сердитый. Но едва они меня увидели, как выражение их лиц мгновенно переменялось.

— Ах вот ты, наконец! Слава Богу! — вскричала Джин. — Ну где тебя носило?

Я не очень был готов к такому началу. Как-никак мы почти три года обменивались друг с другом только приветствиями. Чтобы как-то прийти в себя, я принял подчеркнуто сдержанный тон.

— Я не совсем вас понимаю, — сказал я, переводя взгляд с Джин на ее спутника. — Может, вы представите меня своему другу?

— Да не будь ты таким надутым дураком, Питер, — нетерпеливо сказала она.

Тем временем мужчина внимательно в меня всматривался. Лицо его приняло довольно странное выражение. Я не очень этому удивился: наверно, выражение моего собственного лица было не менее странным. Ведь наше сходство — нет, больше чем сходство, наше подобие — было сверхъестественным. Одеты мы были, правда, по-разному. Я никогда не носил вещей, которые были на нем, но все остальное.. Вдруг я заметил его ручные часы: и они сами, и металлический браслет, на котором они держались, были

точной копией моих. Я даже ошупал свое запястье, чтобы убедиться, что они как-то не перескочили к нему. Но мои тоже были на месте, все в порядке. Тут он сказал:

— Боюсь, в этом не так легко разобраться. Мы с Джин нарушили покой вашего дома. И очень основательно. Я, право, сожалею. Но мы не знали...

— Что за ужасная женщина! — вскричала разъяренная Джин. — Я бы с удовольствием ее придушила!

Я почувствовал, что тоню, у меня перехватило дыхание.

— Какая женщина? — спросил я.

— Какая? Да та нахалка, что сидит сейчас у тебя в доме, Тентерша!

Я уставился на них обоих.

— Послушайте, — сказал я. — Это уж слишком. Она ведь моя жена...

— Так она твоя жена? Она нам говорила, но я ей не поверила. Нет, Питер, ты шутишь! Не мог ты на ней жениться! Не мог!

Я в упор посмотрел на Джин. Здесь и вправду было что-то из ряда вон выходящее. Не стану утверждать, что добрая половина людей как-то иначе думает о женах своих приятелей, но вслух они ведь этого не высказывают, тем более при посторонних. Так как же на это реагировать — возмутиться или пожалеть ее?

— Боюсь, что вы не совсем здоровы, — сказал я. — Может быть, вы зайдете в дом, приляжете на минуту, а я тем временем позвоню, вызову такси. По-моему...

Теперь Джин уставилась на меня.

— Ха-ха-ха! — невесело рассмеялась она.

— К сожалению, мы там уже побывали, — сообщил ее спутник. — Понимаете, нам очень хотелось вас повидать, а в доме никого не было. Вот мы и решили посидеть, подождать, пока вы не придете. Но пришли не вы, а мисс Тентер. Мы никак ее не ждали, и к тому же она ни за что не хотела верить, что я — это не вы, и, как ни печально мне об этом говорить, повела себя по отношению к Джин безобразно — нет, другого слова не подберешь, просто безобразно, и вообще все оказалось очень сложно и неприятно.

Он замолчал в смущении.

Все это, право же, начинало походить на какой-то бредовый сон.

— Но почему вы все время называете ее «мисс Тентер»? — спросил я. — Кто-кто, а Джин прекрасно знает, что она уже два с лишним года миссис Питер Радл.

— Господи, — сказала Джин. — Ничего не поймешь! Но я бы в жизни не подумала, что ты женишься на этой особе.

Мне то и дело приходилось напоминать себе, что у нее, видно, не все дома — так естественно это у нее получалось.

— Неужели? — холодно спросил я. — А на ком же, по-твоему, мне следовало жениться?

— На мне, разумеется, — ответила Джин.

— Послушайте, — начал в отчаянии ее спутник, но я решительно прервал его.

— Ты же сама отрезала к этому все пути, когда стала крутить с Фредди Толлбоем, — напомнил я ей почему-то вдруг с горечью; видно, старая рана еще не зарубцевалась.

— С Фредди Толлбоем? — переспросила она. — А кто это такой?

Тут мое терпение лопнуло.

— Вот что, миссис Толлбой, — сказал я, — не знаю, зачем вы затеяли этот розыгрыш, знаю одно — с меня хватит.

— Но я не миссис Толлбой, — сказала она. — Я миссис Питер Радл.

— Очевидно, вам нравится эта шутка, — ответил я ей с горечью, — но мне она не кажется слишком смешной.

Это была чистая правда: еще не так давно я больше всего на свете мечтал о том, чтобы Джин называлась миссис Питер Радл. Я посмотрел ей в глаза.

— Джин, — произнес я. — Тебе не пристало так шутить. Это слишком жестоко.

Несколько секунд она выдерживала мой взгляд. Затем глаза ее приобрели другое выражение, в них появился какой-то блеск.

— Ах! — вскричала она с таким видом, будто прочла что-то в моем лице. — Ах, это ужасно!.. Господи!.. Ведь я... Да помоги же мне, Питер, — добавила она, но это относилось не ко мне, а к ее спутнику. Я тоже повернулся к нему.

— Послушайте, — сказал я, — я не знаю, кто вы такой и что все это значит, и все же...

— Ну да, конечно, — сказал он, как бы внезапно все себе уяснив. — Ну конечно, вы не знаете. Я — Питер Радл.

Наступило длительное молчание. Я решил, что хватит делать из меня дурака, и повернулся, чтобы уйти. Тогда он сказал:

— Нельзя ли нам зайти куда-нибудь поговорить? Видите ли, мы оба Питеры Радлы, и вы и я, вот в чем загвоздка.

— По-моему, это не то слово, — сказал я холодно и собрался уходить.

— Вы просто ничего не понимаете, — раздался его голос у меня за спиной. — Это же машина старого Уэтстоуна. Она*работает.

Возвратиться ко мне домой мы, конечно, не могли, и единственное место по соседству, которое я в ту минуту мог припомнить, была верхняя комната кафе «Юбилейное». Большинство наших институтских сейчас как раз заканчивали работу, но пока они доберутся до кафе, пройдет не меньше часа. Подтверждать мнение о моих личных делах, сложившееся у людей и успевшее дойти до ушей директора, мне отнюдь не хотелось, а потому я сначала поднялся наверх и, убедившись, что там никого нет, подошел к окну и поманил их.

Девушка, подававшая нам чай, не казалась слишком смышленной. Если она даже уловила наше сходство, это не произвело на нее заметного впечатления. Когда она ушла, Джин разлила нам чай и мы принялись за дело.

— Вы, наверно, помните концепцию времени, созданную старым Уэтстоуном, — сказал, наклонившись ко мне, мой двойник. — В качестве примера, хотя и приблизительного, он приводил замерзающее море. Настоящее, по его теории, напоминает ледовую корку, которая ползет все дальше и дальше и становится все толще. Позади остается застывшая масса льда, представляющая прошлое, впереди — текучая вода, олицетворяющая будущее. Можно предсказать, что за определенное время определенное количество молекул будет схвачено морозом, но невозможно предсказать, какие именно это будут молекулы и в каких соотношениях они в этот момент окажутся.

С прошлым, с застывшей массой, считал он, мы скорее всего ничего не поделаем, но ему представлялось, что когда-нибудь удастся проникнуть дальше передней кромки, иначе говоря — настоящего. Если б это оказалось возможным, мы начали бы создавать маленькие форпосты застывшей материи. С течением времени кромка льда достигнет их и они сделаются частью всей ледяной массы, частью настоящего. Иными словами, забегая вперед, мы создаем участки будущего, которые непременно воплотятся в настоящее. Конечно, нельзя предугадать, на какие молекулы будущего

наткнешься, но коль скоро вы их обнаружили, вы тем самым связали их между собой и, закрепив эти сочетания, сделали их частью неизбежного будущего.

— Отлично все это помню, — ответил я ему. — В этом как раз и был его заскок.

— Конечно, заскок, — немедленно согласился мой собеседник. — Все, кто пытался ему помочь, рано или поздно убеждались в этом и уходили от него. Но он-то сам этого не считал. Упрямый был, как осел.

При этих словах он взглянул на Джин.

— Да-да, я знаю, — сказала она с грустью.

— Старик все трудился над машиной, которая подтвердила бы правильность его теории, а из этого ничего не могло выйти — ведь теория-то безумная. Поэтому он и не сумел использовать возможности, которые открывались в ходе его опытов. Ничто не могло заставить его хоть на шаг отступить от своей теории, и он гонялся за своей мечтой, пока вконец не извелся. Вот он и умер до срока, а его аппараты стоят без дела, и никому они не нужны. Ну а потом, вскоре после этого, мы с Джин поженились...

Я почувствовал, что все вокруг снова начинает заволакиваться туманом.

— Но Джин не вышла за вас. Она вышла за Фредди, — возразил я.

— Погодите минутку. Я сейчас к этому подойду. Так вот, вскоре после того как мы поженились, у меня возникла своя, совершенно иная теория времени. Джин позволила мне воспользоваться аппаратами своего отца — теми, с помощью которых я мог доказать правильность своей теории. До некоторой степени это мне удалось, и сегодня вы видите результат.

Он замолчал.

— Для меня все здесь по-прежнему сплошной туман, — сказал я.

— Ничего, я сейчас изложу вам основы своей теории. Я отнюдь не утверждаю, что она безупречна, но, во всяком случае, практический результат налицо — мы сидим здесь и разговариваем друг с другом.

Итак, время чем-то напоминает квантовое излучение. Атомы времени схожи с радиоактивными атомами, они постоянно находятся в состоянии распада, расщепления и излучают кванты. По-видимому, где-то должно быть состояние полураспада, но пока что мне трудно его обнаружить. Очевидно, оно длится какую-то очень малую долю секунды, так что давайте для простоты назовем его просто

«мгновением». Таким образом, каждое мгновение атом времени расщепляется надвое. Эти половинки движутся по разным траекториям и, отдаляясь одна от другой, подвергаются разным влияниям, но, перемещаясь, они не остаются единым целым, они продолжают распадаться на мельчайшие частицы. Примером может служить развернутый веер, только тут из каждой пластинки расходятся новые, а из каждой новой — еще новые, и так до бесконечности.

Допустим, существует некий Питер Радл. Мгновением позже атом времени, в котором он существует, расщепляется, и вот перед нами уже два Питера Радла, слегка непохожие. Но оба атома времени снова расщепляются, и перед нами уже четыре Питера Радла. Еще одно мгновение — и их восемь, потом шестнадцать, затем тридцать два. Скоро их уже тысячи. А поскольку на протяжении секунды этот процесс повторяется много раз, существует неисчислимое множество Питеров Радлов, — и обитают они в разных мирах, слегка или даже очень значительно не похожих один на другой, смотря по тому, на каком расстоянии от точки первоначального распада они находятся, так что Питеры Радлы под влиянием окружающих обстоятельств теряют первоначальное сходство. И, конечно, существует бесчисленное множество миров, в которых Питер Радл никогда не появлялся на свет.

Он остановился на минуту, чтобы дать мне хорошенько все это переварить. Когда, как мне показалось, я что-то понял, у меня тут же появились возражения. Однако я оставил их пока при себе, и он продолжал:

— Таким образом, это уже не проблема путешествия во времени, как понимал ее старый Уэтстоун. Очевидно, слить расщепленные атомы и тем самым воссоздать прошлое так же невозможно, как и наблюдать результаты распада, который еще не произошел. Так мне по крайней мере кажется, хотя я, конечно, допускаю, что в настоящем таится неисчислимое множество вариантов будущего.

Но вместо старой проблемы возникла новая: выяснить, можно ли перемещаться с одной пластинки веера на другую, так сказать, родственную. Я этим занялся, и вот мы оба здесь, в доказательство того, что, в известных пределах, конечно, человек способен...

Он опять сделал паузу, чтобы дать мне освоиться с этой мыслью.

— Да, — произнес я наконец. — В общем все ясно. Но вот с чем мне действительно трудно свыкнуться, так это с тем, что и вы и я в равной мере, ну как бы сказать...

реальны. Поскольку вы здесь, мне приходится, хотя бы в общих чертах, принять вашу теорию, и все же я не могу отделаться от чувства, что настоящий Питер Радл — это все-таки я, а вы — тот Питер Радл, каким я лишь мог бы быть. Это, мне думается, вполне естественное ощущение.

Джин подняла глаза и впервые вмешалась в наш разговор.

— А мне все представляется совсем по-другому, — сказала она. — Мы с ним — настоящие Питер и Джин. А ты — то, что могло случиться с Питером.

Она помолчала некоторое время, не сводя с меня глаз, и добавила:

— Милый, ну зачем ты это сделал!.. Ты же с ней несчастлив. Я вижу.

— Дело в том, — начал мой двойник, но тут же остановился, так как открылась дверь. В комнату кто-то заглянул. Женский голос сказал: «Ах, простите», — и дверь затворилась. Я не мог со своего места разглядеть, кто это был, и вопросительно посмотрел на Джин.

— Это миссис Терри, — сказала она.

Второй Питер начал опять:

— Очевидно, мы в равной степени реальны: ведь оба мы действительно существуем, как две пластинки веера.

Он задержался на этом, чтобы растолковать мне все поподробнее, а потом пошел дальше:

— Хотя я сам все это сделал, я очень слабо представляю себе, как мне это удалось. Вам ведь известно, что человеческий мозг всегда идет проторенным путем. Вот мне и пришло в голову, что если я сумею побудить одного из моих двойников тоже этим заняться, мы с ним вдвоем, наверно, лучше в этом разберемся. Очевидно, головы у нас с вами устроены почти одинаково и нас должны интересовать одни и те же вещи, ну а поскольку наш жизненный опыт не во всем совпадает, нам не грозит опасность, что мысль наша будет развиваться в одной плоскости, — ведь если бы это было так, если бы направление мысли у нас совершенно совпадало, вы бы сделали те же открытия, что я, и притом одновременно со мной.

Действительно, его склад мышления был почти такой же, как у меня. Никогда в жизни я так легко не понимал собеседника. Дело было не в одних лишь словах. Я спросил его:

— Как вы думаете, когда произошло расщепление в нашем с вами случае?

— Я и сам гадаю, — ответил он. — Должно быть, лет пять назад, не больше. — И он протянул мне левую руку. — Видите, у нас с вами одинаковые часы.

— Во всяком случае, должно было пройти не меньше трех лет, — начал прикидывать я. — Как раз тогда появился у нас Фредди Толлбой, а, судя по удивлению Джин, его в вашей жизни не было.

— Слыхом о нем не слыхивал, — подтвердил мой собеседник, кивая головой.

— Ваше счастье, — ответил я ему, взглянув мимоходом на Джин.

Мы снова стали прикидывать.

— Это было, думаю, еще до смерти твоего отца, потому что Толлбой тогда именно и объявился, — сказал я.

Но мой двойник покачал головой.

— Смерть старика — не константа. В одном временном потоке она могла произойти раньше, в другом — позже.

Мне это не приходило в голову. Тогда я попробовал другое.

— Помнишь, когда мы с тобой поскандалили, — сказал я, глядя на Джин.

— Поскандалили? — удивилась она.

— Нет, ты не могла забыть, — сказал я с уверенностью. — Это было в тот вечер, когда между нами все кончилось. После того как я сказал, что не стану больше помогать твоему отцу.

Ее глаза широко раскрылись.

— Все кончилось? — переспросила она. — Наоборот, тогда-то мы и решили пожениться.

— Конечно, дорогая, — подтвердил мой двойник.

Я покачал головой.

— В ту ночь я пошел и напился вдрызг, потому что все полетело к чертям, — сказал я.

— Кажется, мы что-то нащупали, — заметил Питер номер два, облокотившись о стол; в глазах его блеснул охотничий восторг.

Я не разделял его радости. Мне вспомнился один из самых тяжелых моментов моей жизни.

— Я сказал тебе тогда, что по горло сыт упрямством твоего родителя и его идиотской теорией и не буду больше ему помогать, — напомнил я Джин.

— И я ответила, что ты должен по крайней мере делать вид, будто веришь в его идеи: ведь он сдает на глазах, доктор очень за него боится, и новое разочарование может его доконать.

Я решительно покачал головой:

— Я в точности помню, что ты ответила, Джин. Ты сказала: «Значит, ты такой же бездушный, как и все остальные, раз бросаешь старика в трудную минуту». Это были твои слова.

Оба они смотрели на меня, не отрываясь.

— Ну и пошло-поехало, — продолжал я вспоминать, — пока наконец я не сказал, что, видно, упрямство у вас в крови, а ты мне ответила, что вот, спасибо, вовремя узнала, что у меня в крови — эгоизм и бездушие.

— О, Питер, я б-никогда... — начала Джин.

Но тут мой двойник взволнованно перебил ее:

— Наверно, в этот момент все и случилось — в этот самый момент! Я никогда не говорил Джин о ее фамильном упрямстве. Я сказал тогда, что готов поставить еще опыт и что постараюсь быть со стариком как можно терпеливее.

С минутку мы сидели молча. Потом Джин сказала дрожащим голосом:

— Так все и получилось. И ты ушел и женился на ней вместо меня! — Казалось, она вот-вот заплачет. — Ах, как все ужасно, Питер, милый!..

— Сначала ты обручилась с Толлбоем, а я сделал ей предложение уже после, — сказал я. — Но это, наверно, была не ты, конечно, не ты. Это была другая Джин.

Она протянула левую руку и взяла руку мужа в свою.

— Ах, милый, — опять заговорила она тревожным голосом, — ты только подумай об этой другой «я». Бедная она, бедная... — Джин на минуту остановилась. — Может быть, нам вообще не стоило приходить. Сначала все шло нормально, — добавила она. — И, понимаешь, мы думали, что придем к себе, то есть к вам, в ваше время, и встретим там тебя и другую меня, и все будет хорошо. Надо было мне раньше догадаться. Едва я увидела занавески, которые она повесила на окнах, как у меня сразу возникло ощущение — тут что-то неладно. Я уверена, что я бы такие никогда не повесила и другая «я» — тоже. И мебель — ну совсем не в моем вкусе. А сама она — о Господи!.. Да, все получилось совсем, совсем не так, и только потому... Это ужасно, Питер, просто ужасно!..

Она вынула из сумочки носовой платок, вытерла глаза и высморкалась. Затем порывисто обернулась ко мне: в глазах ее по-прежнему стояли слезы.

— Ну, послушай, Питер... Ведь я совсем этого не хотела... Это все вышло неправильно... А та, другая Джин, где она сейчас?

— По-прежнему живет в нашем городке, — ответил я, — только ближе к окраине, на Ридинг-роуд.

— Ты должен пойти к ней, Питер.

— Но послушай... — с ожесточением начал я.

— Она же любит тебя, ты ей нужен, Питер. Ведь она — это я, и я знаю, что она чувствует... Как ты этого не понимаешь?

Я в свою очередь посмотрел на нее и покачал головой.

— Ты тоже не все понимаешь, — сказал я. — Знаешь ты, каково это, когда нож поворачивают в ране? Она за мужем за другим, я женат на другой, и между нами все кончено.

— Нет, нет!.. — вскричала она и в волнении опять схватила мужа за руку. — Нет, ты не можешь так поступить по отношению к самому себе и к ней. Это просто... — Она смолкла и в отчаянии повернулась к другому Питеру. — Ах, милый, если б мы могли как-нибудь ему объяснить, до чего это важно. Ведь он не может, он не в силах это понять!

Питер перевел взгляд на меня.

— По-моему, он все понимает.

Я поднялся со стула.

— Надеюсь, вы простите меня, — сказал я. — Я и так терпел сколько мог.

Джин стремительно встала.

— Извини, Питер, — сказала она с раскаянием. — Я не хочу причинять тебе страданий. Я хочу тебе только счастья — тебе и той, другой Джин. Я... я... — голос ее прервался.

Питер быстро вмешался в разговор.

— Послушай, если у тебя есть свободные полчаса, пойдем в комнату к старику. Там тебе легче будет понять, как приспособить к делу его аппараты. Собственно, для этого я и пришел.

— А ты зачем пришла? — спросил я Джин.

Она сидела ко мне спиной и не повернулась.

— Просто из любопытства, — сказала она дрожащим голосом.

Я не знал, как поступить, но все, что он говорил о сходстве наших умов, было правдой — то, что занимало его, интересовало и меня.

— Ладно, — сказал я не очень охотно, — пойдем.

На улице уже почти никого не было, когда мы вышли в темноту и направились в сторону института. За его воротами

все, казалось, вымерло, в самом здании светилось лишь несколько окон — кто-то, видно, засиделся за работой. Мы шли по дорожке, Джин молчала, а Питер говорил про квантовое излучение времени и объяснял, что движение во времени пока ограничено определенными естественными условиями — нельзя, например, переместиться на соседнюю пластинку веера, если там нет для вас места.

Переместиться на ту жизненную линию, на которой расположена лаборатория старого Уэтстоуна, можно, например, лишь при условии, что там есть свободное место для так называемой «передаточной камеры». Если это место уже занято, то камера погибнет, а если вы хотите, чтобы она вернулась в целости и сохранности, надо непременно провести предварительное испытание. Это заметно сужает наши возможности: попробуйте переместиться по вееру слишком далеко, и вы окажетесь в той временной системе, в которой еще нет этой комнаты и сам институт еще не построен. Если же, очутившись в другой временной системе, передаточная камера попадет на уже занятую часть пространства или окажется где-то в новом измерении, последствия будут самые катастрофические.

Когда мы пришли в лабораторию, в ней все было как обычно, если не считать передаточной камеры, стоявшей посреди покрытых чехлами аппаратов. Она была похожа на караульную будку, только с дверцей.

Мы сняли чехлы с некоторых аппаратов, и мой двойник начал объяснять мне, какие новые контуры он поставил и какие ввел новые каскады. Джин стерла пыль со стула, села и принялась терпеливо курить. Мы оба управились бы куда быстрее, если б могли заглянуть в записи и диаграммы старика, но, к несчастью, сейф, где они хранились, был заперт. Тем не менее Питер номер два сумел-таки дать мне общее представление о процессе перемещения во времени, а также кое-какие практические указания о том, как этим процессом управлять.

Спустя некоторое время Джин многозначительно взглянула на часы и поднялась.

— Простите, что я вас прерываю, — сказала она, — но нам пора домой. Я обещала девушке, что мы вернемся не позже семи, а сейчас уже половина восьмого.

— Какой девушке? — рассеянно спросил мой двойник.

— Да той, что осталась с ребенком, — ответила она мужу.

Почему-то это поразило меня больше всего.

— У вас есть ребенок? — глупо спросил я.

Джин посмотрела на меня.

— Да, — сказала она ласково. — Чудесная малышка, правда, Питер?

— Для нас лучше нет, — согласился Питер.

Я стоял совершенно потерянный.

— Ну что ты так на меня смотришь, милый? — сказала Джин.

Она подошла ко мне, приложила руку к моей левой щеке, а к правой прижалась лицом.

— Иди к ней, Питер. Иди. Ты ей нужен, — прошептала она мне на ухо.

Питер открыл дверь передаточной камеры, и они вошли внутрь. Двое хотя и с трудом, но уместались в ней. Затем он снова вылез и обозначил ее место на полу.

— Когда ты ее построишь, приезжай и отыщи нас. Это место мы ничем не будем занимать.

— И ее привези с собой, — добавила Джин.

Затем он влез обратно и затворил дверцу. Последнее, что я увидел, было лицо Джин: в глазах ее стояли слезы.

Не успел я опомниться, как передаточная камера исчезла: она не растаяла, не испарилась, просто была — и пропала.

Если б не четыре окурка возле стула, на котором сидела Джин, вы могли бы решить, что ее здесь и не было.

Мне не хотелось идти домой. Я принялся бродить по комнате, подходил поочередно ко всем аппаратам, припоминал объяснения Питера и, чтобы как-то отвлечься, постарался вникнуть во все технические подробности. Что касается основных принципов, то уразуметь их мне стоило огромного труда. Я чувствовал, что, будь у меня эти запертые в сейфе заметки и диаграммы, я, возможно, понял бы куда больше.

По прошествии часа я решил бросить это бесполезное занятие. Я ушел из института и отправился домой, но, когда я был уже у дверей, мне ужасно не захотелось идти к себе. Вместо этого я вывел машину и через минуту катил по Ридинг-роуд, сам не понимая, как это вышло.

Когда Джин отворила на мой звонок, вид у нее был удивленный.

— О!.. — воскликнула она и немного побледнела, потом покраснела. — Фредди задержался в Четвертой лаборатории, — добавила она неестественно спокойным голосом.

— Он мне не нужен, — сказал я. — Я пришел поговорить с тобой о материалах, которые остались от твоего отца там, в лаборатории.

С минуту она колебалась, потом распахнула передо мной дверь.

— Ну что ж, — сказала она каким-то неопределенным тоном, — входи, пожалуйста.

Я был у нее в доме впервые. Я последовал за ней в большую уютную гостиную, выходящую окнами в сад. Никогда еще я не ощущал такой неловкости, как в начале нашей встречи. Мне все время приходилось напоминать себе, что это не с ней я виделся днем. С этой Джин я не разговаривал больше трех лет, и мы общались лишь по делам службы. Чем больше я смотрел на нее, тем глубже становилась пропасть между нами.

Я принялся сбивчиво объяснять ей, что у меня возникла новая идея, за которую мне хотелось бы взяться. Что отец ее, хотя и не добился успеха, заложил основы для большой работы, что жалко будет, если все это пропадет, и что он сам бы решил точно так же...

Джин слушала с таким видом, будто ее больше всего на свете занимал узор коврика перед камином. Некоторое время спустя она все-таки подняла голову, и глаза наши встретились. Я мгновенно потерял нить своих рассуждений и принялся отчаянно барахтаться в словах, пытаюсь снова ее поймать. В страхе я уцепился за какие-то несколько фраз, и они помогли мне выплыть, но когда я наконец добрался до берега, у меня осталось чувство, что все это время я говорил на каком-то непонятном мне самому языке. Я так и не понял — был какой-то смысл в моих словах или нет.

С минуту Джин продолжала смотреть на меня, но уже не такими чужими глазами, потом сказала:

— Да, ты, наверно, прав, Питер. Я знаю, ты с ним поссорился, как и все остальные, но рано или поздно кому-то придется пустить в ход его аппараты, иначе их демонтируют, и, по-моему, он предпочел бы, чтоб это был ты, а не кто-то другой. Тебе что, нужно от меня письменное согласие?

— Да неплохо бы, — согласился я. — Ведь некоторые из этих аппаратов стоят диких денег.

Она кивнула и перешла к маленькому бюро. Вскоре она вернулась, держа в руках лист бумаги.

— Джин... — начал я.

Она стояла, держа бумагу в протянутой руке.

— Что, Питер?..

— Джин, — опять начал я. Но тут с прежней отчетливостью ощутил всю абсурдность нашего положения.

Она наблюдала за мной. Я взял себя в руки.

— Понимаешь, я никак не могу достать его записи. Они ведь заперты, — добавил я поспешно.

— А... да, да! — сказала она, словно возвращаясь откуда-то издалека. Затем уже другим голосом добавила: — А ты узнаешь этот ключ, если увидишь? Там наверху целая ко-робка его ключей.

Я не сомневался, что узнаю. Я частенько его видел, когда работал со стариком.

Мы поднялись наверх. Здесь в одной комнате, отведенной под чулан, было навалено множество всякого хлама и стояло с полдюжины сундуков. Джин открыла один сундук, другой и нашла коробку с ключами. Там было два похожих ключа, поэтому я сунул оба в карман, и мы двинулись вниз.

Мы были уже на середине лестницы, когда отворилась входная дверь и вошел ее муж...

Вот так все и случилось... Человек двадцать или тридцать, включая директора, видели, как мы под руку шли по институтскому двору. Жена застала меня с моей бывшей невестой, которую я принимал у себя в ее отсутствие. Миссис Терри наткнулась на нас в верхней комнате кафе «Юбилейное». Разные люди видели нас в разных местах, и почти у всех у них, оказывается, были в отношении нас давние подозрения. И наконец, ее муж неожиданно-негаданно застал свою жену с ее бывшим женихом в тот самый момент, когда они спускались из спальни.

К тому же все доводы, которые я мог привести в свое оправдание на суде, звучали бы, право, весьма неубедительно.

А главное, мы с Джин обнаружили, что нам обоим совсем не хочется отстаивать свою невиновность.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

*«Клиника для душевнобольных
им. Форсетта»
Делано, Коннектикут
28 февраля*

*В адвокатскую контору
«Томпсон, Хэндетт и Томпсон»
Гейбл-стрит, 312
Филадельфия*

Уважаемые господа!

В соответствии с вашим запросом мы провели тщательное обследование нашего пациента, Стивена Доллбоя, с тем чтобы отождествить его личность. Результаты обследования, в ходе которого было установлено, что его претензии на наследство Теренса Молтона юридически необоснованны, прилагаются.

В то же время вынуждены признать, что столкнулись с чрезвычайно интересной проблемой. Состояние пациента со времени предыдущего обследования, когда он был признан полностью невменяемым, радикально изменилось. Если не считать навязчивой идеи, которой он упорно придерживается, продолжая считать себя Теренсом Молтоном, его душевное здоровье не вызывает опасений. Однако, учитывая эту навязчивую идею и заявления, которые делает пациент, мы вынуждены оставить мистера Доллбоя в клинике. Необходимо устранить психический комплекс, а также прояснить некоторые моменты, которые до сих пор представляют для нас загадку.

Для того чтобы подробнее ознакомить вас со сложившейся ситуацией, прилагаем копию письменного заявле-

Pillar to Post
© 1995 К. Королев, перевод

ния нашего пациента и просим внимательно ее изучить и обратить внимание на сопроводительную записку в конце.

Заявление Теренса Молтона

Я сознаю, что поверить в это чрезвычайно трудно. Поначалу я и сам не верил, посчитал, что понемногу схожу с ума из-за чрезмерного пристрастия к наркотикам... Боже мой, каким реальным представляется сейчас тот мир! Наверно, не менее реальными казались опиумные грезы Томаса Де Куинси и Колриджу:

«Раз абиссинка с лютнею
Предстала мне во сне...»*

Видение — неудачное слово, в нем присутствует лишь качественный оттенок. Насколько жизненным оно было? Мог ли Колридж протянуть руку и коснуться своей Абиссинии? Он слышал ее пение, однако говорила она с ним или нет? И почувствовал ли он себя новым человеком, забывшим, что такое боль? Мне кажется, даже райское молоко и медвяные росы — понятия относительные. Существуют люди, которые всю жизнь взыскуют некоего небесного Голливуда, но для меня в ту пору было достаточно, что я не чувствую боли и обретаю призрачное совершенство...

С того дня, когда рядом со мной разорвался снаряд, минуло немногим больше четырех лет. Четыре года, девять операций, и выздоровление не светит. Врачам, естественно, любопытно, а каково мне? Я превратился в прикованного к креслу одноногого инвалида. Врачи говорили: «Не налегайте на наркотики». Смешно, право слово! Дали бы что-нибудь другое, что снимает боль, я бы, пожалуй, прислушался к их словам. А так — им прекрасно известно, что, лишившись наркотиков, я тут же покончу с собой.

Я ни в чем не виню Салли. Кое-кто считает, что ее уход окончательно меня добил, однако они ошибаются. Я погоревал-погоревал, да и бросил. За ней ухаживал здоровый молодой человек — а кого она увидела в клинике?.. Бедняжка Салли, ей пришлось несладко. Скорее всего, если бы я попросил, она осталась бы со мной из ложного чувства долга. Слава Богу, мне хватило ума промолчать; по крайней

* Здесь и далее цитаты из стихотворения английского поэта-романтика С. Т. Колриджа (1772—1834) «Кубла-Хан, или Видение во сне» (пер. В. Рогова).

мере, от одного камня на душе я избавился. Говорят, она удачно вышла замуж, обзавелась весьма шустрым ребенком. Все правильно, так и должно быть.

Но когда женщины вокруг относятся к тебе с неизменной добротой, точно к больной собаке... Хорошо, что на свете есть наркотики.

И вот, когда я уже ничего больше не ожидал, разве что скорого конца, явилось это... видение.

День выдался на редкость неудачный. Правая нога болела с ночи, левая усердно ей подражала. Впрочем, правой ноги у меня не было, осталась лишь культя, все остальное четыре года назад швырнули акулам, да и левую, тут уж никуда не денешься, ожидает похожая участь. Я не торопился принять наркотик — порой мне казалось, что, отказываясь от него в те моменты, когда жутко хочется, я проявляю силу воли. Ерунда, конечно; в таких случаях все, как правило, заканчивалось дурным настроением, которое я срывал на окружающих. Но если человек вырос на тех или иных идеях, он редко от них отступает. Я решил дожидаться десяти часов. Последние пятнадцать минут тянулись невыносимо медленно, минутная стрелка на часах ползла улиткой, секундная двигалась немногим быстрее. Наконец я потянулся за пузырьком.

Возможно, доза оказалась чуть больше обычной, ибо отмерял ее я не слишком тщательно. Мысли были заняты другим: какой же я глупец: взялся демонстрировать самому себе силу воли! Ребенок, да и только; так поступают именно дети, которые придумывают игры со всевозможными ограничениями в правилах. Сознательно отказываться от непередаваемого блаженства, в котором я мог бы пребывать постоянно и никто бы мне и слова не сказал, никто бы не осудил! Боль растаяла, я стал невесомым, утратил тело, воспарил над креслом... Должно быть, я изрядно устал, потому что вслед за восхитительным ощущением невесомости подкрался сон, который застал меня врасплох...

Открыв глаза, я увидел перед собой прекрасную даму. В ее руках не было лютни, и на абиссинку она никак не походила, однако тихонько что-то напевала. Странная песенка, ни единого знакомого слова. Вполне возможно, она пела «о баснословной Аборе»*.

* Образ из стихотворения «Кубла-Хан».

Мы находились в помещении, похожем на светло-зеленый пузырь с отливающими перламутром стенками, которые изгибались столь плавно, что невозможно было определить, где они переходят в потолок. Сквозь арочные проемы справа и слева от меня виднелись голубое небо и макушки деревьев. Девушка, которая сидела возле одного из проемов, бросила взгляд в мою сторону и произнесла какую-то фразу на диовинном языке. Судя по интонации, это был вопрос. Естественно, я ничего не ответил, лишь продолжал смотреть на нее. Она того стояла. Высокая, пропорционально сложенная, темно-русые волосы перехвачены лентой; платье из прозрачного материала, облегавшего стройную фигурку бесчисленными пышными складками. Мне вспомнились картины прерафаэлитов. Девушка повернулась; складки платья — должно быть, легкого, как паутина — взметнулись и опали, создав столь популярный в древнегреческой скульптуре эффект застывшего движения.

Когда я не ответил, девушка нахмурилась и повторила вопрос — разумеется, с тем же результатом. Признаться, я не особенно прислушивался к ее словам. Меня занимали собственные мысли. «Похоже, ты допрыгался, дружок», — сказал я себе и решил, что попал в преддверие ада или... в общем, в преддверие чего-то потустороннего. Я не испытывал ни страха, ни даже особенного удивления; помню, что подумал: «Да на том свете, оказывается, неплохо». Странно только, что на Небесах нашлись почитатели художественной школы викторианской эпохи.

Глаза девушки изумленно расширились, в них мелькнула тревога. Она приблизилась ко мне.

— Вы не Хайморелл?

По-английски она говорила с любопытным акцентом. Я не имел ни малейшего понятия, что такое «хайморелл», поэтому промолчал.

— Не Хайморелл? — продолжала допытываться девушка. — Кто-то другой?

Похоже, Хайморелл — имя.

— Меня зовут Терри, — сообщил я. — Терри Молтон.

Рядом стоял некий зеленый предмет, на вид чрезвычайно жесткий, однако девушка села на него и уставилась на меня. Ее лицо выражало одновременно недоверие и изумление.

Я все больше приходил в себя. Обнаружил, что лежу на длинной кушетке и накрыт чем-то вроде легкого одеяла. На всякий случай я пошевелил правой култей — под одеялом неожиданно обрисовались очертания нормальной, целой ноги.

Боли не было и в помине. Я сел, не помня себя от радости, ощупал обе ноги, а потом, чего со мной не случилось много-много лет, разразился слезами...

О чем мы говорили сначала, в памяти не отложилось. На меня нахлынуло столько новых впечатлений, что я был совершенно сбит с толку. Запомнил лишь имя девушки, которое показалось мне чересчур уж причудливым — Клитассамина. Английские слова она произносила с запинкой; я еще подумал — неужели и в преддверии рая все говорят на разных языках? Ну да Бог с ними, с языками. Что же со мной случилось? Я откинул одеяло и обнаружил, что лежу нагой. Как ни странно, моя нагота не смутила ни меня самого, ни девушку.

Ноги... Это не мои ноги! И руки, которыми я их ощупывал, — не мои. Пускай, зато я могу двигать ногами, шевелить пальцами. Я осторожно встал — впервые за четыре с лишним года.

В подробности вдаваться не стану, поскольку иначе мои слова будут сродни описанию Нью-Йорка, каким он казался, к примеру, дикарю с Тробриандских островов. Скажу только, что, подобно тому самому дикарю, многое мне пришлось просто принять на веру.

В комнате имелся странного вида аппарат. Клитассамина нажала несколько кнопок на панели управления, и из отверстия в стене выехала стопка одежды. Ни единого шва, все вещи из прозрачного материала. На мой взгляд, они были чисто женскими, однако поскольку девушка предложила мне одеться, возражать я не стал. Затем мы вышли из комнаты и очутились в просторном холле. Знаете, если Манхэттен скроется однажды в водах Гудзона, вокзал Гранд-Сентрал будет выглядеть приблизительно таким же образом.

Нам встретилось несколько человек, которые, по-видимому, никуда не спешили. Все в одеждах из того же прозрачного материала, различались нарядами только фасоном и цветом. Признаться, у меня возникло впечатление, что я присутствую на пышном балетном спектакле в стиле декаданса. В холле царила тишина, которую нарушали разве что негромкие голоса. Мне, чужаку, эта тишина показалась угнетающей.

Клитассамина подвела меня к ряду сдвоенных кресел у стены и указала на крайнее. Я сел, она пристроилась рядом. Кресло приподнялось над полом дюйма, наверное, на четыре

и двинулось к арке в дальнем конце холла. Оказавшись снаружи, оно приподнялось еще немного и заскользило над землей. Из платформы, на которой было укреплено кресло, выдвинулось лобовое стекло; пока я ломал голову над конструкцией, мы разогнались миль до двадцати пяти в час и заскользили над травой, лавируя между редкими деревьями и зарослями кустарника. Должно быть, Клитассамина каким-то образом управляла движением кресла, однако я не заметил никаких рукояток или рычагов. Великолепная машина, вот только скорость маловата; нет, скорее даже не машина, а сверхсовременная разновидность ковра-самолета.

Путешествие длилось около часа. За все это время мы не пересекли ни единой дороги, лишь две не слишком утопанных тропинки. Пейзаж напоминал парк восемнадцатого столетия: ни возделанных полей, ни садов, ничего вообще, кроме парковой архитектуры. Иллюзию усиливали изредка попадавшиеся на пути стада смахивавших на оленей животных, не обращавших на нас ни малейшего внимания. В стороне, над макушками деревьев, иногда мелькали крыши каких-то высоких зданий. В общем, полет производил весьма странное впечатление, с которым я, признаться, освоился не сразу. Поначалу, когда впереди возникала очередная купа деревьев, я норовил схватиться за несуществующий штурвал и поднять машину повыше. Впрочем, она, похоже, всегда передвигалась на одной и той же высоте: мы не пролетали над деревьями, а облетали их.

Приблизительно через полчаса после вылета я заметил вдалеке, на холме, диковинное здание, которое, не будучи архитектором, не могу толком описать. Скажу лишь, что ничего подобного в жизни не видел. Я привык, что здания строятся в форме той или иной геометрической фигуры, а это словно выросло из земли по собственной воле. Окон в отливавших перламутром стенах не было. В том, что сие — искусственное сооружение, убеждала только мысль, что природа просто-напросто не в состоянии породить такое создание. Чем ближе мы подлетали, тем сильнее становилось мое изумление. То, что я издалека принял за кустики, оказалось на деле аллеей деревьев, которые в сравнении со зданием выглядели сущими карликами, едва проклюнувшись побегими. Неожиданно для себя я улыбнулся — навеянные наркотиком грезы вполне соответствовали описанию:

«Такого не увидишь никогда:

Чертю под солнцем — и пещеры льда!»

Здание взметнулось перед нами к небесам исполинской горой. Мы влетели в проем около шестидесяти ярдов шириной и нескольких сот футов в высоту и очутились в просторном зале, подавлявшем своими размерами. Ничто не напоминало здесь «чертог под солнцем», однако перламутровое свечение стен невольно вызывало в памяти «пещеры льда». Машина, дрейфуя, словно перышко на ветру, продолжала движение. По залу прохаживались мужчины и женщины, над полом скользили такие же, как у нас, летающие кресла. Мы нырнули в коридор, за которым потянулась вереница залов поменьше, и в конце концов достигли помещения, где находилось с дюжину мужчин и женщин, явно ожидавших нашего прибытия. Кресло опустилось на пол, мы встали, а оно — вот чудеса! — вновь приподнялось и скользнуло к стене.

Клитассамина заговорила с теми, кто был в помещении, показывая рукой на меня. Все дружно кивнули; я решил проявить вежливость и кивнул в ответ, после чего началось нечто вроде допроса с Клитассаминой в роли переводчика.

По-моему, именно в ходе допроса я начал сознавать, что сон свернул куда-то не туда. Те, кто меня допрашивал, желали знать, кто я такой, откуда взялся, чем занимался и когда, а также многое другое. Мои ответы время от времени заставляли их переговариваться между собой. Все было весьма логично — и в этом состояло несоответствие. Во снах — по крайней мере, в моих снах — логики обычно гораздо меньше. События происходят не в определенной последовательности, а как бы разом, наплывают друг на друга, будто по воле слегка повредившегося в уме режиссера. Сейчас же все было иначе. Я отчетливо сознавал происходящее, как умственно, так и физически...

В разговоре то и дело возникали паузы — не в последнюю очередь из-за того, что английский Клитассамины составлял желать лучшего. Тем не менее дело двигалось.

— Они хотят ваша научиться наш язык, — сказала Клитассамина. — Тогда быть легче.

— Это наверняка займет много времени, — ответил я. К тому моменту мне еще не удалось выделить в их речи ни единого слова, которое показалось хотя бы смутно знакомым.

— Нет. Несколько тлана.

Я недоуменно посмотрел на нее.

— Четверть сутки, — пояснила Клитассамина.

Меня накормили чем-то вроде леденцов. Ничего, приятные, только не сладкие.

— Теперь спать. — Клитассамина указала на неширокий прямоугольный помост, который вовсе не походил на кровать.

Я лег и обнаружил, что ложе, несмотря на свой устрашающий вид, теплое и мягкое. Интересно, подумалось мне, конец ли это сна? Скорее всего, я проснусь на больничной койке с прежней болью в ногах. Впрочем, размышлял я недолго — вероятно, в пищу подмешали снотворное.

Страхи оказались напрасными. Я проснулся в том же помещении. Над ложем нависал полог из розоватого металла; раньше его не было. Он напоминал... Нет, решено, не буду ничего описывать. Честно говоря, я не понимал того, что видел, а как можно описать то, чего не понимаешь? Допустим, древнему египтянину показали бы телефон; ну и что бы он мог сказать? И что сказал бы римлянин или грек по поводу реактивного лайнера или радиоприемника? Возьмем пример попроще: увидев впервые в жизни плитку шоколада, вы, скорее всего, сочтете ее новой разновидностью гуталина или шпаклевки, а то и деревяшкой. Вам попросту не придет в голову, что эту штуку едят, а когда вы о том узнаете, то наверняка попытаетесь съесть кусок мыла — ведь они похожи по форме, а цвет мыла, пожалуй, приятнее, чем у шоколада. Точно так же было и со мной. Мир, в котором вырос, человек воспринимает как данность; бросив один-единственный взгляд на какую-нибудь машину, он говорит себе: «Ага, она работает на паре (или на бензине, или на электричестве)», и все становится понятно. А вот если мир чужой... Я не знал ровным счетом ничего, и потому всего боялся, как ребенок или невежественный дикарь. Разумеется, у меня возникали кое-какие догадки, но они по большей части догадками и оставались. Например, я предположил, что металлический полог — часть гипнотического обучающего устройства; предположил потому, что осознал — я улавливаю смысл вопросов, которые мне задают. Однако каким образом — тут я не мог даже предположить. Я выучил язык, но понятия, которые в нем присутствовали... Ладно, главное — я могу понимать других.

Слово «тлана», которое употребила Клитассамина, означало промежуток времени, приблизительно один час двенадцать минут; двадцать тлан составляли сутки. «Дул» переводилось как «электричество», но что такое «лейтал»? Судя по всему, некая форма энергии, которой в моем мире нет и в помине...

По правде сказать, то, что я понимал далеко не все, сбило меня с толку сильнее прежнего. Впечатление было

такое, будто отдельные фразы состоят не из слов, а из музыкальных нот, причем мелодию наигрывают на расстроенном пианино. Должно быть, мое замешательство бросилось в глаза: меня перестали расспрашивать и велели Клитассамине приглядывать за мной. Снова сев в кресло рядом с девушкой, я испытал невыразимое облегчение. Кресло приподнялось над полом и двинулось к выходу.

Поначалу я был до глубины души поражен способностью Клитассамины приспосабливаться к любым условиям. Обнаружить, что твой близкий знакомый стал вдруг совершенно другим человеком... Бр-р! Однако ее это, по-видимому, ничуть не беспокоило; лишь иногда, забывшись, она называла меня Хаймореллом. Впоследствии, узнав кое-что о том мире, в котором очутился, я понял, чем объяснялось поведение девушки.

Обычно тот, кто приходит в себя после потери сознания, первым делом спрашивает: «Где я?» Мне тоже хотелось это узнать — по крайней мере, для того, чтобы дать сознанию хоть какую-то зацепку. Когда мы вновь очутились в зеленой комнате, я засыпал Клитассамину вопросами.

Она окинула меня взглядом, в котором сквозило сомнение.

— Вам следует отдохнуть. Постарайтесь расслабиться и ни о чем не думать. Если я начну объяснять, вы только еще больше запутаетесь.

— Ничего подобного, — возразил я. — Я уже не в силах обманывать себя, убеждать, что не сплю. Мне необходимо хоть какой-то ориентир, иначе я сойду с ума.

Клитассамина пристально посмотрела на меня, затем кивнула.

— Хорошо. С чего мне начать? Что вас сильнее всего интересует?

— Я хочу знать, где нахожусь, кто я такой и что со мной произошло.

— Вам прекрасно известно, кто вы такой. Вы сами сказали, что вас зовут Терри Молтон.

— Однако это тело, — я хлопнул себя по бедру, — принадлежит вовсе не Терри Молтону.

— Не совсем так, — сказала она. — Вы находитесь в теле Хайморелла, однако все, что делает человека личностью, — склад ума, характер, привычки, — это все у вас от Терри Молтона.

— А где Хайморелл?

— Он переселился в ваше прежнее тело.

— Тогда ему здорово не повезло. — Подумав, я прибавил: — Все равно не могу понять. Ведь характер человека меняется в зависимости от жизненных условий. К примеру, я нынешний — далеко не тот, каким был до ранения. Психические отличия возникают из физических. Личность как таковую во многом определяет работа желез. Ранение и наркотики изменили мою психику; еще немного — и я стал бы совершенно другим...

— Кто вам это сказал?

— Так рассуждают многие ученые. То же самое подсказывает и здравый смысл.

— Ваши ученые не постулировали никаких констант? Неужели они не понимают, что должен существовать некий постоянный фактор, на котором сказываются происходящие с человеком изменения? И что этот фактор, вероятнее всего — истинная причина изменений?

— По-моему, речь всегда велась исключительно о гормональном балансе...

— Значит, вы ничего не понимаете в таких вещах.

— Вот как? — Я решил сменить тему. — Что это за место?

— Здание называется Каталу.

— Я имел в виду другое. Где мы? На Земле или нет? Вообще-то, похоже на Землю, но я не слышал, чтобы на ней существовало что-либо подобное.

— Естественно, мы на Земле. Где же еще? Но в иной салании.

Снова непонятное словечко! Какая-то салания...

— Вы хотите сказать, в другом... — Я не закончил фразы. В языке, которому меня обучили, не нашлось аналога слову «время» в том смысле, в котором его понимал я.

— Видите, вы вновь запутались. Мы по-разному мыслим. Если воспользоваться устаревшими терминами, можно сказать, что вы переместились от начала человеческой истории к ее концу.

— Не от начала, — поправил я. — Человечество существовало на Земле до моего рождения около двадцати миллионов лет.

— О том не стоит и говорить! — Небрежным взмахом руки Клитассамина отмела упомянутые мною миллионы лет.

— По крайней мере, объясните, как я сюда попал. — Кажется, в моем голосе прозвучало отчаяние.

— Попробую. Хайморелл проводил эксперименты в течение долгого времени (в этом смысле, я заметил, слово «время» в языке Клитассамина присутствовало), однако ему никак не удавалось добиться полного успеха. Наибольшая глубина, на которую он сумел проникнуть в прошлое, — три поколения.

— Прошу прощения?

Клитассамина вопросительно поглядела на меня.

— На три поколения в прошлое?

— Совершенно верно.

Я встал, выглянул в одно из сводчатых окон. Снаружи сияло солнце, зеленели трава и деревья...

— Пожалуй, вы правы, мне лучше отдохнуть.

— Наконец-то разумные слова. Не забивайте себе голову. В конце концов, долго вы здесь не пробудете.

— То есть я вернусь в свое старое тело?

Клитассамина кивнула.

Променять новое на старое — дряхлое, изувеченное, раздираемое болью...

— Ну уж нет, — заявил я. — Не знаю, где я и кто я такой, однако одно мне известно наверняка — в ту преисподнюю я больше не вернусь.

Девушка посмотрела на меня и печально покачала головой.

На следующий день, проглотив очередную порцию леденцов, которые запил чем-то вроде молока со странным, ускользающим привкусом, я вышел вслед за Клитассаминой в холл и направился было к летающим креслам, но остановился.

— А пешком нельзя? Я так давно не ходил.

— Конечно, конечно.

По дороге несколько человек окликнули ее, а двое или трое — меня. В их взглядах сквозило любопытство, но держались они доброжелательно и не задавали малоприятных вопросов. По всей видимости, им было известно, что я — не Хайморелл, однако они, похоже, не находили в том ничего особенно удивительного. Мы вышли на тропинку, что бежала, лавируя между деревьями. Зеленая трава, яркое солнце — ни дать ни взять Аркадия. Я шагал осторожно, словно ступал по чему-то хрупкому, и наслаждался витающими в воздухе ароматами. Кровь бурлила в жилах — Боже мой, давно забытое ощущение!

— Где бы я ни оказался, здесь просто здорово.

— Да, — согласилась моя спутница.

Какое-то время мы шли молча, потом я спросил:

— Что вы имели в виду под «концом человеческой истории»?

— То, что сказала Мы полагаем, что человечество достигло пика своего развития. Даже не полагаем, а практически уверены. Иными словами, мы умираем.

— По вашему цветущему виду этого не скажешь, — заметил я, пристально поглядев на девушку.

— Да, тело отличное, — согласилась она с улыбкой. — Наверно, самое лучшее из всех, которые у меня были.

Я притворился, что не расслышал последней фразы.

— И в чем причина? Бесплодие?

— Нет. Детей и впрямь рождается не очень много, но то скорее следствие, чем причина. Умирает нечто внутри нас, то, что отличает человека от животного. Малукос.

Про себя я перевел это слово, как «дух» или «душа», что, впрочем, не совсем, как мне кажется, соответствовало истине.

— Значит, у детей...

— Да, у большинства из них малукоса нет. Они рождаются слабоумными. Если так пойдет и дальше, нормальных людей скоро не останется вообще.

Я поразмыслил, чувствуя себя так, словно вновь погрузился в наркотические грезы.

— И давно это началось?

— Не знаю. Саланию невозможно выразить математически. Правда, кое-кто пробует применить геометрию...

— Неужели не сохранилось никаких записей? — не слишком вежливо перебил я, испугавшись, что опять окажусь в дебрях непонимания.

— Почему же, сохранились. Именно благодаря им мы с Хаймореллом сумели изучить ваш язык. Однако они изобилуют пробелами протяженностью во многие тысячи лет. Человечество пять раз стояло на краю гибели. Не удивительно, что множество документов потеряно.

— И сколько же остается до конца?

— Тоже неизвестно. Мы пытаемся продлить свое существование в надежде найти шанс выжить. Ведь может так случиться, что малукос появится вновь.

— Что значит «продлить»? За счет чего?

— За счет переселения. Когда с прежним телом что-то случается или когда человек доживает до пятидесяти лет,

он переселяется в новое, в тело кого-либо из слабоумных. Это, — Клитассамина поднесла к глазам ладонь, будто изучая, — мое четырнадцатое тело.

— Выходит, так может продолжаться бесконечно?

— Да, пока есть те, в чьи тела можно переселяться.

— Но... Но это бессмертие!

— Ничего подобного, — снисходительно возразила девушка. — Это всего лишь продление жизни. Рано или поздно с человеком неизбежно что-нибудь происходит, так утверждает теория вероятности. А через сто лет или завтра — какая разница?

— Или через тысячу, — проговорил я.

— Или через тысячу. Роковой день обязательно наступит.

— Понятно. — Лично мне подобное «продление жизни» казалось весьма похожим на бессмертие.

Я не сомневался в том, что Клитассамина говорит правду. События последних дней подготовили мой рассудок к восприятию чего угодно, сколь фантастическим ни выглядело бы это «что угодно». Однако ее слова вызвали у меня в душе бурю возмущения. Некий внутренний цензор, который поселился в сознании едва ли не каждого человека еще со времен пуритан, подсказал мне, что процедура, о которой так спокойно рассуждает Клитассамина, символически сродни каннибализму. Ну что за мир — идиотские прозрачные одеяния, безмятежный образ жизни и вдобавок...

Должно быть, мои чувства отразились у меня на лице, поскольку Клитассамина прибавила без намека на сожаление в голосе:

— Для прежней его хозяйки это тело не имело никакого значения. О нем не заботились, оно, можно сказать, пропадало. А так я рожу детей, кое-кто из которых, быть может, окажется нормальным ребенком. Когда вырастет, он также сможет поменять тело. Стремление выжить существует и поныне; мы надеемся на открытие, которое спасет человеческий род.

— А что стало с прежней хозяйкой вашего тела?

— От нее осталось всего два-три инстинкта, которые переселились в мое старое тело.

— Пятидесятилетнее? Значит, вы отобрали у той девушки целых тридцать лет жизни?

— Зачем ей такое тело, если она не в состоянии воспользоваться его преимуществами?

Я не ответил. Меня поразила неожиданно пришедшая в голову мысль. Обдумав ее, я произнес:

— Выходит, вот над чем работал Хайморелл? Он пытался глубже проникнуть в прошлое, с тем чтобы пополнить запас тел? Верно? Потому я и здесь?

— Верно, — безразличным тоном подтвердила Клитассамина. — Он наконец-то добился настоящего успеха, осуществил полноценный обмен.

Признаться, я не слишком удивился. Возможно, осознание произошло уже давно, однако только теперь стало явным. Требовалось, впрочем, многое уточнить, поэтому я продолжил расспрашивать Клитассамину.

— Хайморелл намеревался забраться как можно глубже в прошлое, но поставил себе одно ограничение — следовало выбрать такую хроноточку, где он мог бы собрать аппарат для обратного перемещения. Если уйти слишком глубоко, наверняка столкнешься с нехваткой определенных металлов, с тем, что электричества нет, а о точности инструментов не приходится говорить. В таком случае на то, чтобы построить аппарат, понадобилось бы несколько лет. Определив хроноточку, Хайморелл начал устанавливать контакт. Он искал человека, чье сознание, если можно так выразиться, почти отделилось от тела. К сожалению, большинство из тех, кого ему удавалось найти, оказывалось на грани смерти. В конце концов он наткнулся на вас и сильно удивился: ваше сознание то цеплялось за тело, то рвалось прочь.

— Наверно, из-за наркотиков? — предположил я.

— Может быть. Определив ритм этих «колебаний», Хайморелл предпринял попытку. И вот вы здесь.

— А он там. Ваш друг не подсчитывал, сколько времени может уйти на то, чтобы построить аппарат?

— Откуда ему было знать? Все зависит от того, легко ли найти необходимые материалы.

— Поверьте мне на слово, быстро ему не управиться. В теле одноногого инвалида...

— Он обязательно вернется, — сказала Клитассамина.

— Я постараюсь этого не допустить.

Она покачала головой:

— Сознание человека с чужим телом, каким бы замечательным оно ни было, связано гораздо слабее, нежели с тем, в котором впервые появилось на свет. Рано или поздно Хайморелл добьется своего, а вы даже ничего не почувствуете, потому что будете спать.

— Поглядим, — отозвался я.

Мне показали аппарат для переноса сознания. Ящик величиной с портативную пишущую машинку, две полированные металлические рукоятки, набор заполненных какой-то жидкостью линз. Внутри ящика обнаружилось кошмарное переплетение проводов, трубок и трубочек. Я довольно улыбнулся, подумав, что такую штуку не соорудить ни за несколько дней, ни за пару недель.

Шло время. Безмятежное существование, которое вели обитатели этого мира, поначалу показалось целительным, но вскоре я поймал себя на желании выкинуть что-нибудь такое, чтобы нарушить проклятую безмятежность. Клитассамина водила меня по огромному зданию.

На концертах я сидел, изнывая от скуки, поскольку ничего не понимал, а публика между тем впадала в нечто вроде интеллектуального транса, который вызывали странные гаммы и дикий гармонические последовательности. В одном таком зале имелся вдобавок громадный флюоресцентный экран. На нем играли цвета, которые каким-то образом создавались самими зрителями. Я маялся, а все вокруг наслаждались; то и дело, неизвестно с какой стати, слышался общий вздох или раздавался дружный смех. Я как-то отважился заметить, что некоторые сочетания цветов поистине великолепны; из того, как были восприняты мои слова, явствовало, что я сморозил глупость. Лишь на представлениях в трехмерном театре я мог худо-бедно следить за ходом действия; признаться, оно меня частенько шокировало.

— Разве можно подходить к поведению цивилизованных людей с вашими примитивными мерками? — высокомерно осведомилась Клитассамина, когда я поделился с ней своими ощущениями.

Однажды она привела меня в музей, который представлял собой хранилище приборов, воспроизводивших звуки, изображения или то и другое одновременно. С помощью этих приборов мы все глубже погружались в прошлое. Мне хотелось заглянуть в мое собственное время, но...

— Сохранились только звуки, — сообщила Клитассамина.

— Ладно. Включите, пожалуйста, какую-нибудь музыку.

Она пробежалась пальцами по панели управления. Под сводами зала зазвучала музыка — знакомая и невыразимо

печальная. Внимая, я ощутил внутри себя пустоту и безмерное одиночество. Нахлынули воспоминания, причем, как ни странно, детские. Ностальгия, чувство жалости к себе, скорбь по утраченным надеждам и радостям были настолько сильными, что по моим щекам заструились слезы... Я больше не ходил в тот музей. Хотите знать, какая именно музыка воскресила во мне мир детства? Нет, не симфония Бетховена и не концерт Моцарта, а незатейливая песенка «Родительский дом»...

— Тут что, никто не работает? — спросил я у Клитассамины.

— Почему же? Кто хочет, тот работает.

— А как насчет обязанностей, от которых никуда не деться?

— Вы о чем? — озадаченно проговорила она.

— Ну, кто-то же должен производить продукты питания и электроэнергию, убирать отходы и тому подобное...

— Этим занимаются машины. Неужели вы думаете, что люди могли так низко пасть? Мы еще не окончательно выжили из ума.

— А кто обслуживает машины?

— Они сами себя обслуживают. Механизм, который на это не способен, является не машиной, а более или менее простым инструментом, не правда ли?

— Наверно, — откликнулся я. Мысль Клитассамины показалась мне весьма здравой. — Получается, что лично вы бездельничали на протяжении... гм-м... четырехсот лет, раз это тело у вас четырнадцатое?

— Как сказать. Я рожала детей. Трое из них, кстати, оказались вполне нормальными. Кроме того, я занималась евгеникой. У нас исследования в этой области ведет буквально каждый первый: все уверены, что уж им-то непременно удастся открыть путь к спасению человечества. Увы, пока ничего подобного не случилось.

— А вам не надоело продлевать жизнь?

— Некоторые не выдерживают и отказываются от нового переселения, однако это считается преступлением: нельзя отвергать шанс на спасение. К тому же вы зря думаете, что мы живем скучной жизнью. При переносе человек попадает в совершенно неизвестный мир чужого тела. Должно быть, так чувствует себя весной молодой побег... Да и те железы, влиянием которых вы столь озабочены, тоже воз-

действуют на организм; вкусы и привычки меняются от тела к телу. Однако, несмотря на это, человек в общем и целом остается самим собой, сохраняет все воспоминания; он просто становится моложе, преисполняется надежд, думает, что уж на сей раз... А потом снова влюбляется, безрассудно и сладко, как будто впервые. Чтобы осознать, каково вновь обрести молодость, нужно дожить до пятидесяти.

— Понятно. Между прочим, я осознаю то, о чем вы говорите, поскольку до переноса находился в жутком состоянии. Но любовь... Целых четыре года я не смел думать о любви.

— Кто мешает вам подумать о ней сейчас?

— Что произошло с моим миром? Помнится, он шаг за шагом приближался к катастрофе. Должно быть, разразилась новая мировая война и почти все погибли?

— Вовсе нет. Все было гораздо прозаичнее. Он вымер — как и многие предыдущие цивилизации.

Мой мир со всеми его сложностями и противоречиями... Покорение расстояний и скоростей, стремительное развитие науки...

— Вымер, — повторил я. — Как же так? Этого не может быть. Наверняка что-нибудь да случилось.

— Нет. Ваш мир погубил патернализм. В стремлении к порядку проявляется подспудное желание обеспечить собственную безопасность. Желание вполне естественное, однако средства, которыми его пытались осуществить... Ваш мир приобрел статичность, перестал развиваться и поэтому не сумел приспособиться к изменившимся условиям, разделив участь многих предыдущих культур.

Обманывать меня Клитассамине было незачем, однако то, о чем она говорила, попросту не укладывалось в голове.

— Мы надеялись на будущее. Учились, собирались достичь других планет...

— Вы были бесхитростны, как обезьяны, воспринимали каждое новое открытие как очередную игрушку, не задумываясь об его истинной значимости. Пренебрегая предостережениями ваших философов, вы продолжали расширять систему, страдавшую от чудовищных перегрузок.

Вдобавок вас подвела жадность. Открытия казались вам чем-то вроде роскошных обновок, но надевали вы их под грязные, кишасшие паразитами лохмотья.

— Как вы к нам суровы! Будто мы отъявленные бездельники. А между тем в нашем мире хватало проблем...

— Вы пытались сохранить традиции, не понимая того, что в природе нет ничего неизменного, застывшего. То, что отпечаталось в камне или вмерзло в лед, есть лишь слепок жизни, а вы воспринимали свои табу как вечные ценности, которые следовало уберечь во что бы то ни стало.

— Предположим, я вернусь к себе и расскажу обо всем, что должно произойти? Тогда ситуация изменится, верно? — Мои мысли неожиданно приняли иное направление. — Кстати, разве это не доказывает, что возвращаться мне нельзя?

— Терри, неужели вы думаете, что вас послушают? — Клитассамина улыбнулась.

— Не знаю. Во всяком случае, возвращаться я не собираюсь. Мне не нравится ваш мир, в нем слишком мало жизни, однако я стал полноценным человеком и не намерен снова превращаться в инвалида.

— Молодость, молодость... Милый Терри, вы так уверены в себе, убеждены, что знаете — это хорошо, а это плохо...

— Ничего подобного, — отрезал я. — В вашем мире нет никаких моральных норм, а что такое человек без морали?

— Что же? Не забывают, деревья, цветы или, скажем, бабочки прекрасно обходятся без морали.

— Мы говорим о людях, а не о растениях или животных.

— Да, но люди — не боги. И потом, мораль, как известно, бывает разная. Что прикажете делать с теми, кто придерживается иной морали? Убедить силой?

Я оставил ее вопрос без ответа.

— Мы добрались до других планет?

— Нет. Их достигла следующая цивилизация. Марс оказался слишком старым, а Венера — слишком молодой, чтобы на них можно было жить. Вы мечтали, что человечество распространится по Вселенной; боюсь, этого не произошло, хотя попытки были. Для покорения космоса вывели новое поколение людей. По правде говоря, следующая за вашей цивилизация наплодила немало весьма странных мужчин и женщин, приспособленных к выполнению той или иной задачи. Они стремились к порядку даже сильнее, чем вы, но не признавали роли случая, что было серьезной ошибкой. В конце концов произошла катастрофа. Никто из мутантов не выжил, население сократилось до нескольких сот тысяч

человек, которые сумели приспособиться к изменившемуся миру.

— Значит, вы отвергаете мораль и порядок?

— Мы перестали воспринимать общество как инженерную конструкцию и уже не считаем людей винтиками некоей системы.

— Просто сидите и ждете конца?

— Конечно, нет. Мы ожидаем не конца, а шанса на выживание. Жизнь на Земле зародилась по чистой случайности, выживание тоже зачастую зависит от случая. Вполне возможно, такой шанс не представится — а может, он появится уже завтра.

— Психология побежденных.

— В конечном итоге человечество все равно потерпит поражение. Земля, Галактика, Вселенная — рано или поздно все исчезнет. Отрицать очевидное могут лишь тщеславные глупцы. — Помолчав, Клитассамина прибавила: — Человек выращивает цветы потому, что они прекрасны, а не потому, что хочет, чтобы они росли вечно.

Мир Клитассамины мне не нравился. Я не воспринимал здешний образ мыслей. Мне никак не удавалось его постичь. Облегчение и успокоение приносили только беседы с Клитассаминой. Ради нее я уничтожил те барьеры, которыми окружил себя на протяжении последних лет, и влюблялся все сильнее.

Теперь у меня было уже две причины не возвращаться к себе. Даже Клитассамина не могла превратить этот мир в рай, однако я вырвался из ада и надеялся, что больше туда не вернусь. Я проводил много времени у сконструированного Хаймореллом аппарата, силясь понять принцип действия. В конце концов кое-что начало медленно, но верно проясняться.

Меня снедало беспокойство; чем больше проходило времени, тем неувереннее я себя чувствовал. Как узнать, удалось ли Хаймореллу собрать необходимые для постройки аппарата материалы? Стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором возникала инвалидная коляска, в которой сидел некто в облике прежнего Теренса Молтона. Он крутил в руках проводки и какие-то железки. Дошло до того, что я стал бояться засыпать: а вдруг проснусь в старом теле?..

Клитассамина тоже нервничала. Хотел бы я знать, по какому поводу. Скорее всего ее грызли сомнения. Она, безусловно, испытывала ко мне привязанность — пускай даже к этой привязанности примешивалась материнская забота. Однако одновременно она сочувствовала Хаймореллу, оказавшемуся и впрямь в незавидном положении.

То, чего я боялся, произошло через шесть месяцев после моего появления в мире Клитассамины. Причем еще накануне не было никаких тревожных сигналов, которые заставили бы меня принять дополнительные меры предосторожности. Я лег спать в зеленой комнате, а проснулся от боли в ампутированной ноге.

Видимо, я был настолько уверен, что иначе и быть не может — все остальное мне просто приснилось, — что машинально потянулся за пузырьком с таблетками.

Какое-то время спустя я пришел в себя, огляделся и заметил в помещении то, чего в нем раньше не было. На столе находился некий прибор, напоминавший полуразобранный радиоприемник.

Я откинулся на спинку кресла и принялся изучать диковинный аппарат, ни к чему, впрочем, не прикасаясь. Естественно, он лишь весьма отдаленно походил на тот, который я видел в здании под названием Каталу, но сходство все же было. Имелись и кое-какие новшества. Продолжая разглядывать прибор, я не заметил, как заснул. Судя по тому, сколько я спал, Хайморелл довел мое бедное тело до изнеможения.

Проснувшись, я принялся размышлять. Мое решение было твердым — внезапно обретенные и не менее внезапно утраченные молодость и здоровье необходимо вернуть. Впрочем, имелся и другой выход — вы понимаете какой. Однако теперь, когда в моем распоряжении оказался аппарат Хайморелла, этот выход был не для меня. Вряд ли я сумею правильно настроить прибор, не стоит, пожалуй, и пытаться. Поэтому я оставил те настройки, которые ввел Хайморелл.

Главная сложность состояла в следующем: аппарат придется оставить здесь. Хайморелл, похоже, не предполагал, что я разберусь в конструкции прибора, иначе он бы его уничтожил. Что бы такое придумать, чтобы аппарат не попал опять в руки этого типа? Сделать так, чтобы хитроумная штуковина взорвалась после моего отбытия? Нет,

слишком рискованно. Ведь перенос происходит, насколько мне удалось выяснить, отнюдь не в одно мгновение. И если машинка взорвется, что называется, в процессе... И потом, Хаймореллу не составит труда построить новую. Пока жив, он будет изготавливать их одну за другой. Следовательно...

Составив план, я взялся за дело. К сожалению, поначалу мне никак не удавалось заставить Хаймореллу врасплох. Я решил напасть на него во время сна, а потому стал включать аппарат каждые четыре часа: рано или поздно мой противник обязательно заснет!

Не знаю, разгадал ли он мои намерения или ему просто повезло. Около года назад я приобрел привычку держать под рукой флакон с ядом — на случай, если станет совсем невмоготу. Поначалу я собирался проглотить яд в капсуле, которая растворяется не сразу, но потом передумал. Ведь если перенос почему-либо будет идти медленнее обычного... Я насыпал яд в пузырек из-под таблеток: с первого взгляда заметить разницу было практически невозможно.

Когда прибор наконец сработал, все прошло гораздо легче, чем я предполагал. Я взялся за металлические ручки и сосредоточил все свое внимание на линзах. Голова закружилась, комната поплыла перед глазами, а какое-то время спустя я обнаружил, что сижу рядом с Клитассаминой, и протянул к ней руки. Она плакала! Я и не подозревал, что Клитассамина умеет плакать.

— Что стряслось, Клиа?

Она замерла, потом недоверчиво поглядела на меня и произнесла:

— Терри?

— Он самый. Я же говорил, что не собираюсь туда возвращаться.

Она судорожно сглотнула — и снова залилась слезами, на сей раз, полагаю, от радости. Я обнял ее за плечи.

— Что случилось?

— Хайморелл... — проговорила она. — Он ужасно изменился. Стал таким грубым и жестоким... Рассуждает только о боли и страданиях...

Признаться, я не слишком удивился. Люди будущего плохо представляют себе, что такое болезнь или увечье. Если прежние тела их чем-то не устраивают, они немедленно переселяются в новые. Где же им было научиться долготерпению?

— А ты почему не изменился? Ведь вы были в одном и том же мире.

— Я привык к боли.

— Мне страшно, Терри. Я боюсь Хайморелла.

Прежде чем лечь спать, я выждал ровно двое суток. Очутившись в моем теле, Хайморелл наверняка потянулся за пузырьком с таблетками; однако рисковать не стоило. Через сорок восемь часов я лег спать.

Я проснулся в своей комнате. На то, чтобы понять, что Хайморелл каким-то образом догадался о ловушке, понадобилась лишь доля секунды. Над стоявшим на столе аппаратом вился легкий, похожий на сигаретный, дымок. Я было протянул руку к прибору, но быстро ее отдернул. Выдернул из розетки шнур питания, внимательно осмотрел аппарат и обнаружил в переплетении проводов маленькую коробочку с предохранителем. Примерно через полчаса она взорвалась; да, Хайморелл тоже постарался исключить ненужный риск.

Я не посмел проглотить таблетку из пузырька. Вместо этого подкатил на коляске к шкафу, в котором хранил запас, и хотел было открыть новый пузырек, но испугался. Вроде бы ничего подозрительного, но, если вдуматься, так и должно быть... Я швырнул пузырек в камин, снял трубку телефона и позвонил своему врачу. Того, судя по тону, моя просьба не слишком обрадовала, однако вскоре он пришел и принес с собой лекарство.

Как же быть? Воткнуть в подлокотник кресла намазанную ядом иголку? Или заразить себя каким-нибудь вирусом с инкубационным периодом в несколько дней? Нет, чересчур рискованно. А что касается яда... Инвалиду его не продадут, значит, нужно найти посредника, который согласится нарушить закон. Если даже кто-то и согласится, впоследствии такого человека могут обвинить в пособничестве самоубийце. Динамит тоже не годится, а вот выключатель с часовым механизмом, мне, пожалуй, удастся раздобыть без проблем.

Так и вышло. Я продумал все вплоть до мельчайших подробностей. Нацелил свой пистолет, сохранившийся с войны, на то место, где находилась моя голова, когда я работал с прибором. Торчащее из книжной полки дуло можно было заметить лишь, если знать, куда смотреть. Пистолет должен был выстрелить, когда Хайморелл возьмется за ручки прибора — и после того, как сработает

выключатель. Я установил механизм на два часа, по истечении которых прибор станет смертельно опасным. Если у меня ничего не выйдет с первой попытки, этого срока вполне достаточно, чтобы разрядить пистолет.

Я подождал три дня — ведь Хайморелл, без сомнения, боялся спать, поскольку не знал, сработала или нет его мина, — а потом включил аппарат и добился своего с первой же попытки. Однако спустя три дня я вновь очутился в инвалидной коляске.

Хайморелл, разрази его гром, был чересчур осторожен. Должно быть, он заметил проводок, что тянулся к часовому механизму. Впрочем, я тоже разгадал оставленную им загадку — если бы не сообразил оторвать провод, расплавился бы вместе с аппаратом. (Ловко он придумал — установил термостат, который должен был сработать, когда в комнате понизится температура.) Мой пистолет и часовой механизм исчезли. Я обыскал комнату: пистолета так и не нашел, а механизм обнаружил в шкафу. Там же находились ударный капсюль, порох — должно быть, из пистолетных пуль, бумага и промасленная тряпка.

Убедившись, что других сюрпризов в комнате нет, я принялся устраивать новую западню. Если использовать мину вроде тех, какие ставили немцы... Эти мины, как правило, пропускали первые шесть грузовиков колонны и взрывались под седьмым. Неплохо, неплохо. Подготовка заняла у меня пару дней, после чего я вновь уселся за аппарат.

Признаться, эта игра изрядно мне надоела, однако она могла закончиться только тогда, когда кто-то из нас двоих пережит другой. Перенос состоялся. В те два дня, которые я бодрствовал, ожидая очередной пакости со стороны Хайморелла, мне в голову пришла лабопытная идея. Я поспешил поделиться ею с Клитассаминой.

— Послушай, а что, если мне переселиться в тело кого-нибудь из слабоумных? Попытавшись поймать меня, Хайморелл попадет впросак, потому что в моем кресле тогда окажется какой-нибудь дурачок. Мы оба останемся здесь, и все наконец-то уладится.

Она покачала головой:

— Терри, тебе нужно отдохнуть, а то ты уже совсем запутался. Хайморелл ловит твое сознание. Ему безразлично, в чьем теле оно находится.

Клитассамина была права: мне следовало отдохнуть. На третьи сутки я плюнул на Хайморелла и лег спать. Проспал без малого четырнадцать тамошних часов — и проснулся в том же месте.

Замечательно! Я не мог поверить, что Хайморелл упустил такой случай. Значит, с ним что-то случилось. Выходит, моя ловушка сработала, и теперь я могу спать спокойно.

Шли дни, все оставалось по-прежнему. Я окончательно перестал бояться сна, почувствовал себя полноправным человеком будущего и начал подыскивать себе в нем подходящее местечко. Мне вовсе не хотелось уподобляться тем, кто дожидался «шанса на спасение», ничего не предпринимая для того, чтобы этот шанс появился.

— Вы никогда не задумывались о том, что шанс можно создать? — спросил я однажды у Клитассамины.

Она улыбнулась — как мне показалось, немного печально.

— Я знаю, какие чувства ты сейчас испытываешь. Сама пережила то же самое в первые два поколения. Ты еще молод, Терри.

Она смотрела на меня с легкой завистью. Не знаю, что изменило в тот момент направление моих мыслей. Возможно, включилось подсознание. Поглядев на Клитассамину, я словно прозрел — и ужаснулся тому, что увидел. Молодость и совершенное тело оказались оболочкой, под которой скрывалась неизмеримо древняя, уставшая женщина. Я казался ей ребенком, и обращалась она со мной соответственно. Ее веселил мой юношеский задор — вероятно, она вспоминала себя в мои годы. Однако теперь она устала от меня. Я понял, что очарование Клитассамины искусственное, что у нее нет ни единого естественного движения или жеста, что она — великая притворщица.

— Я тебе больше не нужен, — сказал я, не сводя с нее взгляда. — Я перестал тебя развлекать. Ты хочешь, чтобы вернулся Хайморелл.

— Да, Терри, — согласилась она.

Следующие два дня я прикидывал, как быть. Этот мир — изнеженный, умирающий — мне никогда не нравился. Теперь, утратив возлюбленную, я внезапно почувствовал, что задыхаюсь в нем и что перспектива бесконечного «продления жизни» ничуть меня не прельщает.

Ну и положеньеце: в прежнее тело вернуться, по-видимому, невозможно, а новая жизнь, оказывается, немногим лучше. Похоже, смерть имеет вполне разумное объяснение. Во

всяком случае, она явно предпочтительнее такого вот бессмертия.

Но я зря беспокоился. Бессмертие мне, как выяснилось, не грозило. Я лег спать в зеленой комнате и проснулся в больничной палате.

До сих пор не могу понять, каким образом Хайморелл все это устроил. Должно быть, наша игра надоела ему не меньше моего. Скорее всего, он изготовил сразу два аппарата, с помощью которых и осуществил тройной перенос. Он вернулся в свое собственное тело, а в моей инвалидной коляске очутился какой-нибудь слабоумный. В результате я лишился доступа к аппарату.

Осознав, что со мной произошло, я попросил узнать о судьбе Терри Молтона, назвавшись его знакомым. Мне сказали, что он погиб в результате неосторожного обращения с электроприбором. Из-за короткого замыкания в комнате начался пожар, но пламя вовремя заметили и сумели потушить. Случилось это приблизительно через три часа после того, как я очнулся на больничной койке.

Я оказался в затруднительном положении. Стивен Доллбой — сумасшедший, который нуждается в присмотре. Если я стану утверждать, что являюсь на самом деле Теренсом Молтоном, сочтут, что у меня галлюцинации. Получить мое законное имущество мне, похоже, не светит, однако надеюсь, что со временем сумею убедить врачей в своем душевном здравии и меня отсюда выпишут.

Если так случится, что ж — и на том спасибо. По крайней мере, тело у меня теперь здоровое, а разум неплохо ориентируется в происходящем вокруг. Выходит, приобрел я больше, чем потерял.

Но зовут меня Теренс Молтон.

Несомненно, мы имеем дело со сложной галлюцинацией, однако если других серьезных отклонений от нормы замечено не будет, наш пациент какое-то время спустя покинет клинику.

Хотелось бы, впрочем, обратить ваше внимание на два обстоятельства. Во-первых, хотя эти люди никогда не встречались, Стивен Доллбой удивительно много знает о жизни Теренса Молтона. Во-вторых, когда к нему пришли двое друзей Молтона, которых мы пригласили, он незамедлительно обратился к ним по именам и выказал в их отношении прекрасную осведомленность, что немало удивило посетителей. Они утверж-

дают, что Стивен Доллбой ничем — кроме, разве что, манеры выражаться — не напоминает Теренса Молтона.

Таким образом, можно утверждать, что наш пациент — именно мистер Стивен Доллбой. Если выяснятся какие-либо новые подробности, мы сразу же поставим вас в известность.

Искренне ваш,
Джесс К. Джонсон,
главный врач клиники

Покупая Лелли — нет, так говорить не следует, иначе наживешь себе неприятности, — уплатив ее родителям тысячу фунтов в качестве компенсации за дочь, Дункан Уивер отметил про себя, что поначалу рассчитывал на сумму в шестьсот, в крайнем случае, семьсот фунтов.

У кого бы в Порт-Кларке он ни спрашивал, все уверяли, что это — красная цена. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее, чем считали горожане. Первые три марсианские семьи, к которым обратился Дункан, наотрез отказались продавать дочерей, следующая потребовала полторы тысячи фунтов и ни шиллинга меньше; родители Лелли тоже начали торг с полутора тысяч, однако снизили ставку до тысячи, когда поняли, что Дункан не поддастся на вымогательство. Возвращаясь в Порт-Кларк, он прикидывал так и этак и в конце концов решил, что, в общем-то, в накладе не остался. Контракт сроком на пять лет, максимум по двести фунтов в год... Когда вернется, продаст ее фунтов за четыреста, а то и за пятьсот. Нет, все не так уж плохо.

В городе ему пришлось также встретиться с агентом Компании.

— Послушайте, — сказал Дункан, — вам известно, что мне предстоит провести пять лет на станции Юпитер-4-б. Корабль, который доставит меня туда, будет двигаться со скоростью света и пойдет почти порожняком. Поэтому как насчет места для еще одного пассажира? — Он заранее узнал, что в подобных обстоятельствах Компания обычно идет навстречу (хотя, конечно, бывают и исключения).

Агент, казалось, ничуть не удивился. Сверившись со своими бумагами, он ответил, что место найдется, затем прибавил, что Компания, специально для таких случаев, грузит на корабли дополнительные пищевые рационы. Стоит

этот рацион двести фунтов в год, деньги вычитаются из жалования работника.

— Сколько?! — воскликнул Дункан. — Тысяча фунтов за пять лет?

— Совершенно верно, — отозвался агент. — Тем самым Компания покрывает свои расходы. И не забывайте, пять лет в полном одиночестве — вовсе не шутка. Что для вас дороже — деньги или душевное здоровье? Вы ведь не хотите свихнуться, а?

Дункан поупирался пару минут, что называется, из принципа, но агент твердо стоял на своем. Значит, Лелли будет теперь обходиться в четыреста фунтов в год. Впрочем, при годичном жаловании в пять тысяч фунтов (до его возвращения с Юпитера-4-6 деньги будут лежать в банке), на подобные мелочи можно с легкой душой плюнуть. В итоге Дункан согласился.

— Замечательно, — сказал агент. — Вам необходимо получить для нее разрешение на вылет, которое выдается сразу же по предъявлении брачного свидетельства.

— Брачного свидетельства? — недоверчиво повторил Дункан. — Чтобы я женился на марсияшке?! Да никогда в жизни!

Агент покачал головой:

— Без свидетельства разрешения не дадут. Таков закон. Вдобавок вас могут заподозрить в том, что вы намереваетесь продать марсианку; могут даже подумать, что вы ее купили.

— Я?! — Дункан высокомерно вскинул голову.

— А почему бы нет? — поинтересовался агент. — Брачное свидетельство обойдется вам в десять фунтов — если, конечно, у вас нет настоящей жены. В последнем случае сумма, естественно, возрастает.

— Я не женат! — вызывающе бросил Дункан.

— Угу. — Агент принял его слова к сведению, ничем не показав, что не верит. — Тогда какая вам разница?

Два дня спустя Дункан снова пришел к нему, с брачным свидетельством и разрешением на вылет. Агент проверил документы.

— Все в порядке, можете лететь. Да, с вас сто фунтов за услуги.

— За какие еще услуги, черт побери?

— За обеспечение безопасности ваших капиталовложений, — ответил агент.

Дункану вдруг захотелось сказать, что за разрешение на вылет с него тоже потребовали сотню фунтов, однако он овладел собой и лишь заметил с горечью:

— Сколько денег на одну тупую марсияшку!

— Тупую? — переспросил агент.

— Вдобавок она не может связать и пары слов. В общем, бестолочь.

— Гм-м... — протянул агент. — Вы на Марсе впервые?

— Не то чтобы, — откликнулся Дункан. — Залетал парую тройку раз.

Агент понимающе кивнул:

— Марсиане глуповаты только с виду, на самом же деле они не глупее нас.

— Были когда-то, давным-давно.

— Задолго до нашего появления на Марсе они решили, что много думать, грубо говоря, вредно для здоровья. Планета умирает, и они добровольно выбрали ту же участь.

— По-вашему, это не глупость? Между прочим, умирает не только Марс, но и все остальные планеты.

— Вы когда-нибудь видели старика, который сидит на солнце и наслаждается жизнью? Он вовсе не слабоумен, скорее всего просто забыл на время обо всех и всяческих заботах. Если понадобится, он поможет советом, а так чего попусту беспокоиться? Пускай все идет, как идет. Вашей марсианке около двадцати — по местным меркам, десять с половиной, — однако она в точности напоминает такого вот старика. По правде сказать, хорошенькая проверка на тупость. Девушка, которая не знает, что происходит на ее собственной свадьбе...

Расходы Дункана ста фунтами агенту не ограничились. Столько же пришлось выложить за одежду для Лелли, и сумма потраченного возросла до двух тысяч трехсот десяти фунтов. Ладно бы они ушли на действительно толковую девчонку, но Лелли... Увы, ничего не попишешь. Сказав «а», нужно либо говорить «б», либо прятаться в кусты. Впрочем, на станции будет веселее даже с ней...

Старший помощник пригласил Дункана в ходовую рубку.

— Вам туда, — любезно сообщил он, показывая на обзорный экран.

Дункан посмотрел на мерцавший посреди экрана месяц. Определить на глазок его размеры пока не представлялось

возможным: он мог быть величиной с Луну — или с баскетбольный мяч. Медленно вращающийся обломок скалы...

— Большой? — спросил Дункан.

— Около сорока миль в диаметре.

— А притяжение там какое?

— Точно не знаю, вероятно, нечто среднее между малым и полным отсутствием.

— Понятно.

По дороге в кают-компанию Дункан заглянул к себе в каюту. Лелли не вставала с койки, радуясь, похоже, той иллюзии веса, какую создавали пристежные ремни. Заметив супруга, она приподнялась на локте.

Невысокая, немногим выше пяти футов; изящные кисти рук, тонкие черты лица, хрупкое тело. Глаза, по земным меркам, неестественно большие и круглые; кажется, она постоянно чему-то удивляется. Необычно низко расположенные уши, мочки которых выдаются из-под копны каштаново-рыжих волос. Бледная кожа, румянец на щеках, алые губы...

— Эй! — окликнул ее Дункан. — Займись-ка делом, начинай паковать вещи!

— Паковать? — переспросила Лелли низким грудным голосом. В ее тоне явственно прозвучало недоумение.

— Ну да, — процедил Дункан. — Паковать. — Он открыл чемодан, побросал туда попавшие под руку вещи, махнул рукой — дескать, вот так.

Выражение лица марсианки не изменилось, однако понять она вроде бы поняла.

— Мы прилетели?

— Почти. Времени как раз хватит, чтобы собраться.

— Хорошо, — сказала она и принялась расстегивать ремни.

Дункан захлопнул дверь с такой силой, что его отнесло на несколько метров, потом двинулся по коридору в сторону кают-компания.

Лелли расстегнула последний ремень, осторожно вытянула руку, подобрала с пола магнитные подошвы и прикрепила их к своим башмакам, после чего, все так же осторожно, опустила ноги на пол. Раздался щелчок, магнит сработал. Девушка встала, выпрямилась во весь рост. Ее сложение, может быть, вызывало восторг у марсиан, однако землянин напрасно стал бы искать классические пропорции: атмосфера на Марсе была разреженной, поэтому легкие марсиан постепенно увеличивались в объеме, что привело в конечном итоге к изменению телосложения. Лелли одер-

нуда коричневый комбинезон, сделала неуверенный шаг, задержалась перед висевшим на переборке зеркалом, изучила собственное отражение, затем отвернулась и принялась собирать вещи.

— ...женщине в такой дыре делать нечего! — услышал Дункан, войдя в кают-компанию. Эти слова произнес корабельный кок по фамилии Уайшерт.

Дункан недолюбливал Уайшерта, и тому была достаточно веская причина: как-то ему взбрело в голову, что неплохо бы научить Лелли готовить в условиях невесомости, а поскольку Уайшерт потребовал за урок пятьдесят фунтов, общий расход теперь составлял две тысячи триста шестьдесят фунтов. Можно было бы пропустить фразу мимо ушей, но это было не в правилах Дункана.

— В такой дыре вообще не место человеку, — угрюмо заявил он.

Присутствовавшие промолчали. Они прекрасно знали, кого посылают на станции вроде Юпитера-4-б.

Компания неоднократно подчеркивала, что выход на пенсию по старости в возрасте сорока лет вовсе не означает отказ от радостей жизни. Если накопить за годы службы достаточно денег, опасаться каких-либо неприятностей просто-напросто нечего. Вот именно, если накопить, если не валять дурака и не заключать пари, что одно четвероногое животное бежит быстрее другого. А уж коли потерял деньги, деваться некуда; поэтому, когда Дункану подошел срок выходить в отставку, ему предложили то же, что и прочим неудачникам.

Он никогда не был на Юпитере-4-б, однако приблизительно представлял, на что похожа планета, где расположена станция. Вторая луна Каллисто, которая, в свою очередь, является четвертым — по времени обнаружения — спутником Юпитера; голый камень, начисто лишенный растительности и атмосферы. Выбора не было, и Дункан подписал типовой контракт сроком на пять лет: пять тысяч в год плюс пять месяцев ожидания до и полгода после — чтобы приноровиться к нормальной силе тяжести — на половинном жаловании.

Значит, ближайшие шесть лет о деньгах можно не заботиться, тем более что пять из них тратить будет просто не на что.

Правда, вопрос в том, выдержит ли он эти пять лет, не свихнется ли от одиночества. Даже хотя психолог утверждает, что все в порядке, уверенным до конца быть нельзя.

Кто-то выдерживает, кто-то ломается в первые же месяцы и попадает в итоге в сумасшедший дом. Говорят, если выдержать первые два года, дальше будет легче. Может быть, но пока не попробуешь, не узнаешь...

— А если я подожду отлета на Марсе? — предложил Дункан чиновникам Компании. — Там вроде бы все дешевле.

Чиновники сверились со звездными таблицами и расписанием полетов и удостоверились, что в этом случае не только Дункан, но и Компания получает возможность сэкономить энную сумму. Они отказались поделить сэкономленные деньги пополам, но оплатили перелет на Марс и открыли Дункану счет у местного агента Компании.

Колония, в состав которой входил Порт-Кларк с окрестностями, буквально кишела бывшими астронавтами, которые сочли, что пенсионерам больше подходит Марс с его малой гравитацией, свободой нравов и дешевизной. У каждого из них нашлось что посоветовать. Дункан внимательно слушал, однако в конце концов отверг большинство советов. Такие способы сохранить здравый рассудок, как заучивание наизусть Библии и сочинений Шекспира или переписывание энциклопедии по три страницы в день, казались ему утомительными и весьма сомнительными. Строить миниатюрные модели космических кораблей в пустых бутылках тоже не хотелось. Лишь один совет, по мнению Дункана, имел практическую ценность — именно следуя этому совету, он купил Лелли и по-прежнему продолжал считать его вполне разумным, хотя и потратил уже две с лишним тысячи фунтов.

Дункан догадывался, как относятся к его поступку члены экипажа, потому и не стал осаживать Уайшерта, а прибавил:

— Настоящей женщине там и впрямь делать нечего. Но для марсияшки...

— Даже для марсияшки... — Уайшерт не закончил фразы: включились тормозные двигатели, и его отнесло к переборке.

Все, кто был в кают-компании, принялись за дело: следовало зафиксировать незакрепленные предметы.

Планетка, на которой находилась станция, была по определению спутником спутника; вполне возможно, на деле она являлась астероидом, попавшим в поле притяжения Каллисто. Кратеров на поверхности не было и в помине, повсюду.

топорщились зазубренные скалы. Унылый, безрадостный осколок некоего небесного тела, не примечательный ничем, кроме своего местоположения.

Как известно, без таких вот станций в космосе не обойтись. Строить большие корабли, способные совершать посадку на поверхности планет, с точки зрения экономики крайне невыгодно. Некоторые звездолеты, не слишком крупные, стартовали с Земли, благо были на ней построены, однако уже первые большие корабли стали строить в космосе. Таким образом, появились настоящие звездолеты, не рассчитанные на сопротивление высокой гравитации. Они летали от спутника к спутнику, доставляя топливо, грузы, съестные припасы и сменный персонал станций. Корабли новых типов не садились даже на Луну, а использовали в качестве земного терминала искусственный спутник Псевдос.

Груз со станций на планеты переправляли в транспортных ботах, а людей доставляли туда и обратно на небольших ракетах. На станциях наподобие Псевдоса или Деймоса, основного марсианского терминала, работы хватало для целой команды, однако на тех, что располагались на границах известного пространства, достаточно было одного человека, который отвечал за погрузку-разгрузку и за работоспособность приборов. В такую даль корабли залетали редко. Дункану сообщили, что на Юпитер-4-б звездолеты прибывают раз в восемь-девять земных месяцев.

Корабль вышел на орбиту и продолжал торможение, уравнивая собственную скорость со скоростью спутника. Включились гироскопы. Спутник постепенно увеличивался в размерах, заполняя собой обзорные экраны, на которых теперь виднелась бескрайняя скалистая пустыня.

Вот на одном из экранов показалась станция. На дальнем конце более-менее ровного участка местности площадью в два-три акра, единственного намека на порядок среди каменного хаоса, располагались два купола, один намного больше другого. На противоположном конце находилась вырубленная в скалах стартовая площадка, на которой выстроились в ряд несколько транспортных ботов. Повсюду виднелись какие-то баки, полные и пустые; на утесе позади куполов примостилась параболическая антенна, похожая на чудовищно огромный цветок кисти какого-нибудь кубиста. Однообразие и безлюдье пейзажа нарушала лишь крохотная фигурка в космическом скафандре, которая, бешено размахивая руками, подпрыгивала на металлическом «языке» у входа в главный купол.

Дункан оторвался от экрана и направился к себе в каюту. Лелли сражалась с большим чемоданом; тот, по-

хоже, всерьез вознамерился притиснуть ее к стене. Дункан отпихнул чемодан в сторону.

— Прибыли, — сообщил он. — Одевай скафандр.

Круглые глаза, до того с немym изумлением взиравшие на чемодан, обратились к супругу. По взгляду Лелли невозможно было догадаться, как она себя чувствует, о чем думает.

— Скафандер? Хоросо.

В шлюзе купола прежний хозяин станции уделял куда больше внимания Лелли, чем датчику давления. Он знал на собственном опыте, сколько времени занимает герметизация, а потому первым поднял щиток шлема, даже не поглядев на шкалу.

— Вы оказались предусмотрительнее, будет кому следить за порядком. — Он распахнул внутренний люк. — Прощу. Как говорится, добро пожаловать.

Главная комната, вследствие архитектуры купола, имела весьма причудливые очертания, но была довольно просторной. Вдобавок, в ней царил жуткий беспорядок.

— Сколько раз я собирался тут прибраться, да так и не собрался. — Он посмотрел на Лелли. Лицо девушки сохраняло привычное удивленное выражение. — Ох уж эти мне марсиане! Как узнать, о чем они думают?

— Никак, — ответил Дункан. — А эта, похоже, так и родилась с выпученными глазами.

Прежний хозяин станции перевел взгляд с Лелли на галерею земных красавиц, изображениями которых пестрели стены, потом снова посмотрел на девушку.

— Странные они все-таки.

— У себя дома моя считалась симпатичной, — пожалуй, чуть резковато проговорил Дункан.

— Конечно, конечно. Не обижайтесь, старина. Наверное, сейчас любая женщина покажется мне странной. Пойдемте, я покажу вам станцию.

Дункан жестом приказал марсианке поднять щиток шлема, чтобы она могла его слышать, и велел снять скафандр.

Станционный купол ничем не отличался от типового: двойной пол, двойные стены, разделенные воздушной прослойкой. Его собрали из стандартных блоков и закрепили с помощью вбитых в скалу металлических стержней. В жилой половине имелось три свободных комнаты — на случай, если персонал станции, паче чаяния, станет более многочисленным.

— Остальное — склады, где в основном хранятся консервы, воздушные баллоны, разные мелочи и вода. Следите, чтобы она не расходовала воду зря. Большинство женщин почему-то считает, что водопровод должен существовать даже у черта на куличках.

Дункан покачал головой:

— Марсиане не такие. Они живут в пустыне, а потому к воде относятся очень уважительно.

Прежний хозяин взял со стола пачку документов.

— Этим мы займемся позже. Работа несложная. Единственный груз, который сюда доставляют, — редкоземельные металлы. С Каллисто сообщают, что отправили бот, вы включаете радиомаяк, и все дела. Ошибиться невозможно, если в точности следовать правилам. — Он огляделся по сторонам. — Что касается развлечений... Если вы любите читать, тут полно книг. — Он указал на книжные полки у внутренней перегородки. Дункан признался, что читать не любитель. — Зря, неплохо помогает. Можно найти все что угодно, по своему вкусу. А музыку любите? Вот записи.

— Да, я не прочь послушать какую-нибудь приятную мелодию.

— Гм-м... Не знаю, не знаю. Со временем эти мелодии начинают звучать в голове, и от них никак не отделаться. В шахматы играете? — Он показал на доску с фигурками.

Дункан покачал головой.

— Жаль. На Каллисто есть парень, настоящий гроссмейстер. Он здорово расстроится, когда узнает, что наша партия останется недоигранной. Может, со временем все же заинтересуетесь... А чем будет заниматься ваша марсианка? Я имею в виду, кроме приготовления пищи и тому подобного?

Откровенно говоря, Дункан об этом не задумывался.

— Полагаю, с ней все будет в порядке, — ответил он, безразлично пожав плечами. — Марсияшки настолько тупые, что могут просидеть на одном месте, ничего не делая, хоть целый день. Так сказать, врожденный талант.

— Да, здесь он пригодится.

Подготовка к отлету продолжалась. Сначала на спутник переправили груз, который доставил корабль, потом заполнили его трюмы редкоземельными металлами. Прилетела ракета с Каллисто, привезла двух человек, чьи контракты закончились, и забрала тех, кто прибыл им на смену. Механики звездолета проверили оборудование станции, кое-что заменили, наполнили водяные баки, зарядили пустые воз-

душные баллоны, затем проверили все по второму и по третьему разу.

Стоя на металлическом «языке», на котором совсем недавно его предшественник исполнял свой фантастический танец, Дункан наблюдал за стартом. Звездолет взмыл в черное небо, превратился в удлинённый полумесяц на фоне звезд. Заработали главные двигатели, выплеснулось ослепительно-белое пламя с розовой каймой. Вскоре крохотная искорка, которая была кораблем, исчезла за линией горизонта.

Дункану внезапно показалось, что он резко уменьшился в размерах, стал точкой на камне, что, в свою очередь, представлял собой песчинку в океане мироздания. Над головой бездушное небо, тысячи звезд, сверкающих без цели и смысла...

Беспредельное небо, бескрайняя скалистая пустыня... Невозможно определить, какая скала близко, а какая далеко, невозможно даже различить их истинные очертания. Ни на Земле, ни на Марсе не увидишь ничего подобного. Острые, как бритва, вершины возвышались над поверхностью спутника миллионы миллионов лет и погибли только вместе с ним, сохранив до последнего дня, поскольку ветра и дождя тут нет и в помине, свои пики-резцы...

Миллионы лет позади, миллионы лет впереди... Нет, не только Дункан, все живое превратилось в крохотную песчинку, возникшую по чистой случайности и совершенно не нужную Вселенной. Диковинный мотылек, пляшущий в свете вечных солнц... Огненные и каменные шары, которые движутся сквозь бесконечность на протяжении неисчислимого времени, — вот единственная реальность.

Несмотря на то что подогрев скафандра был включен, Дункан зябко поежился. Еще никогда ему не доводилось чувствовать себя таким одиноким; еще никогда он так отчетливо не сознавал, что Вселенная беспредельна, жестока и равнодушна. Глядя на звезды, вернее, на тот свет, что они испускали миллионы лет назад, он спросил:

— Почему? Какого черта?

Звук собственного голоса вырвал Дункана из размышлений. Он помотал головой, чтобы избавиться от никчемных мыслей. Повернулся спиной к Вселенной, в результате чего та снова стала основой жизни вообще и человеческой жизни в частности, и вошел в шлюз.

Работа и впрямь оказалась несложной. В установленное время Дункан выходил на связь с Каллисто. Обычно они с

тамошним оператором просто проверяли, все ли в порядке, а иногда обменивались мнениями по поводу услышанных по радио новостей. Изредка с Каллисто сообщали, что отправили бот, и просили включить маяк. Вскоре после этого прибывал груз; подать к люку бота пустой бак не составляло никакого труда.

День на спутнике был непривычно коротким, а ночь, благодаря Каллисто и Юпитеру, слишком уж светлой. Поэтому Дункан решил жить по часам, которые показывали земное время по гринвичскому меридиану. Поначалу он занимался тем, что распаковывал и размещал припасы, доставленные звездолетом. Кое-что перекочевало в главный купол — личные вещи, еда и то, что требовало тепла и света, кое-что — во второй, маленький, темный и негерметичный, а все остальное отправилось на Каллисто. Покончив с этим, Дункан обнаружил, что делать попросту нечего...

Он составил план, согласно которому время от времени проверял то одно, то другое, поднимался на скалу и регулировал положение солнечных батарей, и так далее. Однако следовать плану было достаточно тяжело. Солнечные батареи, к примеру, вовсе не требовали регулировки. Даже если они выйдут из строя, починить их на месте нельзя: придется связываться с Каллисто, чтобы прислали ракету и забрали батареи, а потом сидеть и ждать, пока очередной звездолет не доставит новые. В контракте четко оговаривалось, что покинуть станцию Дункан может только в том случае, если произойдет какая-нибудь серьезная поломка (причем указывалось, что устраивать поломку самому не рекомендуется — слишком накладно). Короче говоря, план оказался никуда не годным.

Порой Дункан спрашивал себя, не свалил ли он дурака, прихватив на станцию Лелли. Разумеется, марсианка неплохо готовила, да и за порядком следила, однако, не будь ее рядом, у него появилось бы более-менее постоянное занятие — ухаживать за самим собой. Компания из нее никудышная; что взять с инопланетянки, тупой, как робот? Все чаще и чаще Лелли начала раздражать Дункана; ему не нравилось все — как она ходит, как говорит, по-идиотски коверкая слова, как молчит, уставясь перед собой невидящим взором... Она была другой и вдобавок обошлась в две с лишним тысячи фунтов, которые вполне можно было бы потратить на что-то более полезное. А Лелли и не пыталась ничего изменить, даже когда имела такую возможность. Хотя бы физиономия... Любая нормальная девушка забо-

тится о своей внешности, а эта... Левая бровь будто сломана пополам, из-за чего марсияшка выглядит как надравшийся клоун. А ей, похоже, плевать...

— Черт поberi! — воскликнул Дункан, сорвавшись в очередной раз. — Ты что, до сих пор не научилась подводить глаза? И краситься тоже не умеешь? Посмотри на эти картинки, а потом взгляни в зеркало на себя. Чучело, да и только! А волосы? Болтаются что твои водоросли. Ради всего святого, сделай завивку, хватит изображать паршивую русалку! Не твоя вина, что ты марсияшка, но хотя бы постарайся выглядеть как приличная женщина!

Лелли поглядела на цветные фотографии на стене, затем сравнила с ними собственное отражение в зеркале.

— Хорошо, — безучастно согласилась она.

— И еще одно! Перестань уродовать язык! Не «хорошо», а «хорошо», понятно? Хо-ро-шо. Повтори.

— Хорошо, — послушно произнесла Лелли.

— О Боже! Ты что, не слышишь? Хо-ро-шо! Ну?

— Хорошо.

— Нет. Язык должен прилегать к нёбу, вот так...

В конце концов Дункан не выдержал.

— Так ты издеваешься? Осторожнее, девочка, осторожнее. Скажи «хорошо».

Лелли помедлила, со страхом глядя на его искаженное гневом лицо.

— Давай, давай.

— Хо... Хорошо.

Он ударил ее сильнее, чем собирался. Магниты на башмаках не выдержали, она отлетела к стене и повисла рядом с ней, беспомощно трепыхаясь в воздухе. Дункан приблизился, схватил Лелли, поставил на пол, вцепился левой рукой в комбинезон, а правую занес для нового удара.

— Снова!

Взгляд Лелли блуждал по комнате. Дункан как следует встряхнул девушку. Она раскрыла рот и с шестой попытки выдавила:

— Хорошжо.

— Уже лучше. Оказывается, можешь, когда захочешь. Судя по всему, девочка, тебя порядком избаловали.

Дункан отпустил ее, и она проковыляла в дальний угол комнаты, закрывая руками синяк на лице.

Дни превращались в недели, недели в месяцы. Иногда Дункана одолевала сомнения: сумеет ли он выдержать? Он

переделал всю работу, какая только нашлась на станции, и теперь свободного времени было хоть отбавляй.

Человек средних лет, до того лишь иногда бравший в руки газету, вряд ли пристрастится к чтению книг. Поп-музыка, как и предсказывал его предшественник, Дункану быстро надоела, а все остальное ему просто не нравилось. Он научился по книжке играть в шахматы и научил Лелли, намереваясь после того, как немного попрактикуется с ней, сразиться с тем парнем с Каллисто. Однако Лелли непрерывно побеждала, и Дункан, в конце концов, решил, что не годится для шахмат по складу ума, после чего научил марсианку играть в карты. Впрочем, вскоре он перестал к ним притрагиваться, поскольку вся карта шла почему-то исключительно Лелли.

Порой передавали что-нибудь интересное по радио, однако Земля находилась за Солнцем, а Марс то и дело прятался за Каллисто; вдобавок спутник вращался по собственной орбите, что значительно ухудшало прием.

Поэтому большей частью Дункан маялся от безделья, ненавидя спутник, коря себя за глупость и злясь на Лелли.

Его раздражало то, как флегматично она выполняет поручения. До чего же несправедливо! Тупая марсияшка оказывается из-за своей тупости выносливее человека! Когда Дункан принимался за что-либо выговаривать Лелли, вид, с каким она слушала, обычно доводил его до белого каления.

— Ради всего святого! — воскликнул он однажды. — У тебя что, не лицо, а маска? Почему ты не смеешься, не плачешь, не строишь гримасы? Да одной твоей кукольной рожи достаточно, чтобы свести человека с ума! Тупость, к сожалению, болезнь неизлечимая, но уж физиономию-то можно подправить!

Лелли глядела на него с прежним выражением на лице.

— Ты что, не слышала? Ну-ка, улыбнись! Кому говорят?

Губы Лелли слегка искривились.

— По-твоему, это улыбка? Вот как надо улыбаться! — Дункан указал на фотографию, с которой лучезарно улыбалась земная красотка: зубы, как клавиши рояля, полное впечатление, что улыбка разрезала голову пополам. — Вот так! — Он продемонстрировал как. — Ясно?

— Нет, — ответила Лелли. — Я не могу корчиться, как земляне.

— Корчиться?! — повторил оскорбленный до глубины души Дункан. — Корчиться! — Он расстегнул ремень кресла, в котором сидел, и направился к марсианке. Та попяти-

лась, уперлась спиной в стену. — Я покажу тебе, что такое «корчиться»! Улыбнись!

Лелли закрыла руками лицо.

— Не надо! Нет! Нет!

В тот самый день, когда закончился восьмой месяц пребывания Дункана на станции, с Каллисто сообщили, что к спутнику приближается корабль. Пару дней спустя Дункан установил прямую связь со звездолетом — и почувствовал себя так, словно пропустил несколько стаканов спиртного. До прибытия корабля оставалась неделя. Следовало подготовиться — проверить склады, прикинуть, чего не хватает, заполнить станционный журнал, которым он давно уже пренебрегал. Дункан ожил, принялся даже напевать себе под нос и перестал злиться на Лелли. Что касается марсианки, понять, какое впечатление произвела на нее новость, было невозможно. Впрочем, не удивительно...

Корабль возник в небе точно в назначенное время и тут же пошел на посадку. Едва он сел, Дункан поднялся на борт с таким чувством, словно попал в компанию старых друзей. Капитан тепло его приветствовал, предложил выпить... Дункан знал, что эта процедура повторяется из раза в раз, на всех без исключения дальнекосмических станциях, но все равно был счастлив. Неожиданно капитан представил стоявшего рядом с ним человека и объяснил, кто тот такой.

— Мы приготовили вам сюрприз. Познакомьтесь, это доктор Уинт. Он вызвался разделить вашу участь.

— Доктор? — переспросил Дункан, пожимая руку Уинту. — Чего, если не секрет?

— Не медицины, — отозвался Алан Уинт. — Доктор наук. Компания поручила мне провести геологическое обследование спутника. Кстати, слово с корнем «гео» вряд ли сюда подходит. Я проведу у вас около года — если вы, конечно, не возражаете.

Дункан, разумеется, ответил, что искренне рад; попрощался с капитаном и повел Уинта в купол. Увидев Лелли, Алан страшно удивился: по-видимому, его никто не предупредил. Дункан пустился было в объяснения, однако новичок перебил:

— Представьте меня, пожалуйста, своей супруге.

Дункан неохотно выполнил просьбу. Ему не понравился тон Уинта, не понравилось, что доктор наук приветствовал Лелли так, словно та была земной женщиной. Вдобавок Алан наверняка заметил синяк у нее на скуле. Дункан отнес

Алана Уинта к тем людям, которые, что называется, норовят залезть без мыла в задницу; оставалось лишь надеяться, что все как-нибудь обойдется.

Стычка произошла три месяца спустя, причем определить, кто ее спровоцировал, было затруднительно: каждая сторона считала виноватой другую. Мелкие ссоры случались и раньше; если бы не работа, которая частенько заставляла Уинта покидать купол, он, вероятно, схлестнулся бы с Дунканом давным-давно. Все началось, когда Лелли оторвалась от книги, которую читала, и спросила:

— Что такое «эмансипация женщин»?

Алан, разумеется, принялся объяснять, однако его почти сразу перебил Дункан:

— Послушайте, кто вас просит забивать ей голову всякой ерундой?

Алан пожал плечами:

— Дурацкий вопрос. К тому же разве Лелли не человек? А человек должен думать.

— Не увиливайте! Вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

— Признаться, даже не догадываюсь. Может, скажете?

— Ладно, умник. Я разумею вот что: ты приперся сюда к нам и с самого начала стал совать нос не в свои дела. Начал обращаться с марсияшкой так, будто она — какая-нибудь принцесса.

— Совершенно верно. Я рад, что вы это заметили.

— И неужели ты думаешь, я не понимаю, почему?

— Уверен, что не понимаете. Ведь вы привыкли мыслить по шаблону. Вам кажется, что я намереваюсь отбить у вас девчонку, которая стоила, ни много ни мало, две с лишним тысячи фунтов. Между прочим, вы ошибаетесь, ничего подобного у меня и в мыслях не было.

— Не девчонку, а жену, — поправил Дункан. — По закону эта тупая марсияшка — моя жена, ясно?

— Да, Лелли марсияшка, если воспользоваться вашей терминологией; быть может, она и впрямь ваша жена, хотя это весьма сомнительно, но уж никак не тупая. К примеру, вы заметили, как быстро она научилась читать, когда ей показали? По-моему, вы не смогли бы за такой срок освоить язык, на котором знаете всего несколько слов.

— Тебя никто не просил учить ее! Книжки ей ни к чему, и так хороша.

— Слышен голос рабовладельца. Признаться, я очень доволен, что мне удалось оставить вас в дураках.

— Зачем? Чтобы вырасти в ее глазах? Чтобы показать, что я тебе и в подметки не гожусь? Еще бы, когда встречаешь такого душку...

— Я обращаюсь с ней так, как привык вести себя с женщинами, разве что делаю скидку на необразованность. Если она на самом деле считает, что я лучше вас, — что ж, я с ней согласен. И расстроился бы, если бы оказалось иначе.

— Я тебе покажу, кто из нас лучше! — прорычал Дункан.

— Не стоит. Я понял с первого взгляда: вы из неудачников, в противном случае вас ни за что не заслали бы в этуку даль. Неудачник, который обожает распускать руки. Вы думаете, я не заметил синяков Лелли? По-вашему, мне доставляло удовольствие слушать, как вы измываетесь над девушкой, которую сознательно держите в невежестве, хотя она в десять раз умнее вас? С ума сойти! Олух, который ни на что не годится, помыкает «тупой марсияшкой». Эксплуатор!

Распалившийся Дункан не сразу сообразил, кем его, собственно, обозвали, однако понял, что такое спускать нельзя. Сдержаться помог лишь опыт — еще в молодости он познал бесполезность драк и усвоил, что тот, кто злится, obviously выставляет себя на посмешище.

Алан тоже не стал лезть на рожон. Оба предпочли замять стычку, и на какое-то время на станции установилось хрупкое перемирие.

Уинт продолжал исследовать спутник. Он отправлялся в экспедиции на маленькой ракете, которую, как и его самого, доставил на Юпитер-4-б последний звездолет; возвращался с образцами скальных пород, затем аккуратно раскладывал их по ящикам, а свободное время, как и прежде, посвящал обучению Лелли.

Дункан не мог отрицать, что Алан учит ее как потому, что считает это необходимым, так и для того, чтобы занять себя; кроме того, он был уверен, что добром их близкие отношения не кончатся. Рано или поздно... До сих пор, правда, ткнуть пальцем было не во что, однако до отлета Алана, если его заберут вовремя, еще девять месяцев. А Лелли, похоже, и впрямь нашла себе кумира. И обращаясь с ней, как с земной женщиной, он с каждым днем портит ее все сильнее. Однажды они разберутся в своих чувствах — и наверняка начнут воспринимать Дункана Уивера как препятствие, которое следует устранить. Поскольку лучше не допускать болезни, чем потом лечить, нужно постараться

предотвратить подобное развитие событий. Но торопиться не стоит...

Дункан не торопился.

Однажды Алан Уинт улетел — и не вернулся. Просто не вернулся, и все.

Угадать, о чем думает Лелли, было невозможно, однако случившееся явно ее задело.

На протяжении нескольких суток она не отходила от окна в главной комнате, за которым чернела космическая ночь. Вовсе не потому, что ждала Алана или надеялась на его возвращение, — нет, она прекрасно знала, что запаса кислорода хватает на тридцать шесть часов. Лелли хранила молчание, на лице девушки застыло привычное до отвращения выражение удивления, изменились только глаза, которые стали чуть менее живыми.

Дункан не знал, догадывается ли она об истинной причине исчезновения Алана. Узнать это можно было единственным способом — спросить в лоб, что представлялось довольно рискованным. Он не хотел признавать, что побаивается Лелли; а ведь еще неделю-другую назад напустился бы на нее за то, что она целыми днями торчит у окна. Тупая-то тупая, а вдруг сообразит, что подстроить в такой глуши несчастный случай — проще простого? Теперь, перед тем как выйти из купола, он всякий раз подсоединял к скафандру новый, заведомо полный воздушный баллон и оставлял в проеме наружного люка камень — чтобы шлюз не закрылся у него за спиной. Следил, чтобы пища готовилась в общей кастрюле, и все время пристально наблюдал за Лелли, которая после того, как Уинт пропал, ни разу не упомянула о нем...

Так продолжалось около недели. Затем настроение марсияшки круто изменилось. Она забыла про окно и принялась читать — жадно, без разбору, хватая все, что попадалось под руку.

Дункан не понимал, чем вызвано это увлечение книгами, однако решил, что выяснять не стоит. По крайней мере, хоть чем-то занимается.

Какое-то время спустя он ощутил облегчение. Похоже, кризис миновал. Марсияшка то ли ни о чем не догадывалась, то ли до нее дошло, что шум поднимать не стоит. Однако увлечение Лелли книгами не проходило. Как правило, Дункану приходилось напоминать ей, что он заплатил две тысячи триста шестьдесят фунтов за компанию.

Мало-помалу случай с Аланом забылся. Когда прибыл очередной корабль, Дункан слегка испугался: а что, если Лелли поделится своими подозрениями с экипажем? Но

страх оказался напрасным. Она не делала никаких попыток с кем-либо заговорить. Когда звездолет улетел, Дункан поздравил себя с тем, что не ошибся в Лелли: тупая марсиашка просто-напросто забыла Алана Уинта

Тем не менее несколько месяцев спустя Дункан вынужден был признать, что недооценивал Лелли. Она узнавала из книг то, о чем он сам не имел ни малейшего понятия. Это имело свои преимущества, хотя и ставило его в неудобное положение: подумать только, он не может ответить на вопрос марсиашки! Как человек практичный, Дункан с подозрением относился к знаниям, почерпнутым из книг, а потому не преминул объяснить Лелли, что многое из того, о чем в них написано, — сущая ерунда, книги не способны заменить жизненный опыт. Стал приводить примеры из собственной жизни и не заметил, как начал ее учить.

Лелли схватывала все на лету, что вынудило Дункана вновь изменить свое мнение о марсианах; теперь он считал, что те тупы в том смысле, что не умеют пользоваться мозгами, которыми их наделила природа. Лелли поглощала знания точно пылесос — залежи пыли; прошло совсем немного времени, а ей уже было известно о станции не меньше самого Дункана. Он отнюдь не собирался на первых порах серьезно ее обучать, однако предпочел это занятие скуке. Кроме того, за образованную марсиашку можно будет запросить подороже...

Забавно, черт побери. Ему всегда казалось, что образование — пустая трата времени, однако, если вдуматься, оно кое-что да значит. Может быть, удастся продать Лелли кому-нибудь в секретари... Дункан принялся учить ее ведению бухгалтерской отчетности — настолько глубоко, насколько разобрался сам.

Недели складывались в месяцы, месяцы в года; теперь время уже не ползло улиткой, а летело. Когда ты удостоверился, что не свихнулся и не свихнешься, возникает очень приятное чувство: сидишь и спокойно ждешь, пока закончится срок ссылки и можно будет получить честно заработанные денежки.

На Каллисто открыли новое месторождение, поэтому грузы на спутник стали прибывать несколько чаще, а в остальном все шло, как обычно: изредка прилетали корабли, забирали редкоземельные металлы и снова пропадали в

черноте космоса. Дункан и не заметил, как подоспел момент, когда он смог сказать себе: «Еще два корабля — и я полечу домой» А затем, очень скоро, стоя на металлическом «языке» снаружи купола и глядя, как стартует очередной звездолет, он мысленно воскликнул: «Следующий будет моим! Господи Боже, неужели?..»

Он провожал корабль взглядом, пока тот не затерялся среди звезд, потом повернулся — и обнаружил, что шлюз закрыт.

Решив, что Лелли забыла Алана Уинта, Дункан перестал принимать меры предосторожности — в частности, уже не клал камень в проем наружного люка. Он просто оставлял его распахнутым настежь, поскольку на спутнике не было ветра, который мог бы захлопнуть люк. Дункан дернул за ручку. Люк не поддавался.

Черт!

Дункан отошел на несколько шагов, затем приблизился к окну купола. Лелли сидела в кресле, пристегнувшись ремнем, и, по всей видимости, о чем-то размышляла. Внутренний люк был открыт; естественно, наружный в таком случае ни за что не распахнется. Ему помешают блокировочное устройство и разность давления.

Дункан постучал по стеклу, чтобы привлечь внимание Лелли; он совсем забыл, что звуки снаружи в купол не проникают. Должно быть, Лелли заметила краем глаза какое-то движение. Она подняла голову и уставилась на Дункана. Господи, что с ней случилось? Волосы по-прежнему уложены в прическу, но от нормального человеческого макияжа не осталось и следа!

Дункана словно обухом по голове ударило. Время будто замерло.

Он притворился, что ничего не понял. Замахал руками, показывая, что нужно закрыть внутренний люк. Девушка не пошевелилась. Дункан заметил в ее руке книгу в голубом переплете. Эта книга не входила в число тех, что были присланы сюда Компанией; нет, она когда-то принадлежала Алану Уинту.

Дункана охватила паника, на лбу выступил холодный пот. Он перевел взгляд на датчики, расположенные на передней пластине скафандра, и облегченно вздохнул. Марсияшка не сообразила выпустить из баллона кислород. Воздуха хватит часов на тридцать. Усилием воли он овладел собой. Включил ранцевый двигатель, переместился обратно на металлический «язык» и задумался.

Вот стерва! Ничего не скажешь, ловко она обвела его вокруг пальца! Делала вид, что все забыла, а сама И ведь тянула, зараза, до последнего!

Прошло несколько минут, прежде чем Дункан успокоился и попробовал собраться с мыслями.

В запасе тридцать часов. Времени вполне достаточно. Даже если он не сумеет прорваться в купол, у него остается шанс выжить — он заберется в транспортный бот и улетит на Каллисто.

Допустим, Лелли будет утверждать, что он прикончил Уинта... Пускай утверждает, прямых улик у нее все равно нет. И потом, кто поверит какой-то там марсияшке? Скорее всего сочтут, что она свихнулась от затянувшегося пребывания на станции.

Однако пятно на репутации, конечно, останется, поэтому лучше, надежнее разобраться с ней здесь и сейчас. Вдобавок идея насчет бота весьма рискованная, эту возможность надо использовать лишь в крайнем случае. Сначала попробуем так...

Дункан отправился в малый купол, где отключил питание и обогрев главного, потом сел и принялся ждать. Герметичный купол, естественно, сразу не остынет, однако понижение температуры не почувствовать невозможно. Батарей, которые находятся внутри, надолго не хватит, даже если марсияшка догадается их использовать.

Он прождал ровно час. Солнце скрылось за горизонтом, ему на смену выплыла Каллисто. Пора посмотреть, что там творится. Дункан подлетел к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лелли при аварийном освещении опускает лицевой щиток шлема.

Дункан выругался. Не подействовало! Теперь ей не страшен ни холод, ни недостаток воздуха — ведь в куполе полным-полно запасных баллонов.

Он включил передатчик и окликнул Лелли. Услышав его голос, девушка на мгновение замерла, но не отозвалась, а потом решительно отключила свой интерком. Дункан не стал следовать ее примеру: образумится — непременно позовет.

Он вернулся к шлюзу и вновь призадумался. Похоже, проникнуть внутрь, не повредив купол, невозможно. Значит, нужно действовать иначе. Да, Лелли в скафандре не сможет ни есть, ни пить, но то же самое, к сожалению, верно в отношении его самого. Что ж, раз так...

Дункан снова отправился в малый купол и забрал оттуда электрический резак. У главного купола он прикинул воз-

возможные последствия своих действий. За наружной стеной пустое пространство, дальше изоляция, которая расплавится, как масло; кислорода нет, значит, она не загорится. А вот как быть с внутренней стеной?.. Лучше всего проделать несколько маленьких отверстий, чтобы понемногу выпустить воздух, причем держаться надо подальше, иначе его отшвырнет на весьма приличное расстояние. Но как поведет себя Лелли? Вероятно, примется заделывать дырки, класть на них асбестовые заплатки. Потом эти дырки придется заварить... Ладно, заварим. Итак, поехали.

Он проверил, надежно ли держат магнитные подошвы, поднял резак и нажал на кнопку. Ничего. Дункан нажал снова, потом выбрался, вспомнив, что отключил питание.

Пришлось возвращаться в малый купол. Из окна главного на скалы вокруг брызнул яркий свет. Интересно, сообразит ли марсияшка, что он задумал? Даже если сообразит, что с того? Помешать она все равно не сможет.

Дункан вновь нажал на кнопку. Резак заработал. На то, чтобы вырезать круг диаметром около двух футов, ушло несколько минут. Он внимательно изучил проделанное отверстие и снова взялся за резак. Внезапно в интеркоме щелкнуло.

— И не пытайся, — произнесла Лелли. — Иначе тебе несдобровать.

Дункан помедлил, гадая, что могут означать ее слова. В голосе Лелли явственно прозвучала угроза. Пожалуй, следует заглянуть в окошко.

Лелли стояла у стола, на котором лежал какой-то прибор непонятного назначения. Пластиковая упаковка, металлическая пластина, батарея, от которой тянется проводок. катушка, детонатор, присоединенный к полудюжине подрывных шашек...

Просто и со вкусом. Взорвется наверняка. Если давление внутри купола упадет, упаковка начнет разбухать, проводок коснется пластины, и...

Лелли подсоединила к батарее второй провод, затем повернулась к окну и взглянула на Дункана. Невозможно поверить, что за этой по-детски наивной физиономией скрывается столь изощренный ум!

Дункан позвал ее, но девушка вновь отключила интерком. Он бесновался за стеклом, потрясал кулаками, а марсияшка стояла и смотрела. Какое-то время спустя она опустила в кресло и пристегнулась ремнем.

— Ну ладно! — рявкнул Дункан. — Ты за это запла-тишь! — Впрочем, на данный момент его слова были пус-той угрозой.

Как бы узнать, что она прячет за своей гнусной рожей? Если бы взрывное устройство срабатывало от переключателя в руках Лелли, Дункан, возможно, постарался бы вывести девушку из себя, чтобы она занервничала. А так...

Он снова отправился к шлюзу. Должен же существовать какой-то способ проникнуть внутрь! Дункан пару-тройку минут поломал голову, но так ничего и не придумал. К тому же, попади он в конце концов в купол, с Лелли станется взорвать себя вместе с ним...

Как ни крути, придется лететь на Каллисто.

Дункан поднял голову. Вон Каллисто, а дальше Юпи-тер... Перелет ерунда, главное — посадка. Если засунуть в бот дополнительные прокладки... Попад туда, он потолкует с ребятами. Они что-нибудь да придумают, и тогда Лелли заплатит, заплатит за все...

На площадке стояли три готовых к старту бота. Страшно, конечно, но деваться некуда. С этой сволочью невозможно договориться, она даже не включает интерком. А чем дольше он медлит, тем меньше в баллоне кислорода.

Заработал ранцевый двигатель. Дункан полетел к ботам. У ближайшего он ловко сманеврировал, опустился на пло-щадку, бросил еще один взгляд на Каллисто. А если они не включили радиомаяк? Ничего, подлетев поближе, он вы-зовет их через встроенный коммуникатор скафандра.

Как он и ожидал, мягкая обшивка внутри бота оказалась чересчур тонкой. Тогда Дункан сорвал обшивку со стенок других ботов, затолкал ее в свой. Размышляя о том, как бы запустить бот без посторонней помощи, он вдруг понял, что начинает замерзать. Дункан повернул рукоятку термостата, посмотрел на датчик — и вздрогнул... Лелли знала, что воздушный баллон он проверит обязательно, поэтому испортила то ли батарею, то ли нагревательный элемент. Напряжение было почти на нуле. По всей видимости, ска-фандр начал терять тепло достаточно давно.

Дункан знал, что долго не протянет — от силы не-сколько минут. Страх неожиданно исчез, уступив место бессильной ярости. Марсияшка лишила его последнего шанса на спасение, однако зря она думает, что уцелеет! Он по-гибнет, но погибнет не один...

Становилось все холоднее, конечности потихоньку не-мели. Дункан включил ранцевый двигатель и в долю секун-ды очутился у купола. Лишь стиснув зубы, ему удалось

нажать на кнопку. На повторное нажатие сил не хватило, и он завис над металлическим «языком». Резак лежал там, где он его бросил. Пальцы отказывались двигаться. Дункан судорожно сглотнул, по щекам потекли слезы. Внезапно грудь пронзила невыносимая боль. Он вскрикнул, постарался поглубже вдохнуть — и в легкие хлынул ледяной воздух.

Лелли ждала. Она увидела фигуру в скафандре, летящую прочь от стартовой площадки, и сразу поняла, что это означает. Взрывное устройство девушка уже обезвредила и теперь стояла с толстым резиновым ковриком в руках, готовая приложить его к дыре во внутренней стенке купола. Одна минута, две... Пять минут спустя она подошла к окну, прижала шлем к стеклу и разглядела нижнюю часть зависшего над «языком» скафандра, который очень медленно смещался в сторону шлюза.

Марсианка выпустила из рук коврик, подумала, затем приблизилась к книжным полкам и достала последний том энциклопедии. Быстро отыскала нужную статью и внимательно прочла раздел, в котором говорилось о правах вдовы.

Потом взяла карандаш и листок бумаги, помедлила, старательно вспоминая, чему ее учили, и принялась писать в столбик цифры. Прошло довольно много времени. Наконец Лелли подняла голову и полюбовалась результатом вычислений. Пять тысяч фунтов в год в течение пяти лет плюс сложные проценты — очень даже неплохо, по марсианским меркам, целое состояние.

Хотя нет... В такой ситуации человек, на лице которого не застыло навсегда удивленное выражение, скорее всего нахмурился бы. Конечно, из этой суммы надо кое-что вычесть, а именно — две тысячи триста шестьдесят фунтов.

На пятый день пребывания в клинике Джанет окончательно уверилась в том, что ей необходим домашний робот. Два дня у нее ушло на то, чтобы определить, что медсестра Джеймс — робот, день она к этому привыкала, а последние два постепенно осознавала, насколько удобно иметь в доме робота-помощника.

Осознание принесло громадное облегчение. Роботы-помощники имелись едва ли не в каждом доме и считались второй — ну, может быть, третьей — по значимости семейной ценности: женщины ценили их чуть выше автомобиля, мужчины, естественно, чуть ниже. Некоторое время тому назад Джанет начала замечать, что подруги относятся к ней довольно снисходительно, считают, должно быть, слегка помешанной. И в самом деле, какая нормальная женщина станет изводить себя хозяйством, когда есть робот, который справится с домашними хлопотами гораздо лучше? Да и Джордж постоянно дуется, что вполне объяснимо: он приходит домой и обнаруживает загнанную до полусмерти жену...

Впрочем, справиться с предубеждением оказалось не так-то просто. Дело заключалось вовсе не в тупом упрямстве, каким отличаются люди, которые не желают, чтобы их обслуживали роботы-официанты, отказываются ездить в автомобилях с роботами-водителями, предпочитая рисковать собственными жизнями, а также игнорируют роботов-гидов и не посещают показы моделей с роботами-манекенщицами. Нет, Джанет всего-навсего побаивалась роботов. Дрожать от страха с утра до ночи при мысли, что ты одна в доме наедине с машиной, — уж увольте!

Джанет приписывала свой страх унаследованному консерватизму: в родительском доме роботов не было и в

помине. Ведь другие люди, выросшие в домах, где держали роботов-помощников, пускай даже самых примитивных, первого поколения, вовсе не испытывали подобных чувств. Джанет злилась на мужа, который полагал, что она боится роботов, как маленький ребенок — темноты, и не раз пыталась втолковать ему, что все обстоит совершенно иначе: ей не хочется, чтобы машина вторгалась в ее личную жизнь (а робот-помощник именно для того и предназначен).

В итоге первым роботом, которого Джанет увидела вблизи, оказалась медсестра Джеймс, и знакомство с ней, если можно так выразиться, стало чем-то вроде откровения.

Джанет поведала о своем обращении лечащему врачу; тот удовлетворенно кивнул. Не преминула сообщить и Джорджу, который заглянул к ней после обеда. Муж искренне обрадовался.

Перед тем как уйти из клиники, он выслушал врача.

— Все складывается просто замечательно. Честно говоря, я опасался, что мы имеем дело с ярко выраженным неврозом. Ваша жена и так никогда не отличалась особенно крепким сложением, а работа по дому, которой она себя загружала, серьезно подорвала ее здоровье.

— Увы, — согласился Джордж. — В первые два года после свадьбы я как мог старался ее переубедить, но все заканчивалось ссорами, поэтому я махнул рукой. Я очень рад за Джанет — она наконец-то сообразила, что попала сюда отчасти из-за того, что в доме не было робота, который за ней бы приглядывал.

— Как бы то ни было, дальше так продолжаться не может. Если она снова возьмется за домашнюю работу, то самое большее через пару месяцев снова окажется у нас.

— Не возьмется. Она и впрямь передумала, — уверил Джордж. — Ее прежнее поведение, на мой взгляд, объясняется еще и тем, что до сих пор она не видела ни одного робота новейшей модели. Роботы наших знакомых по крайней мере десятилетней давности. И тот факт, что медсестра Джеймс — робот, причем сверхсовременный, стал для Джанет чем-то вроде шока. Ну да ладно, теперь надо прикинуть, какую модель приобрести домой.

Врач призадумался.

— По правде сказать, мистер Шэнд, вашей жене необходимы продолжительный отдых и постоянная забота. Поэтому я рекомендую приобрести робота той же серии, которую закупила клиника. Это совершенно новая разработка. Высокочувствительный электронный мозг со встро-

енным блоком сочувствия и защиты — весьма, доложу я вам, хитрая штучка. Обычный робот выполняет любой полученный приказ, а машина типа медсестры Джеймс с помощью блока сочувствия оценивает каждый приказ и не подчиняется ему, если решает, что его выполнение причинит вред опекаемому. В клинике они проявили себя с самой лучшей стороны — ухаживают за пациентами, присматривают за детьми... Однако на них сейчас большой спрос, соответственно, стоит такая машина очень дорого.

— Сколько? — поинтересовался Джордж. Когда врач назвал цифру, он нахмурился, затем протянул: — Да... Изрядная получится дыра в семейном бюджете. Правда, наши сбережения состоят в основном из того, что Джанет удалось сэкономить на ведении домашнего хозяйства... А где их продают?

— Нигде, — ответил врач. — Тут есть определенные сложности, но, думаю, я сумею вам помочь. Поговорите с женой, уточните, какого именно робота ей хочется, как он должен выглядеть и все такое, а потом позвоните мне.

— Хорошего, — заявила Джанет. — Я имею в виду, такого, который смотрелся бы как подобает. Не надо нам этих пластиковых идиотов с линзами! Мне нужен робот-служанка, а не пугало!

— Служанка или слуга? — полюбопытствовал Джордж.

— Нет уж. — Джанет покачала головой. — Раз он станет приглядывать за мной, пускай будет служанка. Черное шелковое платье, накрахмаленный белый фартук, шапочка... Блондинка, не слишком яркая, рост пять футов десять дюймов, симпатичная, но не красавица, а то, глядишь, начну ревновать...

Врач продержал Джанет в клинике еще десять дней — пока улаживались возникшие с приобретением робота проблемы. Модель подобрали сразу — кто-то, по счастью, отменил свою заявку, однако потребовалось время, чтобы изменить облик машины в соответствии с пожеланиями Джанет и установить стандартную псевдопамять, которой снабжались все обычные домашние роботы.

Доставили покупку на следующий день после того, как Джанет выписалась из клиники. Двое роботов-грузчиков поставили у дверей большой ящик, затем поинтересовались,

распаковывать или нет. Джанет ответила, что не стоит, и грузчики удалились.

Джордж, вернувшись с работы, хотел было немедленно открыть ящик, но Джанет покачала головой.

— Сначала поужинаем. Робот может и подождать.

Естественно, ужин получился скомканным. Быстро управившись с едой, Джордж собрал тарелки и сложил их горкой в раковине.

— Больше никакого мытья посуды, — довольно заметил он.

Чтобы затащить ящик в дом, пришлось звать соседского робота, да и то Джордж обнаружил, что не в силах поднять свой край и вынужден был пойти за вторым роботом к соседям напротив. Вдвоем роботы без труда справились с заданием: подхватили ящик, словно пушинку, отнесли на кухню и ушли.

Джордж взял отвертку и вывернул шесть больших винтов, которые удерживали крышку. Под крышкой оказались опилки, которые он попросту вывалил на пол.

Джанет было запротестовала, но Джордж с ходу отмел все возражения.

— Ты что, забыла, что убирать их нам не придется?

Под опилками обнаружилась белоснежная внутренняя упаковка. Джордж нетерпеливо сорвал ее, и они увидели робота — как и заказывали, в черном платье с белым фартуком.

Несколько секунд они молча разглядывали машину.

Робот был удивительно похож на человека. Осознав, что это ее робот, Джанет испытала вдруг странное чувство — слегка занервничала и почему-то ощутила себя виноватой...

— Спящая красавица, — заметил Джордж и взял инструкцию, лежавшую у робота на груди.

Вообще-то он преувеличивал. На робота было приятно посмотреть, но не более того — фирма-изготовитель учла пожелания Джанет. Надо отдать им должное, постарались они на славу. Золотистым волосам машины оставалось только завидовать (хотя Джанет понимала, что сделаны они скорей всего из пластика и уложены в прическу раз и навсегда). Кожа — тоже пластиковая — отличалась от настоящей разве что совершенством.

Джанет опустила на колени перед ящиком, протянула руку и осторожно притронулась к лицу с безукоризненно правильными чертами. Какая холодная кожа!

Она переменила позу, присела на корточки, продолжая разглядывать робота. Большая кукла, игрушка, чудесная игрушка из металла, пластика и электронных цепей, игрушка, которую сделали похожей на человека только потому, что людям кажется: роботы должны выглядеть именно так... Признаться, что-то в облике робота невольно вызывает тревогу. Прежде всего про такую машину, хочешь не хочешь, придется говорить «она»; следовательно, потребуются придумать имя, а робот с именем станет еще сильнее походить на человека.

— В моделях с батарейками необходимо менять батарейки раз в четыре дня, — прочел вслух Джордж. — Другие модели, как правило, при необходимости сами подключаются к сети для зарядки. Посмотрим. — Он подхватил робота под мышки и попытался приподнять. — Черт побери! Похоже, раза в три тяжелее меня.

Повторив попытку, Джордж отказался от своей затеи и вернулся к инструкции.

— Выключатель находится на спине, чуть выше талии. Ладно, попробую перевернуть.

Это ему удалось. Робот перекатился на бок, и Джордж принялся расстегивать пуговицы на платье.

— Оставь, я сама, — сказала Джанет, которой вдруг почудилось, что Джордж ведет себя бестактно.

— Как скажешь, — отозвался муж. — В конце концов, эта штуковина — твоя.

— Мы не можем называть ее «штуковиной». Пускай будет Эстер.

— Хорошо, — согласился Джордж.

Джанет расстегнула последнюю пуговицу и пошарила под платьем.

— Не могу ничего найти.

— Наверно, выключатель находится под крышкой.

— О нет! — предположение Джорджа слегка шокировало Джанет.

— Дорогая, ты имеешь дело с роботом, а не с человеком.

— Знаю, — ответила Джанет. Пошарив снова, она обнаружила панель.

— Поворачиваешь ручку на пол-оборота вправо, затем закрываешь крышку, — сообщил Джордж, сверившись с инструкцией.

Джанет сделала так, как он сказал, и вновь присела на корточки.

Робот шевельнулся. Повернул голову. Сел. Встал. Выглядел он точь-в-точь как прислуга из какого-нибудь старого фильма.

— Добрый день, мадам. Добрый день, сэр. Рада вам помочь.

— Спасибо, Эстер, — поблагодарила Джанет, откидываясь на подушку. Вообще-то благодарить робота вовсе не обязательно, однако она полагала, что если не проявлять вежливость по отношению к роботам, скоро перестанешь быть вежливой и с людьми.

И потом, Эстер — не обычный робот. За минувшие четыре месяца она избавилась от наряда прислуги и превратилась в не знающую усталости, заботливую подругу. Джанет с самого начала трудно было поверить, что Эстер — всего-навсего механизм; чем дальше, тем больше робот казался ей обыкновенным человеком. То, что питалась Эстер электричеством, представлялось не более чем причудой. Пускай она иногда ходит кругами, пускай у нее случаются сбои (как в тот раз, когда подвело зрение, из-за чего Эстер на какое-то время перестала правильно определять расстояние); такое может случиться с кем угодно. Вдобавок механик, которого вызвали к Эстер, обращался с ней как доктор с больным человеком. Да, Эстер — подруга, причем гораздо предпочтительнее многих.

— Должно быть, ты считаешь, что я слабенькая и ни на что не гожусь? — спросила Джанет.

— Да, — отозвалась Эстер, от которой можно было ожидать чего угодно, только не уклончивости в ответах. — Я считаю, что все люди без исключения ни на что не годятся. Они устроены так, что их остается лишь пожалеть.

Джанет давным-давно бросила убеждать себя, что подобные ответы связаны с наличием у Эстер блока сочувствия, а также перестала представлять, как работают электронные цепи, формулируя ту или иную фразу. Теперь она принимала слова Эстер так, словно та была иностранкой.

— Наверно, по сравнению с роботами мы и впрямь мало на что способны. Эстер, ты такая сильная! Если бы ты знала, как я тебе завидую...

— Нас сконструировали, — сообщила Эстер, — а вы возникли совершенно случайно. Вам просто не повезло.

— Ты, разумеется, не согласилась бы поменяться со мной местами?

— Конечно, нет. Мы гораздо сильнее, не испытываем потребности в отдыхе и сне, нам не нужно существовать с химическим заводом внутри. Мы не стареем и не выживаем из ума. Люди такие хрупкие и неуклюжие создания! Им постоянно нехорошо оттого, что в организме что-то разладилось. А у нас если что-то и сломается, оно не болит и его легко заменить. Вы же напридумывали всяких слов вроде «боль», «страдание», «муки», «усталость», «несчастье», — слов, которых не понимает никто другой, которые толком ничего не обозначают. Мне очень жаль, что вы относите эти слова к себе и не чувствуете уверенности. Мой блок сочувствия порой даже перегревается.

— Хрупкие и неуклюжие, — повторила Джанет. — Именно такой я себя и ощущаю.

— Люди вынуждены жить осторожно, — продолжала Эстер. — Если мне оторвет руку, через несколько минут у меня появится новая, а если то же самое произойдет с человеком, он долго будет «страдать от боли» и новой конечности не получит — в лучшем случае у него останется обрубок старой. Между тем, создавая роботов, вы научились изготавливать надежные руки и ноги — гораздо крепче, чем ваши собственные. Людям следовало бы как можно скорее заменить свои конечности, но они почему-то упрямятся.

— Ты думаешь, металлические конечности приживутся? Честно говоря, я сомневаюсь. И потом, меня беспокоят не руки и не ноги. Если бы все было так просто... — Джанет вздохнула. — Ты слышала, что сказал сегодня утром доктор? Мне необходимо больше отдыхать. Похоже, он уже не надеется, что я сумею выкарабкаться, и лишь пытается подбодрить. У него был такой странный вид... Что толку жить, если здоровье позволяет только отдыхать? Бедный Джордж!.. Сколько в нем терпения и заботы... Эстер, я жутко устала, я даже готова умереть...

Джанет продолжала говорить, обращаясь скорее к себе, чем к молчаливо внимавшей Эстер. Потом залилась слезами, но быстро успокоилась и подняла голову.

— Эстер, если бы ты была человеком, я бы этого не вынесла. Я бы возненавидела тебя за то, что ты такая здоровая и сильная... Нет, ты добрая и хорошая. Наверно, ты поплакала бы вместе со мной, если бы могла.

— Наверно, — согласилась Эстер. — Мой блок сочувствия...

— Не надо! — воскликнула Джанет. — Не вспоминай о нем. Эстер, я чувствую, что у тебя есть сердце.

— У меня есть то, что гораздо надежнее сердца. — Эстер приблизилась, наклонилась и подхватила Джанет на руки с такой легкостью, словно та ничего не весила. — Вы очень устали. Я отнесу вас наверх, в спальню. Поспите, пока не вернется ваш муж.

Джанет ощущала сквозь платье холодную кожу робота, однако сейчас ее это уже не тревожило. Какие крепкие у Эстер руки!

— О, Эстер, что бы я без тебя делала?! — Помолчав, Джанет мрачно прибавила: — Я знаю, о чем думает доктор. Он считает, что в один прекрасный день я полностью лишусь сил и умру от слабости. Эстер, я не хочу умирать! Не хочу, не хочу...

Робот принялся укачивать ее, будто раскапризничавшегося младенца.

— Успокойтесь, милая Джанет. Все в порядке. Не надо думать о смерти. И плакать тоже не надо. Ведь вы же не хотите, чтобы хозяин застал вас в слезах.

— Не хочу, — подтвердила Джанет.

Продолжая держать ее на руках, Эстер направилась к лестнице на второй этаж.

Робот за стойкой поднял голову.

— Я хотел бы узнать, как моя жена, — сказал Джордж. — Я звонил вам около часа назад.

На лице робота тут же появилось выражение профессионального сочувствия.

— Я помню, мистер Шэнд. Понимаю вас. Вам повезло, что домашний робот так быстро сориентировался и связался с нами.

— Я попробовал найти ее врача, но его не оказалось дома.

— Не волнуйтесь, мистер Шэнд. Вашу жену обследовали; к тому же мы располагаем всеми материалами из клиники, в которой она лежала в прошлый раз. Операция назначена на завтра, однако она, разумеется, не состоится без вашего согласия.

— Я могу повидать врача, который лечит Джанет?

— Сожалею, но его в настоящий момент нет в клинике.

— А операция необходима? — спросил Джордж, помолчав.

Робот утвердительно кивнул:

— Ваша жена слабеет день ото дня, не так ли? Возможны два варианта. Либо вы соглашаетесь на операцию, либо она будет страдать, пока не умрет.

Джордж пристально поглядел на робота.

— Понятно, — проговорил он, взял дрожащей рукой шариковую ручку и подписал бланк, который услужливо пододвинул робот, после чего уставился невидящим взглядом на стол. — Какие... у нее шансы?

— Очень и очень хорошие, — сообщил робот. — Конечно, полностью исключить риск нельзя, однако вероятность успеха в данном случае составляет семьдесят процентов.

Джордж вздохнул:

— Я бы хотел повидать ее.

Робот нажал на кнопку вызова.

— Увидеть вы ее увидите, но постарайтесь не беспокоить. Она спит, и сейчас ей лучше не просыпаться.

Ничего не поделаешь, сказал себе Джордж. Домой он ушел, ободренный улыбкой на лице спящей Джанет.

На следующий день, где-то после полудня, ему на работу позвонили из клиники. Операция прошла успешно. Беспокоиться больше не о чем. Врачи говорят, что теперь все будет в порядке. Нет, посетители к Джанет пока не допускаются. Может быть, через несколько дней. Однако волноваться не стоит, страшное позади.

Рассчитывая, что однажды ему разрешат навестить жену, Джордж звонил в клинику каждый день, однако всякий раз наткнулся на вежливый, но твердый отказ. А на пятый день после операции Джорджу сообщили, что Джанет выписалась и отправилась домой. Он не ожидал ничего подобного, полагая, что восстановительный период растянется на несколько недель. Джордж убежал с работы, купил букет роз и примчался домой, нарушив по дороге с десяток правил уличного движения.

— Где она? — спросил он у открывшей дверь Эстер.

— В постели. Мне кажется, будет лучше, если... — Конца фразы Джордж не расслышал, ибо в мгновение ока взлетел по лестнице.

Джанет лежала в постели, из-под одеяла виднелись лишь голова и перебинтованная шея. Джордж поставил цветы на прикроватную тумбочку, нагнулся и нежно поцеловал жену.

— Джордж, милый, она тебе не сказала? — Во взгляде Джанет читалась тревога.

— Кто и что должен был мне сказать? — Он сел на край кровати.

— Эстер. Она пообещала, что скажет. Джордж, я не собиралась этого делать, даже не думала... Но Эстер настояла. Мне надоело быть слабенькой и несчастной, я захотела стать сильной. Наверно, я до конца не понимала... Эстер...

— Успокойся, милая, успокойся. — Джордж улыбнулся. — О чем ты говоришь? — Он нащупал ее руку под одеялом.

— Джордж... — начала Джанет.

— Какая холодная у тебя рука, — перебил Джордж. — Как будто... — Его пальцы поднялись повыше, глаза изумленно расширились. Он вскочил, сорвал с Джанет одеяло, приложил ей ладонь к груди — а потом отдернул, словно обжегся. — Господи! Нет!

— Милый, я...

— Нет! Нет! — Джордж повернулся и выбежал из спальни.

На площадке царил полумрак. Джордж споткнулся и кубарем покатился вниз по лестнице.

Эстер наклонилась к лежавшему на полу в гостиной Джорджу, осмотрела тело. Количество повреждений и непрочность костяка, который их получил, серьезно подействовали на ее блок сочувствия. Она не стала трогать Джорджа, а подошла к телефону и набрала номер.

— «Скорая»? — Эстер назвала фамилию и адрес хозяев. — Срочный вызов. Судя по всему, времени в обрез. Несколько сложных переломов; вдобавок бедняга, похоже, свернул себе шею. Нет, с головой, кажется, все в порядке. Да, гораздо лучше, иначе он останется инвалидом до конца своих дней. Не забудьте бланк. Все будет в порядке, жена обязательно подпишет.

ДИКИЙ ЦВЕТOK

Только не мисс Фрей — кто угодно, но не Фелисити Фрей! Пусть другие вскакивают от звонка будильника, смыывают с лица паутину сна, быстро одеваются и с нетерпением ждут, когда закипит кофе. Пусть они его пьют, обжигаясь, затем бегут по своим делам, словно роботы на батарейках, чтобы заключать новые сделки и вершить великие дела...

Пусть они это делают, но не Фелисити Фрей. Ведь сегодня — это продолжение вчерашнего дня, а сегодня и вчера составляют то, что называется жизнью. Жить — значит не просто тикать, как стенные часы. Жизнь — это что-то непрерывное, в чем ничто не повторяется, что-то, о чем надо помнить всегда, и во сне и наяву. Ведь она может продлиться совсем недолго...

Вот поэтому-то не надо спешить.

Мисс Фрей и не спешила — она не бросалась очертя голову в новый день, а, проснувшись на заре, лежала неподвижно, слушая пение птиц и наблюдая, как светлеет небо. Когда птицы замолкали и отправлялись на ежедневные поиски пищи, мир становился почти беззвучным, и Фелисити испытывала беспокойство. Затаив дыхание, она ожидала хоть какого-нибудь звука, чтобы убедиться, что все в порядке, что мир еще не прекратил свое существование, как это может случиться однажды.

Возможно, даже сейчас, в эту самую минуту, где-то на земле поднимались к небу столбы дыма, извивающиеся как щупальца Медузы, отмечая собой начало той тишины, которая явилась бы концом мира. Эти столбы всегда присутствовали в подсознании Фелисити, она уже давно ненавидела и боялась их, так как они были для нее символом победившей Науки. Может быть, Наука и являла собой что-то замечательное, но для Фелисити она была врагом всего живого на свете. Она была для нее каким-то кристаллическим образованием на обнаженной коре мозга, чем-то бесчувст-

бесным, бессмысленным и вместе с тем страшной угрозой, которая внушала ей страх так, как огонь внушает страх животным.

Вот почему Фелисити и прислушивалась так тревожно к тишине. Наконец какая-то птичка чирикнула, а другая ей ответила. Во дворе расположенной неподалеку фермы затарахтел трактор. Хотя он тоже был порождением Науки, все же этот звук успокоил мисс Фрей. Она вздохнула с облегчением и начала собираться на работу. Времени у нее было достаточно, чтобы не спеша по полю по тропинке направиться к школе.

Солнце еще висело низко на синем небосводе. День обещал выдаться жарким, но пока было свежо, и хрустальные росы дрожали на листьях и травах. Медлительные и терпеливые коровы, выходящие из своих стойл с облегченным выменем, смотрели на мисс Фрей без особого любопытства, а затем отворачивались, чтобы пощипать траву и задумчиво пережевывать жвачку.

Высоко в небе запел жаворонок, отвлекая ее от своего гнезда. Молодой дрозд подозрительно взглянул на нее с верхушки живой изгороди. Легкий летний ветерок продувал ее ситцевое платье и ласкал тело.

Вдруг в небе послышался слабый гул. Гул нарастал и перешел в рев. Затем над головой Фелисити раздался раздирающий уши вой, исходящий из сопел реактивного самолета — Наука в полете.

Мисс Фрей закрыла уши руками и закачалась, пока звуковые волны проносились над ее головой.

Самолет пролетел, и она отняла руки. Со слезами на глазах Фелисити погрозила кулаком вслед удаляющемуся реактивному зверю и всему, что он собой олицетворял, в то время как воздух все еще продолжал дрожать.

Коровы мирно паслись. Как хорошо, должно быть, родиться коровой — ни тебе ожиданий, ни сожалений, ни тревог, полное безразличие ко всему, хорошему и плохому, созданному человеком; можно просто отмахнуться от всего хвостом, как от надоедливых мух...

Вой самолета затих вдали. Нарушенное спокойствие начало постепенно восстанавливаться. Но это не означало, что не может наступить день, когда потрясений будет так много, что ничего нельзя уже будет восстановить.

«Репетиции смерти, — подумала мисс Фрей, — множество маленьких смертей, прежде чем наступит одна огромная. Как глупо, что я принимаю это так близко к сердцу, что

я чувствую себя виноватой перед всем человечеством... Ведь я не несу никакой ответственности за то, что происходит, — даже не очень-то опасаясь за свою собственную жизнь. Так почему же страх за всех и вся так сильно охватывает меня?»

Фелисити прислушалась — ничто, кроме пения птиц, больше не нарушало тишину. Она снова зашагала к школе, ощущая легкий ветерок на лице и росу на ногах.

Когда Фелисити открыла дверь, класс, гудевший, словно улей, тут же замолк.

Ряды розовощеких детских мордашек в обрамлении длинных локонов, коротких волос или косичек немедленно повернулись в ее сторону.

— Доброе утро, мисс Фрей, — сказали дети хором и снова замолчали.

Фелисити ощутила в классе атмосферу ожидания и огляделась по сторонам, ища глазами то, на что, по-видимому, она должна была обратить внимание. Наконец взгляд ее упал на учительский стол, где в небольшой стеклянной вазочке стоял одинокий цветок.

Она никогда раньше не видала таких цветов и была в затруднении, как его классифицировать.

Не сводя с цветка глаз, Фелисити села за стол, продолжая внимательно рассматривать диковинное растение. Цветок был не так прост, как полевые цветы, однако и не слишком сложен. Он был окрашен в чистые тона, а форма лепестков была приятной для глаз, но без излишней строгости выращенных садовником цветов. У основания лепестки были бледно-розового цвета, постепенно переходящего в алый; по форме они образовывали трубочку, чем несколько напоминали орхидею, но Фелисити никогда не видала подобных орхидей.

Нагнувшись, она заглянула внутрь цветка. Маленькие серповидные тычинки, покрытые пылью, дрожали на тонких зеленых ножках. Внутренняя сторона лепестков была нежно-бархатистой, а сами лепестки закруглялись к краям, словно былинки, колышающиеся на ветру.

От цветка исходил приятный, несколько сладковатый запах, чуть-чуть смешанный с запахом земли, — никакая парфюмерия, конечно, не могла бы сравниться с этим естественным ароматом.

Фелисити смотрела на цветок, как зачарованная, не имея сил оторвать от него взгляд и позабыв, что вокруг нее были

замершие в ожидании дети. Кто-то из них заерзал, и учительница вернулась к действительности

— Спасибо, — сказала она, — это прекрасный цветок. Как он называется?

Было похоже, что никто не знал.

— А кто его принес?

Маленькая девочка, сидевшая во втором ряду, слегка покраснела и сказала:

— Я, мисс Фрей.

— А ты не знаешь, что это такое, Мариель?

— Нет, мисс Фрей. Я просто нашла его, подумала, что он очень красивый и должен вам понравиться, — объяснила девочка, немного смущаясь.

Фелисити снова взглянула на цветок.

— Он мне очень нравится, Мариель, это просто восхитительный цветок! Как мило, что ты решила подарить его мне!

Полюбовавшись цветком еще минуту, мисс Фрей осторожно отодвинула вазочку с середины стола и взглянула на детей.

— Как-нибудь я почитаю вам стихи Уильяма Блейка. Там есть такие строки: «Увидеть мир в зерне песка и небо — в чашечке цветка...» Теперь вернемся к нашим занятиям, а то мы и так потратили много времени.

Когда дети выходили из класса после уроков, мисс Фрей попросила Мариель задержаться на минутку.

— Еще раз спасибо за цветок, — сказала она. — Он что — единственный там, где ты его нашла?

— О нет, мисс Фрей, их там было три или четыре кустика.

— А где это было? Мне бы хотелось иметь один с корнями.

— Я нашла эти цветы на ферме мистера Хоукинса, в том конце поля, где разбился самолет, — сказала девочка.

— Где разбился самолет... — повторила Фелисити.

— Да, мисс Фрей.

Фелисити снова опустилась на стул и уставилась на цветок. Девочка ждала, переминаясь с ноги на ногу

— Можно мне идти? — спросила она наконец.

— Да-да, конечно, — ответила мисс Фрей, не поднимая глаз.

Девочка убежала.

Самолет разбился около года назад, тихим летним вечером, когда и люди, и природа готовились ко сну

Самолет нарушил тишину своим воем. Он казался крестиком из серебряной фольги на фоне светлого неба. Фелисити, вопреки своей привычке не обращать на самолеты внимания, подняла голову и посмотрела на аэроплан. Вне всякого сомнения, он был красив, похожий на серебристую ночную бабочку. Он повернулся в небе, и лучи заходящего солнца засверкали на его крыльях. Затем внезапно среди серебра вспыхнуло розово-алое пламя, и серебристая бабочка перестала существовать. Обломки блестящей фольги разлетались в разные стороны и падали на землю. За самым большим обломком, словно черный похоронный шлейф, тянулся дым.

Ужасный треск оглушил Фелисити. Казалось, что обломок падает прямо на нее. Она бросилась ничком на землю, закрыв голову и уши руками, невольно желая, чтобы земля поглотила ее.

Почва под Фелисити заколыхалась, затем послышался удар и скрежет металла. Она подняла голову и увидела всего в ста ярдах от себя исковерканное серебристое тело воздушного корабля, окруженное пляшущими языками пламени... Фелисити снова уткнулась лицом в землю. Она не смела пошевелиться, так как с минуты на минуту ожидала взрыва и боялась, что металлические осколки вопьются в тело. Она продолжала лежать, пока, наконец, не подошли спасатели и подобрали ее.

Шок, сказали они, шок и страх. Они оказали ей первую помощь и отправили домой, велев провести в постели несколько дней, чтобы успокоиться и прийти в себя. Но как можно было успокоиться, когда все, что произошло, продолжало вертеться у нее в голове! Она оплакивала разрушения, причиненные огнем и дымом, вспоминала грохот и переполох, оплакивала людей, погибших в катастрофе, и всю глупость и бессмысленность мира, который допускал такие вещи и будет продолжать делать это до тех пор, пока две последние критические массы не столкнутся в смертельной схватке.

«О Боже, — молилась она, — неужели Ты не можешь их остановить? Ведь этот мир принадлежит не только им, чтобы делать с ним, что они хотят. Это и Твой мир, и мой — мир души, который они разрушают своим мозгом. Прошу Тебя, Боже, пока еще есть время, уйми их, как Ты это сделал, разрушив их самоуверенность при возведении Вавилонской башни. Неужели Ты не в состоянии сделать это снова, пока еще не поздно?»

Сейчас, глядя на прекрасный цветок на учительском столе, Фелисити вспомнила, как она молилась тогда, после катастрофы.

Место, где разбился самолет, окружили забором и поставили у него часовых, чтобы никто не подходил близко. Затем люди в защитной одежде ползали по участку со счетчиками в руках, прислушиваясь к чему-то и разыскивая что-то.

Все дело в кобальте, говорили они. Фелисити очень удивлялась, что эта красивая краска, употребляемая художниками для изображения глубокой синевы моря, могла быть опасной; но, как оказалось, это был другой кобальт, очень вредный. Значит, ученые испортили и его...

Мисс Симпсон, которая преподавала в школе физику и природоведение, объяснила Фелисити, что он не всегда смертелен — все зависит от дозы. На борту разбившегося самолета, оказывается, находилась свинцовая коробка с радиоактивным кобальтом, предназначенным для какой-то больницы. Во время крушения или во время первого взрыва коробка раскрылась. Это было чрезвычайно опасно, и поэтому кобальт необходимо найти.

— Почему опасно? — спросила Фелисити, и мисс Симпсон популярно объяснила ей, как действуют гамма-лучи на живую материю.

Прошло несколько недель, прежде чем искатели ушли удовлетворенные. Они не обнаружили следов радиоактивного кобальта, часовых сняли, но забор вокруг злополучного места все же остался — просто как обозначение границы участка, который не следовало вспахивать в тот год.

И вот из грохота, из разрушения, из огня и радиации родился прекрасный цветок.

Фелисити продолжала смотреть на него. Затем подняла глаза на опустевшие парты, где недавно сидели розово-щекие дети.

— Теперь я понимаю, — сказала она в пустоту. — Оказывается, я была слишком слаба в Вере.

Мисс Фрей не очень-то хотелось идти на место аварии одной. Поэтому она попросила Мариель сопровождать ее в субботу и точно указать место, где росли диковинные цветы.

Когда они пересекли луг и подошли к участку поля, огороженному забором, который уже повалился в некото-

рых местах, то увидели на участке мужчину, одетого в рубашку и джинсы; он как раз снимал с плеча тяжелый металлический цилиндр. Фелисити узнала в нем младшего сына фермера, хозяина поля.

— Нелегкая работенка таскать на себе три галлона гербицида в такую жару, — сказал он извиняющимся тоном, вытирая платком пот с лица.

Фелисити посмотрела на землю. Среди разных сорняков она увидела несколько кустиков того растения. Один из них был уже раздавлен металлическим цилиндром.

— Ой, — воскликнула Мариель, — вы уничтожили эти цветы, а мы как раз и пришли за ними...

— Пожалуйста, соберите их, я не возражаю, — ответил парень.

— Но мы хотим выкопать их с корнями, чтобы потом посадить в саду, — чуть не плача объяснила девочка. — Ведь они такие красивые!

— Это точно, — согласился парень, — только вы опоздали, я их уже опрыскал. Нельзя же было допустить, чтобы они разрослись и засорили поле! Но вы можете набрать букет — этот гербицид не ядовитый, он состоит из каких-то гормонов, которые не позволяют растениям развиваться, и они гибнут. Удивительные вещи придумывают теперь ученые, верно? Никогда не знаешь, что им придет в голову!

Мисс Фрей и Мариель собрали по небольшому букетику обреченных цветов. Они все еще были восхитительны и не утратили свой тонкий аромат.

— Какие они красивые, — повторила Мариель с грустью в голосе.

Фелисити обняла ее за плечи.

— Да, они очень красивые, и они погибли. Но главное — это то, что они появились. Это замечательно! Значит, они будут расти — если не здесь, на этой опаленной земле, то где-нибудь еще. Природа возьмет свое!

Реактивный самолет пронесся с воем над их головами, разрывая воздух. Мариель закрыла уши руками. Фелисити же стояла, подняв кверху голову, и смотрела, как самолет удаляется, становясь все меньше и меньше на фоне потревоженного неба. Она подняла руку с букетиком цветов и погрозила им нарушителю спокойствия.

— Вот мой ответ вам, бандиты, — это сильнее вас, со всеми вашими взрывами и клубами дыма!

Мариель отняла руки от ушей.

— Я их ненавижу, ненавижу! — воскликнула девочка, провожая глазами серебристую точку в небе.

— Я тоже их ненавижу, — согласилась мисс Фрей, — но я их больше не боюсь, потому что верю в силу Природы: эти цветы — доказательство тому. Они мое оружие в борьбе со злом, мой эликсир жизни. Как сказал поэт:

Это вино из цветов, сердцу милых,
Оно обладает целебною силой.

Содержание

Чокки , роман, <i>пер. Н. Трауберга</i>	5
Паутина , роман, <i>пер. Л. Михайловой</i>	97
 Семена времени	
Хроноклазм, <i>пер. Э. Медниковой</i>	227
Усталый путник, отдохни, <i>пер. К. Королева</i>	249
Метеор, <i>пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	263
Выживание, <i>пер. С. Славгородского</i>	283
Видеорама Пооли, <i>пер. Р. Померанцевой</i>	309
Другое «я», <i>пер. Р. Померанцевой</i>	331
Из огня да в полымя, <i>пер. К. Королева</i>	348
Тупая марсияшка, <i>пер. К. Королева</i>	374
Блок сочувствия, <i>пер. К. Королева</i>	397
Дикий цветок, <i>пер. М. Бирмана</i>	407

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Собрание фантастических произведений в 5 томах

Том четвертый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *Т. Пикович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *А. Хиршфелде, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:

И. Леонтьев

Оформление шмуцтитиулов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 17.10.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 15000 экз.

Заказ № 1152. С 134.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

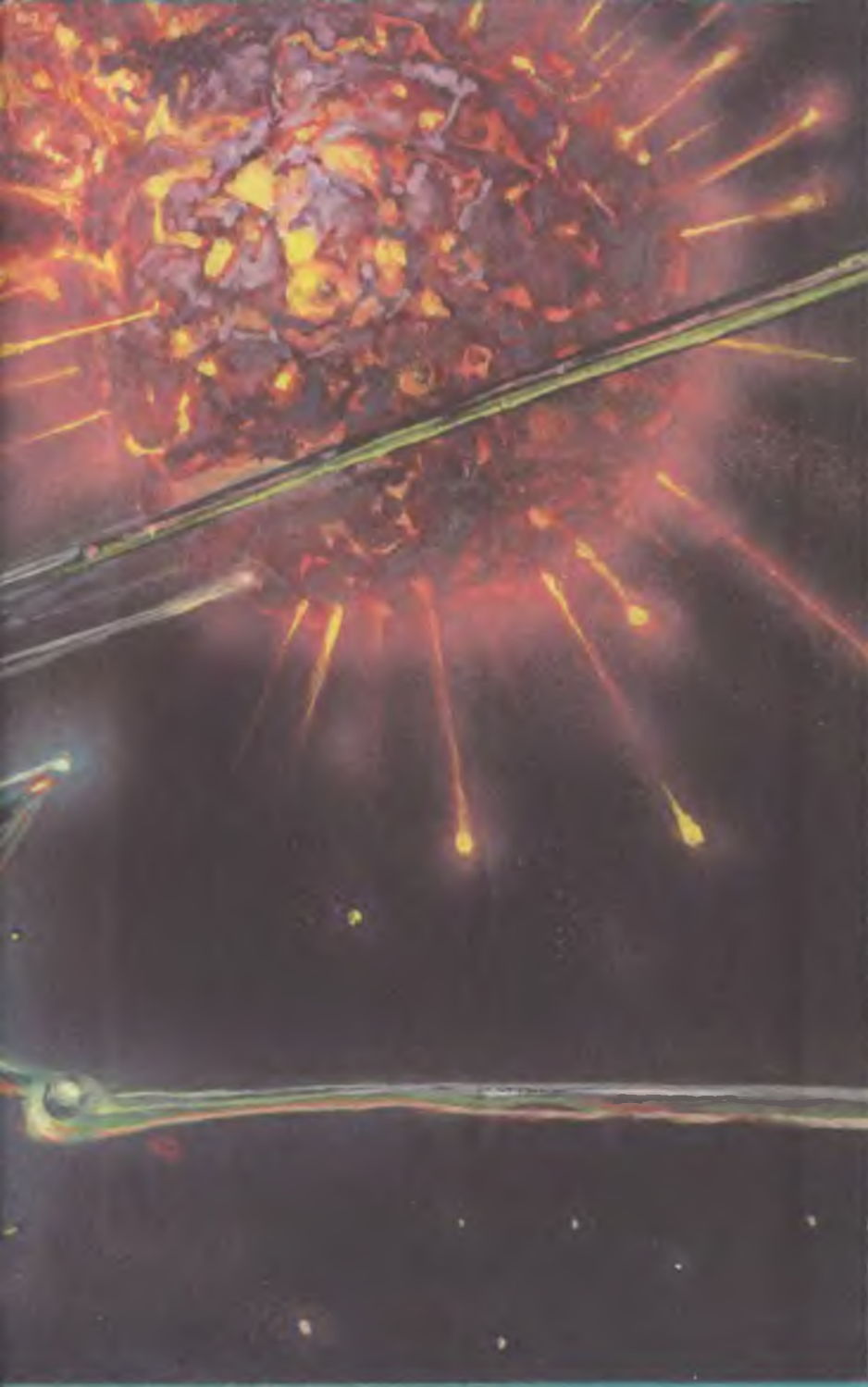
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Чокки

Дети часто придумывают себе воображаемых товарищей по играм. Только взрослые не всегда понимают, что невидимый друг — отнюдь не игра фантазии...

Паутина

Иногда мелочи хватает, чтобы погубить великое начинание. Вот и попытку эксцентричного миллионера создать утопию на острове в Тихом океане сорвали... паучки.

Семена времени

Время, рвущееся как истлевшая ткань... сострадание машины... дискриминация марсиан... беспримерное действие пошлости и многое другое в сборнике блистательных рассказов Джона Уиндема.

